

ISSN 2077-1770

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Modern Studies of Social Issues

WWW.SOC-JOURNAL.RU

Том 12, № 4
2020

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Периодическое научное издание

Основано в 2009 г.

Том 12, № 4, 2020

Главный редактор – **Т.А. Магсумов**

Зам. главного редактора – **Н.П. Копцева, И.В. Корнилова, Ф.Х. Тарасова**

Шеф-редактор – **Максимов Я.А.**

Выпускающие редакторы – **Доценко Д.В., Максимова Н.А.**

Корректор – **Зливко С.Д.**

Компьютерная верстка, дизайн – **Орлов Р.В.**

Технический редактор, администратор сайта – **Бяков Ю.В.**

MODERN STUDIES OF SOCIAL ISSUES

Printed Scientific Periodical Edition

Founded in 2009

Volume 12, Number 4, 2020

Editor-in-Chief – **T.A. Magsumov**

Deputy Editors – **N.P. Koptseva, I.V. Kornilova, F.H. Tarasova**

Chief Editor – **Ya.A. Maksimov**

Managing Editors – **D.V. Dotsenko, N.A. Maksimova**

Language Editor – **S.D. Zlivko**

Design and Layout – **R.V. Orlov**

Support Contact – **Yu.V. Byakov**

Красноярск, 2020

Научно-Инновационный Центр

Кrasnoyarsk, 2020

Science and Innovation Center Publishing House

12+

Современные исследования социальных проблем, Том 12, № 4, 2020, 384 с.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010) и Международным центром ISSN (ISSN 2077-1770).

Журнал выходит четыре раза в год

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в Научной электронной библиотеке в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). ИФ РИНЦ 2016 = 0,601.

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Подписной индекс в каталогах «Пресса России» – 94088, «СИБ-Пресса» – 94088

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Science and Innovation Center Publishing House

Modern Studies of Social Issues, Volume 12, Number 4, 2020, 384 p.

The edition is registered (certificate of registry PE № FS 77-39176) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2077-1770).

The journal is published 4 times per year

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI). IF RSCI 2016 = 0,601.

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Subscription index in the General catalog «The Russian Press» – 94088,

«SIB-Press» – 94088

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2020

Члены редакционной коллегии

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Абрамов Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав. кафедрой межкультурных коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратов-

ский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института масс-медиа, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение

науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИИГТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мацневский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Минченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБУН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государствен-

ное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская орден Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Темирболат Алуа Берикбайкызы – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой казахской литературы и теории литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Хошимова Хуршеда Абдумановна – кандидат филологических наук, научный секретарь, Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

Шалекенов Мурат Уахитович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнологии и музеелогии, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия» (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Valery P. Abramov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Honored Scientist of the Russian Federation, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI “Higher school of social relationships” (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavrisheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “Foreign Languages and Professional Communication”, Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department

of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Aleksey A. Gaponenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Literary Criticism, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dmitry V. Dotsenko – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Assistant Professor of the Department of Foreign and Russian Languages, The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg state university of communication (St. Petersburg, Russian Federation)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Irina Yu. Ivanyushina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair “World Languages and Cultures”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkin – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution “Kirov Regional Museum of Local Lore”, Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions “Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen” (Kirov, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of History, Professor of the Department of History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Alua B. Temirbolat – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Khurshida A. Khoshimova – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Scientific Secretary, Institute of Language and Literature named after Rudaki of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Murat U. Shalekenov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Archeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LANGUAGE STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-4-14-26

UDC 1751

LEXICAL-SEMANTIC GROUPS ‘MOUNTAIN’ AND ‘SKY’ IN CHINESE POETRY AND THEIR ENGLISH AND RUSSIAN TRANSLATIONS (BASED ON MAO ZEDON’S POETRY)

Bolshakova V.R.

This article is devoted to the analysis of lexical-semantic groups “sky” and “mountain” in English, Russian and Chinese and aims to identify the way different nationalities perceive these lexical-semantic groups. The relevance of the article is determined by the importance of methodological and practical aspects of the study of linguistic meaning in poetry.

While writing the article, the following methods of study were used: a complex methodology of linguistic research, including methods of the component, contextual, transformational analysis and the deductive-inductive method of analysis.

The methodological and theoretical basis of the study is a comparative method based on numerous theoretical works of foreign and national scientists. While writing the article, the following results were revealed:

1. As the meaning of the studied Chinese lexemes is much narrower than their equivalents in English and Russian, the words with wider meanings were used in the translations.

2. The definitions of the studied English words contain a large number of differential semes. In English, the definition of a phenomenon may also contain a scientific explanation.

3. The studied Russian words have a rather narrow meaning; the definitions contain fewer differential semes compared to the correspondent English lexemes.

4. As a rule, Chinese definitions consist of an archiseme and one differential seme. The Chinese analyzed words have the narrowest meanings.

The conducted research has shown lexical-semantic group influences a lot the formation of linguistic world image of people speaking different languages.

Keywords: lexical-semantic group; translation; lexical-semantic field; seme.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ «ГОРА» И «НЕБО» В КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ И ЕЕ ПЕРЕВОДАХ НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (НА ОСНОВЕ ПОЭЗИИ МАО ЦЗЭДУНА)

Большакова В.Р.

Данная статья посвящена анализу лексико-семантических групп «небо» и «гора» в английском, русском и китайском языках. Целью работы является выявление различий в восприятии разных национальностей данных лексико-семантических групп. Актуальность статьи определяется важностью методологических и практических аспектов изучения лингвистического значения в поэзии. При написании статьи использовались следующие методы научного исследования: комплексная методология лингвистического исследования, включающая методы компонентного, контекстного, трансформационного и дедуктивно-индуктивного анализа. Методологической и теоретической основой исследования является сравнительный метод, основанный на многочисленных теоретических работах зарубежных и отечественных ученых. По результатам проведенного исследования было выявлено следующее:

1. Т.к. значение исследованных китайских лексем намного уже их эквивалентов на английском и русском, в переводах использовались слова с более широкими значениями.

2. Дефиниции исследованных английских слов содержат большое количество дифференциальных сем. В английском языке определение того или иного явления часто также содержит научное пояснение.

3. *Исследованные русские лексемы имеют довольно узкое значение, их определения содержат дифференциальные семы, количество которых значительно меньше, чем у соответствующих английских лексем.*

4. *Китайский язык наиболее точный. Как правило, дефиниция состоит из архисемы и одной дифференциальной семой. Рассмотренные слова имеют максимально узкие значения.*

Проведенное исследование показало, что лексико-семантические группы оказывают непосредственное влияние на формирование восприятия мира людьми, говорящими на разных языках.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа; перевод; лексико-семантическое поле; сема.

Introduction

In modern linguistics, significant attention is paid to the study of the compatibility of the linguistic unit to their characteristics. Specific importance is the study of semantic fields and lexical-semantic groups. As different nationalities perceive the world around them differently it is essential to understand the linguistic component of their perception. As human development is inextricably linked with nature and natural phenomena, lexical-semantic groups of “sky” and “mountain” are highly interesting to analyze. The article aims to identify the way different nationalities perceive lexical-semantic groups “sky” and “mountain”. **The relevance** of the article is determined by the importance of methodological and practical aspects of the study of linguistic meaning in poetry. **The material of the study** is Mao Zedong’s poetry.

In the last century, the Russian semasiologist M.M. Pokrovsky drew attention to the fact that words and their meanings are not isolated from each other, they are united into various groups in our soul, independently of our consciousness [9, p. 35].

The entire vocabulary of a language can be seen as a system of contiguous, and sometimes intersecting lexical-semantic groups. A polysemantic word can be included simultaneously in various lexical-semantic groups.

E.V. Kuznetsova believes lexical-semantic group to be a class of words of one part of speech, where the meaning of words contains a sufficiently common integral semantic component (or components) and typical refinement (differential) components; these words are also characterized by a high pattern of compatibility, wide development functional equivalence and regular polysemy [5, p. 11].

The lexical-semantic group has a field structure. The presence of a nucleus (center) part and a periphery (near and far) part are its typical structural and semantic features. The nucleus part, which forms the center of lexical-semantic groups, includes stylistically neutral words with the most common meanings. The periphery of lexical-semantic groups is lexical units with the largest number of differential semes. It can be special words (terms) or words with a connotative element of meaning [2, p. 44].

The words are combined into lexical-semantic fields or lexical-semantic groups based on a common seme, i.e. based on a value component that is inherited in each lexical unit in a group. Sometimes a category-word can be found that corresponds to a seme, which makes it possible to combine words in one lexical-semantic group. For example: “mountain”: hill, peak, bluff, cliff, etc.

The lexical-semantic group is a part of a larger phenomenon lexical-semantic field. For example, the lexical-semantic group “mountain” (which consists of the nexus word “mountain” and periphery words such as “peak”, “hill”, etc.) is a part of the lexical-semantic semantic field “nature” (that is also formed by other lexical-semantic groups such as “mountain”, “sky”, “water”, etc.)

The words within one lexical-semantic group can be synonyms, but, as a rule, not all the words of one lexical-semantic group may turn out to be synonyms for each other [3, p. 280].

Lexical-semantic groups “sky” and “mountain” are the components of the lexical-semantic field “nature”, which can be referred to as language universals, which are the nucleus of every national language world image.

In the English language, the word “mountain” is a nucleus part of the lexical-semantic group “mountain”. “Mountain” means a raised part

of the earth's surface, much larger than a hill, the top of which might be covered with snow [14]. Mountains! I whip my swift horse, glued to my saddle... (Three Short Poems) [15]. Pointing to our mountains and rivers... (Changsha) [15].

The meaning of the phenomenon “mountain” is also revealed by means of using a periphery word “hill” in the English language. Hill is a naturally raised area of land, not as high or craggy as a mountain [14]. The word “hill” can be found in the following examples of Mao Zedong's poems: Below the hills fly our flags and banners... (Chingkangshan) [15]. Crossing these blue hills adds nothing to one's years... (Huichang) [15].

There is also one more periphery word in the English language that reflects the meaning of the word “mountain”, i.e. “peak”. The Cambridge Dictionary defines the word “peak” as the pointed top of a mountain, or the mountain itself [14]. Here are some examples: Mist veils Lungkang, its thousand peaks blurred... (Against the first “encirclement” campaign) [15]. Straight from the walls of Huichang lofty peaks, Range after range extends to the eastern seas... (Huichang) [15].

The study of English words that form the lexical-semantic group “mountain” has revealed the semantic component “elevation” (which was literally used in the definition or conditioned by the use of the word “mountain”). It is a common, integral component for this group of words (archiseme). The seme “elevation” is specified by means of using the differential semes “size,” “snow,” “part of the mountain,” “surface description”.

In the Russian language, according to the Ozhegov dictionary, the nucleus word “гора” (mountain) means a significant elevation rising above the surrounding territory [12]. The definition contains archiseme “elevation”. Here are some examples with the literal translation: Горы! Я в седле, плеть в руке, скакуна ноги скоры... (Three Short Poems) [11]. Вижу горы и рощи в наряде багряном... (Changsha) [11].

Thus, it can be pointed out that the English variant contains such information as elevation, the presence of snow and seize, while the Russian variant includes only some information about elevation.

The periphery word “вершина” in the poem *Dabody* also conveys the meaning of the word “mountain.” The Ushakov dictionary defines

“вершина” as “the top of a mountain”. The definition contains archiseme “elevation”, which is specified by the differential seme “part of the mountain” [13]. За вершиной вершина Встает вдалеке ... (Dabody) [11].

As it can be seen, the Russian word “вершина” has a similar meaning with the English word “peak”; however, “peak” can also be a mountain itself, that is why we may conclude the meaning of the word “peak” is wider.

The third word that reveals the meaning of the word “mountain” in Russian is “пик” (a sharp top of a mountain with very steep slopes [12]). In this case, archiseme is concretized by the differential semes “part of the mountain”, “slope description” and “top description”. Пик вознесся над Люпаньшанем... (Lupashan) [11].

As we can see, the meaning of the Russian word “пик” is a bit similar to the English variant of the word “peak”, but it is not the same. While “peak” is “the pointed top of a mountain, or the mountain itself” [14], “пик” is just the top of a mountain (just a part of it). At the same time, the word “peak” does not include such semes as “slope description” and “top description”, while the Russian variant does.

The original text written by Mao Zedong has also a great variety of words connected with the phenomenon “mountain”. The nucleus word is “山”, which means “a rising part of a ground” [17]. For example, 看万山红遍 (Changsha) [18]. 钟山风雨起苍黄... (People’s liberation army occupies Nanjing) [18].

The meaning of the word “山” is almost the same to the Russian word “гора” but differs a lot from the English word “mountain”, as the meaning of the Chinese variant does not contain differential semes, such as “snow” and “seize” that can be found in the English variant.

Another word revealing information connected with “mountain”, which was found in the original text of Mao Zedong’s poetry, is “山头”. According to the ZDK Dictionary, “山头” is the top of a hill [17]. For example, 山下旌旗在望, 山头鼓角相闻... (Jinggangshan) [18]. 白云山头云欲立... (Ant-second round) [18].

“山头” and “вершина” indicate a part of a mountain, namely, the top of it, while “peak” also can be the mountain itself. However, there is some information about the slopes of a mountain in the definition of

the word “вершина”, which makes the word more concretized than the Chinese variant.

The meaning of the word “mountain” is also revealed through using a periphery word “山峰” in the Chinese language. The ZDK Dictionary defines “山峰” as “a mountain spire.” [17] In this case, archiseme is specified by the differential seme “top description”. 六盘山上高峰, 红旗漫卷西风...(Lupashan) [18].

The word “山峰” has the English equivalent “peak” and the Russian equivalent “пик”. When comparing the words, it was found out there is one common seme in “山峰”, “peak” and “пик”, i.e. “part of a mountain” (the top of it in the Chinese and Russian variants, and the top or the mountain itself in the English variant). The English word “peak” does not contain any other semes, while “山峰” and “пик” do. For example, the differential seme “top description” is found in both Russian and Chinese variants, while the seme “slope description” is present only in the word “пик”.

As we have already noticed, lexical-semantic groups of the phenomenon “mountain” in both Russian and English are similar, however, they are not identical. Lexical-semantic groups in both languages are formed by words that do not only specify the meaning, but also describe mountains by supplying additional information. It means that in most of the cases archiseme is highly specified by the differential semes. It is especially prevalent in the nucleus part of the lexical-semantic group “mountain”. Chinese lexical-semantic group of the phenomenon “mountain” is formed by words that also specify the meaning, but most of the time do not describe mountains but indicate a particular detail, which means the definitions do not include several differential semes.

Lexical-semantic group “sky” is represented by two words in English translations of Mao Zedong’s poems. The nucleus word is “sky”. The Oxford Dictionary defines “sky” as “the region of the atmosphere and outer space seen from the earth” [16]. Here are the examples of the usage of the word “sky” from the translations of Mao Zedong’s poetry: Who is dancing with these rainbow colors in the sky? (Dabodi) [15]. The skies would fall... (Three short poems) [15]. Forests blaze red beneath the frosty sky [15].

Moreover, the meaning of the word “sky” is also revealed by means of using the word “heaven” in the English language. According to the Oxford Dictionary “heaven” is a place regarded in various religions as the abode of God (or the gods) and the angels, and of the good after death, often traditionally depicted as being above the sky [16]. Could I but draw my sword overtopping heaven, I’d leave you in three... (Kunlun) [15]. Vying with heaven in stature... (Snow) [15].

The study of English words that form the lexical-semantic group “sky” has revealed “space” as an archiseme. The differential semes are “above the sky”, “spiritual”, “gases surrounding the earth” and “visible”. Whereby, when it comes to the word “heaven”, differential semes overshadow the meaning of the archiseme. The meaning of the word “heaven” influences a lot the perception of the phenomenon “sky” in the English language since the meaning of the word “heaven” includes religious constituents. That is why English speakers start to typify the phenomenon “sky” with something godly. And the first meaning of “sky” (the region of the atmosphere and outer space seen from the earth [16]) comes to the fore.

In the Russian language, “небо” is the equivalent to the English word “sky”. According to the Ozhegov dictionary, the word “небо” means “all the visible space above the Earth” [12]. In this case, “space” is seen as the archiseme, while “above the Earth” is used as the differential seme. Как бы так упереться мне в небо спиной... (Kunlun) [11]. Соревнуются с небом самим высотой... (Snow) [11]. Небо падало вниз... (Three short poems) [11].

When comparing the words “sky” and “небо”, it has been found out there is one common archiseme “space” in both cases; however, once when we start to analyze differential semes, then differences appear. Concerning the word “sky”, differential semes “gases surrounding the earth” and “visible” indicate the phenomenon description from the physical (scientific) point of view; whereas, the Russian word “небо” lacks such information but generally specifies the phenomenon by means of using the differential seme “above the earth”. The existence of differential semes indicating scientific description makes the word

highly specified, which restricts the number of situations where the word can be used. The English variant unites scientific characteristics with general perception, while the Russian definition reveals the concept in general. This way, the Russian language is more similar to Chinese than English, since its definitions reveal only one concept in one definition.

The meaning “sky” is also revealed by means of using the word “небосвод”. According to the Ushakov Dictionary “небосвод” means “visible sky” [12]. Прочертив небосвод, встал могучий Куньлунь... (Kunlun) [11].

As we can see, “небосвод” has nothing common with the English word “heaven”, but it is a bit similar to the word “sky”. Since the meaning of the word «небосвод» is almost identical to the meaning of the word “небо” (all the visible space above the Earth), the part “above the Earth” was just replaced with “sky”.

The original texts which were written by Mao Zedong also have some words connected with the phenomenon “sky”.

The first word found in the original texts of Mao Zedong’s poetry is “天”, which means “a huge space around the earth” [17]. Here are some examples: 天高云淡... (Liupashan) [18]. 山, 刺破青天锷未残。天欲堕, 赖以拄其间... (Three short poems) [20]. 安得倚天抽宝剑, 把汝裁为三截? (Kunlun) [18].

The meaning of the word “天” is very similar to the meanings of the Russian words “небо” and “небосвод”. “Sky” is seen as a huge vast space extending into the infinity in these definitions. In both languages the archiseme is “space”. However, the words are concretized to the same extent, but slightly in different directions, namely, the phenomenon “sky” in the Russian language is regarded as space extending “above”, while in the Chinese variant “space” extends “around the Earth”. Unlike English, Russian and Chinese definitions reveal the concept in general without adding any physical (scientific) characteristics as the differential seme “gases surrounding the earth” provides.

The meaning of the word “sky” is also revealed through using a periphery word “霄” in the Chinese language. The ZDK Dictionary defines

“霄” as “a visible place upper the soil and as the monastery of spirits” [17]. The archiseme is “space”, differential semes are “visible”, “above the Earth”, “spiritual”. 杨柳轻扬直上重霄... (Dalishuyi) [18].

The Chinese word “霄” has the meaning similar to the English word “heaven”. Both definitions describe “sky” as a religious or spiritual place, containing the differential seme “spiritual”. However, the frequency of words usage with this meaning is different in the English and Chinese languages. The meaning of the phenomenon “sky” is mostly revealed through using the word “heaven” in English, while only one example with the use of the word “霄” was found in the original texts. This way, we may conclude Chinese speakers’ perception of the phenomenon “sky” is closer to Russian speakers’ perception, where the phenomenon is depicted as a huge vast space extending into the infinity, rather than to English speakers’, where the phenomenon is mostly understood by the periphery word “heaven” described by the seme “spiritual”.

The usage of words related to nature in Russian, Chinese and English surely differs a lot in each of the languages. The meanings of English words contain a huge number of differential semes within one meaning. Definitions are specific, but at the same time, they indicate a wide specter of information. Moreover, scientific description in the English definitions is also a specific characteristic that forms people’s perception. The meaning of a dominant-meaning word (a nuclear word) can be replaced by a minor-meaning word (a periphery word), it is mostly due to the fact that the phenomenon is highly described within one word in the English Language, that can restrict the number of situations in which a word can be used (as in the example with the nucleus word “sky” the use of which is replaced by the periphery word “heaven”).

The Russian variants are rather narrow in meaning in comparison with the English ones, the definitions still contain more than one differential seme, but their number is not so huge as in English. That is why a word with a dominant-meaning (a nuclear word) cannot be replaced by a word with a minor-meaning (a periphery word). There is a stratification of meanings within one phenomenon that lets the language specify the meaning of one particular word.

The Chinese language is the strictest one. As a rule, Chinese definitions consist of an archiseme and a sole differential seme. That is why, the analyzed words have the narrowest meanings.

The analysis of the usage of the words of the same lexical-semantic groups in English, Russian and Chinese have proved their semantic structure differs radically from each other, which explains why people speaking different languages do not perceive the world around them through the same prism of consciousness; the language they speak forms their way of thinking.

References

1. Weisgerber Y.L. *Rodnoy yazik i formirovanie dyha* [Native language and spirit formation]. Moscow: Libricom, 2009. 232 p.
2. Vasiliev L.M. *Sovremenyia lingvistikheskya semantica* [Modern linguistic semantics]. Moscow: Libricom, 2015. 192 p.
3. Verdieva Z.N. *Semanticheskie polya v sovremennom angliiskom yazuke* [Semantic fields in modern English]. Moscow: Nauka, 1981. 315 p.
4. Karaulova Y.N. *Russkii yazuk i yazikovaya lichnost`* [The Russian language and language personality]. Moscow: Stereotip, 2019. 264 p.
5. Kuznetsov A.M. *Strukturno semanticheskie parametri v leksike* [Structural and semantic parameters in vocabulary]. Moscow: Nauka, 1980. 160 p.
6. Kirkaeva G.N. *Strukturnie osobennosti ponyatii "semanticheskoe polye" i "leksiko semanticheskoe polye"* [Structural features of the concepts "semantic field" and "lexical-semantic field"]. Nauka, novye tehnologii i innivacii Kyrgyzstana. 2017, no 12, pp. 176–178.
7. Maslova V.A. *Vvedenie v kognitivnuy lingvistiku* [Introduction to cognitive linguistics]. Moscow: Nauka, 2007. 296 p.
8. Popova Z.D., Sternin I.A. *Obschee yazikoznanye* [General linguistics]. Voronezh: Globus, 2002. 295 p.
9. Tsobenko O.V. *Leksiko semanticheskoe polye "yuvelirnie prikrasi" v angliiskii movi* [The structure of the lexical-semantic field "jewelry" in the English language]. Zapiski z romano german`skoi filologii. 2014, no 1, pp. 192–197.
10. Blyzniuk K.R. American patriotism: the specifics of verbalization in the form of the lexical-semantic field. European journal of literature and linguistics. 2018, no 3, pp. 3–6.

11. *Vosemnadtsat` stihotvorenii Mao Zedona* [Eighteen Poems by Mao Zedong]. URL: <http://j-times.ru/iskusstvo/vosemnadcat-stixotvorenij-mao-czeduna.html>
12. *Tolkovyi slovar` Ozhegova* [Ozhegov explanatory dictionary]. URL: <https://slovarozhegova.ru/search.php>
13. *Tolkovyi slovar` Ushakova* [Ushakov explanatory dictionary]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/search.php>
14. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/>
15. Mao Zedong poems. URL: <https://socialistpublishing.files.wordpress.com/2010/05/maopoems-newsetting.pdf>
16. Oxford Dictionary. URL: <https://en.oxforddictionaries.com>
17. ZDK Dictionary. URL: <http://www.zdic.net/z/18/js/5C71.htm>
18. 毛泽东诗词选. URL: <http://www.shigeku.org/xlib/lingshidao/gushi/maozedong.htm>

Список литературы

1. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. М.: Либроком, 2009. 232 с.
2. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. М.: Либроком, 2015. 192 с.
3. Вердиева З.Н. Семантические поля в современном английском языке. М.: Наука, 1981. 315 с.
4. Караулова Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Стереотип, 2019. 264 с.
5. Кузнецов А.М. Структурно-семантические параметры в лексике. М.: Наука, 1980. 160 с.
6. Кыркбаева Г.Н. Структурные особенности понятий «семантическое поле» и «лексико-семантическое поле» // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2017. № 12. С. 176–178.
7. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Наука, 2007. 296 с.
8. Попова З.Д., Стернин И.А. Общее языкознание. Воронеж: Глобус, 2002. 295 с.
9. Цобенко О.В. Структура лексико-семантического поля «ювелірні прикраси» в англійській мові // Записки з романо-германської філології. 2014. Вип. 1. С. 192–197.

10. Blyzniuk K.R. American patriotism: the specifics of verbalization in the form of the lexical-semantic field // European journal of literature and linguistics. 2018. №3, pp. 3–6.
11. Восемнадцать стихотворений Мао Цзэдуна. URL: <http://j-times.ru/iskusstvo/vosemnadcat-stixotvorenij-mao-czeduna.html> (дата обращения: 10.04.2018).
12. Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/search.php> (дата обращения: 10.04.2018).
13. Толковый словарь Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru/search.php> (дата обращения: 10.04.2018).
14. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 15.04.2018).
15. Mao Zedong poems. URL: <https://socialistpublishing.files.wordpress.com/2010/05/maopoems-newsetting.pdf> (дата обращения: 20.04.2018).
16. Oxford Dictionary. URL: <https://en.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 15.04.2018).
17. ZDK Dictionary. URL: <http://www.zdic.net/z/18/js/5C71.htm> (дата обращения: 21.04.2018).
18. 毛泽东诗词. URL: <http://www.shigeku.org/xlib/lingshidao/gushi/mao-zedong.htm> (дата обращения: 21.04.2018).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Большакова Виктория Руслановна, бакалавр, выпускница Института иностранных языков
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, г. Москва, 117198, Российская Федерация
seniahomiak@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Bolshakova Victoria Ruslanovna, bachelor graduate
RUDN University
6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russian Federation
seniahomiak@gmail.com

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-4-27-42

УДК 811.112.2

ИНТЕГРАТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННОГО ПРОТЕСТА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЛОГОСФЕРЫ)

Генералова Л.М.

Цель. Статья посвящена анализу характеристик немецкоязычной политической блогосферы на официальной платформе <https://www.cision.de/top-10-blogs-politik/>, определяющих пространственно-временное, предметное, коллективно-личностное системно-коммуникативные измерения протеста; актуальных выражений Net-мышления и электронной демократии как новых особенных форм современной политической коммуникации в исследуемых практиках протеста. Раскрывается комплексная сущность политических блогов, детерминируемая их полифункциональностью, дискурсивной гибридностью и стилистическим синкретизмом. Описывается совокупность компонентов, характеризующих политический блог как комплексный жанр онлайн-коммуникации; релевантные коммуникативные стратегии и тактики массового адресата, индивидуального адресанта и со-адресантов. Определяются параметры среды интернет-коммуникации, обуславливающие способ организации коммуникативного взаимодействия блогера и потенциального адресата и выбор языковых средств, необходимых для реализации интенциональности блогера. Основное внимание сосредоточено на совокупности классифицирующих признаков, которые находят свое проявление в стилистическом синкретизме политических блогов.

Метод или методология проведения работы. Эмпирический материал был отобран методом сплошной выборки на официальной платформе <https://www.cision.de/top-10-blogs-politik>. Методы иссле-

дования включают в себя общенаучные методы анализа и синтеза, интерпретативный метод, контент-анализ, стилистический метод, применяемый для анализа фрагментов политических блогов.

Результаты. Выделены проявления медиатизации как инструмента общественного взаимодействия в анализируемых протестных практиках, воздействующих на сознание и жизнедеятельность индивида. Результаты исследования позволяют по – новому переосмыслить взаимосвязь между сетевой коммуникацией и социокультурными изменениями.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы в базовом курсе прикладной лингвистики, лингвокультурологии и социолингвистике.

Ключевые слова: протестная коммуникация; политический блог; интегративные характеристики; электронная демократия; медианпространство.

INTEGRATIVE CHARACTERISTICS OF CONTEMPORARY PROTEST (ON THE MATERIAL OF THE GERMAN-LANGUAGE POLITICAL BLOGOSPHERE)

Generalova L.M.

Purpose of this study was to analyse the characteristics of the German political blogosphere based on the official platform <https://www.cision.de/top-10-blogs-politik/>, which determine the chronotope, content, as well as collective-personal systemic-communicative dimensions of protest. The author focuses on the specific expressions of Net-thinking and e-democracy as new forms of today political communication in the studied protest practices.

The study reveals the complex nature of political blogs, determined by their multifunctionality, discursive hybridity and stylistic syncretism. It describes the bundle of components that characterize a political blog as a complex genre of online communication, relevant communicative

strategies and tactics of the mass addressee, individual addressee and co-addressees. The parameters of the Internet communication environment are regarded, which determine the way of organizing the communicative interaction of the blogger and the potential recipient and the choice of language means necessary to implement the blogger's intentions. The author's attention is focused on the set of classifying features, which are manifested in the stylistic syncretism of political blogs.

Method or methodology of the study. *The study was conducted with the method of overall selection of empirical material from the official platform <https://www.cision.de/top-10-blogs-politik>. Research methods include general scientific methods of analysis and synthesis, an interpretive method, content analysis, a stylistic method used to analyse fragments of political blogs.*

Results. *The study highlights the manifestations of mediatization as a tool of social interaction in the analysed protest practices that affect our consciousness and life. The results of the study encourage to rethink the interrelationship between network communication and sociocultural changes.*

Scope of the results. *The research results can be used in the basic course of Applied Linguistics, Linguoculturology and Sociolinguistics.*

Keywords: *protest communication; political blog; integrative characteristics; e-democracy; media space.*

Блоги в системе протестной коммуникации

Современные коммуникативные тактики представляют собой центральный механизм формулирования, агрегации, выполнения и применения коллективных решений. Обмен политической информацией через масс-медиа является неотъемлемой частью электронной демократии – новой формы общения и участия, которая включает в себя различные сектора политической коммуникации: правительство – граждане, разъяснение интересов граждан и общение граждан между собой. Использование интернет-платформы с точки зрения мобилизации сетевой политики стало инновационной практикой протеста, цель которой, с одной стороны, выразить него-

дование или же приверженность по поводу обсуждения конкретной проблемы, с другой стороны генерировать внимание общественности. Идеальным средством коммуникации протестного движения стал интернет с его возможностями подготовки и координации протеста, изучения дискуссионного материала, обмена информацией, целями, стратегиями и тактиками.

Влияние сетевой коммуникации (электронной демократии) на доминирующие структуры власти объясняется «прозрачностью» принятия политических решений, форм интерактивного сотрудничества в дискуссиях и обсуждениях проблем, мобилизации общественных структур. Несмотря на то, что прямая коммуникация между гражданами и институтами власти кажется идеальной формой общения, данные протестные практики несут в себе определенный риск, связанный с негативными побочными эффектами [3]. Переизбыток цифровой демократии разрушает традиционные демократические учреждения, содействуя акционизму, требующему лишь сбор голосов, а не решение проблемы.

Блоги представляют собой мощные альтернативные и независимые информационные ресурсы [3; 4] с постоянно обновляющейся повествовательной структурой, имеющую релятивную форму политической активности граждан – партиципантов [10; 13]; с проявлением продуктивного протеста высокой степени активности, направленной на изменение ситуации или решения проблемы. При этом участники различаются по целям использования платформы блога, мотивацией и характером использования (субъекты агрегации (партии), артикуляции (социальные движения, общества, федерации), профессиональные политики (парламент, правительство, институты власти, оппозиционеры), индивидуальные участники (гражданские лица – экономисты, деятели культуры и искусства, критики) [7].

Методология исследования системно-коммуникативных характеристик политических блогов

Предметом исследования являются системно-коммуникативные характеристики немецкоязычных политических блогов в качестве

современных протестных практик, рассматриваемые как социальные явления, адаптируемые к медийной логике электронных СМИ и специфики современной коммуникации между гражданами и властью.

В своем исследовании мы исходим из современного системно-коммуникативного подхода к изучению протестной коммуникации, где протест рассматривается как специфическая своеобразная коммуникативная система со своими пространственно-временным (специфическими хронотопическими особенностями и характерными признаками); предметным (социальные мотивы, дистинкция, проактивное-реактивное, решение-поражение: тема протеста, послужившая стимулом участников к действию, логическое проектирование ситуации / проблемы) и коллективно-личностным (характеристики участников протестных практик; уровни их взаимодействия; коммуникативные стратегии и тактики) [1; 2]. Данный подход позволяет более четко сформулировать причины возникновения протестной коммуникации.

При этом мы основываемся на корректирующе – интерактивном аспекте политической коммуникации, критериях легальности форм политического участия (конвенциональные и неконвенциональные) [6]; на регуляции в дискурсивных моделях поведения «защиты оскорбленных» [2], на взаимосвязи политической сферы и медиа-сферы, протестной коммуникации [8; 14; 15]; передаче современной политической коммуникации функций традиционных СМИ: информирование о политических и социальных событиях, социализация (создание / поддержание политических стереотипов и норм поведения), мобилизация (привлечение СМИ для формирования общественного мнения), обеспечение обратной связи (инструмент давления на институты власти) [9]; на медийных, интенционально обусловленных, манипулятивных установках. Материал исследования – немецкоязычные политические блоги, размещенные на официальной платформе <https://www.cision.de/top-10-blogs-politik/>, а также блоги известных немецких политиков и оппозиционеров, представленные в немецкоязычной политической блогосфере. Каждый блог сопровождается ру-

бриками: 1) тема (общественная или политическая); 2) высказывание собственного мнения блогера по данной проблеме; 3) аргументирование (видео, фото, тезисы выступлений, статистические данные); 4) комментарии. Объем выборки составил около 300 блогговых постов с различными статусом, адресацией и тематикой.

Дискурсивные и жанровые характеристики политических блогов как формы протестной коммуникации

1. Проведенное нами исследование свидетельствует о комплексной природе политических блогов. Анализируемые блоги отличаются полифункциональностью, сочетая в себе разное назначение, информационную функцию (формирование контента и упорядочивание информации о политической, общественной и других сферах жизни в сети интернет), коммуникативную функцию (личные и коммуникативные связи между блогером и читателями, определенные коммуникативные и языковые правила поведения), политическую функцию, включающую в себя политико-мобилизационную функцию (организация и проведение разнообразных акций протеста, флеш-мобов, мобилизация членов партии и прочего электората, разделяющего целеустановки партии, особенно во время предвыборной кампании), политико-имиджевую функцию, функцию саморепрезентации [5], функцию комментирования, функцию социализации (активное включение электората в систему общественно-политических отношений), рефлексивную функцию (языковая и речевая рефлексия блогеров, субъективная перестройка и переосмысление своего отношения к ситуациям политической сферы). Политический блог относится к комплексным жанрам, которые состоят из отдельных компонентов, обладающих относительной завершенностью, и являются текстом определенного жанра.

Вышеперечисленная разнородность находит отражение в следующих признаках политических блогов:

- многочисленные коммуникативные цели адресанта:
 - а) представление собственной позиции или точки зрения блогера (описывает особенности агитационно-пропагандистского и презентационного жанров); б) мобилизационный эффект как форма поли-

тического разговора лицом к лицу (информативно-оценочные и агитационно-пропагандистские жанры); в) зарождение интереса или привлечение внимания к проблеме, ситуации, событию, с возможной репрезентацией ситуации или прогнозированием развития события (информативно-оценочный жанр, презентационный жанр); в) комментирование текущих политических вопросов с целью формирования общественного мнения к описываемой ситуации (интересные темы могут быть быстро «подхвачены» другими блогерами, и, в отличие от традиционного процесса формирования общественного мнения, ввиду отсутствия всевозможных цензурных барьеров, быстро распространяться в определенной блогосфере) (информативно-оценочный жанр); г) привлечение сторонников, поддержки массового адресата, интеграция заинтересованных граждан в работе политика, партии, парламента и т.д., солидаризация (агитационно-пропагандистский жанр); г) требование решения проблемы, побуждение власти к определенному действию (типично для директивных жанров); – активное использование языковых средств с побудительной семантикой (признак директивных жанров): перформативные структуры с семантикой просьбы, требования, совета, обязательства:

*Zur Wiederwahl des russischen Präsidenten Wladimir Putin am Sonntag **fordert** Reporter ohne Grenzen (ROG) eine Wende in der Informationspolitik des Landes.*

*Und deshalb **empfehle** ich, dass wir alles dafür tun, dass es sich für die Chinesen weiter lohnt, auch Deutsch und Englisch zu lernen...*

*Wir **halten** es auch für **erforderlich**, dass die EU nicht nur zur Verhandlungsroutine übergeht und wir abwarten, wann die Türkei das Ankaraprotokoll erfüllt.*

*Und heute **tragen** wir den **Protest** direkt vor die Hauptversammlung der Siemens-Aktionärinnen in München.*

конструкции с модальными глаголами:

*... das **muß** nach dem Ende der Regierung des Merkel-Ungeheuers auch in Deutschland wieder möglich sein.*

*Trotzdem **muß** die Frage erlaubt sein, welchen Einfluß die CO2-basierte Übervölkerungspropaganda von FfF hatte, weil er die Hälfte der deutschen Bevölkerung irgendwie vernichten wollte.*

Deutschland sollte die Initiative zu einem EU-Sondergipfel ergreifen, damit Europa zu Iran, Syrien und Freihandel mit einer Summe spricht. Auch deshalb muss der Schutz unserer Außengrenzen gewährleistet sein.
императивные конструкции:

***Machen wir** mutig weiter so und entwickeln Ideen für Spitzenforschung und -lehre in künstlicher Intelligenz, Blockchain-Technologie, Big-Data-Anwendungen und Algorithmen.*

***Haltet durch, bleibt** diszipliniert, Entwarnung kann noch nicht gegeben werden.*

***Unterzeichne** jetzt unseren Eil-Appell und **fordere** Kemmerich zum Rücktritt auf.*

– экстралингвистические стилистические особенности (признак информативно-оценочного жанра):

актуальность тематики в блогах выражается через акцентуацию важных моментов при помощи повторов:

*Die Pandemiekredite **von 2020** sind den Kriegskrediten **von 1914** jedoch völlig ähnlich.*

*Lediglich die unmittelbaren Nachkriegsparteien **CDU, CSU, SPD, FDP und SED**, die unter dem Schirm ausländischer Bomber und Stalinorgeln entstanden ... Das riesige Meer zwischen **CDU, AfD und FDP** ist ein gefährliches Bermudadreieck, wo die Medien Parteien und Wähler wie in einem Schwarzen Loch verschwinden lassen*

*Im Mittelpunkt dieser Woche stand **das Jahr 2020**...bin ich gedanklich schon **im Jahr 2020**...**Im Jahr 2020** wird es rekordverdächtige Investitionen geben.*

при помощи личного обращения к читателям блога или известным политикам:

***Liebe** Parteifreundinnen, **liebe** Parteifreunde, **meine** Damen und Herren, das heißt vielleicht, die Gesellschaft und die Wirtschaft ändern sich beständig*

***Liebe** Mitzeichner! Wie Sie wissen, hatten wir die Bundestagsfraktionen gebeten.*

***Frau Merkel**, sagen **Sie**, was Sie für richtig halten, wovon Sie in der Europafrage überzeugt sind und kämpfen Sie dafür.*

Sehr geehrte Frau Kramp-Karrenbauer, die Kanzlerin soll gesagt haben: „Kommunisten unter freiheitlichen Bedingungen sind auch nicht mehr die Kommunisten, die sie einmal waren.“

стремление к объективной трактовке событий, выражаемое, как правило, при помощи безличного местоимения es:

... wenn es nicht auch Arbeitgeber gibt, die gute Wettbewerbsbedingungen haben.

Es ist ein langer, schwieriger, steiniger Weg mit Widerständen und Rückschlägen.

Es gibt keine Gewissheit mehr, dass eine offene Gesellschaft, wirtschaftliche Freiheit, Rechtsstaatlichkeit sich auf Dauer durchsetzen.

личностный характер речи маркируется употреблением глаголов в первом лице единственного или множественного числа:

Ich muss sagen: Ich hatte Recht.

Wir brauchen auch eine Politik für wirtschaftliches Wachstum und Prosperität.

Ich kann vor dem ganzen Olympiastadion unseren Appell überreichen und Siemens zu einer Reaktion herausfordern.

Wir sind bei den politischen Praktiken von 1933 bis 1990 angekommen.

– лингвистические стилистические особенности (информативно-оценочный жанр):

использование географических реалий, названия праздников, событий и т.д.:

*Auf dem **Katholikentag** gestern hat auch die Frau Bundeskanzlerin die Einheit Europas gefordert*

*Die Bazille, das ist die Anarchie des Lebens, das gefeiert sein will. **Deutschland ist im Corona-**, im Verzichts-, im Krisenmodus (Corona Virus)*

***Die WerteUnion** kritisiert die CDU/CSU-Bundestagsfraktion für die Ablehnung einer weiteren Aussprache.*

метафорические приемы для более яркой стилистической окраски речи:

*In solch einem Krisenfall kann Frau Dr. Merkel das Gewaltmonopol des Staates **in der Pfeife rauchen.***

*Lindner war und bleibt der lärmende **Taktgeber dieses Unsinn.***

*Eine solche Vorschrift **macht** Kritiker **mundtot.***

общественно-политические, экономические, юридические термины, придающие речи блогера официальности и конкретизации:

*Wir brauchen auch eine **Politik für wirtschaftliches Wachstum und Prosperität**.*

*... zu **politischen und wirtschaftlichen Reformen gemäß der Formel «Wandel durch Handel»** führen*

*Eigentlich sollten **die Parteien im Moment dabei sein, ihre Kandidaten für die Kommunalwahl aufzustellen**.*

– использование единиц с оценочной семантикой (признак информационно-оценочного и агитационно-пропагандистского жанров) eine „großflächig organisierte Propaganda“, eine schreckliche Woche für den linksgrünen Medienpöbel, das Risiko einer direkten militärischen Konfrontation и др.);

– апеллирование к интересам читателей, с доказательством истинности собственных позиций и мнений (информативно-оценочный, агитационно-пропагандистский жанры):

die Gesellschaft und die Wirtschaft ändern sich beständig, wir müssen mit den Zeiten Schritt halten.

entwickeln Sie Ideen für Spitzenforschung und -lehre in künstlicher Intelligenz, Blockchain-Technologie, Big-Data-Anwendungen und Algorithmen! Die Not ist hier Gebot! Und schnelle Hilfe ist gerade für den Kampf gegen den Corona-Virus im gesamten medizinischen Bereich die beste Hilfe. Der Westen sollte dann gut vorbereitet sein, um vergleichbare Fehler wie in der Amtszeit von Präsident Jelzin zu vermeiden;

– активное использование риторических вопросов с целью эмоционального воздействия на адресата (агитационно-пропагандистский и информативно – оценочные жанры):

Wie sieht unser Leben, unsere Wirtschaft oder unser Arbeiten in 2030 aus? Wie bleiben wir gesund? Was müssen wir konkret dafür tun, um unsere Zukunft nach unseren Vorstellungen zu gestalten? Wie lange hält die Regierungsbegeisterung? Haben die Juden, die nach 1933 aus Deutschland geflüchtet sind im Ausland auch so einen Rabatz gemacht?

Как показывает наше исследование, политические блоги характеризуется также дискурсивной комбинированностью вследствие сложности коммуникационных процессов, происходящих внутри

блогосферы, что объясняется признаками блога как «классического дневника» и признаками жанров – продуктов интернет-пространства:

– совокупностью характеристик информационного (коммуникативное взаимодействие подразумевает двусторонний поток информации, презентационность, регулятивность, хронотоп, цели, стратегии), политического (связь с определенными социальными группами и движениями, специфические вербальные и невербальные символы, эзотеричность, эвфемизм, институциональность, агитаторство и пропагандизм, актуальность, персуазивность, оценочность);

– публицистического (объективность и фактологичность, персуазивность, оценочность и экспрессивность, выражение своего отношения к предмету речи, динамичность, доходчивость, тематическое многообразие, интерактивность);

– социально-ориентированного дискурса (социально-значимая информация, мотивационность, оценочность, тактика обещания – перформативность);

– интернет-дискурса (виртуальность, дистантность, неформальное общение, амбивалентность, высокая проницаемость, жанровое многообразие, гетерогенность участников).

Вышеперечисленные классифицирующие признаки находят свое проявление в стилистическом синкретизме политических блогов, детерминированном сочетанием признаков такого жанра публицистики, как блог – дневник (фактографичность, аналитичность, хронологическая последовательность, субъективность, регулярность, социальная направленность, саморепрезентация), блог – статья (актуальность, фактичность, конкретность, событийность), блог – комментарий (оперативность, лаконичность, критика, доказательность или опровержение, оценочность), журналистское расследование (документальность, фактичность, оценочность), жанров деловой коммуникации – блог – политическое обращение (декларативность, манипулятивность, рекламная интенциональность, стандартизированная стилистическая структура, конкретный адресат, типовые клише словоупотребления, словосочетаний и синтаксических конструкций, конкретный адресат – потенциальные избиратели). Общими признаками всех блогов как разновидностей перечисленных жанров

являются: выражение собственной политической позиции, фактичность, аргументированность, интенциональность, господствующая позиция адресанта по отношению к адресанту, массовый адресат).

Политические блоги противопоставляются друг другу по следующим критериям: тип адресанта (профессиональный политик, оппозиционер, политический обозреватель, сторонний наблюдатель и т.д.), категоричность, аргументированность представленной информации, виды интенций). Композиционная целостность включает в себя адресата, проблему, авторское видение решения проблемы, обращение к потенциальному адресату с предложением высказать собственную точку зрения. Политические блоги совмещают эмоционально-экспрессивную, информативную, когнитивную, аксиологическую и оценочную функции, официально-деловой и разговорной речи.

Выводы

Политические блоги отличаются комплексными системно-коммуникативными характеристиками, вызываемыми их полифункциональностью (комбинация агитационно-пропагандистской, информационно-оценочной, презентационной и директивной функций), полидискурсивностью (совокупность признаков политического, информационного, публицистического, социально-ориентированного и интернет-дискурса), стилистическим синкретизмом (черты публицистического жанра, жанров деловой коммуникации и журналистского расследования).

Политические блоги характеризуются сложным адресатом (массовый адресат – пользователи интернета, читатели блога и целевой адресат – представители высших эшелонов власти) и адресантом – блогер (профессиональный политик, оппозиционер, сторонний наблюдатель).

Создаваемые блоги различаются разным статусом и динамичностью, взаимодействием стремления к индивидуализму (самопрезентации) и к не/конвенциональным действиям. Адресат находит в блогах постоянную негативную экспликацию, что отражает суть политического блога как формы протестной коммуникации и формирует особую интернет – солидарность. Каждый блогер владеет определенным набором стратегий и тактик (аргументативность, до-

кументальность, оценочность, фактичность), служащих для идентификации себя с массовыми читателями блога.

Современные коммуникативные практики протеста характеризуются интеграцией медиа в политическую сферу общества и являются при этом неотъемлемым атрибутом сетевой коммуникации и электронной демократии.

Отличительной чертой данного процесса является трансформация мышления индивида, интерпретируемая как формирование Net-мышления, посредством включения его в современную интернет-коммуникацию с последующими за этим изменениями в восприятии, мышлении и поведении. Данное обстоятельство способствует преодолению социальной изоляции и побуждает к социальной активности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00193 «Протестная коммуникация в современном информационном пространстве России и Германии» [The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00193].

Список литературы

1. Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю. Системно-коммуникативное исследование радикальных движений, или как возможна научная теория протеста // *Философский журнал*. Т. 11. № 2. 2018. С. 91–105. DOI: 10.21146/2072-0726-2018-11-2-91-105.
2. Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю. Современная протестная коммуникация в контексте системно-коммуникативного подхода // *Коммуникации. Медиа. Дизайн*. №4 (3). 2019. С. 140–164.
3. Генералова Л.М., Ребрина Л.Н. Блоггинг как форма публичной субъективности в протестной коммуникации // *Современные исследования социальных проблем*. 2018. Т. 10. № 2-3. С. 157–176.
4. Горошко Е.И. Политический блоггинг в глобальной и локальной перспективах // *Вестник Одесского национального ун-та*. 2009. № 13. С. 335–345.
5. Ирхин Ю.В. Коммуникативный, политический и управленческий потенциал блогосферы // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. 2015. № 5. С. 6–17.

6. Келасьев О.В., Казаков С.В., Лейес А.Ю. Специфика коммуникации власти и населения в контексте массового публичного протеста. Журнал социологии и социальной антропологии. 2006; Том IX, № 1 (34): 103–122.
7. Кочеткова М.О., Жанровая динамика дискурса блогосферы дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2016. 252 с.
8. Курбатов В.И. NET-мышление: новые реалии информационной эры // Гуманитарий юга России. Т. 6, № 6. 2017. С. 173–181. DOI 10.23683/2227-8656.2017.6.14.
9. Паулов С.В. Медиатизация политики и место СМИ в системе политической коммуникации // Вестник ЧитГУ. 2008. № 1 (46). С. 26–30.
10. Internet und Protest. Zum Wandel von Organisationsformen und Handlungsrepertoires – Ein Überblick / S. Baringhorst // Internet und Partizipation. Bottom up oder Top-down? Politische Beteiligungsmöglichkeiten im Internet. [Voss K]. Springer VS.: Wiesbaden, 2014, pp. 89–113.
11. Kepplinger, H. M. Die Mediatisierung der Politik // In J. Wilke (Hrsg.) Massenmedien und Zeitgeschichte. [J. Wilke]. [Berichtsband der Jahrestagung der Deutschen Gesellschaft für Publizistik -und Kommunikationsgesellschaft. Konstanz: UVK, 1999. Bd. 26, pp. 55–63.
12. Online Beteiligung – Elektronische Partizipation – Qualitätskriterien aus Sicht der Politik / N Kersting // Internet und Partizipation. Bottom up oder Top-down? Politische Beteiligungsmöglichkeiten im Internet. [Voss K]. Springer VS.: Wiesbaden, 2014, pp. 53–87.
13. Markus Chr. Koch, Astrid Haarland. Generation Blogger. Blaufelden.: Mitp-Verlag, 2003. 300 p.
14. Lundby K. Mediatization of Communication. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. 752 p.
15. Vowe G. Mediatisierung der Politik? Ein theoretischer Ansatz auf dem Prüfstand. // Publizistik, 51(4), 2006, pp. 437–455.

References

1. Barash R.E., Antonovskiy A.Yu. Sistemno-kommunikativnoye issledovaniye radikalnykh dvizheniy, ili kak vozmozhna nauchnaya teoriya protesta [A systemic-communicative study of radical movements, or

- how possible a scientific theory of protest is]. *Filosofskiy zhurnal*, V. 11 (2). 2018, pp. 91–105.
2. Barash R.E., Antonovskiy A.Yu. Sovremennaya protestnaya kommunikatsiya v kontekste sistemno-kommunikativnogo podhoda [Modern protest communication in the context of a systemic-communicative approach]. *Kommunikatsii. Media. Dizain*, no 4 (3). 2019, pp. 140–164.
 3. Generalova L.M., Rebrina L.N. Blogging kak forma publichnoy sub'ektivnosti v protestnoy kommunikatsii [Blogging as a form of public subjectivity in protest communication]. *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem*, Vol. 10. 2018, pp. 157–176.
 4. Goroshko E.I. Politicheskiy blogging v globalnoy i lokalnoy perspektivah [Political blogging in global and local prospects]. *Vestnik Odesskogo natsionalnogo universiteta*, no 13. 2009, pp. 335–345.
 5. Irhin Yu.V. Kommunikativnyj, politicheskij i upravlencheskij potentsial blogosfery [Communicative, political and managerial potential of the blogosphere]. *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie*, no 5. 2015, pp. 6–17.
 6. Kelasyev O.V., Kazakov S.V., Leyes A.Yu. Spetsifika kommunikatsii vlasti i naseleniya v kontekste massovogo publichnogo protesta [The specifics of communication between the authorities and the population in the context of mass public protest]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, V. 9, no 1 (34). 2006, pp. 103–122.
 7. Kochetkova M.O. *Zhanrovaja dinamika diskursa blogosfery* [Genre dynamics of blogosphere discourse]. diss. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2016, 252 p.
 8. Kurbatov V.I. NET-myshleniye: novyye realii informatsionnoy ery [NET thinking: the new realities of the information era]. *Gumanitarniy yuga Rossii*, V. 6, no 6. 2017, pp. 173–181. DOI: 10.23683/2227-8656.2017.6.14.
 9. Paulov S.V. Mediatizatsiya politiki i mesto SMI v sisteme politicheskoy kommunikatsii [Mediation of politics and the place of the media in the political communication]. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No 1 (46). 2008, pp. 26–30.
 10. Internet und Protest. Zum Wandel von Organisationsformen und Handlungsrepertoires – Ein Überblick / S. Baringhorst // Internet und

- Partizipation. Bottom up oder Top-down? Politische Beteiligungsmöglichkeiten im Internet. [Voss K]. Springer VS.: Wiesbaden, 2014, pp. 89–113.
11. Kepplinger H.M. Die Mediatisierung der Politik // In J. Wilke (Hrsg.) Massenmedien und Zeitgeschichte. [J. Wilke]. [Berichtsband der Jahrestagung der Deutschen Gesellschaft für Publizistik- und Kommunikationsgesellschaft. Konstanz: UVK, 1999. Bd. 26, pp. 55–63.
 12. Online Beteiligung – Elektronische Partizipation – Qualitätskriterien aus Sicht der Politik / N Kersting // Internet und Partizipation. Bottom up oder Top-down? Politische Beteiligungsmöglichkeiten im Internet. [Voss K]. Springer VS.: Wiesbaden, 2014, pp. 53–87.
 13. Markus Chr. Koch, Astrid Haarland. Generation Blogger. Blaufelden.: Mitp-Verlag, 2003. 300 p.
 14. Lundby K. Mediatization of Communication. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. 752 p.
 15. Vowe G. Mediatisierung der Politik? Ein theoretischer Ansatz auf dem Prüfstand. Publizistik, 51(4), pp. 437–455.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Генералова Лариса Михайловна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры германской и романской филологии
Волгоградский государственный университет
пр-т Университетский, 100, г. Волгоград, 400062, Российская
Федерация
l.m.generalowa@volsu.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Generalova Larisa Mikhaylovna, PhD in Philology, Associate Professor
Volgograd State University
100, Universitetsky Ave., Volgograd, 400062, Russian Federation
l.m.generalowa@volsu.ru
SPIN-code: 6028-6456
ORCID: 0000-0003-0807-391X

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-4-43-57

УДК 81-25

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО БИЗНЕС-ТВИТТЕРА

Гончарова Е.А.

Научная новизна работы заключается в попытке выделить характерные частотные механизмы лингвистической креативности бизнес-пользователей «Твиттера», такие как аббревиация, неологизация, релексикализация, блендинг, экспрессивно-оценочные средства. Актуальность настоящего исследования заключается в выявлении языковых механизмов лингвистической креативности «Бизнес-Твиттера». Задачей данного исследования является раскрытие функциональных и жанрообразующих характеристик микроблога «Твиттер».

***Целью** данного исследования является выявление и классификация языковой специфики «Бизнес-Твиттера» как одного из наиболее значимых компонентов интернет-коммуникации, комплексный анализ функциональных особенностей англоязычного речевого поведения предпринимателей и управленцев в «Бизнес-Твиттере».*

***Материалы и методы исследования.** Выявление, систематизация и анализ исследования были проведены с привлечением методов: сплошной выборки, сопоставительного и сравнительного анализа, дескриптивного и дефиниционного методов, а также лингвопрагматического анализа и основных положений критического дискурс-анализа.*

***Результаты.** Автор приходит к выводу, что экспрессивно-оценочные средства делают язык и речь в «Бизнес-Твиттере» более емкими за счет экономии языковых средств и влияет на ассоциативное мышление потребителя, его эмоции и воображение.*

***Область применения результатов.** Результаты исследования могут быть использованы в курсах по языкознанию, стилистике*

английского языка, лексикологии английского языка; в спецкурсах по виртуальному жанроведению и основам компьютерной лингвистики. Результаты работы могут быть применимы как к улучшению языковой политики уже существующих бизнес-аккаунтов компаний в «Твиттере», так и к созданию новых.

Ключевые слова: микроблог «Твиттер»; «Бизнес-Твиттер»; деловой дискурс; интернет-дискурс; лингвистическая креативность; аббревиация; неологизация; релексикализация; блендинг; экспрессивно-оценочные средства.

LANGUAGE MEANS OF EXPRESSIVENESS IN ENGLISH BUSINESS-TWITTER

Goncharova E.A.

The scientific novelty of this article lies in the attempt to highlight the characteristic frequency mechanisms of linguistic creativity of business users of microblog Twitter, such as abbreviation, neologization, reformation, blending, expressive-evaluative means. The relevance of the study is to identify the linguistic mechanisms of the linguistic creativity of Business Twitter. The objective of the study is to reveal the functional and genre-forming characteristics of Twitter.

Purpose. *The purpose of this study is to identify and classify the language specificity of Business Twitter as one of the most significant components of Internet communication, a comprehensive analysis of the functional features of the English-language speech behavior of entrepreneurs and managers on Business Twitter.*

Methodology. *Identification, systematization and analysis of the study were carried out using the following methods: continuous sampling, comparative and comparative analysis, descriptive and definition methods, as well as linguo-pragmatic analysis and the main provisions of critical discourse analysis.*

Results. *The author comes to the conclusion that expressive-evaluative tools make language and speech on Business Twitter more capa-*

cious due to the saving of language resources and affect the associative thinking of the consumer; his emotions and imagination.

Practical implications. *The results of the study can be used in courses on linguistics, stylistics of the English language, lexicology of the English language; in special courses on virtual genre studies and the basics of computer linguistics. The results of the work can be applicable both to improving the language policy of existing business accounts of companies on Twitter, and to creating new ones.*

Keywords: *microblog Twitter; Business Twitter; business discourse; Internet discourse; linguistic creativity; abbreviation; neologization; re-formalization; blending; expressive-evaluative means.*

Микроблог «Твиттер» является достаточно эффективным инструментом профессиональной коммуникации, с помощью которого возможно продвижение бизнеса в режиме реального времени. Посредством микроблога «Твиттер» можно осуществлять поиск новых клиентов, используя ключевые фразы, имеющие отношение к компании; оказывать клиентскую поддержку, своевременно узнавая о проблемах своей целевой аудитории и отвечать на интересующие ее вопросы; отслеживать репутацию своей компании, молниеносно реагируя на все высказывания в ее адрес. Подобная многофункциональность не могла не заинтересовать бизнесменов, которые стали активно использовать микроблог «Твиттер» в качестве одного из средств деловой коммуникации, ориентируя онлайн-общение на ведение переговоров и поддержание отношений, нацеливая бизнес-твиты на привлечение новых клиентов; расширение количества бизнес-партнеров, поставщиков, заказчиков и изготовителей; исследование деятельности конкурентов и изучения конкурентоспособности продуктов-аналогов. Исследовательской базой явились англоязычные бизнес-аккаунты генеральных директоров, председателей правления, владельцев и учредителей крупных компаний и предпринимателей, осуществляющих общение на базе микроблога «Твиттер» [14], общим объемом более 600 тысяч языковых единиц. Выбор бизнес-твитов в качестве исследовательского материала в

данной работе обусловлен как возрастающим влиянием бизнес-сообществ на различные области жизни, так и укреплением межнациональных связей посредством бизнес коммуникации, делающих подобный способ профессионального взаимодействия одним из ключевых социокультурных факторов современности. В настоящее время микроблог «Твиттер» и его коммуникативные возможности стал все чаще привлекать внимание различных исследователей (Королева, 2004; Варшавчик, 2010; Савицкая, 2010; Горошко, 2011; Атягина, 2014; Карнуп, 2015; Корбин, 2016; Шипилова, 2018; Meridit, 2004; Demirbas, 2009; Honeycutt, 2009; Boyd, 2010; Crystal, 2011; Zappavigna, 2012; Weller, 2014; Dubois, 2015).

С одной стороны, деловая коммуникация профессионально-ориентированных пользователей «Твиттер» четко детерминирована и регламентирована, осуществляется на основе общей для участников коммуникации бизнес-картины мира и определенных стандартов корпоративной культуры. С другой стороны, характерной чертой современных бизнес-твитов является тот факт, что общение выходит за границы профессионального делового сообщества, и такие различные прагматические причины, как действие закона экономии языковых средств, тенденция к имитации непринужденности общения, стремление создать доверительную атмосферу, высокая скорость обмена сообщениями вынуждают коммуникантов отклоняться от общепринятых языковых норм. Таким образом, коммуникативные действия бизнес-пользователей, адресованные обществу, видятся полноценным конституентом делового дискурса, который, в свою очередь, в последние десятилетия стал неотъемлемой частью жизни любого современного цивилизованного человека. Системообразующими инвариантными категориями англоязычных бизнес-твитов являются: *специфические цели*, т.е. взаимовыгодная профессиональная деятельность, направленная на получение прибыли; *участники коммуникации*, к которым мы относим управленцев всех звеньев, деловых людей, предпринимателей, ученых, клиентов, людей, интересующихся бизнесом; *социальный хронотоп*, т.е. взаимосвязь временных и пространственных отношений между коммуникантами [8, с. 13].

Учитывая высокую скорость обмена твитами и их лаконичность, бизнесмену приходится обдумывать и совершать постоянно растущее количество операций в единицу времени, что приводит к генерированию уникальных языковых форм, созданию оригинального речевого продукта, использованию новых единиц номинации, закреплению новых структур в языке. Подобные особенности уникального использования языка мы считаем возможным называть лингвокреативностью. Проведенный анализ англоязычных сообщений управленцев в микроблоге «Твиттер» убедительно показал, что лингвистическая креативность бизнес-твитов, т.е. использование различных, оригинальных, нестандартных лингвистических приемов и средств выражения мысли, является характерной особенностью твит-взаимодействия как профессионалов, так и клиентов, обывателей. Стилистические особенности профессионального микроблога «Твиттер» включают использование публицистического и разговорного функциональных стилей [4, с. 371].

Сегодня феномен креативности является предметом изучения различных наук, таких как психология, педагогика, психофизиология, нейрофизиология, искусствознание и других (Азарова, 2014; Базилевич, 2015; Тюленева, 2012; Фещенко, 2012; Amabile, 1982; Gilford Dzh., 1965). Нельзя не согласиться с В.Б. Базилевич, которая под лингвистической креативностью понимает способность репещиента манипулировать знаниями о языке с целью создания новых слов и конструкций, приданию комического эффекта, расширение семантики существующих слов и выражений [1, с. 21]. Иными словами, лингвистическая креативность является совокупностью знаний о языке и, как следствие, нетривиальный подход носителя языка к их использованию. В качестве отличительной характеристики лингвистической креативности языковой личности М.А. Холлодная называет метафоричность, рассматривая данную категорию как умение индивида действовать в «невозможном», фантастическом контексте, предрасположенность адресанта к оперированию символическими, ассоциативными средствами при выражении своих мыслей [7]. Говоря о лингвистической креативности создателей

бизнес-твитов, особо отметим, что она выражается в наличии дивергентного языкового мышления реципиентов, характеризующегося оригинальностью, семантической и адаптивной спонтанной гибкостью, способностью выбирать и использовать стилистические приемы, дефиниции, афоризмы, пословицы в соответствии с мировоззрением личности и поставленной профессиональной коммуникативной задачей. Безусловно, лингвокреативная деятельность коммуникантов в бизнес-твите является реакцией языка на процессы и явления, происходящие в данное время как в жизни общества в целом, так и в деловом мире в частности (Б.А. Серебренников, Ж. Пиаже, Н. Хомский, Ж. Фоконье, М. Тернер, Л.В. Ивина).

Одним из наиболее ярко выраженных приемов лингвокреативной деятельности англоязычных бизнесменов, как показало проведенное исследование, является создание неологизмов, возникающих в силу экономических, политических и социальных трансформаций и способных воссоздаваться вне первоначального контекста. Неологизация как речевой продукт лингвокреативной деятельности имеет две категории: 1) появление абсолютно новых слов, введенных в речевой обиход: *degenerate* (генерировать материал); *bsiter* (персонал, обслуживающий веб-сайт); *bashtag* (высказывание негативного мнения о социальной сети); 2) присвоение знакомым словам нового значения: *to bump* (закрепить значимый пост в ленту новостей с целью получения комментариев); *to block* (заблокировать пользователя); *to canoe* (использовать большое количество ссылок на пользователей в рамках одного твита) [13]. Среди невероятного множества бизнес-твитов, использующих неологизмы, можно привести следующий пример: *Looking back at my earliest memory, my greatest 'aha' moment and most memorable meeting I've ever had. (@richardbranson)* [14]. *Перебравая в памяти свои самые ранние воспоминания, я понимаю, что эта незабываемая встреча была для меня ничем иным, как моментом просветления.* Употребление неологизмов в данном твите не только позволяет достичь выразительности текста, но и проявить оригинальность, незаштампованность высказываний адресанта.

Ожидаемо, что большое количество неологизмов в бизнес твитах образовано путем аффиксации, при этом многие уже существовавшие ранее суффиксы принимают новые значения. Отрицательные префиксы *de-* и *un-* часто присоединяются к существительным, вследствие этого новые слова приобретают значение «удаление, расставание»: *I'm not sure you understand what trolling is, but you are free to **unfollow** instead of griping that I both didn't answer your question and shouldn't have because it wasn't for me (@ballmatthew)* [14]. *Я не уверен, что вы понимаете, что такое троллинг, но вы вправе **отменить подписку** на мой аккаунт, вместо того чтобы постоянно обвинять меня, что я то не отвечаю на ваш вопрос, то не должен отвечать, потому что вопрос был адресован не мне.* Безусловно, неологизм *unfollow* эмоционально маркирует бизнес-твит, выражая отношение адресанта к сложившейся ситуации.

Для придания бизнес-твитам эмоциональности, а также с целью экономии символов, авторы сообщений используют блендинг (способ словообразования, заключающийся в слиянии двух слов в одно, новое слово (бленд) включает в себя лексические значения обоих слов): *Just watched "Vice". The **biopic** about Dick Cheney. So disappointing, even boring. Who knew Hollywood could be so bad at Left-wing propaganda, even when it's about somebody as dubious as Mr Cheney (@afneil)* [14]. *Только что смотрел «Тиски». **Биографический фильм** о Дике Чейни. Так разочаровывает, даже скучно. Кто знал, что Голливуд может быть настолько плох в пропаганде политики «левых», даже когда речь идет о ком-то столь сомнительном, как мистер Чейни.* Автор твита применяет блендинг «**biopic**», образованный от слов *biography+picture* - биографический фильм.

Анализ собранных корпусных данных позволил прийти к выводу, что англоязычные бизнесмены в качестве средств лингвистической креативности частотно используют аббревиатурные единицы, а аббревиации чаще всего подвергаются названия компаний: ***NIH** scientists are raising questions over the freedom researchers are afforded to critique the work of colleagues, a crucial form of quality control in the safe development of new medicines and therapies (@WSJ)* [14]. *Ученые*

Национального Института Здоровья заявляют, что исследователям необходимо предоставлять возможность критиковать работу коллег, т.к. это является важнейшей формой контроля качества при разработке новых лекарств и методов лечения. Аббревиация в данном примере является эффективным способом превращения громоздких и неудобных описательных наименований явлений действительности в простые, легко запоминающиеся и легко воспроизводимые языковые единицы, выступающие незаменимым средством сохранения и экономии времени. Ожидаемо, что в деловой коммуникации обязательно присутствуют наименования установленных государством документов и процедур, регламентирующих финансовую отчетность: *FASB and IASB issue converged standard on revenue from contracts with customers (ASU 2014-09 and IFRS 15) (@MikeQuindazzi) [14]. FASB и IASB выпускают конвергентный стандарт отчетности по договорам с клиентами. FASB - the Financial Accounting Standards Board (Совет по стандартам финансового учета); IASB - International Accounting Standards Board (Совет по Международным стандартам финансовой отчетности); IFRS - International Financial Reporting Standards (Международные стандарты финансовой отчетности)*. Мы полагаем, что, употребление данного типа аббревиатурных единиц в англоязычном деловом дискурсе, представляющих собой набор регламентирующих правил составления финансовой отчетности, характеризует адресанта как осведомленного докладчика, разбирающегося в вопросе и способного вести беседу на профессиональные темы.

Результаты исследования англоязычных бизнес-твитов руководителей компаний также показали, что в сообщениях активно используются общепринятые сокращения при наименовании денежных валют и их количества, например: *If 1.7 m US/CA trucks achieved #RunOnLess efficiency lvl, 9.7 bn gallons of fuel would be saved [14]. Если 1,7 млн. грузовых автомобилей США достигнут уровня эффективности #RunOnLess, возможно сэкономить 9,7 млрд. галлонов топлива*. Использование сокращений *m* – million, *bn* – billion объясняется тем, что данные описательные понятия просты и удобны для восприятия, хранения и передачи.

Большое количество акронимов, используемых в бизнес-твитах, было зарегистрировано в описании экономического взаимодействия бизнесменов со своими партнерами, клиентами, сотрудниками, правительством: *Haha I like B2E :) We do both – communicating with businesses and with individuals! So B2E is perfect!* [14]. *Как же мне нравится модель B2E, мы ведь можем взаимодействовать как с предпринимателями, так и с сотрудниками!* Данный твит содержит акроним *B2E – Business-to-Employee*, обозначающий, что внутрикорпоративная политика направлена на привлечение к работе высококвалифицированных сотрудников и создание благоприятных условий труда для них. Принимая во внимание динамическую природу бизнеса, в англоязычной профессиональной бизнес-коммуникации использование акронимов продиктовано необходимостью экономии времени, усилий и символов, используемых в одном сообщении. Обилие и разнообразие аббревиатур в англоязычном профессиональном взаимодействии бизнесменов в рамках бизнес-твитов объясняется с одной стороны, лимитированностью и лаконичностью твитов (280 символов), с другой стороны – многоотраслевым характером самого бизнеса, нацеленным как на наименование различных профессиональных бизнес-реалий, так и на описание сложных бизнес-процессов.

Несомненно, бизнес-твиты выполняют не только функцию сообщения, но и функцию воздействия на адресатов. И здесь нужно прежде всего отметить, что коммуникация в «Твиттере» невозможна без графических символов @ и хэштегов #. Использование знака @ с именем пользователя является своего рода расширенной ссылкой и, следовательно, потенциальным инструментом для саморекламы, поскольку в зависимости от настроек конфиденциальности и развивающейся функциональности Твиттера все подписанные пользователи могут просматривать сообщение. Использование хэштегов в Бизнес-Твиттере и его функции заслуживает отдельного внимания. Слово «хэштег» (hashtag – от англ. «метка») является знаковой когнитивной структурой, начинается с символа #, за которым следует лексема или несколько лексем, написанных без про-

бела между ними. Хэштег используется для маркировки текстовых записей, фотоизображений, пиктограмм и т.д. в социальных сетях, блогах и других формах Интернет-медиаструктур. Изначально хэштег обладал исключительно утилитарными функциями поиска и группировки информации, однако с ростом популярности Твиттера и других социальных сетей, хэштег превратился в самостоятельную медиаструктуру. Х. Хуанг предлагает рассматривать хэштег как разговорную метку (англ.: *conversational tagging*), обладающую максимальной краткостью, воздействующим компонентом, информационной насыщенностью [10]. В «Бизнес-Твиттере», как правило, используются актуальные, тематические хэштеги: *From robots to 3-D printing, the #future is here and it's going to disrupt your #business (@NFIB)* [14]. *От роботов к трехмерной печати - #будущее здесь, и оно разрушит ваш #бизнес*. Так, хэштеги обязательно соответствуют стилю бизнес-аккаунта и цели поста, отражают основные интересы компаний, привлекают новых клиентов и поддерживают интересы уже существующих.

На наш взгляд, успешное продвижение своего бизнеса зависит от эффективности использования таких экспрессивно-оценочных средств как эпитеты, метафоры, метонимии, преувеличения. Мы разделяем мнение А.А. Дорофеевой, которая указывает, что авторы текстов деловой прессы при употреблении эмоционально-окрашенных языковых средств в языке бизнеса обращают внимание не столько на их эстетическую ценность, сколько на предоставляемые возможности и преимущества [3, с. 60]. Экспрессивно-оценочные средства делают язык и речь более емкими за счет экономии языковых средств и влияния на ассоциативное мышление человека, его эмоции и воображение. Нами было выявлено, что наиболее частотными лексическими языковыми средствами, которые встречаются в «Бизнес-Твиттере», являются эпитеты, позволяющие адресанту верболизовать свои мысли в яркой, убедительной форме, привлекающие и удерживающие внимание читателей: *When you add up every **ambitious** dreamer, every **daring** creator, every **impatient** striver searching for a better life, you get the story of America (@tim_cook)*

[14]. *Когда вы размышляете об амбициозных мечтателях, от-важных создателях, нетерпеливых, но целеустремленных иска-телях лучшей жизни, вы размышляете об истории Америки.* Так, эпитеты *ambitious, daring, impatient* не только придают речи экспрессивно-эмотивную окраску, но и характеризуют адресанта как истинного патриота своей страны, восхищающегося своими соотечественниками, а следовательно, уважительно относящегося ко всем клиентам своей компании.

Не менее эффективным приемом лингвокреативной деятельности в «Бизнес-Твиттере» является использование метафоры: *Lebanon's banks are closed. Protests have turned violent. The prime minister has resigned. And now, trading in the government bond market has all but **dried up** (@business)* [14]. *Банки Ливана закрыты. Протесты стали жестокими. Премьер-министр подал в отставку. И сейчас торговля на рынке государственных облигаций практически прекратилась.* Использование метафоры *dried up* (прекратить, приостановить) повышает прагматический потенциал бизнес-твита, усиливает эффект воздействия на сознание адресата. Мы полагаем, что с помощью метафор в англоязычном деловом дискурсе отображаются попытки осмысления предпринимателями описываемых событий на основе аналогии, ассоциации, устанавливаемой между двумя концептами – областью цели и областью источника.

Анализируя бизнес-твиты, мы обратили внимание, что адресанты прибегают к использованию метонимии, используя сопредельные, смежные, близкие понятия для придания смысловой целостности отдельно-взятого сообщения: *Crown did \$3.5 bn in sales for its fiscal year ending March 2019, up nearly \$1 bn from 2015 (@Forbes)* [16]. *Продажи королевской семьи за финансовый год, заканчивающийся в марте 2019 года, составили 3,5 млрд. долларов, что на 1 млрд. долларов больше, чем в 2015 году.* Стоит отметить, что метонимия в англоязычном профессиональном дискурсе носит, как правило, характер клише и используется в твитах с целью экономии речевых средств, заменяя одним словом словосочетания или целые предложения.

Заключение

Подводя итоги, подчеркнем, что микроблог «Твиттер» становится сегодня эффективной платформой взаимодействия представителей бизнес-сообщества и их потенциальных клиентов, а также образцовым инструментом осведомления пользователей о последних новостях компании. Главная функция такой профессиональной деловой коммуникации – контактоподдерживающая, которая во многом осуществляется благодаря лингвистической креативности как эффективном способе заполнения информационных лагун. Исследование коммуникативно-прагматических особенностей англоязычного «Бизнес-Твиттера» позволило прийти к выводу, что наиболее частотными единицами лингвокреативной деятельности пользователей является создание неологизмов, аббревиация, релексикализация, блендинг, экспрессивно-оценочные средства. Несомненно, твиты выполняют не только функцию информирования, но и функцию воздействия на адресатов. На наш взгляд, успешное манипулирование зависит от эффективности использования экспрессивно-оценочных средств (эпитетов, метафор, метонимии, преувеличения), которые делают язык и речь более емкими за счет экономии языковых средств и влияния на ассоциативное мышление человека, его эмоции и воображение.

Список литературы

1. Базилевич В.Б. Языковая игра как форма проявления лингвистической креативности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. III. С. 20–22.
2. Горошко Е.И. Новые тенденции в развитии интернет-лингвистики: общение от клавиатуры (звука) к экрану (звуку) // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 4. С. 148–153.
3. Дорофеева А.А. Метафора в текстах деловой тематики – миф или реальность? // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 9 (51): в 2-х ч. Ч. I. С. 58–61.
4. Лукова Н.В., Гарамян А.В. Просодия специальных вопросов в речи греков-билингвов // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2019. № 1. С. 29–33.

5. Кислицына Н.Н., Чернявская О.Г. Композиционные, стилистические и лексические особенности Интернет-коммуникации (на материале англоязычных блогов профессиональной направленности) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 6. С. 368–373.
6. Милетова Е.В. Структурные особенности терминов сферы религии (на материале английского языка) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2019. № 1. С. 43–46.
7. Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. URL: <https://urait.ru/viewer/psihologiya-intellekta-paradoksy-issledovaniya-422937#> (дата обращения: 23.03.2020).
8. Ширяева Т.А. Структурно-содержательная и функциональная парадигма современного делового дискурса: автореферат дисс. ... д. филол. н. Кабард.-Балкар. гос. ун-т им. Х.М. Бербекова. Нальчик, 2014. 51 с.
9. Crystal D. Internet Linguistics: A Student Guide. London: Routledge, 2011. 172 p.
10. Ding Z., Qiu X., Zhang Q., Huang X. Learning Topical Translation Model for Microblog Hashtag Suggestion // Proceedings of the Twenty-Third International Joint Conference on Artificial Intelligence, 2010 URL: <https://www.ijcai.org/Proceedings/13/Papers/307.pdf> (дата обращения: 10.03.2020).
11. Demirbas M. Crowd-sourced sensing and collaboration using twitter // World of Wireless Mobile and Multimedia Networks (WoWMoM), 2010, pp. 1–9.
12. Shyryaeva T., Trius L. A call for cultural awareness and tolerance in higher education. The case of Pyatigorsk State Linguistic University, North Caucasus, Russia // Revista de Cercetare si Interventie Sociala, 2013. T. 43, pp. 255–265.
13. Twitter_Brand_Guidelines. URL: https://about.twitter.com/content/dam/about-twitter/company/brand-resources/en_us/Twitter_Brand_Guidelines_V2_0.pdf (дата обращения: 10.03.2020).
14. Twitter for business. URL: <https://business.twitter.com> (дата обращения: 10.03.2020).

References

1. Bazilevich V.B. Jazykovaja igra kak forma projavlenija lingvisticheskoj kreativnosti [Language game as a form of manifestation of linguistic creativity]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2015. No. 8 (50). Part 3, pp. 20–22.
2. Goroshko E.I. Novye tendencii v razvitii internet-lingvistiki: obshhenie ot klaviatury (zvuka) k jekranu (zvuku) [New trends in the development of Internet linguistics: communication from the keyboard (sound) to the screen (sound)]. *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik*. 2016, no. 4, pp. 148–153.
3. Dorofeeva A.A. Metafora v tekstah delovoj tematiki - mif ili real'nost'? [Metaphor in business-related texts – myth or reality?]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2015. No. 9 (51). Part I. I, pp. 58–61.
4. Lukova N.V., Garamyan A.V. Prosodija special'nyh voprosov v rechi grekov-bilingvov [The prosody of special issues in the speech of the Greek bilinguals]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly*. 2019, no 1, pp. 29–33.
5. Kislitsyna N.N., Chernyavskaya O.G. Kompozicionnye, stilisticheskie i leksicheskie osobennosti Internet-kommunikacii (na materiale anglojazychnyh blogov professional'noj napravlenosti) [Compositional, stylistic and lexical features of Internet communication (based on the material of professional-oriented English blogs)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2019. V. 12. Issue 6, pp. 368–373.
6. Miletova E.V. Strukturnye osobennosti terminov sfery religii (na materiale anglijskogo jazyka) [Structural features of the terms of the sphere of religion (on the material of the English language)]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly*. 2019, no 1, pp. 43–46.
7. Kholodnaya M.A. *Psihologija intellekta. Paradoksy issledovanija* [Psychology of intelligence. Research Paradoxes]. URL: <https://urait.ru/viewer/psihologiya-intellekta-paradoksy-issledovaniya-422937#>
8. Shiryaeva T.A. *Strukturno-soderzhatel'naja i funkcional'naja paradigma sovremennogo delovogo diskursa* [Structural-substantive and functional paradigm of modern business discourse]: avtoreferat diss. ... d.

- filol. n. Kabard.-Balkar. gos. un-t im. H.M. Berbekova. Nalchik, 2014. 51 p.
9. Crystal D. *Internet Linguistics: A Student Guide*. London: Routledge, 2011. 172 p.
 10. Ding Z., Qiu X., Zhang Q., Huang X. Learning Topical Translation Model for Microblog Hashtag Suggestion. *Proceedings of the Twenty-Third International Joint Conference on Artificial Intelligence, 2010*. URL: <https://www.ijcai.org/Proceedings/13/Papers/307.pdf>.
 11. Demirbas M. Crowd-sourced sensing and collaboration using twitter. *World of Wireless Mobile and Multimedia Networks (WoWMoM), 2010*, pp. 1–9.
 12. Shyryaeva T., Trius L. A call for cultural awareness and tolerance in higher education. The case of Pyatigorsk State Linguistic University, North Caucasus, Russia. *Revista de Cercetare si Interventie Sociala*, 2013. V. 43, pp. 255–265.
 13. *Twitter_Brand_Guidelines*. URL: https://about.twitter.com/content/dam/about-twitter/company/brand-resources/en_us/Twitter_Brand_Guidelines_V2_0.pdf.
 14. *Twitter for business*. URL: <https://business.twitter.com>.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Гончарова Елена Анатольевна, старший преподаватель кафедры английского языка и профессиональной коммуникации
*ФГБОУ ВО Пятигорский государственный университет
пр. Калинина, 9. г. Пятигорск, 357532, Российская Федерация
nikigon@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Goncharova Elena Anatolevna, Senior Lecturer of English Language and Professional Communication Department
*Pyatigorsk State University
9, Kalinina Ave., Pyatigorsk, 357532, Russian Federation
e-mail: nikigon@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8381-627X*

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-4-58-65

УДК 808.5

ГРАФОН КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ГЕРОЕВ

Горбачёва И.А., Григорян М.В.

В статье рассматриваются процессы функционирования графона как графо-фонетического стилистического средства репрезентации патологической речи литературных героев. Актуальность темы обусловлена вниманием ученых разных областей знания к особенностям речи персонажей, страдающих теми или иными формами афазий, заиканий и других когнитивных нарушений. Особый акцент делается на рассмотрении изменений, протекающих на фонетическом ярусе языковой системы. Целью исследования является анализ функционального богатства графона как средства, способного передать различные дефекты человеческой речи на письме, а также определить, какими изменениями в фонетической структуре речевых высказываний обусловлены отступления от нормативного написания при его использовании. Наряду с решением основной задачи исследования нами был получен ответ на вопрос о роли данного фонетического приёма в раскрытии образа литературного героя в художественном тексте, что, в свою очередь, предоставляет базу для исследования влияния патологической речи на восприятие персонажа читателем.

*Метод или методология проведения работы. Исследование осуществлялось с помощью комплекса **взаимодополняющих методов**: метода сопоставительного анализа и метода научно-фиксированного наблюдения.*

Основой практической части является текст романа Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки», в частности патологическая и девиантная речь тех или иных персонажей. Изучаются изменения в их речи на фонетическом уровне и способы передачи этих изменений на письме.

Результаты исследования дают представление о роли и функции графона как инструмента трансляции патологической речи, а также о механизмах его работы в художественном тексте.

Сферой практического применения данных результатов может служить обучение фоностилистике и фоносемантике студентов филологов.

Ключевые слова: когнитивные нарушения; графон; афазия; заикание; репрезентация речевых патологий; фонетическое оформление; редупликация; эмфатическая функция; рекуррентная функция; авторские приёмы.

GRAPHON AS A STYLISTIC MEANS OF CHARACTERS' PATHOLOGICAL SPEECH REPRESENTATION

Gorbachyova I.A., Grigoryan M.V.

*The article presents the results of studying the processes connected with Graphon functioning as a phonetic means of characters' pathological speech representation. **The relevance of the topic** is stipulated by scientists' interest to the distinctive features of speech, realized by fiction characters suffering from various forms of aphasia, stuttering and other cognitive disturbances. Particular emphasis is placed on the consideration of changes occurring at the phonetic linguistic level. **The aim of the study** is to analyze the functional exuberance of the Graphon as a means that can convey various defects of human speech in writing, as well as determine which changes in the phonetic structure of speech utterances convey deviations from normative spelling when using a Graphon.*

Methodology. *The study was made by the use of a certain set of complementary **methods**: a comparative analysis method and a method of scientifically fixed observation.*

Together with reaching the main goal of the study, we can get the answers to the accessory questions concerning the role of this phonetic device in revealing the image of a fiction character; which, in turn, provides the basis for investigating the influence of pathological speech on readers' perception. The basis of the practical part is the text of Ken Kesey's novel One Flew Over

the Cuckoo's Nest and particularly the pathological and deviant speech of certain characters. The changes in their speech at the phonetic level and the transmission of these changes into writing are analyzed here in detail.

The research results suggest the notion of the role and function of the Graphon as a means of expressing pathological speech, as well as the techniques of its operation in creating the fiction text.

*The field of **practical implications** of these results is supposed to be training students of philology in phonostylistics and phonosemantics.*

Keywords: *cognitive disturbances; graphon; aphasia; stuttering; phonetic form; reduplication; emphatic function; pathological speech; recursive function; author's techniques.*

В литературе, особенно литературе реалистической, существует потребность с той или иной точностью показывать поведение и индивидуальные черты персонажей. К наиболее явной особенности относится речь, которая зачастую может помочь лучше понять характер и психологию персонажа, наделить его запоминающимися чертами. Однако существующие нормативные способы расстановки пунктуационных знаков и орфографические нормы далеко не всегда способны передать всю палитру оттенков человеческой речи, будь то просто эмоционально окрашенное высказывание или серьёзные патологии. Наиболее распространённые виды речевых расстройств стали предметом изучения не только врачей, но и целого ряда лингвистов, таких как А.Р. Лурия, Л.Р. Зиндер, Х. Хэд, В.К. Орфинская, К. Вернике Л. Лихтгейм и др. Эти нарушения, вызванные повреждением определённых зон головного мозга, например, эфферентная моторная афазия или сенсорная афазия («словесная окрошка»), являются следствием повреждения зоны Брока [1, с. 153]. Однако не только повреждения коры головного мозга становятся причиной речевых нарушений, но и врождённые дефекты активных и пассивных органов речи, такие, как повреждение нёба при хейлосхизисе, или заячьей губе, могут заметно отразиться на возможности человека производить речевые высказывания [2, с. 107].

Для передачи всех этих особенностей при создании речевых текстов используется ряд фонетических стилистических приёмов, ко-

торые можно условно разделить на авторские и исполнительские [3, с. 226]. Под исполнительскими следует понимать особую интерпретацию, варьирование или изменение просодики авторского текста при переводе его из письменной формы в устную. Объектом данной статьи всё же становятся приёмы авторские, которые включают в себя ряд графических средств. В контексте обсуждаемой проблематики под авторскими приёмами подразумеваются такие графические инструменты, как разрядка, разновидности использования шрифта, отличающиеся от шрифта всего текста, капитализация, изменения орфографии в отдельных словах, многоточие и др. [4, с. 54; 5, с. 101]. В целом все эти методы относятся к изменениям текстовой графики, а наиболее ярким из них является графон. Это паралингвистическое средство призвано фиксировать определённые индивидуальные прозносительные особенности говорящего [6, с. 18]. По своему функционалу оно обладает широким диапазоном использования в виде имитации, фонематической записи слов, замен, например, гласных высокого подъёма гласными открытыми, что помогает передать как особенности эмоциональной речи певца, особый говор, диалект или акцент, так и серьёзную патологию. Важным моментом для понимания данного вопроса представляется подразделение видов графонов на рекуррентные и окказиональные, первые из которых связаны с постоянными, неизменными речевыми особенностями, а вторые выступают в качестве атрибутов эмоционально напряжённой речи.

В контексте обсуждаемой проблематики некоторыми учёными выделяется и иная классификация графонов, базирующаяся на имитации звуковых изменений на разных уровнях организации речевой единицы: внутренние, контактные и смешанные. Внутренние представляют собой презентацию изменений одних фонем на другие, или их замалчивание в рамках одного слова; контактные графоны имитируют искажение звуков на стыке слов, например, аффрикативный [tS] в *gotcha* при слиянии *got u you*; изменения в смешанных типах происходят на обоих уровнях, как, например, в слове *gonna* = *going to*, где происходит стяжение дифтонга /əʊ/, сращивание его со стыком велярного сонанта /ŋ/ и частицы *to*, преобразуясь в упрощенное сочетание /nə/ [8, с. 2].

В работе предлагается классифицировать ряд примеров из англоязычных романов по обоим видам, проанализировав их с точки зрения структуры, а также обратить внимание на причины появления тех или иных патологий (или девиаций) в дискурсах персонажей.

При рассмотрении и анализе текста К. Кизи было определено, что частота использования графонов, посредством которых автор создаёт реалистичную картину клиники, где собирается разношёрстная толпа людей, как пациентов, так и работников, очень высока. Бросается в глаза речь Билли Биббита, подавленного в детстве персоной своей, по всей видимости, влиятельной матери, гнева которой он до ужаса страшится. Сильное заикание Биббита является результатом тяжёлой формы патологии, при которой человек непроизвольно повторяет некоторые звуки. Причина – спазм мышц речевого аппарата и сниженный кровоток в центре Брока.

*“I guess it would **b-b-be** you. You’re president of **Pay-Pay-Patient’s Council**”* [8, с. 20].

В первом случае наблюдается классическое проявление заикания, причём буквой **b** автор обозначает именно фонему /b/, а не словарный вариант прочтения этой буквы. Во втором же случае графон несёт другую функциональную нагрузку – создание лёгкого комического эффекта, легко теряемого при переводе. В данном случае графон базируется на некой форме омонимии, когда первый слог слова *patient* редуцируется идентичным по звучанию словом *pay*. Впрочем, это далеко не единственный случай, когда происходит комбинация двух стилистических средств, графона и игры слов.

*“I heard that you had **four-four-for godness’s** sakes!”* [8, с. 102]

Здесь французское сочетание букв *o+u*, реализующееся в речи посредством напряженного /ɔ:/, заменило английский /o/ перед /r/, который в сильной форме предлога *for* даёт ровно тот же напряжённый /ɔ:/.

В следующем высказывании: «...though he’s the **next luh-luh-line for the job**» [8, с. 19] можно наблюдать очень необычный случай графона, т.к. он изображает речь, в которой в момент заикания больной отсекает ядро дифтонга /aɪ/, превращая его в отдельно стоящий /ʌ/, выраженный на письме междометием *uh*.

Похожую ситуацию мы наблюдаем при описании речи Пита, который, потеряв связь с реальностью, твердит лишь «*I'm ti-i-uhd,*» [Там же, с. 43]. Помимо междометия «*uh*» автор добавляет дополнительную «*i*», показывающую чрезмерное раскрытие окончания трифтонга /*aiə*/, звучащего теперь как /*aia*/, графон тут показывает не только степень атрофии речевого аппарата, но и эмоциональную окраску речи, почти рефлексивное отчаяние, вызванное болезнью.

„*Fffffffuck da wife! Fffffffuck da wife!*“ [Там же, с. 17]. Данный часто используемый вариант графона выполняет две функции: эмфатическую и рекуррентную (имитирующую региональное произношение). Наблюдается переход лингва-дентального /*ð*/ в альвеолярный переднеязычный /*d*/ и раскрытие /*ə*/ практически до /*ʌ*/ – явления, свойственные малообразованному населению. Похожие речевые девиации можно отметить и в речи чернокожих санитаров больницы: «*Tha's right*» [8, с. 103], где альвеолярная /*t*/ практически полностью исчезает, способствуя образованию стыка /*as*/.

Анализ текста показал функциональное богатство графона как средства, способного передать различные дефекты человеческой речи на письме, а также определить, какими изменениями в фонетической структуре речевых высказываний обусловлены отступления от нормативного написания при его использовании. Результаты исследования показали роль и функции графона как инструмента трансляции патологической речи и механизмы его работы в художественном тексте.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Список литературы

1. Лурия А.Р. Высшие корковые функции человек и их нарушения при локальных поражениях. М.: Издательство Московского университета, 1962. 431 с.

2. Зиндер Л.Р. Общая фонетика. Учебное пособие. М.: Высшая школа, 1979. 311 с.
3. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. 4-е изд., М.: Флинта: Наука, 2002. 384 с.
4. Мороховский А.Н. Стилистика английского языка. Киев: Головное издательство объединения «Вища школа», 1984. 235 с.
5. Котомцева Е.А. Фоносемантические способы выражения пейоративности в междометиях (на материале русского и английского языков) // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2018. № 4. С. 99–112.
6. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. Учебное пособие. М.: Просвещение, 1988. 192 с.
7. Ползунова М.В., Никитин С.С. Графон как феномен современного языкового пространства // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9. С. 149–152.
8. Kesity K. One flew over the cuckoo's nest. Нью-Йорк: Беркли, 2016. 325 p.

References

1. Luriya A.R. *Vysshie korkovye funktsii chelovek i ih narusheniya pri lokal'nyh porazheniyah* [Higher cortical functions in man and their disturbances in local brain lesions]. М.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1962. 431 p.
2. Zinder L.R. *Obshchaya fonetika. Uchebnoe posobie* [General phonetics. Textbook]. М.: Vysshaya shkola, 1979. 311 p.
3. Arnold I.V. *Stilistika. Sovremennyy anglijskij yazyk: Uchebnik dlya vuzov* [Stylistics. Modern English language: textbook]. 4-е изд., М.: Флинта: Наука, 2002. 384 p.
4. Morohovskij A.N. *Stilistika anglijskogo yazyka* [Stylistics of the English language]. Киев: Golovnoe izdatel'stvo ob"edineniya "Vishcha shkola", 1984. 235 p.
5. Kotomtseva E.A. *Phonosemanticheskie sposoby vyrazheniya pejorativnosti v mezhdopetiyah (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov)* [Sound symbolism of pejorative meaning in interjections (based on the Russian and English languages)]. *Vestnik PNIU. Problemy yazykoznanija i pedagogiki*. 2018. № 4, pp. 99–112.

6. Kukhareno V.A. *Interpretaciya teksta* [Text interpretation]. M.: Prosveshchenie, 1988. 192 p.
7. Polzunova M.V., Nikitin S.S. Grafon kak fenomen sovremennogo yazykovogo prostranstva [Graphon as a phenomenon of the contemporary linguistic space]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2017. № 9, pp. 149–152.
8. Kesey K. One flew over the cuckoo's nest. New York: Berkley, 2016. 325 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Горбачёва Ирина Александровна, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка, кандидат филологических наук
Оренбургский государственный университет
Просп. Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация
irgorby50@mail.ru

Григорян Михаил Валерьевич, бакалавр, направление «Зарубежная филология»
Оренбургский государственный университет
пр. Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация
zelda2217@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Gorbachyova Irina Aleksandrovna, Associate Professor at the Department of English Philology and Methods of Teaching English, PhD of Philological Sciences
Orenburg State University
13, Pobedy Ave., Orenburg, 460018, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-2428-8427

Grigoryan Mikhail Valerievich, Bachelor of Linguistics
Orenburg State University
13, Pobedy Ave., Orenburg, 460018, Russian Federation
zelda2217@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-4-66-75

УДК 81-115

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТОВ СОЗИДАНИЯ В РУССКОЙ, НЕМЕЦКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Здановская Л.Б.

Цель. Статья посвящена специфике языковой реализации понятий, объединенных по семантическому признаку в группу концептов созидания, в русском, немецком и английском языковых пространствах. К данной группе концептов, общей численностью 4 единицы, автор относит «Строительство (стройка)/ Bau/ Construction», «Стена /Wand / Wall», «Архитектура безопасности / Sicherheitsarchitektur / Security Architecture /», «Политический Олимп / Politischer Olymp/ Political Olympus». Автором анализируются причины возникновения, динамика развития, а также результат представленности данных единиц в исследуемых лингвокультурах.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили лексемы, извлеченные из толковых словарей русского, немецкого, английского языков, а также опубликованные ранее статистические данные результатов анализа лексики, фразеологии и афористики, посвященные указанной тематике. Репрезентанты концептов созидания были подвергнуты лексико-семантическому и сравнительно-сопоставительному анализу.

Результаты. Полученные результаты продемонстрировали различный уровень численной реализации; представленность исследуемых концептов на когнитивном и языковом уровнях; антропоцентризм созидательного действия. По мнению автора, представление концептами созидания культурных констант русского, немецкого и английского народов свидетельствует об универсальности и национально-культурной значимости данных единиц.

Ключевые слова: концепт; созидание; действие; лингвокультура; когнитивная лингвистика; культурные константы.

PECULIARITIES OF THE REPRESENTATION OF THE CONCEPTS OF THE CREATION IN THE RUSSIAN, GERMAN AND ENGLISH LINGUISTIC CULTURES

Zdanovskaya L.B.

The article is devoted to the specifics of the language implementation of concepts united by semantic feature in the group of concepts of creation in the Russian, German and English lingual spaces. This group of concepts with a total of 4 units includes “Stroika / Bau/ Construction”, “Stena /Wand /Wall”, “Arkhitektura bezopasnosti / Sicherheitsarchitektur / Security Architecture”, “Politicheskii Olimp /Politischer Olymp / Political Olympus”. The author analyzes the causes of occurrence, dynamics of the development as well as the result of the representation of these units in the studied linguistic cultures.

Materials and methods. *The research material was lexemes selected from the explanatory dictionaries of the Russian, German, and English languages as well as previously published statistical data on the results of the analysis of vocabulary, phraseology, and aphorisms on this problem. Representatives of the concepts of the creation were subjected to lexical-semantic and comparative analysis.*

Results. *The results obtained demonstrate different levels of numerical implementation, representation of the concepts under study at the cognitive and linguistic levels as well as the anthropocentrism of a creative action.*

According to the author, the concept of creating cultural constants of Russian, German and English peoples testifies to the universality and national-cultural significance of these units.

Keywords: *concept; creation; action; linguistic culture; cognitive linguistics; cultural constants.*

Введение

Исторические предпосылки возникновения теории концепта, обусловленные возникшей необходимостью исследования его функциональной значимости, «трансляции» на языковом и ментальном

уровнях и последовавший за этим рост научно-исследовательских работ в рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии позволяют прийти к констатации факта несомненной перспективы поступательного развития данного направления в языкознании. Однако частотность использования термина *концепт*, фигурирующего в качестве ключевого понятия в ряде трудов, а также внушительный перечень национальных и международных исследований, посвященных данной тематике, явились мощным стимулом для развития многочисленных научных лингвистических школ, теоретические выводы каждой из которых, по нашему мнению, не являются исчерпывающими в силу неоднозначности предложенных ими определений в отношении концепта.

Материалы и методы

Материалом для данной статьи послужили лексемы, подвергнутые структурно-семантическому анализу в рамках сравнительно-сопоставительного исследования, а также результаты опубликованных нами ранее работ, касающихся рассмотрения концептов «Строительство (стройка)/ Bau/ Construction», «Стена/ Wand/ Wall», «Архитектура безопасности/Sicherheitsarchitektur/ Security Architecture/», «Политический Олимп/ Politischer Olymp / Political Olympus», относимых нами к концептам созидания и рассматриваемых с позиции когнитивной лингвистики.

Академическое издание толкового словаря Д.Н. Ушакова ограничивается указанием одного значения лексемы *созидание*: Действие по глаголу созидать, творчество [2, с. 760]. В немецком словаре DUDEN данное слово представлено двумя синонимичными значениями: *Schöpferisches Arbeiten, das Erschaffen von Kunstwerken* [5]. Английский Оксфордский словарь содержит более обширную характеристику понятия, представленную четырьмя значениями: 1. The act or process of making sth. That is new, or of causing sth. to exist that did not exist before. 2. A thing that sb. has made, especially sth. that shows ability or imagination. 3. The making of the world, especially by God as described in the Bible. 4. The world and all the living things in it

[7, p. 360]. Произведенный анализ указанных лексикографических источников позволяет заключить об абсолютном совпадении значений в русском и немецком языках. Английская лексема *creation* идентична по употреблению русской лексеме *созидание* и немецкой *Schaffen* в первом и втором значениях.

Результаты исследования

Полученные в ходе сравнительно-сопоставительного анализа данные о структурно-семантической дифференциации концептов «Строительство (стройка)/ Bau/ Construction», «Стена/Wand/Wall», «Архитектура безопасности/ Sicherheitsarchitektur/ Security Architecture/», «Политический Олимп/ Politischer Olymp/ Political Olympus», исследованных в рамках русской, немецкой и английской лингвокультур, позволяют нам обозначить специфику семантической закреплённости данных единиц как концептов созидания. К концептам созидания мы относим понятия, имплицитные действия, процесс, направленные на создание нового, не существовавшего ранее, произведенного при наличии определенных способностей или воображения.

Обсуждение

Учитывая факт, что созидательная, творческая деятельность человека исторически заключает в себе эмпирический компонент, то есть, сопряжена с приобретением жизненно необходимого опыта, считаем целесообразным подчеркнуть прямую соотносительность концепта с понятием антропоцентричности, что также делает правомерным утверждение о существовании концепта в ментальном сознании человека как языковой личности. «Апостериорность концептов» созидания, а, следовательно, их прямая связь с «действием» объясняется историческими предпосылками реализации жизненно-важного, «витального» принципа – инстинкта самосохранения. Лексема *действие* представлена в толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой 6 значениями: 1. Проявление какой-н. энергии, деятельности, а также сама сила, деятельность функционирующая

ние чего-н. 2. Результат проявления деятельности чего-н., влияние, воздействие. 3. Поступки, поведение. 4. События, о которых идет речь. 5. Часть драматургического произведения. 6. Основной вид математического вычисления [1, с. 157]. Синонимичный ряд лексемы *действие* включает 21 единицу: *деяние, подвиг, поступок, выходка, шаг, маневр, манипуляция, махинация, операция, процедура, процесс, акт, делание, дело, выделка, изготовление, исполнение, осуществление, реализация, производство, фабрикация*.

Лексема *Handeln* представлена в словаре DUDEN тремя значениями: 1. Das bewusst ausgeführte Tat. 2. Abfolge von zusammenhängenden, miteinander verketteten Ereignissen, Vorgängen, die das dramatische Gerüst einer Dichtung, eines Films oder dergleichen bildet; Fabel, Plot; 3. Handelsunternehmen, Laden, Geschäft. Синонимичный ряд лексемы *Handeln* фиксирует 9 единиц: *Akt, Aktion, Tat, Tun, Vorgang, Hergang, Inhalt, Stoff, Geschehen* [5].

Словарь OXFORD указывает 9 значений лексемы *action*: 1. The process of doing sth in order to make sth happen or to deal with a situation. 2. A thing that sb does. 3. A legal process to stop a person or company from doing sth, or to make them pay for a mistake, etc. 4. Fighting in a battle or war. 5. The events in a story, play, etc. 6. *Exciting* events. 7. The effect that one substance or chemical has on another. 8. The way a part of body moves or functions. 9. Parts of a piano, gun, clock etc. or the way the parts move [7, с. 14]. Синонимичный ряд лексемы *action* представлен 26 единицами: *actions, effect, force, impact, influence, exposure, initiative, thing, deed, event, measure, proceeding, legal action, suit, sue, lawsuit, claim, process, operation, battle, combat, conduct, share, stock, equity, shooting war*.

Анализ лексем *действие / Handeln / action*, предпринятый на основе толковых словарей, продемонстрировал численное преимущество английской единицы по количеству значений (англ. – 9; рус. – 6; нем. – 3) и по численности в составе синонимичных рядов (англ. 26; рус. – 21; нем. – 9). Результаты сравнительно-сопоставительного анализа выявили фактическое несоответствие значений в русском, немецком и английском языках. В целом, значения, репрезентирующие кон-

цепт «Действие», а, следовательно, и соотнесенные с ним концепты созидания, подлежат сравнению при условии наличия выявленных несоответствий. В русском языке акцентируется на само действие, а проявление, результат проявления деятельности. Немецкий источник указывает на более глубокий, когнитивный уровень реализации: *осознанно* совершенное действие (поступок, деяние). Английское издание выделяет в качестве ключевого значения *процесс* выполнения чего-л., способствующий осуществлению либо разрешению определенной ситуации. Выявленные различия свидетельствуют об особенностях реализации процесса созидания в исследуемых языковых пространствах, а также указывают на определенную преемственность действия, передаваемого эмпирически, «из поколения в поколение», его универсальность: „Generationen reden verschieden, und handeln gleich“ (Carl Ludwig von Haller) [3].

По мнению Ю.С. Степанова, любое действие носит двойственный, дуальный характер [4, с. 340]. С одной стороны, любое действие материально, с другой стороны, материальная природа произведенного действия подкреплена духовным основанием [Там же, с. 341]. На основе классификации, предложенной Ю.С. Степановым, мы подразделяем действия, выраженные концептами созидания на следующие группы: 1. Действия упорядочивающие; 2. Действия обрабатывающие; 3. Действия добывающие [Там же, с. 341]. К упорядочивающим ученый относит действия, имеющие анималистическую природу происхождения, то есть связанные с поведением животных. Ключевой фигурой, «комплексным агентом» [Там же, с. 345] выступает сам человек, совмещающий в себе две категории: «агенса-инициатор» и «агенса-исполнитель». В группу обрабатывающих объединены действия с «расчлененной» группой агенса [Там же]. При этом данная группа действий выступает моделью по отношению к другим типам. Группа добывающих действий, возникшая внутри группы обрабатывающих действий, подразделяется, в свою очередь, на добывающие действия синтетического типа (модификация добытого в результате деятельности материала [Там же, с. 353] и добывающие действия, называемые «открытиями».

Рассматриваемые в данной статье концепты созидания в количестве 4 единицы «Строительство (стройка)/ Bau/ Construction», «Стена/Wand/ Wall», Архитектура безопасности/Sicherheitsarchitektur/ Security Architecture/», «Политический Олимп/ Politischer Olymp / Political Olympus», представлены двумя группами действий. К группе упорядочивающих действий мы относим понятия «Архитектура безопасности /Sicherheitsarchitektur / Security Architecture/», «Политический Олимп / Politischer Olymp / Political Olympus», поскольку возникновение насущной потребности в безотлагательном упорядочении хаотических процессов, влияющих на сохранение и поддержание определенного баланса геополитической стабильности в глобальном масштабе, диктует системный, интегрированный подход к реализации данного действия. Концепт «Строительство (стройка)/ Bau/ Construction» и его репрезентант – концепт «Стена/Wand/ Wall» включены в группу обрабатывающих действий аналитического типа, поскольку «объект-результат» поддается прогнозированию, а «объект-воздействие» имплицитно сопряжен с объектом-результатом, то есть «<...> возникал в процессе действия, как бы выделяясь из него» [Там, с. 347].

Заключение

Данные сравнительно-сопоставительного анализа исследованных нами концептов позволяют автору прийти к следующему заключению:

1. Исследованные единицы лексики подтверждают специфику представления ими картины мира русского, немецкого и английского народов, демонстрируя факты частичного либо полного несовпадения миропонимания в национальном масштабе.

2. Совокупная репрезентация концепта Строительство (стройка)/ Bau/ Construction» составила 2839 ед. (рус. – 1360; нем. – 742; англ. – 739).

3. Концепт «Стена/Wand/ Wall» демонстрирует языковую реализацию в объеме 142 единицы. Концепт «Политический Олимп/ Politischer Olymp / Political Olympus» показывает умеренную продуктивность – 386 единиц.

4. Языковая реализация концепта «Архитектура безопасности / Sicherheitsarchitektur / Security Architecture/» составила 42 единицы. Довольно низкая по численности представленность данного концепта в русском, немецком и английском языковых пространствах объясняется сравнительно малым сроком его существования (с 2007 года). Суммарная представленность рассматриваемых концептов созидания в русском, немецком и английском языках составила 3409 единиц, что доказывает их фактическую вербализацию в указанных лингвокультурах.

5. Конструктивный характер «созидательного действия», отмеченный в большинстве случаев положительной коннотацией, иллюстрирует творческую природу человека как главного исполнителя действия, нацеленную на достижение конкретной реализуемой цели и наделенного «божественными полномочиями творца»: „*Now I really make the little idea from clay, and I hold it in my hand. I can turn it, look at it from underneath, see it from one view, hold it against the sky, imagine it any size I like, and really be in control, almost like God creating something*“ (Henry Moore), – «*Теперь я действительно создаю маленькую идею из глины, и я держу ее в руке. Я могу повернуть ее, посмотреть на нее снизу, увидеть ее со стороны, держать ее на фоне неба, вообразить ее в любом размере, который мне нравится и на самом деле контролировать ситуацию, почти как Бог, творящий что-либо*» [6, с. 113] (Перевод наш – Л.З.).

6. Полученные результаты позволяют сделать вывод о векторной направленности *созидательного* действия: от начального этапа – схематичного представления объекта на когнитивном уровне до конечной реализации – материального воплощения задуманного.

7. Результатом «овнешнения» концептов созидания является актуализация множественности смыслов в ментальном сознании русской, немецкой и английской наций, участвующих в репрезентации культурных констант этих народов. К наиболее значимым константам культуры, представляющим указанные концепты, мы относим следующие: ЧЕЛОВЕК, ХАРИЗМАТИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ, РЕМЕСЛО, ДОМ, УЮТ, ГОРОД, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, ВЕРА, МОРАЛЬ, ПРАВСТВЕННОСТЬ и др.

Информация о конфликте интересов. Автор заявляет о фактическом отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. Настоящее исследование проводилось без опоры на дополнительные источники финансирования.

Список литературы

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2007. 944 с.
2. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция. М.: ООО «Дом славянской книги», 2008. 960 с.
3. Цитаты со словом «Handeln». URL: <https://educalingo.com/ru/dic-de/handeln/amp>. (дата обращения 31.03.2020).
4. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
5. Duden Deutsches Universal-Wörterbuch. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/> (дата обращения 31.03.2020).
6. The Harper Book of Quotations, Third Edition. Edited by Robert I. Fitzhenry. The Unated States of America: HarperCollins Publishers, 1993. 528 p.
7. Hornby A.S., Gatenby E.V., Wakefield H. The Advanced Learner's Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2005. 1060 p.

References

1. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyyj slovar' russkogo yazyka* [The explanatory dictionary of the Russian language]. 4-e izd., dop. Moscow: ООО «ИТИ Tekhnologii», 2007. 944 p.
2. Ushakov D.N. *Bol'shoj tolkovyyj slovar' russkogo yazyka. Sovremennaya redakciya* [The unabridged dictionary of the Russian language. Modern edition]. Moscow: ООО «Dom slavyanskoj knigi», 2008. 960 p.
3. *Citaty so slovom «Handeln»* [Quotes with the word *Handeln*]. URL: [<https://educalingo.com/ru/dic-de/handeln/amp>].
4. Stepanov Yu.S. *Konstanty: slovar' russkoj kul'tury* [Constants: The dictionary of Russian culture]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2004. 992 p.
5. Duden Deutsches Universal-Wörterbuch. URL: [<https://www.duden.de/rechtschreibung/>].

6. The Harper Book of Quotations, Third Edition. Edited by Robert I. Fitzhenry. The Unated States of America: HarperCollins Publishers, 1993. 528 p.
7. Hornby A.S., Gatenby E.V., Wakefield H. The Advanced Learner's Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2005. 1060 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Здановская Лидия Борисовна, доцент кафедры иностранных языков
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина»
ул. Калинина 13, г. Краснодар, 350044, Российская Федерация
zdanovskaya2903@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Zdanovskaya Lidia Borisovna, Associate Professor of the Chair of Foreign Languages
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin
13 Kalinina Str., Krasnodar, 350044, Russian Federation
zdanovskaya2903@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2488-2506

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-4-76-90

УДК 811.11-112

ОСНОВНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Зоркина (Кулакова) К.В.

Статья посвящена изучению речевого поведения носителей немецкого молодежного сленга, стратегического и тактического планирования речевых действий немецкой молодежи, что определяет актуальность работы в теоретическом и прикладном аспектах. Коммуникативная стратегия рассматривается в сопоставлении с речевой и поведенческой стратегиями. Коммуникативная тактика – действие, способствующее реализации стратегии. Автор рассматривает две часто используемые в речевом поведении немецкой молодежи коммуникативные стратегии: «самопрезентации» и «воздействия на адресата». Материал исследования - 985 высказываний, включающих сленгизмы, зафиксированных автором в ходе наблюдения за студентами, обучающихся в г. Гермерсхайме, а также выбранных из немецких блогов и чатов. В основе коммуникативной стратегии «самопрезентации» выделены тактики: выражения принадлежности к группе, выражения престижа, выражения отношения к предметам и явлениям окружающей действительности, субъективной самохарактеристики. Реализации коммуникативной стратегии «воздействия на адресата» способствуют тактики: акцентирования внимания на более значимой для адресанта информации, скрытого побуждения, создания дружеской тональности общения. Каждая тактика подробно рассмотрена на конкретных примерах. Автор приходит к выводу, что в речевом поведении немецкой молодежи более распространена коммуникативная стратегия «самопрезентации». Этот факт определяет основную цель использования сленгизмов в речи немецкой молоде-

жи – идентификация себя с определенной группой и одновременно отчужденность от других социальных групп.

Цель. *Статья нацелена на выявление основных коммуникативных тактик, реализуемых молодыми людьми в речи. Предметом анализа является речевое поведение немецкой молодежи в ситуациях общения среди сверстников.*

Метод и методология проведения работы. *Основу исследования составляют метод наблюдения за речевым поведением информантов, метод опроса с целью получения языкового и социологического материала для дальнейшего исследования, метод контекстуального анализа, описательный метод.*

Результаты. *В результате работы выявлены 2 основные коммуникативные стратегии, которые немецкая молодежь использует в общении среди сверстников: «самопрезентации» и «воздействия на адресата». Через них определяются основные цели использования сленгизмов: отгородиться от мира взрослых, быть признанным среди сверстников, оказывать влияние на них.*

Область применения результатов. *Практическая ценность работы определяется возможностью использования ее результатов в теоретических и практических курсах по межкультурной коммуникации, социолингвистике.*

Ключевые слова: *коммуникативный акт; коммуникативная стратегия; коммуникативная тактика; речевое общение; самопрезентация; воздействие на адресата.*

BASIC COMMUNICATIVE TACTICS OF YOUTH SLANG USE ON THE GERMAN LANGUAGE MATERIAL

Zorkina (Kulakova) K. V.

The article is devoted to the study of young Germans' speech behavior while using youth slang, as well as strategic and tactical planning of German youth's speech actions. It determines the relevance of the research in theoretical and applied aspects. Communicative strategy is

considered in conjunction with speech and behavioral strategies. Communicative tactics is an action that contributes to the implementation of the strategy. The author considers two communicative strategies often used in speech behavior of German youth, i.e. “self-presentation” and “influencing the recipient”. As material of the research the author used 985 statements with slangisms, which were recorded while observing the speech behavior of students studying in Germersheim, as well as the examples found on German blogs and chats. The communicative strategy of “self-presentation” is realized through the following tactics: expressing membership in a group, expressing prestige, expressing attitude to objects and phenomena of surrounding reality, subjective self-characterization. The realization of the communicative strategy of “influencing the recipient” is facilitated by tactics: focusing on more important information for the recipient, hidden motivation, creating a friendly tonality of communication. Each tactics is analyzed on specific examples. The author comes to the conclusion that the communicative strategy of “self-presentation” is more common in German youth’s speech behavior. It reveals the main purpose of using slang in their speech, i.e. the identification of oneself with a certain group and at the same time alienation from other social groups.

Purpose. *The article aims to identify the main communication strategies and tactics implemented by young people in speech. The subject of analysis is German youth’s speech behavior in communication situations among peers.*

Methodology. *The research is based on the method of observing the speech behavior of informants, the method of questioning to obtain linguistic and sociological material for further research, the method of contextual analysis and the descriptive method.*

Results. *As a result of the research two main communication strategies that German young people use in communication among peers were identified. This is a communicative strategy of “self-presentation” and of “influencing the recipient.” Thus, the main goals of using slangisms are determined: to isolate oneself from the adult world, to be recognized among peers, to exert influence on them.*

Practical implications. *The practical value of the research is determined by the possibility of using its results in theoretical and practical courses on intercultural communication, sociolinguistics.*

Keywords: *communicative act; communicative strategy; communicative tactics; speech interference; self-presentation; influencing the recipient.*

Понятия речевого воздействия и коммуникативной стратегии не являются новыми в лингвистике. Исследованием коммуникативных стратегий и тактик занимались такие отечественные и зарубежные лингвисты, как В.З. Демьянков (1982), Т.А. ван Дейк (1983), С.А. Сухих (1986), Е.М. Верещагин (1992) и др.

В 80-х гг. 21 в. усилилось влияние коммуникативно-прагматического подхода к изучению языковых явлений, что повлекло за собой широкое распространение терминов коммуникативная стратегия и коммуникативная тактика.

Цель статьи – выявить и охарактеризовать основные коммуникативные стратегии и тактики, реализуемые молодежью в речи при общении среди сверстников. В рамках достижения указанной цели поставлены задачи: рассмотреть понятие коммуникативной стратегии; выявить коммуникативные стратегии, часто используемые молодыми людьми в ситуациях общения со сверстниками с употреблением молодежного сленга; проанализировать тактики их реализации на материале немецкого языка. В качестве основных общенаучных методов были использованы: метод наблюдения за речевым поведением информантов, метод опроса с целью получения языкового и социологического материала для дальнейшего исследования, метод контекстуального анализа, описательный метод для классификации и интерпретации языковых единиц. Актуальность данной статьи заключается в рассмотрении коммуникативных стратегий, применяемых молодыми людьми в общении друг с другом в ситуациях употребления молодежного сленга в немецкоязычной коммуникативной среде.

В основе слова «стратегия» лежит лексическое значение планирования действий, связанных с социальной конфронтацией. Психоло-

логи определяют данное понятие через идею прогноза поведения коммуникантов. Стратегии поведенческие наиболее близки к стратегиям речевым. Общая черта всех видов стратегий заключается в том, что любая стратегия представляет собой своего рода гипотезу относительно будущей ситуации и обладает некоторой степенью вероятности. Советский и российский филолог О.С. Иссерс полагает, что стратегия включает в себя планирование процесса коммуникации с учетом конкретных условий общения и личностей коммуникантов и реализацию данного плана. Так, «речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [5, с. 181].

Понятие «коммуникативная тактика» большинство лингвистов рассматривают как совокупность практических «шагов» в реальном процессе коммуникации. «Тактика соотносится с конкретными речевыми актами или ходами и определяется социально-психологическими параметрами». Если «стратегия задается коммуникативной ролью в эпизоде общения», то «оформление коммуникативной роли – тактическая характеристика» [2, с. 35–36]. Коммуникативная тактика в ходе разговора больше, чем стратегия, может меняться в зависимости от условий общения, мнения, высказанного собеседником, и др.

Коммуникативные тактики и стратегии представляют собой часть знаний о мире, которые пополняются и обновляются со временем, в течение жизни. Отсутствие опыта затрудняет понимание того, как необходимо вести себя в различных ситуациях, поскольку ограничивает представление о типах речевого поведения. Это в свою очередь ведет к коммуникативным затруднениям. Коммуниканты, по мнению О.С. Иссерс, должны иметь представления об обычных ситуациях общения и обладать опытом их анализа, чтобы суметь спланировать речевые действия. До начала коммуникативного взаимодействия у говорящего обычно имеется три вида актуальных для планирования коммуникации данных: какое речевое событие, речевой акт предстоит; каковы установки коммуникантов; какова ситуация общения. «Прогноз предстоящей вербальной ком-

муникации строится на основе представлений о речевом акте <...>, коммуникативном взаимодействии (с учётом мотивов и целей говорящего и слушающего, их вербальных и невербальных действий) и всей ситуации в целом» [5, с. 183]. Данными представлениями обусловлен «стратегический выбор значимых единиц разных уровней и способов их организации, т.е. создание текста, оптимального для решения коммуникативной задачи говорящего» [Там же].

В научной литературе существуют различные классификации коммуникативных стратегий. Согласно классификации О.С. Иссерс, коммуникативные стратегии по характеру целей и по функциям содержания можно разделить на основные (когнитивные) и вспомогательные. Основные связаны с «воздействием на адресата, его модель мира, систему ценностей, поведение», то есть это стратегии информирования, дискредитации, подчинения и т. д. Вспомогательные стратегии «способствуют эффективной организации диалогового взаимодействия и могут подразделяться на прагматические (построение имиджа, формирование эмоционального настроения), диалоговые (контроль над темой, контроль над инициативой) и риторические (привлечение внимания, драматизация)» [Цит. по: 6, с. 397].

В рамках исследования мы провели наблюдение за студентами в возрасте от 17 до 27 лет, обучающихся в г. Гермерсхайм (Германия), и зафиксировали высказывания, в которых были употреблены сленгизмы. Кроме того, нами были проанализированы немецкоязычные блоги и чаты, в которых общается немецкая молодежь. В результате нами зафиксировано 985 высказываний. В ходе анализа речевого поведения немецкой молодежи мы выделили две наиболее частые коммуникативные стратегии: коммуникативную стратегию «самопрезентации» и коммуникативную стратегию «воздействия на адресата».

Рассмотрим коммуникативную стратегию «самопрезентации». Термин «самопрезентация» рассматривается современными лингвистами как возможность представить себя путем «дискурсивного моделирования образа в прагматической ситуации общения» [9,

с. 123]. Стратегия самопрезентации особенно характерна молодежи, поскольку молодые люди стремятся к самовыражению, признанию и утверждению в своей социальной идентичности. В рамках данной стратегии молодой человек хочет показать свою принадлежность к социальной группе молодых людей, отграничить себя от мира взрослых, создать себе достойный образ. В основе данной коммуникативной стратегии мы выделили следующие тактики: выражения принадлежности к группе, выражения престижа, выражения отношения к предметам и явлениям окружающей действительности, субъективной самохарактеристики. Рассмотрим каждую из данных тактик.

1. Тактика выражения принадлежности к группе связана с психологической потребностью молодых людей отграничить себя от детей и от старшего поколения (они уже не дети, но еще и не взрослые) и идентифицировать себя как члена группы молодых людей, быть с ними едиными. В среде молодежи молодые люди могут чувствовать себя полноправными членами социума, раскрепощенными и свободными в выражении собственного мнения, своего «Я». Во время как в социальных институтах, где присутствуют взрослые: школах, университетах, семье, они чувствуют себя ущемленными, не имеющими реальных прав, потому как взрослые принимают решение и их мнение главенствует. Данная тактика реализуется через выбор иллюзий кооперации, единения, сплочения.

– „Und, *alter Schwede* (старина), weiß' du was? Sie hat mich bloß *angeblökt* (обливать грязью). So ein *Flittchen* (фифа)”. В данном примере молодой человек рассказывает своему сверстнику, как плохо обошлась с ним девушка. При этом единение с собеседником происходит за счет употребления обращения *alter Schwede*. Кроме того, говорящий употребляет лексемы, относящиеся к молодежному сленгу и понятные только внутри группы.

– “Hi, *Amigo* (друган), *geh bei grün* (расслабься)!“ Данное предложение – яркий пример реализации тактики выражения принадлежности к группе: говорящим используется фамильярное приветствие, которое можно употребить только среди «своих», дружеское

обращение, а также сленгизм, который был бы непонятен человеку, не принадлежащему социальной группе молодежи.

2. Тактика выражения престижа также является распространенной в речевом поведении молодежи. Молодому человеку необходимо не только обозначить свою принадлежность к группе, но и стать самым ярким членом группы, чтобы быть уважаемым среди «своих». Это достигается путем демонстрации статусности, наличия своего непреклонного мнения, достоинств и т.д. Данная тактика реализуется через иллокуции выражения эмоций, чувств, настроения, высказывания поздравлений и пожеланий. Кроме того, молодые люди активно используют в своей речи заимствования из английского языка, чтобы показать свою эрудированность, престижное социальное положение. В мире информационных технологий, где царят ноутбуки, планшеты и смартфоны, английский язык становится «интернациональным» языком, знать который необходимо каждому уверенному пользователю гаджета.

– “OMG immer wieder diese *Chicken Talks* (бабская болтовня)! Sie *steh'n* mir schon *bis hierher* (надоесть).” В данном примере говорящий употребляет англицизм, чтобы продемонстрировать свое пренебрежительное отношение к женским разговорам и тем самым повысить свой авторитет в глазах сверстников.

– “Das is' bloß *Bullshit* (чушь)! Meine Party is' ne *gescancelt* (накрыться). Sie ist am Freitag um 22.” Говорящий для выражения своих эмоций относительно недостоверной информации об отмене его вечеринки использует в высказывании 2 сленгизма, пришедших из английского языка: *Bullshit*, *canceln*. При этом использование англицизмов в данном случае повышает эмоциональную нагрузку сообщаемого.

3. Суть тактики выражения отношения к предметам и явлениям окружающей действительности заключается в демонстрации говорящим своего мнения и отношения к объектам, субъектам, явлениям действительности и ситуациям. Через выражение своего отношения к окружающему миру автор текста косвенно характеризует себя: свои интересы, предпочтения и т.д. Данная тактика реализу-

ется через выбор иллюкций одобрения/отрицания, восхищения/отвращения, уважения/пренебрежения и др.

– „Hey, mein’ Mutti hat mir ein “*fettes*” (крутое, в данном случае с сарказмом) Kleid gekauft. Ich seh’ in dem wie klein *Doofi* (лох, простачка) mit Plüschohren aus”. В данном примере девушка пренебрежительно оценивает свой внешний вид в купленном матерью платье, подчеркивая при этом разницу во взглядах с взрослым поколением.

– “A: Mein grüner Rock ist so *funky* (прикольный)!

B: *Real* (точно), er ist sehr *kultig* (модный). Diese *keusche Schwester* (монашки) können nur *sabbeln* (пускать слюни).“

В данном примере две студентки обсуждают новую юбку, которая невероятно красивая и очевидно хорошо сидит на одной из них. В своем разговоре они также обсуждают других девушек, которые одеваются не так модно и стильно как они, чем заслуживают неодобрение собеседниц.

4. Тактика субъективной самохарактеристики предполагает создание желаемого образа говорящим, субъективную оценку своей внешности, черт характера, уровня интеллектуального развития, образованности, интересов, характеристику своего эмоционального состояния и др. Данная тактика реализуется через выбор иллюкций репрезентации.

– “A: Ich bin *Forever-Alone-Guy* (вечно одинокий парень).

B: Na, cool, du bis’ *Forever-Schatzsuchender-Guy* (парень, который вечно ищет любовь)”. В данном примере молодой человек характеризует свой социальный статус холостяка как парня, не имеющего девушки на протяжении большого периода времени. Это не воспринимается сверстниками как нечто негативное, наоборот, они оценивают одиночество как некую свободу для поиска новых отношений.

– “Dies’ *Diplomarbeit steh’ mir bis hierher* (достать)! Ich muss die den jed’n Tag schreiben wie ein *totaler Fachidiot* (узколобый специалист, фанат своего дела). Ich sterb’ von diese *Fadität* (отстой)“. В данном высказывании молодой человек выражает свое эмоциональное состояние, используя сленгизмы для придания экспрессии.

Другая стратегия, реализуемая в молодежной среде, – коммуникативная стратегия «воздействия на адресата». В любом коммуникативном акте собеседники ставят перед собой различные неречевые цели, которых стремятся достичь в процессе коммуникации. В результате влияния речевых действий собеседника происходит изменение поведения, сознания и жизненных установок адресата таким образом, как это необходимо адресанту. При этом изменение мыслей и поступков происходит незаметно для адресата, он не осознает влияния и полагает, что принимает все решения самостоятельно. Важно отметить, что любой коммуникативный акт, даже неформальный диалог, подразумевает воздействие на восприятие и мироощущение другого человека. В основе стратегии «воздействия на адресата» лежат тактики: акцентирования внимания на более значимой для адресанта информации, скрытого побуждения, создания дружеской тональности общения. Рассмотрим каждую тактику подробно.

1. Тактика акцентирования внимания на более значимой для адресанта информации помогает говорящему подчеркнуть наиболее важные моменты своего высказывания, обратить на них внимание собеседника. Реализация данной тактики происходит за счет иллюзии подчеркивания значимости для адресанта предмета разговора.

– “*Alter* (друг), *ich bin total voll* (пьяный). *Ich kann nichts mehr trinken.*” В данном высказывании говорящий привлекает внимание к своему опьяненному состоянию, как призыв остановиться в выпивании алкогольных напитков.

– “*Der Film im Kino gestern war der reinste Zeitsauger* (пустая трата времени).” Говорящий употребляет прилагательное в превосходной степени *reinste*, чтобы сделать акцент на том, насколько неинтересен и скучен был фильм. Таким образом, адресант хочет сменить тему разговора и побудить собеседника расспросить о причинах незаинтересованности в сюжете фильма.

2. При использовании тактики скрытого побуждения говорящий стремиться косвенным образом побудить собеседника к совершению действий, изменению мнения, отказа от собственных принципов и т.д. Скрытое побуждение (призыв) не имеет выраженного

вербально императива, но содержит информацию, побуждающую к какому-либо действию, формирующую у адресата желание действовать. Таким образом, говорящий программирует поведение собеседника, манипулирует его сознанием, воздействует на подсознание адресата. Данная тактика реализуется в речи через выбор иллокуций скрытого приказа, косвенной просьбы, совета.

– “Wer will *Fame* (уважение) haben, soll seine eigene Meinung haben sondern nicht mit anderen einfach einverstanden sein.” В данном высказывании говорящий косвенно дает установку на то, что нельзя соглашаться со всеми, нужно иметь свою точку зрения и отстаивать ее. Предложение обезличенно, поэтому не осознается как прямой призыв, но действует неосознанно.

– “Es soll nicht sein, dass zwei *Kids* (молодые люди) in der Party *Fratzengeballer* (драка) wegen Mädchen organisieren.” Через использование безличного *Es soll nicht sein* высказывание приобретает отвлеченный характер, действует на собеседника не прямо, но при этом звучит, как некое правило. Данное высказывание убедительно, поскольку эмоционально благодаря употреблению сленгизмов *Kids*, *Fratzengeballer*.

3. В основе тактики создания дружеской тональности общения лежит стремление организовать общение путем использования вербальных сигналов «близости» таким образом, чтобы иметь возможность управлять межличностной дистанцией, устанавливать и поддерживать дружелюбную атмосферу. К сигналам «близости» можно отнести признания в симпатии, формулы этикета и т.д. Нельзя не оценить значимость положительного эмоционального фона для успешности достижения цели речевого общения. Рассматриваемая тактика реализуется через выбор иллокуций благодарности, согласия, похвалы, симпатии.

– А: „Hey, *Digger* (братан), du bist ein *bombastischer* (офигенный) Typ. Dein Look ist *very chic* (очень обалденный). Wo hast du diese *diggen* (крутые) Schuhe gekauft?“

В: Hee, das sind Skechers. Ich hab’ für sie fast ein Jahr gespart.“ В данном примере собеседник А выражает свою симпатию к собеседнику

В, делая комплимент его внешнему виду. В своем коротком высказывании говорящий употребляет дружеское обращение *Digger* и 3 различных прилагательных с положительной коннотацией: *bombastisch, chic, digg*, тем самым создавая дружескую тональность беседы.

– А: Meine *Kohlenbeschaffern* (родители) haben mir Geld für ein neues Handy gegeben. Sie meinen, dass sie *krass* (классные) sind, wenn sie Geld mir geben, und ich werde ihnen öfter gehorchen. Dasis‘ aber so dumm. Geld is gut, aber das ändert nichts.

В: Ja, *real* (действительно), meine benehmen sich auch so. Sie sind keine *Keule* (друганы) von uns.” Собеседник А выражает свое негативное отношение к родителям, которых он считает глупыми, поскольку они ведут себя не так, как ему хотелось бы. Собеседник В соглашается с ним и показывает таким образом, что они едины во мнениях, взглядах.

Таким образом, молодежь в своем речевом поведении использует две основные коммуникативные стратегии: коммуникативную стратегию «самопрезентации» и коммуникативную стратегию «воздействия на адресата». Наиболее распространена при этом коммуникативная стратегия «самопрезентации». В 67% выявленных нами высказываний реализуется данная стратегия. Эта стратегия служит достижению цели немецкой молодежи заявить о себе, продемонстрировать принадлежность к группе, утвердиться в своей социальной идентичности, то есть основная цель использования в речи сленгизмов – идентификация себя с определенной группой и одновременно отчужденность от других социальных групп.

Список литературы

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1997. Том 56. № 1. С. 11–21.
2. Василина В.Н. Понятия стратегии и тактики в прагмалингвистике // Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология. 2006. № 1 (21). С. 28–37.
3. Верещагин Е.М., Ратмайр Р., Ройтер Т. Речевые тактики «призыва к откровенности» // Вопросы языкознания. 1992. № 6. С. 82–93.

4. Демьянков В.З. Конвенции, правила и стратегии общения: (Интерпретирующий подход к аргументации) // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1982. Т. 41. № 4. С. 327–337.
5. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». М.: Флинта: Наука, 2009. 224 с.
6. Майборода С.В. Вспомогательные стратегии в профессиональной речевой коммуникации доктора и пациента (К вопросу о границах классификации) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 396–401.
7. Могилевская О.А. Коммуникативные стратегии «Создание круга своих», «Создание круга чужих»: сопоставительный аспект (на материале СМИ США и России) // *Lingua mobilis*, 2009. №2 (16). С. 155–168.
8. Мустайоки А. Коммуникативные неудачи сквозь призму потребностей говорящего // *Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика*. 2015. С. 543–559.
9. Сальникова Н.И. Типы самопрезентации в интернет-дискурсе, обусловленные фактором канала коммуникации (на материале франкоязычных сайтов) // *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. 2010. № 4. С. 123–131.
10. Сухих С.А. Речевые интеракции и стратегии // *Языковое общение и его единицы*. 1986. С. 71–77.
11. Androutsopoulos J. Von fett zu fabelhaft: Jugendsprache in der Sprachbiographie // *Sprechalter. Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie*. 2001. № 62. S. 55–78.
12. Augenstein S. Funktionen von Jugendsprache in Gesprächen Jugendlicher mit Erwachsenen // *Jugendsprache. Langue des jeunes. Youth language. Linguistische und soziolinguistische Perspektiven*. 1998. S. 167–195.
13. Eble C. *Slang and sociability*. L.: UNC Press Books, 1996. 244 p.
14. Henne H. *Jugend und ihre Sprache: Darstellung – Materialien – Kritik*. Berlin: de Gruyter, 1986. 241 S.
15. Teun A. Van Dijk. *Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic prejudice*. 1983. Text 3, pp. 375–404.

References

1. Baranov A.N., Dobrovol'skiy D.O. Postulaty kognitivnoy semantiki [Postulates of cognitive semantics]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 1997. V. 56, no 1, pp. 11–21.
2. Vasilina V.N. Ponyatiya strategii i taktiki v pragmalingvistike [Concepts of strategy and tactics in pragmalinguistics]. *Vestnik MGLU. Seriya 1. Filologiya*. 2006, no 1 (21), pp. 28–37.
3. Vereshchagin E.M., Ratmayr R., Royter T. Rechevye taktiki «prizyva k otkrovennosti» [Speech tactics of the “call for frankness”]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1992, no 6, pp. 82–93.
4. Dem'yankov V.Z. Konventsii, pravila i strategii obshcheniya: (Interpretiruyushchiy podkhod k argumentatsii) [Conventions, rules and communication strategies: (Interpretative approach to argumentation)]. *Izv. AN SSSR. Ser. literatury i yazyka*. 1982. V. 4, no 4, pp. 327–337.
5. Issers O.S. *Rechevoe vozdeystvie: ucheb. posobie dlya studentov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti «Svyazi s obshchestvennost'yu»* [Speech exposure: textbook for students studying in the specialty “Public relations”]. M.: Flinta: Nauka, 2009. 224 p.
6. Mayboroda S.V. Vspomogatel'nye strategii v professional'noy rechevoy kommunikatsii doktora i patsienta (K voprosu o granitsakh klassifikatsii) [Supporting strategies in professional speech communication between the doctor and the patient (On classification boundaries)]. *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Filologiya. Zhurnalistika*. 2016. V. 16, № 4, pp. 396–401.
7. Mogilevskaya O.A. Kommunikativnye strategii «Sozdanie kruga svoikh», «Sozdanie kruga chuzhikh»: sopostavitel'nyy aspekt (na materiale SMI SSHA i Rossii) [Communicative strategies “Creating a circle of peers”, “Creating a circle of strangers”: a comparative aspect (based on material of the US and Russia media)]. *Lingua mobilis*, 2009. №2 (16), pp. 155–168.
8. Mustayoki A. Kommunikativnye neudachi skvoz' prizmu potrebnostey govoryashchego [Communicative failures through the prism of the speaker's needs]. *Yazyk i mysl': Sovremennaya kognitivnaya lingvistika*. 2015, pp. 543–559.
9. Sal'nikova N.I. Tipy samoprezentatsii v internet-diskurse, obuslovlennyye faktorom kanala kommunikatsii (na materiale frankoyazychnykh

- saytov) [Types of self-presentation in the Internet discourse due to the factor of the communication channel (based on the French-language sites)]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2010, no 4, pp. 123–131.
10. Sukhikh S.A. Rechevye interaktsii i strategii [Speech interactions and strategies]. *Yazykovoe obshchenie i ego edinitsy*. 1986, pp. 71–77.
 11. Androustopoulos J. Von fett zu fabelhaft: Jugendsprache in der Sprachbiographie. Sprechalter. *Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie*. 2001. № 62. S. 55–78.
 12. Augenstein S. Funktionen von Jugendsprache in Gesprächen Jugendlicher mit Erwachsenen. *Jugendsprache. Langue des jeunes. Youth language. Linguistische und soziolinguistische Perspektiven*. 1998. S. 167–195.
 13. Eble C. Slang and sociability. L.: UNC Press Books, 1996. 244 p.
 14. Henne H. Jugend und ihre Sprache: Darstellung – Materialien – Kritik. Berlin: de Gruyter, 1986. 241 S.
 15. Teun A. Van Dijk. Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic prejudice. 1983. Text 3, pp. 375–404.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Зоркина (Кулакова) Ксения Вадимовна, аспирант кафедры германской и романской филологии
*Волгоградский государственный университет
проспект Университетский, 100, г. Волгоград, 400062, Российская Федерация
xenia.kulakova@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Zorkina (Kulakova) Ksenia Vadimovna, graduate student of the Department of Germanic and Romance Philology
*Volgograd State University
100, Universitetsky Str., Volgograd, 400062, Russian Federation
xenia.kulakova@mail.ru
SPIN-code: 6379-3760
ORCID: 0000-0002-2447-5129*

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-4-91-115

УДК 821.161.1

ФЕЛИЦИТАРНЫЙ МЕТАСЮЖЕТ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

*Ибатуллина Г.М., Мишина Г.В.,
Радь Э.А., Старицына Ю.А.*

Системное изучение фелицитарной парадигмы русской литературы XIX в., в том числе ее метасюжетной логики, до сих пор не было предпринято в литературоведении. Цель статьи состоит в описании и анализе ключевых для данной парадигмы образно-смысловых инвариантов, актуализированных в творчестве русских писателей XIX в.: А.С. Пушкина, И.А. Гончарова, Н.А. Некрасова, А.П. Чехова; контекстуально затрагиваются также пути воплощения темы счастья в произведениях более широкого круга авторов (Л.Н. Толстого, Н.Г. Чернышевского и др.). Используя системно-функциональный, структурно-сопоставительный, мифопоэтический методы анализа текста, авторы статьи выделяют ряд знаковых инвариантных оппозиций и тождеств: рациональность – иррациональность счастья; достижимость – недостижимость счастья; счастье – покой; счастье – праведность; счастье – соборность. Исследование приводит к выводу, что диалогическими взаимоотражениями этих смысловых инвариантов обусловлены модификации фелицитарной темы в художественных мирах названных писателей. Основные векторы развития данной тематики определяются в статье в качестве одного из метасюжетов литературы данного периода. Общая логика развития самого фелицитарного метасюжета в русской литературе XIX в. характеризуется как движение между полюсами нравственно-психологических и экзистенциально-метафизических экспликаций.

Ключевые слова: русская литература; концепт счастья; фелицитарная парадигма; метасюжет; оппозиция; инвариант; смысл; текст.

FELICITARY META-PLOT IN THE XIX CENTURY RUSSIAN LITERATURE

*Ibatullina G.M., Mishina G.V.,
Rad E.A., Staritsina Yu.A.*

The systematic study of the felicitary paradigm of the XIX century Russian literature, including its meta-plot logic, has not yet been undertaken in literary criticism. The purpose of the article is to describe and analyze the key to this paradigm of figurative-semantic invariants, actualized in the works of Russian writers of the XIX century: of A.S. Pushkin, I.A. Goncharov, N.A. Nekrasov, A.P. Chekhov; contextually touched are also ways of embodying the theme of happiness in the works of a wider circle of authors (L.N. Tolstoy, N.G. Chernyshevsky, etc.). Using system-functional, structural-comparative, mythopoetic methods of text analysis, the authors of the article distinguish a number of symbolic invariant oppositions and identities: rationality - irrationality of happiness attainability – unattainability of happiness; happiness – rest; happiness – righteousness; happiness – conciliarism. The study leads to a conclusion that dialogic interreflections of these semantic invariants are due to modifications of the felicitary theme in the artistic worlds of these writers. The main vectors of development of this topic are defined in the article as one of the meta-plots of the literature of that period. General logic of development of the very felicitary meta-plot in the XIX century Russian literature characterized as a movement between the poles of moral-psychological and existential-metaphysical explications.

Keywords: *Russian literature; concept of happiness; felicitary paradigm; meta-plot; opposition; invariant; meaning; text.*

Счастье как особый художественно-философский концепт, реализуемый в литературных текстах, кажется одной из традиционных исследовательских тем в филологии, поэтому фелицитарная проблематика, на первый взгляд, должна бы быть здесь многократно описанной и определенным образом разрешенной. В действитель-

ности образно-смысловая парадигма проблемы счастья в контекстах русской литературы остается практически неизученной, хотя опосредованный анализ мотивных или иных структур, с ней связанных, представляет собой актуальный литературоведческий ракурс исследования. Среди литературоведческих диссертаций последних лет можно назвать работу Куан Хун Ни, непосредственно посвященную данной теме [9], а также работу К. Мартович по исследованию философского мировоззрения А. Грина, во второй части которой рассматривается концепция счастья в произведениях писателя [22]. Философские, социологические и психологические изыскания по фелицитарной проблематике были начаты еще в первой половине XX в., но являлись, скорее, спорадическими, нежели регулярными и методологически отрефлексированными; так, говоря о психологических контекстах исследований, Н.В. Виничук отмечает: «Интерес психологов к изучению счастья появился сравнительно недавно. Только в 1930-е гг. XX в. стали возникать первые эмпирические исследования счастья <...>, где применялись простые и графические типы шкал или списки из основных категорий. Но эти попытки скорее случайность, нежели закономерность» [3, с. 3]. В последние десятилетия фелицитарные изыскания становятся более активными как в отечественной науке, так и за рубежом, причем, в разных областях научного знания, см., например: [7; 11; 15; 19] (исследования авторов данной статьи также были представлены в одной из англоязычных публикаций: [20]). Особенно продуктивны поиски в данной сфере в психологии: [24; 25; 26; 27]; здесь одно из современных ее направлений – «позитивная психология», а также ряд исследований эвдемонической ориентации сосредоточены, по сути, на фелицитарных проблемах. Однако говоря о фелицитарной ситуации в России и российской науке, можно процитировать характерное замечание автора диссертации «Философско-антропологическое исследование категории счастья» И.В. Сидоренко: «... согласно международным социально-психологическим исследованиям <...> Россия, занимающая среднемировой уровень по индексу развития человеческого потенциала, находится на предпоследнем

месте по уровню счастья. Данный факт убеждает в актуальности темы исследования и поднимает проблему разработки целостного понимания категории счастья» [16, с. 4]. Следует отметить, что в соответствии с обозначенной ситуацией находится, видимо, и сравнительное состояние изучения фелицитарной темы в российской и зарубежной науке: в последней эти процессы более целенаправлены и аксиологически осознанны, о чем свидетельствует, например, существование сайта «Всемирная база данных по счастью» [4] и журнала «Journal of Happiness Studies» [21], посвященных подобным исследованиям; не случайно и упомянутые выше литературоведческой направленности работы последнего времени, хотя и посвящены русской литературе, принадлежат зарубежным ученым.

В новейших исследованиях проблематика, связанная с понятием счастья, все чаще определяется латинизированным термином как «фелицитарная». Однако использование новой терминологии взамен традиционной не спасает: счастье – и как психологическое переживание, и как философская категория – еще с античных времен с трудом поддается каким-либо однозначным определениям. Конечно, художественная литература никогда не претендовала на возможность исчерпывающих определений, но опыт ее духовных поисков в этом направлении, эстетически апробированный на протяжении всего ее развития, позволяет высветить ряд аспектов фелицитарной темы, значимых и для художника, и для ученого, и для любой мыслящей личности. Этот опыт может стать предметом обстоятельного исследования, здесь же мы коснемся лишь некоторых существенных, с нашей точки зрения, перспективных для него моментов.

Если ранее, вплоть до последних десятилетий XX в., в литературоведении «счастье» изучалось как «тема» и «проблема», то теперь – как «концепт», «универсалия», «гештальт», иными словами, как духовная константа и категория, находящая выражение в «большом пространстве-времени» (М.М. Бахтин) литературы в качестве особой фелицитарной парадигмы, обуславливающей логику сюжетопорождения во многих знаковых для культуры литературно-художественных текстах. Становится все более очевидным, что попытки

осмыслить сущность человеческого счастья и путей его достижения (или, инверсионно, несчастья и его причин) так или иначе составляет магистральный сюжет фольклора и литературы, который без ложных опасений можно было бы назвать метасюжетом. Действительно, понятая в качестве метасюжета фелицитарная парадигма в значительной мере определяет пути интерпретации многих литературных сюжетов, в том числе, и архетипических. Можно сказать, что все многообразие фольклорных и литературных сюжетных коллизий существует как система инвариантов фелицитарной парадигмы, или, наоборот, сюжеты как инварианты являются коллизиями данного метасюжета.

Концепт счастья рефлексивно актуализируется в культуре на стадии фольклорного сознания, хотя и в разной степени в разных фольклорных жанрах; очевидно, что центральной тема счастья становится для волшебной сказки. Поскольку основная задача данной статьи – исследование собственно литературных контекстов, мы оставим пока в стороне фелицитарные парадигмы волшебной сказки, более подробно описанные в другой работе [6].

Проблемы индивидуального выбора и индивидуального пути к счастью, проблемы несовпадения личностного идеала и реального состояния мира, так же как проблемы внутренних конфликтов личности, препятствующих обретению счастья, сказка не знает. Однако для литературы как следующей стадии развития художественно-философского сознания именно этот ряд проблем становится сюжетообразующим. В древней русской литературе, как известно, проблема индивидуальной личной судьбы и ее драматических коллизий была художественно осознана лишь в XVI–XVII вв., знаковой для наших рассуждений в этом плане является «Повесть о Горе-Злочастии»; ее, видимо, можно считать одним из первых произведений с актуализированной фелицитарной проблематикой, о чем также шла речь в указанной выше работе [6]. Индивидуализированный поиск счастья «неумчивым сердцем человеческим» изображается здесь как источник неизбежного драматизма земного бытия человека. Аналогичную сюжетную ситуацию мы обнаружим и в «Повести

о Савве Грудцыне». Литература XVIII столетия продолжила поиски художественных решений фелицитарных проблем, и основные векторы этих поисков определяются мировоззренческими ориентирами культуры Просветительства. Обстоятельный анализ фелицитарной парадигмы литературы эпохи Просвещения представлен в работе Т.Е. Абрамзон «К вопросу о русском счастье (поэзия XVIII века)». Автор статьи отмечает: «То, что счастье – продукт Просвещения, – факт общепринятый и общеизвестный. Просветителям удалось изменить средневековую картину мира, в которой земной путь человека рассматривался как подготовка к будущей вечной жизни, а страдания мыслились как его необходимая часть и условие небесного блаженства. Они создали новую жизненную парадигму, включающую земное счастье обязательно и непреложно» [1, с. 116]. Однако XIX век в русской культуре во многом отошел от рационализированной Просветителями картины мира, что, несомненно, нашло отражение и в более сложной диалектике литературных и философских рассуждений о счастье.

Следующей знаковой вехой в художественном осмыслении проблемы счастья стало творчество А.С. Пушкина, во многом определившее основные пути фелицитарных рефлексий русской литературы XIX-XX вв. Мысль Пушкина как художника-Протея и здесь многовекторна и подчас амбивалентно-противоречива; не знающая однозначных решений диалектика темы счастья отражена в смысловой полифонии пушкинского мира. Афористично-завершенные авторские рефлексии: «Привычка свыше нам дана: / Замена счастию она» («Евгений Онегин»: [14, т. 4, с. 41]); «На свете счастья нет, но есть покой и воля...» («Пора, мой друг, пора...», 1834 г.: [14, т. 2, с. 236]) – диалогически перекликаются с исповедально-страстным, вновь обретенным откровением Онегина: «Я думал: вольность и покой / Замена счастьем. Боже мой! / Как я ошибся, как наказан...» [14, т. 4, с. 153]. Эти строки, как отмечает С.Г. Бочаров, уже не раз были сопоставлены в критике: «Кажется, опыт Онегина последней главы и опыт самого поэта 1834 года отрицают друг друга (и в то же время строка 1834 года, очевидно, восходит к характеристике Татья-

ны в последней главе). Но то и другое поэтическое высказывание в равной степени и вполне убедительно каждое в своем контексте. <...> Та и другая истина – это аспект, относительная истина полного пушкинского мира; но в этом или другом жизненном повороте она становится для человека целостной истиной его жизни» [2, с. 160].

Творчество Пушкина и его роман «Евгений Онегин» можно считать одновременно и завязкой, и одной из кульминаций фелицитарного метасюжета русской литературы XIX в., неслучайно проблема счастья в художественном мире Пушкина неоднократно была и остается предметом внимания исследователей. В дальнейшем в литературе XIX-XX вв. возникает целый ряд сюжетных вариаций, так или иначе резонирующих с пушкинским романом. Сюжет жизненной драмы Татьяны и Онегина находит отражение в истории Печорина и Веры у М.Ю. Лермонтова в «Герое нашего времени», Лаврецкого и Лизы в «Дворянском гнезде» И.С. Тургенева, Катерины в «Грозе» А.Н. Островского, Анны Карениной Л.Н. Толстого, в «Идиоте» и «Кроткой» Ф.М. Достоевского, «Тупейном художнике» Н.С. Лескова, в историях многих чеховских героев и в других, вплоть до XX в. – в произведениях А.И. Куприна или «Докторе Живаго» Б.Л. Пастернака. Мы не ставим сейчас цели исчерпывающего описания системы взаимоотражений этих текстов в рамках фелицитарной парадигмы и ограничимся в данной работе лишь некоторыми существенными наблюдениями и выводами, позволяющими очертить общие контуры анализируемого нами метасюжета.

Обозначенная нами выше пушкинская амбивалентная диада «счастье» и «покой» неоднократно становится предметом диалогических рефлексий в последующей литературе. Один из репрезентативно-знаковых в этом отношении текстов – роман И.А. Гончарова «Обломов», который неизменно на протяжении многих лет остается предметом внимания исследователей (см., например: [18], [23]), однако фелицитарная проблематика произведения практически не затрагивается. Если в мире Пушкина диада счастье – покой реализуется как оппозиция, то в мире Гончарова, ориентированном на топос идиллии, – как тождество, и, на первый взгляд, счастье здесь

равно покою. Но в действительности в художественной философии Гончарова образ самого покоя (а стало быть, и тождественного ему счастья) оказывается уже не равен самому себе, приобретает семантическую неоднозначность и разные возможности интерпретации: есть покой, понимаемый как житейское благополучие, и покой как полнота жизни, достигаемая через гармоническое единство «житейского» и духовно-метафизического в бытии человека. И та, и другая форма счастья-покоя обыгрывается в романе через метафору сна. Так, например, сон становится своеобразной метафорой одухотворенно-эйфорического счастья влюбленных Обломова и Ольги, а затем – семейного благополучия Ольги и Штольца: «Она испытывала счастье и не могла определить, где границы, что оно такое. Она думала, отчего ей так тихо, мирно, ненарушимо-хорошо, отчего ей покойно...» [5, с. 435]; она «все сидела, точно спала – так тих был сон ее счастья» [Там же, с. 436]; «...ее смущала эта тишина жизни, ее остановка на минутах счастья... Но как она ни старалась сбить с души эти мгновенья периодического оцепенения, сна души... настанет... смущение, боязнь, томление, какая-то глухая грусть...» [Там же]. Мы привели здесь лишь некоторые характерные цитаты, однако анализ текста произведения в целом обнаруживает, что в художественной парадигме романа диада счастье – покой существует в двух инвариантах, вступающих в отношения оппозиции и порождающих новый смысловой инвариант-тождество: счастье – сон.

Апофеозом диалогических взаимоотражений этих инвариантов становится в произведении «Сон Обломова» – своеобразное воспоминание о «золотом веке» человечества, когда счастье индивидуальное определялось не столько социальной, сколько сакрально-метафизической вовлеченностью каждого в счастье всеобщее, когда дистанции между житейским и бытийным не существовало. Доминантный смысл для людей здесь приобретают не индивидуальные события, а те, которые способствуют продолжению Семьи в ее экзистенциально-мифологическом понимании – рождения, похороны, свадьбы. Даже личное счастье новобрачных здесь – это возможность через извечный сакральный ритуал подтвердить веч-

ность Рода и приобщиться к счастью Рода. «Счастливые люди жили, думая, что иначе не должно и не может быть...» [Там же, с. 108]. Возникает картина соборного счастья обитателей буколического мира Обломовки – мирных поселян, растворенных в универсально-бытийных ритмах. С одной стороны, это действительно похоже на сновидение, но вместе с тем обломовцы живут творчески-яркой, глубоко погруженной в ритуал жизнью с чувством сопричастности к природно-космическим и духовно-сакральным циклам (посев, сбор урожая, церковный год), жизнью, пронизанной поэзией, музыкой, чувством красоты и гармонии всего сущего.

Фелицитарные контексты романа объемны и многополярны и не могут быть исчерпывающим образом описаны в рамках данной работы, отметим, однако, еще некоторые существенные моменты. Так, в отличие от обитателей «золотого века», живущих в коллективных фелицитарных матрицах, у каждого героя романа имеется свой фелицитарный миф, и счастье мыслится героем как возможность оставаться в границах этого мифа, как возможность окончательно инкарнировать его в реальности, всякая же демифологизация индивидуального образа счастья воспринимается как его разрушение. Характерно, например, что фелицитарное сознание Штольца предполагает переживание счастья как состояния завершенности, итоговой мифологической замкнутости судьбы: «Дождался! Столько лет жажды чувства, терпения, экономии сил души! Как долго я ждал – всё награждено: вот оно, последнее счастье человека!» Всё теперь заслонило в его глазах счастьем...» [Там же, с. 435]. Следует отметить, что степень мифологизированности фелицитарного сознания у персонажей романа разная, и Ольга гораздо меньше погружена в миф, чем Штолец или Обломов, именно поэтому смущает ее «тишина жизни, ее остановка на минутах счастья...» [Там же, с. 436]. В системе авторского сознания эти мифы не случайно оцениваются через онейрические метафоры: миры индивидуальных мифов-сновидений – это миры «грез» и «иллюзий», которые не могут быть полноценно воплощены в жизнь и не могут пересечься в тотальной реальности общего фелицитарного мифа: для совре-

менного человека его уже не существует, так как не существует породившее этот миф патриархальное сознание с коллективными идеалами и ценностями. Парадокс в том, что в иллюзии счастья пребывает не имеющий иллюзий Штольц: после объяснения с Ольгой он «в задумчивом чаду счастья шёл домой, не замечая дороги, улиц...» [Там же, с. 435] (курсивы принадлежат авторам статьи). Во власти иллюзии оказывается и как будто обретающая счастье Ольга, ставшая невестой Штольца: «Грёза счастья распротёрла широкие крылья и плыла медленно, как облако в небе, над её головой...» [Там же]. Если не бояться игры слов, можно сказать, что для главного героя произведения – Обломова – фелицитарный миф в финале реализовался не как иллюзия счастья, но как счастье иллюзий-сновидений. Несмотря на очевидный характер этого счастья как бытового комфорта-покоя, как новой Обломовки, воссозданной Агафьей Пшеницыной, оно парадоксальным образом приобретает не столько «житейский», сколько метафизический характер, так как для Обломова здесь важна не комфортная ситуация сама по себе, а возможность оставаться в рамках экзистенциально значимого для него мифа: так, в одной из заключительных глав ему «*грезится* <...> что он достиг той обетованной земли, где текут реки мёду и молока, <...> где ходят в золоте и серебре» [Там же, с. 493]. Таким образом, используемые Гончаровым онейрические метафоры приобретают в художественном мире романа особые смыслопорождающие функции: сновидение (а также «греза», «иллюзия» как его инварианты) – это форма инкарнации индивидуально-личностного мифа, в том числе и фелицитарного, в реальности современной цивилизации, где мифологизированное бытие личности и мифологизированное идиллическое счастье становится практически невозможным.

Как уже отмечалось выше, когда речь идет о фелицитарных мифах и фелицитарном метасюжете русской литературы, еще одна особая для них тема и ряд значимых коллизий связаны с оппозицией «рациональное – иррациональное» в понимании счастья. Иррациональный характер «злочастья» впервые был проявлен еще

в «Повести о Горе-Злочастии», иррациональность же самого счастья впервые осознанно заявлена в контекстах пушкинского творчества. Ведь если итоговый выбор Татьяны в финале «Онегина» нравственно оправдан и тем самым рационально мотивирован, то в аналогичную финальную ситуацию «Дубровского» вмещивается «всесильный случай»: совсем ненамного опоздал Дубровский, но счастье потеряно навсегда.

Ф.М. Достоевский устами Версилова в «Подростке» говорит, что есть в литературе такие больные сцены, которые пронзают сердце раз и навсегда, и к таким сценам он относил финал «Евгения Онегина» с его трагической нотой: «...а счастье было так возможно, так близко»... [14, т. 4, с. 160]. Постпушкинские тексты, такие как «Гроза» или «Анна Каренина», с точки зрения образно-смысловых контекстов фелицитарного метасюжета, пытаются моделировать иные варианты судеб героев: истории Катерины и Анны начинаются там, где история Татьяны заканчивается. По сути, их сюжеты – своеобразные художественно-оформленные реплики, вступающие в диалог с пушкинскими фелицитарными рефлексиями и пытающиеся ответить на вопросы, так или иначе всплывающие в сознании читателя. Даже если эти вопросы кажутся слишком обывательски-банальными и не согласующимися с органической завершенностью пушкинского текста, они все же спровоцированы самим текстом: возможно ли было счастье, если бы Татьяна сделала иной выбор? Может быть, она слишком сурова к себе и Онегину? Ведь в эпоху, когда добровольно-принудительные браки были обычным делом, столь же обычными были романы вне брака. При всем восхищении цельной натурой Татьяны, нам не приходит в голову осуждать лермонтовскую Веру за ее отношения с Печориным. Но и Вера не обретает счастья: даже в тот миг, когда оно кажется близко, и Печорин понимает, что Вера и есть самое дорогое в его жизни, находится причина сделать это счастье невозможным: в бешеной скачке пытающегося догнать уехавшую Веру Печорина пала его лошадь. Конечно, это иллюзорно-рациональная мотивировка. Можно быть уверенными: если в романе герой так же стремительно мчится на

лошади, догоняя какого-нибудь абрека, Казбича или Азамата, с конем его ничего не случится, в крайнем случае, конь абрека окажется быстрее, и он уйдет от погони. Но если мы видим героя в последней попытке догнать ускользящее счастье с единственной для него возлюбленной, непременно вмешается непредсказуемый случай. «И судьба – не судьба» – определяет народная поговорка подобные рационально необъяснимые «случайные неслучайности». И даже если бы не пала лошадь, нашлась бы, видимо, еще какая-нибудь причина, не менее непредсказуемая: ведь даже бывшая, вроде бы умершая жена Лаврецкого, вдруг неожиданно оказывается живой и возвращается. Как близко и невозможно счастье для Татьяны, Веры, Лизы, так невозможно оно, по другим причинам, для Катерины, Анны, для героев А.И. Куприна или «Чистого понедельника» И.А. Бунина, «Доктора Живаго» Б.Л. Пастернака... Как будто в самом мироустройстве есть нечто роковое, что делает такое близкое и реальное счастье почти иррациональным и нереальным – всюду, где речь идет о совершенной любви или в своем роде совершенных человеческих существах.

Своеобразной кульминацией и одновременно завершающим аккордом в развитии темы иррациональной недостижимости счастья становится «Черный монах» А.П. Чехова. В повести мы найдем диалогические взаимоотражения многих литературных текстов, жанров, образов, стилей, но «онегинскому мифу» (В.А. Кошелев: [8]) здесь принадлежит особое место. Целый ряд образных и сюжетно-смысловых ситуаций повести обнаруживает осознанную ориентацию Чехова на пушкинский текст, более того, в повести даны прямые отсылки к пушкинскому роману: «Онегин, я скрывать не стану, Безумно я люблю Татьяну», – шутливо поёт Коврин в одной из сцен произведения [17, т. 7, с. 292]. Чехов, в отличие от предшественников, трансформирует не финальную ситуацию Онегина, а решается на более масштабный, если можно так выразиться, эксперимент. Если для пушкинских героев земное счастье было недостижимым, то судьбы чеховских героев поначалу складываются благополучно, даже идиллически благополучно. Герои молоды, талантливы, созда-

ны друг для друга и влюблены. Счастливый брак счастливых влюбленных состоялся, и нет абсолютно ничего, что препятствовало бы совершенной гармонии. Однако и для них счастье оказывается лишь возможностью: появление Черного монаха в жизни Коврина становится началом будущей катастрофы. (Конечно, художественная диалектика повести гораздо сложнее, и здесь мы сознательно редуцируем ее до определенных итоговых сюжетно-смысловых векторов; так, мы оставляем в стороне вопрос о сути эйфорических фелицитарных состояний Коврина во время его встреч с Черным монахом.) Чехов моделирует иной вариант истории героев, но инверсия сюжета не меняет результата: итоговый смысл их судеб оказывается неожиданно и драматически схожим. Параллели с пушкинским сюжетом обнаруживают в мире Чехова некую загадочную, «роковую» невозможность счастья в его житейском благополучном понимании. Сама фигура Чёрного монаха становится знаком того иррационального, фатального драматизма, который подстерегает не только «идеальную» или «идиллическую» любовь, но и всё, что стремится соединить идеал с жизненным благополучием. (Вспомним, что в «Старосветских помещиках» Н.В. Гоголя такую же знаковую роль играет образ странной черной кошки, появление которой разрушает идиллическое бытие героев).

Однако не случайно Чехова называют Пушкиным в прозе. Трагические надломы бытия открыты им как никому другому, но это парадоксальным образом не разрушает, а обостряет ощущение красоты и гармонии человеческой жизни. Как для Пушкина, так и для Чехова жизнь прекрасна и в самой своей драматичности. Именно это открывается Коврину в его финальной катастрофе и одновременном катарсическом просветлении, правда, постичь красоту и смысл земного существования во всей их полноте он сумел лишь на границе жизни и смерти: «Он звал Таню, звал большой сад с роскошными цветами, обрызганными росой, звал парк, сосны с мохнатыми корнями, ржаное поле, свою чудесную науку, свою молодость, смелость, радость, звал жизнь, которая была так прекрасна» [Там же, с. 321]. Парадокс в том, что Коврин здесь не просто

вспоминает о былом счастье, он практически впервые осознанно переживает его в эти несколько мгновений перед смертью, дарующих ему ощущение полноты существования. Счастье в чеховском понимании оказывается переживанием экзистенциальным, рождающимся в состояниях, где человеческая душа и сознание преодолевают бытийные границы между жизнью и смертью, духом и телом, между небесным и земным, индивидуально-личностным и универсально-целостным, рациональным и иррациональным. Подобное метафизическое переживание счастья оказывается не зависящим от событийного рисунка судьбы и может открыться любому человеческому сознанию, но драма в том, что познать это откровение можно лишь в особом, «трансгredientном» состоянии бытия: обретенная способность к мирочувствию, не отрешенному от «фабульного» потока жизни, но и не поглощенному им.

Таким образом, в творчестве Пушкина и Чехова параболически проецируются метафизические, экзистенциальные, иррациональные «концы» и «начала» фелицитарного метасюжета. Параболически, а не линейно, поскольку логика его развития в литературе XIX в. определяется, на наш взгляд, не линейно-поступательным движением – от Пушкина к Чехову, – не синтагматически, а парадигматически: он функционирует как метауровневая образно-смысловая парадигма, реализующаяся в виде ряда инвариантов (оппозиций и тождеств) в разных художественных мирах. Вычерчивая основные координаты фелицитарного конфликта и путей его разрешения, русская литература «между Пушкиным и Чеховым» живет в непрерывном художественно-рефлексийном диалоге, в контрапунктных взаимосцеплениях и взаимооспоривании. Так, в постпушкинских литературных контекстах в равной мере актуализируются и рациональные, и иррациональные моменты фелицитарного сюжета. Авторски осознанное сюжетообразующее значение эта оппозиция приобретает, например, в «Анне Карениной» Л.Н. Толстого, где «рациональное» счастье Левина живет в контрапункте с «иррациональной», в конечном итоге, невозможностью счастья для Анны. Наиболее отчетливо рационализована фелицитарная тема, видимо, в творчестве Н.А. Некрасова.

В поэме «Тишина» (1856–1857) личное счастье аннулировано из ряда жизненных ценностей – и не потому, что оно «невозможно» или «недостижимо», а потому, что должно осознанно уступить место иным эвдемоническим идеалам: «Его примером укрепись, / Сломившийся под игом горя. / За личным счастьем не гонись / И Богу уступай не споря» [13, т. 4, с. 57]. Более того, счастье в той форме, в какой оно доступно крестьянину, в «Тишине» выглядит сомнительно-амбивалентным: «Его ли горе не скребет? – / Он бодр, он за сохой шагает. / Без наслажденья он живет, / Без сожаленья умирает» [Там же]. Умереть без сожалений не означает умереть счастливым, не говоря уже о том, что счастье без наслажденья жизнью – нонсенс. Счастье здесь заменяется душевным покоем, достигаемым через религиозность, покаяние, обретение разумно-рационального равновесия несовершенного человека и несовершенного мира с Богом.

Более поздняя, во многом итоговая, хотя и незавершенная, поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?» уже не аннулирует, а актуализирует фелицитарную тему и посвящена поискам «счастливого», которые с движением сюжета превращаются в поиски сути самого счастья: в итоге эвдемонический идеал здесь соединяется с фелицитарным, что вновь рационализирует и то и другое. К финалу поэмы, как известно, вопрос о достижимости счастья заменяется вопросом об истинном понимании счастья, что выглядит убедительным, когда речь идет о Грише Добросклонове: жить праведно – значит быть счастливым. Но в контексте общелитературной фелицитарной парадигмы неизбежно вспомнится Татьяна Ларина, сделавшая праведный выбор и откровенно признавшаяся, что она «не-счастлива»: счастье для нее осталось лишь *возможным*. Не стала бы более счастливой и Анна Каренина Толстого, сделай она, вслед за Татьяной, более праведный и разумно-правильный выбор. Праведность и личное счастье сумели соединить герои Н.Г. Чернышевского, но здесь художественная логика самого романа «Что делать?» откровенно признает его в большей мере проповедью, притчей и утопией, нежели непосредственным отражением реалий существующей действительности.

Н.А. Некрасов отчетливо близок к Л.Н. Толстому не только в попытках рационального осмысления сущности счастья как праведности, но и в стремлении рационально понять и объяснить пути его достижения. Однако в отличие от Толстого, у которого герою из народа понимание того и другого дано изначально, у Некрасова подобные рефлексии характерны как для просвещенного героя, так и для крестьянина. Для обоих художников счастье праведности имеет соборный характер и обретается через единение с народной жизнью. Но герой-интеллигент Некрасова не может, подобно Левину, слиться с органической идиллией крестьянского мира, поскольку мир Некрасова такой идиллии не знает, даже и после отмены крепостного права поэт задается вопросом: «Народ освобожден, но счастлив ли народ?» [13, т. 3, с. 151]. Оригинальность рационально-оформленной некрасовской позиции также и в том, что фелицитарная проблематика в его художественном мире (исключая поэму «Мороз, Красный нос», которая требует особого разговора) интегрирована с социальной, поэтому счастье-праведность для некрасовского интеллигента – не только в спасительной причастности к народной жизни (как у Толстого), но одновременно и в выполнении миссии спасителя по отношению к крестьянской жизни и душе.

Интеграция религиозно-мифологического, духовно-нравственного и социального аспектов в понимании счастья, определяющая своеобразие фелицитарной парадигмы Некрасова, обнаруживает параллели в русском народном мирознании и культуре. Так, Ю.М. Лебедев [10, с. 154], считает, что в основу некрасовской эпопеи «Кому на Руси жить хорошо?» была положена популярная легенда о Беловодье. В русских преданиях это одновременно и страна свободы, и страна праведных, и страна счастливых, которая ассоциируется с (в)ирием – раем древних славян. В фольклоре русских крестьян XVII-XIX в. Беловодье – чудесная страна, с богатыми землями и природой, свободная от гнета, где вдали от мира живут святые праведники, где главенствует добродетель и справедливость. Попасть в эту страну могли только добродетельные люди. Ее называли «Страной справедливости и благоденствия», «Страной За-

претной», «Страной Белых Вод и Высоких Гор», «Страною Светлых Духов», «Страною Живого Огня» (См. об этом: [12, с. 46]).

Беловодье как фелицитарный локус народного мирознания фигурирует и в других, более поздних произведениях русской литературы; например, в драме М. Горького «На дне» о «праведной земле» рассказывает Лука. Следует отметить, что позиция самого автора пьесы по отношению к этой утопии неоднозначна. Не случайно, оппозицию Луке здесь составляет Сатин, декларирующий футурологическую концепцию счастья, рассуждающий о будущем как об эпохе реализации счастья «сверхчеловека». Счастье этого «особенного человека» – тоже счастье правды и праведности, но путь к нему – не мистико-утопическое путешествие в Беловодье, путь к нему лежит через жертвы предыдущих поколений. Далее в литературе XX в. поиски страны крестьянского счастья станут сюжетно-значимыми векторами и в поэме С.А. Есенина «Инония», в «Стране Муравии» А.Т. Твардовского, и в ряде других произведений, отчетливо ориентированных как на общее народно-крестьянское понимание эвдемонических ценностей, так и на конкретно некрасовскую традицию.

Таким образом, контурно очерчивая общую логику развития фелицитарного метасюжета в контекстах русской литературы XIX в., можно определить основной его вектор как движение между полюсами нравственно-психологических экспликаций и экзистенциально-метафизических. Мы оставили здесь в стороне некоторые несомненно значимые в нашем контексте имена – например, А.А. Фет, Ф.И. Тютчев, Ф.М. Достоевский, В.Г. Короленко, однако в рамках небольшой статьи полномасштабно описать фелицитарный текст русской литературы XIX в., естественно, невозможно. Феноменология счастья, реализованная в художественных мирах каждого из авторов, требует отдельного обстоятельного разговора. Мы попытались логически очертить смысловые контуры фелицитарной парадигмы литературы данного периода через анализ взаимоотражений некоторых ключевых, на наш взгляд, инвариантных оппозиций и тождеств: рациональность – иррациональность счастья; достижимость – недостижимость счастья; счастье – покой; счастье – сон;

счастье-благополучие (житейско-бытовое) и счастье-полнота жизни (бытийное); счастье – праведность; счастье – соборность.

Подобная же логика взаимоотражений нравственно-психологических и духовно-метафизических экспликаций во многом определяет и фелицитарную проблематику литературы XX в., достигая своеобразного предела, видимо, в «Мастере и Маргарите» М.А. Булгакова, где фелицитарный конфликт приобретает чисто метафизическое разрешение не только на сюжетном, но и на фабульном уровне. Разумеется, многоликость и смысловая многополярность литературы XX в. предполагает и другие возможные пути разрешения данного конфликта, и иные возможности интерпретации классических для литературы фелицитарных инвариантов, имеющих сюжетопорождающее значение. Исчерпывающее описание исследуемой нами здесь проблематики, как и анализ всех произведений, ее актуализирующих, невозможны в границах одной работы, и более детальное изучение особенностей реализации образно-смысловой парадигмы проблемы счастья в произведениях русской литературы XIX–XX вв. остается перспективой наших дальнейших исследований.

Список литературы

1. Абрамзон Т.Е. К вопросу о русском счастье (поэзия XVIII века) // Libri Magistri. Научный рецензируемый сборник. Выпуск 1: Литературный процесс: историческое и современное измерения. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2015. С. 116–134.
2. Бочаров С.Г. «Свобода» и «счастье» в поэзии Пушкина // Проблемы поэтики и истории литературы. (Сборник статей). Саранск: Изд-во Мордовского гос. университета им. Н.П. Огарева, 1973. С. 147–163.
3. Виничук Н.В. Психосемантический анализ представлений о счастье китайских и российских студентов: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Хабаровск: ГОУ ВПО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения», 2008. 22 с.
4. Всемирная база данных по счастью. URL: <http://www.eur.nl/fsw/research/happiness> (дата обращения 15.04.2020).

5. Гончаров И.А. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 4. М.: Художественная литература, 1953. 518 с.
6. Ибатуллина Г.М. «А счастье было так возможно...»: фелицитарная тема и ее интерпретации в русской литературе // Кормановские чтения: Статьи и материалы / Редактор и сост. Д.И. Черашняя; редколлегия: Т.В. Зверева, Н.Г. Медведева, Е.А. Подшивалова. Выпуск 13. Ижевск: Удмуртский университет, 2014. С. 69–75.
7. Идельбакова [Мигранова] Л.Ш. Счастье как гештальт фелицитарной оценки в романе «Анна Каренина» Л.Н. Толстого // Русский язык и методика его преподавания: Традиции и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 29–30 марта 2006 г. Ч. 1. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2007. С. 150–153.
8. Кошелев В.А. Онегинский «миф» в прозе Чехова // Чеховиана: Чехов и Пушкин / Редкол.: В.Б. Катаев (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1998. С. 147–154.
9. Куан Хун Ни. Проблема счастья / несчастья в произведениях Людмилы Петрушевской и Чи Ли: Дисс. ... канд. филол. н. М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2008. 399 с.
10. Лебедев Ю.В. На пути к Н.А. Некрасову // Духовные истоки русской классики. Поэзия XIX века: Историко-литературные очерки. М.: Классик Стиль, 2005. С. 93–160.
11. Левит Л.З. «Счастье от ума» / 2-е издание, доп. и переработанное. Минск: Издательство «А.Н. Вараксин», 2009. 320 с.
12. Мифологический словарь / Под ред. А.П. Семенова. М: Аист, 2004. 539 с.
13. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем в 15 томах / Под ред. В.Г. Базанова, А.И. Груздева, Н.В. Осьмакова и др. Л.: Наука – Ленинградское отделение, 1982.
14. Пушкин А.С. Евгений Онегин // Собрание сочинений в 10 томах / Собр. соч. под набл. М.П. Еремина. М.: Правда, 1981.
15. Рудакова С.В. Философия счастья в лирике Е.А. Боратынского // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. «Гуманитарные науки». Екатеринбург, 2012. № 4 (108). С. 103–114.

16. Сидоренко И.В. Философско-антропологическое исследование категории счастья: Автореф. дисс. ... докт. филос. наук. М.: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2006. 42 с.
17. Чехов А.П. Собрание сочинений в двенадцати томах / Под общ. ред. В.В. Ермилова, К.Д. Муратовой, З.С. Паперного, А.И. Ревякина. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960–1964.
18. Goncharov's "Oblomov": A Critical Companion / Ed. by G. Diment. Evanston: Northwestern UP, 1998. 200 p.
19. Hagerty M.R. Wealth and Happiness Revisited Growing wealth of nations does go with greater happiness // *Social Indicators Research*. 2003. Vol. 64, pp. 1–27.
20. Ibatullina G.M., Mishina G.V., Rad E.A., Staritsyna J.A. Felicitary meta-plot in the XIX century Russian literature // *GEPLAT: Caderno Suplementar*, no 1. 2020. URL: <http://natal.uern.br/periodicos/index.php/RTEP/article/view/673> (дата обращения: 15.04.2020).
21. *Journal of Happiness Studies*. URL: <http://www.journalofhappiness.net/page/editorial-board> (дата обращения: 15.04.2020).
22. Martowicz K. The work of Aleksandr Grin (1880–1932): A study of Grin's philosophical outlook. A Thesis Submitted for the Degree of PhD at the University of St. Andrews. 2011. 220 p. URL: <http://research-repository.st-andrews.ac.uk/>; <http://hdl.handle.net/10023/2467> (дата обращения: 15.04.2020).
23. Molnár A. *Goncsarov hármaskönyve*. Budapest: Argumentum, 2012. 342 o.
24. Myers D., Diener E. The pursuit of happiness // *Scientific American*. Vol. 274, no 5 (1996/5/1), pp. 70–72.
25. Pavot W., Diener E. Happiness experienced: The science of subjective well-being // *The Oxford handbook of happiness*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2013, pp. 134–151.
26. Ryan R.M., Deci E.L. On happiness and human potentials: A review of research on hedonic and eudaimonic well-being // *Annual Review of Psychology*. 2001. Vol. 52, pp.141–166.
27. Seligman M.E.P. *Flourish: A visionary new understanding of happiness and well-being*. New York: Free Press, 2011. 349 p.

References

1. Abramzon T.E. K voprosu o russkom schast'e (poeziya KhVIII veka) [On the question of Russian happiness (poetry of the eighteenth century)]. *Libri Magistri. Nauchnyy retsenziruemyy sbornik. Vypusk 1: Literaturnyy protsess: istoricheskoe i sovremennoe izmereniya* [Libri Magistri. Scientific peer-reviewed collection. Issue 1: Literary Process: Historical and Contemporary Dimensions]. Magnitogorsk: Magnitogorskiy gosudarstvennyy tekhnicheskiiy universitet im. G.I. Nosova, 2015, pp. 116–134.
2. Bocharov S.G. «Svoboda» i «schast'e» v poezii Pushkina [“Freedom” and “happiness” in Pushkin’s poetry]. *Problemy poetiki i istorii literatury. (Sbornik statey)* [Problems of poetics and literary history. (Digest of articles)]. Saransk: Izd-vo Mordovskogo gos. universiteta im. N.P. Ogareva, 1973, pp. 147–163.
3. Vinichuk N.V. *Psikhosemanticheskiy analiz predstavleniy o schast'e kitayskikh i rossiyskikh studentov* [Psychosemantic analysis of the image of happiness of Chinese and Russian students]: Avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk. Khabarovsk: GOU VPO «Dal'nevostochnyy gosudarstvennyy universitet putey soobshcheniya», 2008. 22 p.
4. *Vsemirnaya baza dannykh po schast'yu* [The world database on happiness]. URL: <http://www.eur.nl/fsw/research/happiness>
5. Goncharov I.A. *Sobranie sochineniy v 8-mi tomakh* [Collected works in 8 volumes]. T. 4. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1953. 518 p.
6. Ibatullina G.M. «A schast'e bylo tak vozmozhno...»: felitsitarnaya tema i ee interpretatsii v russkoy literature [“And happiness was so possible ...”: felicitic theme and its interpretations in Russian literature]. *Kormanovskie chteniya: Stat'i i materialy* [Kormanovskie readings: Articles and materials] / ed. D.I. Cherashnyaya; T.V. Zvereva, N.G. Medvedeva, E.A. Podshivalova. Issue 13. Izhevsk: Udmurtskiy universitet, 2014, pp. 69–75.
7. Idel'bakova [Migranova] L.Sh. Schast'e kak geshtal't felitsitarnoy otsenki v romane «Anna Karenina» L.N. Tolstogo [Happiness as a gestalt of felicitic assessment in the novel “Anna Karenina” by L.N. Tolstoy]. *Russkiy yazyk i metodika ego prepodavaniya: Traditsii i sovremennost': Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 29-30 marta 2006 g. Ch. 1* [Russian language and methods of teaching it:

- Traditions and modernity: Materials of the All-Russian scientific-practical conference on March 29-30, 2006. Part 1]. Tyumen': Izd-vo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2007, pp. 150–153.
8. Koshelev V.A. Oneginskiy «mif» v proze Chekhova [Onegin “myth” in Chekhov’s prose]. *Chekhoviana: Chekhov i Pushkin [Chekhoviana: Chekhov and Pushkin]* / ed.: V. B. Kataev et al. M.: Nauka, 1998, pp. 147–154.
 9. Kuan Khun Ni. *Problema schast’ya / neschast’ya v proizvedeniyakh Lyudmily Petrushevskoy i Chi Li* [The problem of happiness / unhappiness in the works of Lyudmila Petrushevskaya and Chi Li]: Diss. ... kand. filol. n. M.: Mosk. ped. gos. un-t, 2008. 399 p.
 10. Lebedev Yu. V. Na puti k N.A. Nekrasovu [On the way to N.A. Nekrasov]. *Dukhovnye istoki russkoy klassiki. Poeziya XIX veka: Istoriko-literaturnye ocherki* [Spiritual origins of the Russian classics. Poetry of the XIX century: Historical and literary essays]. M.: Klassik Stil’, 2005, pp. 93–160.
 11. Levit L.Z. «Schast’e ot uma» [“Happiness from the mind”]. Minsk: Izdatel’stvo «A.N. Varaksin», 2009. 320 p.
 12. *Mifologicheskij slovar’* [Mythological dictionary] / ed. A.P. Semenov. M: Aist, 2004. 539 s.
 13. Nekrasov N.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 15 tomakh* [Complete works and letters in 15 volumes] / ed. V.G. Bazanov, A.I. Gruzdev, N.V. Os’makov et al. L.: Nauka – Leningradskoe otdelenie, 1982.
 14. Pushkin A.S. Evgeniy Onegin [Eugene Onegin]. *Sobranie sochineniy v 10 tomakh* [Collected works in 10 volumes] / Sobr. soch. pod nablyud. M.P. Eremina. M.: Pravda, 1981.
 15. Rudakova S.V. Filosofiya schast’ya v lirike E.A. Boratynskogo [The philosophy of happiness in the lyrics of E.A. Boratynsky]. *Izvestiya Ural’skogo federal’nogo universiteta. Seriya 2. «Gumanitarnye nauki»*. Ekaterinburg, 2012, no 4 (108), pp. 103–114.
 16. Sidorenko I.V. *Filosofsko-antropologicheskoe issledovanie kategorii schast’ya* [Philosophical and anthropological study of the category of happiness]: Avtoref. diss. ... dokt. filos. nauk. M.: Mosk. gos. un-t im. M.V. Lomonosova, 2006. 42 p.
 17. Chekhov A.P. *Sobranie sochineniy v dvenadtsati tomakh* [Collected works in twelve volumes] / ed. V.V. Ermilov, K.D. Muratova, Z.S. Paper-

- ny, A.I. Revyakin. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1960–1964.
18. Goncharov's "Oblomov": A Critical Companion / Ed. by G. Diment. Evanston: Northwestern UP, 1998. 200 p.
 19. Hagerty M.R. Wealth and Happiness Revisited Growing wealth of nations does go with greater happiness. *Social Indicators Research*. 2003. Vol. 64, pp. 1–27.
 20. Ibatullina G.M., Mishina G.V., Rad E.A., Staritsyna J.A. Felicitary meta-plot in the XIX century Russian literature. *GEPLAT: Caderno Suplementar*, no 1. 2020. URL: <http://natal.uern.br/periodicos/index.php/RTEP/article/view/673>
 21. *Journal of Happiness Studies*. URL: <http://www.journalofhappiness.net/page/editorial-board>
 22. Martowicz K. The work of Aleksandr Grin (1880-1932): A study of grin's philosophical outlook. A Thesis Submitted for the Degree of PhD at the University of St. Andrews. 2011. 220 p. URL: <http://research-repository.st-andrews.ac.uk/>; <http://hdl.handle.net/10023/2467>
 23. Molnár A. Goncsarov hármaskönyve. Budapest: Argumentum, 2012. 342 o.
 24. Myers D., Diener E. The pursuit of happiness. *Scientific American*. Vol. 274, no 5 (1996/5/1), pp. 70–72.
 25. Pavot W., Diener E. Happiness experienced: The science of subjective well-being. *The Oxford handbook of happiness*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2013, pp. 134–151.
 26. Ryan R.M., Deci E.L. On happiness and human potentials: A review of research on hedonic and eudaimonic well-being. *Annual Review of Psychology*. 2001. Vol. 52, pp. 141–166.
 27. Seligman M.E.P. *Flourish: A visionary new understanding of happiness and well-being*. New York: Free Press, 2011. 349 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Ибатуллина Гузель Мртазовна, профессор кафедры русского языка и литературы СФ БашГУ, доктор филологических наук, доцент *Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета*

*пр. Ленина, 49а, г. Стерлитамак, Республика Башкортостан,
453116, Российская Федерация
guzel-anna@yandex.ru*

Мишина Галина Витальевна, доцент кафедры русского языка и литературы СФ БашГУ, кандидат филологических наук, доцент
*Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета
пр. Ленина, 49а, г. Стерлитамак, Республика Башкортостан,
453116, Российская Федерация
MishinaGV@yandex.ru*

Радь Эльза Анисовна, профессор кафедры русского языка и литературы СФ БашГУ, доктор филологических наук, доцент
*Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета
пр. Ленина, 49а, г. Стерлитамак, Республика Башкортостан,
453116, Российская Федерация
Elza_rad@mail.ru*

Старицына Юлия Александровна, доцент кафедры русского языка и литературы СФ БашГУ, кандидат филологических наук, доцент
*Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета
пр. Ленина, 49а, г. Стерлитамак, Республика Башкортостан,
453116, Российская Федерация
zodp24@bk.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Ibatullina Guzel Mrtazovna, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Doctor of Philology, Associate Professor

Sterlitamak Branch of Bashkir State University
49, Lenin Prospect, Sterlitamak, 450103, Bashkortostan, Russian Federation
guzel-anna@yandex.ru
SPIN-code: 1001-3010
ORCID: 0000-0002-9016-760X

Mishina Galina Vitaljevna, Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Candidate of Philology, Associate Professor
Sterlitamak Branch of Bashkir State University
49, Lenin Prospect, Sterlitamak, 450103, Bashkortostan, Russian Federation
MishinaGV@yandex.ru
SPIN-code: 7990-1561
ORCID: 0000-0002-5419-0415

Rad Elza Anisovna, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Doctor of Philology, Associate Professor
Sterlitamak Branch of Bashkir State University
49, Lenin Prospect, Sterlitamak, 450103, Bashkortostan, Russian Federation
Elza_rad@mail.ru
SPIN-code: 3021-5506
ORCID: 0000-0001-5873-8954

Staritsyna Julia Alexandrovna, Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Candidate of Philology, Associate Professor
Sterlitamak Branch of Bashkir State University
49, Lenin Prospect, Sterlitamak, 450103, Bashkortostan, Russian Federation
zodp24@bk.ru
ORCID: 0000-0002-3982-6403

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-4-116-127

УДК 811.161.1

СЕМАНТИКА КОНСТРУКЦИЙ ГРАММАТИЧЕСКОГО ПАРАЛЛЕЛИЗМА В ДРЕВНЕРУССКОЙ ОРАТОРСКОЙ ПРОЗЕ

Калинин К.А.

Цель. Актуальность исследования определяется возросшим интересом современной филологии к проблемам построения и интерпретации текста. Цель исследования заключается в определении спецификисемантических отношений, возникающих в конструкциях грамматического параллелизма.

Метод или методология проведения работы. Для достижения цели были использованы следующие методы: метод сплошной выборки, метод наблюдения над текстами, метод семантического анализа.

Результаты. Результатом исследования является описание специфики семантических отношений между частями конструкций грамматического параллелизма. В анализируемых текстах устойчиво реализуется следующий комплекс значений: семантика противопоставления, повторения мысли, конверсивности, сравнения, перечисления, градации, причины и следствия. На материале древнерусской ораторской прозы описаны лексические и грамматические показатели этих значений. Общая задача употребления в тексте грамматического параллелизма заключается в усилении выразительности высказывания.

Область применения результатов. Полученные в работе выводы могут быть использованы при построении общей теории и истории формирования древнерусского текста, а также при составлении учебных и справочных пособий.

Ключевые слова: грамматический параллелизм; древнерусская ораторская проза; семантика высказывания.

THE SEMANTICS OF GRAMMATICAL PARALLELISM CONSTRUCTIONS IN THE OLD RUSSIAN ORATORICAL PROSE

Kalinin K.A.

Purpose. *The relevance of the study is determined by the increased interest of modern philology in the problems of constructing and interpreting the text. The purpose of the research is to determine the specificity of semantic relations arising in the constructions of grammatical parallelism.*

Methodology. *To achieve the goal, the following methods were used: the method of continuous sampling, the method of observation over texts as well as the method of semantic analysis.*

Results. *The result of the research is a description of the specifics of semantic relations between parts of constructions of grammatical parallelism. In the analyzed texts, the following complex of meanings is steadily realized: semantics of opposition, repetition of thought, convertibility, comparison, enumeration, gradation, cause and effect. The lexical and grammatical indicators of these meanings are described on the material of Old Russian oratorical prose. The general task of using grammatical parallelism in the text is to enhance the expressiveness of the statement.*

Practical implications. *The conclusions obtained in the work can be used in the construction of a general theory and history of the formation of the Old Russian text, as well as in the preparation of educational and reference manuals.*

Keywords: *grammatical parallelism; Old Russian oratorical prose; utterance semantics.*

Введение

Современные исследования в области филологии сосредоточены главным образом вокруг проблем текста. Языковая организация текста в историческом аспекте – малоизученная тема в отечественной филологии. Перед исследователями стоит задача выяснения принципов и приёмов построения текста, чем и определяется ак-

туальность предложенного исследования. Среди таких приёмов выделяется грамматический параллелизм, основанный на повторе синтаксических структур в смежных фрагментах текста.

Большинство определений этого приёма, предложенных в научной, справочной и учебной литературе (преимущественно лингвистической), ограничиваются указанием на структурную тождественность или однотипность смежных частей текста. Например, П. Рощин называет параллелизмом «однородное синтаксическое построение двух (и более) предложений (или частей их)» [10, с. 259]. Действительно, структурный аспект является ведущим признаком выделения в тексте конструкций грамматического параллелизма. Однако считаем, что такой подход не раскрывает сути приёма. Дело в том, что анализ его употребления в текстах показывает разную степень вариативности в построении смежных конструкций. Для конструкций грамматического параллелизма наиболее характерны такие вариации структуры, как вставки и пропуски элементов, инверсии, распространение и усечение сочинительного ряда, грамматического анафора и грамматическая эпифора. Это можно объяснить, с одной стороны, гибкостью речевого материала, а с другой – мастерством древнерусских книжников [6, с. 145].

Полагаем, что для верного определения грамматического параллелизма как приёма организации текста необходимо учитывать не только структурный, но и семантический аспект его употребления. Это связано с тем, что такие конструкции текста выполняют определённую авторскую задачу и соотносятся в сознании читателя или слушателя. Поэтому между частями конструкций грамматического параллелизма возникают различные семантические отношения, обусловленные спецификой их структурного оформления. Различные элементы смежных отрезков текста соотносятся между собой и чаще всего сопоставляются или противопоставляются.

Роль семантического аспекта при построении конструкций грамматического параллелизма также отмечалась исследователями. В частности, она отражена в определениях В.И. Чичерова («термин традиционной стилистики, обозначающий соединение двух или

более сочинённых предложений (или частей их) путём строгого соответствия их структуры: грамматической и семантической») [15, с. 443]; Г.Н. Черваковой («отрезок речи, состоящий из синтаксически однотипных конструкций, объединённых общей мыслью») [14, с. 4–5].

Обычно в работах литературоведов параллелизм рассматривается как поэтический приём, который позволяет автору создать художественный образ. Такое определение параллелизма предлагает М.Л. Гаспаров в «Литературном энциклопедическом словаре» – «тождественное или сходное расположение элементов речи в смежных частях текста, которые, соотносясь, создают единый поэтический образ» [8, с. 267]. Мысль о приоритетном положении семантики над структурой отражена в работах И.В. Арнольд и О.В. Творогова [1, с. 53; 12, с. 73].

Таким образом, для верного понимания грамматического параллелизма как приёма организации текста необходимо рассматривать его в единстве структурного и семантического аспектов.

Материалы и методы

Для выяснения особенностей семантического наполнения конструкций грамматического параллелизма нами выбраны тексты древнерусской ораторской прозы. В них этот приём используется многократно и зачастую формирует композиционный остов произведения. Это можно объяснить тем, что использование грамматического параллелизма соответствует одному из главных принципов построения текста древнерусского красноречия, по мнению многих исследователей средневековой русской книжности (А.И. Горшков, И.П. Ерёмин, Н.С. Демкова, Л.И. Сазонова), – принципу повторяемости [2, с. 60; 3, с. 6; 4, с. 133; 11, с. 37]. Риторическая амплификация, для которой характерна строгая симметрия синтаксических единиц, является, по наблюдению С.Н. Травникова и Л.А. Ольшевской, основным художественным приёмом проповедника [13, с. 119].

Повтор в тексте, по мнению И.П. Ерёмина, «сообщает речи движение, управляет сменой её тональности, сообщает ей напря-

жённость, страстность, убедительность» [4, с.159]. Это относится к повторам единиц различных языковых уровней, в том числе и к синтаксическим повторам, которые определяют структуру грамматического параллелизма. Изучение связи структуры и семантики частей древнерусских текстов представляет особый интерес, так как, по указанию А.М. Камчатнова, «древнерусский книжник усматривал куда более тесную связь между внешней формой и смыслом слова, чем это свойственно теперь нам» [7, с. 119].

Анализ более 50 текстов древнерусской ораторской прозы позволил выделить основные семантические отношения, возникающие в конструкциях грамматического параллелизма.

Результаты и обсуждение

Общая задача употребления грамматического параллелизма в тексте заключается в усилении содержательного наполнения и эмоциональной тональности высказывания. Для достижения этой цели в конструкциях грамматического параллелизма часто используются различные лексические повторы. Например, (1) *вы же есте мертвии, мертву жертву здѣваете, а (2) мы живу Богу живу жертву приносим*. Среди них следует выделить

а) анафору: (1) *не послушахомъ еуангелья* (2) *не послушахомъ апостола* (3) *не послушахомъ пророкъ* (4) *не послушахомъ свѣтиль великихъ*;

б) эпифору: *научить* (1) *кождоискренягосвоего* и (2) *человѣкъ брата своего*;

в) симплоку: (1) *и всехъ дѣлъ его* (2) *и всехъ служебъ его* (4) *и всехъ ангель его* (4) *и всего студа его*. Роль лексических повторов как средства художественной выразительности очевидна. По указанию Е.А. Иванчиковой, «это способ экспрессивного выделения, подчёркивания, фиксации внимания» [5, с. 126].

Также эту функцию может выполнять ряд синонимов, часто встречающихся в конструкциях грамматического параллелизма: *точию приемля* (1) *заповѣди Господня* и (2) *предания и учения святыхъ апостоль*.

Конструкции грамматического параллелизма в текстах древнерусской ораторской прозы устойчиво реализуют следующие семантические отношения: семантику противопоставления, повторение мысли, конверсивность, сравнение, перечисление, градацию, причину и следствие.

Разнообразные семантические отношения между конструкциями грамматического параллелизма передаются с помощью устойчивого комплекса лексических и грамматических показателей. Охарактеризуем наиболее распространённые из них.

Одной из наиболее продуктивных в конструкциях грамматического параллелизма является *семантика противопоставления*. В большинстве примеров для реализации этого значения соотносимые элементы частей конструкции являются антонимами, часто контекстными: (1) *добра жена **вънець** мужу своему и **безпечалие** а* (2) *зла жена лютаа **печаль, истощение** дому*. Значение противопоставления также может формироваться с помощью изменения семантики одного элемента конструкции на противоположную: (1) *свълекоша бо с него ризы его и* (2) *облекоша и в ризу червлену*.

Среди грамматических средств, типичных для выражения семантики противопоставления, следует назвать употребление противительных союзов *а, но, же* между частями конструкций, а также частиц *не* и *ни*. Также это значение реализуют устойчивые синтаксические схемы *не ... но; ни ... но*: (1) *ни **въсхотъ** благословения,* (2) *нъ **възлюби** клятву*.

Семантика повторения мысли появляется в конструкциях грамматического параллелизма, когда необходимо подчеркнуть мысль, обратить на неё внимание читателя или слушателя. В этом случае автору удобно подобрать различные средства её передачи, сохраняя при этом синтаксическую структуру высказывания. Такое построение текста особенно характерно для эмоциональной устной речи. Этим объясняется широкое распространение грамматического параллелизма в ораторской прозе, для которой бытование в устной форме является первичным. Например, *церкы есть монастырска,* (1) *пророкы дозрима,* (2) *апостолы устроена,* (3) *еуаггелисты укра-*

шена; (1) помаза тя Богъ паче причастникъ твоихъ и (2) прославил тя естъ паче встѣхъ великихъ князей рускыхъ.

Такое распространение текста, по мнению Д.С. Лихачёва, характерно для архаичного словесного творчества, а конструкции, построенные по указанной модели, исследователь определяет как стилистическую симметрию: «об одном и том же в сходной синтаксической форме говорится дважды; это как бы некоторая остановка в повествовании, повторение близкой мысли, близкого суждения, или новое суждение, но о том же самом явлении» [9, с. 169].

Для формирования конструкций грамматического параллелизма с семантикой повторения мысли характерны следующие лексико-грамматические средства: использование языковых и контекстных синонимов, лексических повторов, употребления слов одной тематической группы. Такие конструкции обычно объединяются с помощью соединительного союза *и* или без него.

В конструкциях грамматического параллелизма, формально противопоставленных между собой, но раскрывающих одну мысль с разных сторон, формируется *семантика конверсивности*. Эти построения описывают одну и ту же ситуацию с разных позиций. Поэтому в них используются все перечисленные средства, характерные для семантики противопоставления и повторения мысли. Например, (1) *и законное езеро прѣсьше*, (2) *евангельскыи же источникъ наводнився*; (1) *подвигохомъ ярость его на са* и (2) *отвратихомъ велию его милость*.

Широкое распространение получают конструкции грамматического параллелизма с *семантикой сравнения*. Такие построения называют несколько предметов, явлений или событий, который сопоставляются друг с другом: (1) *суть бовси под игуменом*, (2) *акы уди телеснии под единою главою*. Результатом такого сравнения может стать осложнение семантики сравнения значением уподобления, противопоставления или градации. Такие семантические возможности формируют синкретизм значений в отрывке текста.

Для реализации этой семантики обычно используются следующие грамматические средства: союзы *яко*, *аки*, *акы*, *тако*, *же*, *такоже*, *а*, *ни*, устойчивые синтаксические схемы: *яко (же) ... тако*

(и); *аще ... тако; точно ... а; не тако ... яко; ни...ни*). Конструкции грамматического параллелизма семантикой сравнения часто объединяются с помощью эллипса: (1) *не **сѣи**бо на бразнахъ жита*, (2) *ни мудрости на сердца безумныхъ*. Также необходимо отметить, что особенностью таких построений является употребление слов в переносном значении, что формирует метафору (*сѣяти мудрость*).

Семантика перечисления в конструкциях грамматического параллелизма реализуется:

а) как цепь событий в повествовании: (1) *не токмо отроки **спасе** и (2)чудо **сотвори**, (3) халдѣа ты **опали**, (4) но и дѣвичьскую ту **показа тайну***;

б) как цепь характеристик в описании: *жена зла (1)мирский маетежь (2)ослѣпление уму (3) начальница всакои злобѣ (4) церкви бѣговская мытница (5) поборница грѣху (6) засада от спасения*.

Важной особенностью таких построений в повествовании является оформление частей конструкции вокруг глагольной формы, часто используются слова с семантикой последовательности.

Реализация *семантики градации* в конструкциях грамматического параллелизма связана с усилением эмоциональной выразительности текста. Семантика усиления обычно накладывается на другие значения конструкций приёма, создающие градацию в тексте.

Выражение семантики градации может быть заключено в содержании высказывания: (1) *коли пожреть синица орла (2) коли камение всплавить по водѣ и (3) коли иметь свиниа на бѣлку лапти*. В приведённом примере каждая следующая конструкция называет более абсурдное явление. Грамматическими средствами выражения градации в конструкциях грамматического параллелизма являются формы степеней сравнения прилагательных и наречий, повторяющиеся союзы, усилительная частица *ни*, устойчивые синтаксические схемы: *не токмо ... но и; не точию ... но и; аще ... колми паче; лѣтше ... нижели*: (1) *не **тѣкмо** телесныма прозрѣ очима*, (2) ***нѣ** и душевныма просвѣтися зракома*.

Реже других появляется в конструкциях грамматического параллелизма *семантика причины и следствия*. Чаще всего это зна-

чение раскрывается через содержание высказывания: *и внезапно (1) възвъгавишу духу бурну и (2) возмутившюся морю* (сильный ветер является причиной бури на море). Среди грамматических показателей можно выделить использование причинных союзов *зане, занеже*. Также следует отметить, что семантика причины и следствия в конструкциях грамматического параллелизма обычно осложняется другими значениями, чаще всего – семантикой условия. В приведённом примере также реализуется семантика перечисления: автор повествует о событиях, следующих друг за другом.

Необходимо отметить, что выбранные из текстов случаи употребления грамматического параллелизма (745 примеров выборки) реализуют устойчивый комплекс семантических отношений. Эти отношения, однако, редко формируются изолированно друг от друга. Необходимость выражения в тексте конкретной мысли и авторский выбор языковых средств формируют синкретизм значений в конструкциях грамматического параллелизма. Разнообразные вариации употребления приёма в текстах ораторской прозы демонстрируют мастерство древнерусских книжников.

Заключение

Таким образом, грамматический параллелизм предстаёт как средство текстообразования, которое формирует единое пространство текста и его композиционных элементов. Поэтому изучение специфики употребления приёма должно учитывать и особенности строения конструкций грамматического параллелизма, и их семантическую организацию, что было предложено в настоящей работе.

Дальнейшие направления в исследования грамматического параллелизма могут быть связаны с проверкой полученных результатов и выяснением специфики употребления грамматического параллелизма в текстах других жанровых и стилевых разновидностей. Также к изучению могут быть привлечены тексты последующих эпох развития русского языка для установления влияния на них древнерусской традиции употребления грамматического параллелизма.

Информация о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика декодирования. Л.: ЛГПИ, 1974. 78 с.
2. Горшков А.И. История русского литературного языка. М.: Высшая школа, 1969. 366 с.
3. Демкова Н.С. Поэтика повторов в древнеболгарской и древнерусской ораторской прозе XI–XIII веков // Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники. СПб., 1997. С. 5–17.
4. Ерёмин И.П. Литература Древней Руси (этюды и характеристики). М., Л.: Наука, 1966. 263 с.
5. Иванчикова Е.А. Лексический повтор как экспрессивный приём синтаксического распространения // Мысли о современном русском языке. М.: Просвещение, 1969. С. 126–139.
6. Калинин К.А. Языковая организация ритмичных текстов древнерусской ораторской прозы // Язык как материал словесности: XXI научные чтения / отв. ред. А.М. Камчатнов. Казань: Бук, 2018. С. 143–147.
7. Камчатнов А.М. История русского литературного языка (XI – первая половина XIX века). М.: Академия, 2005. 688 с.
8. Литературный энциклопедический словарь / ред. В.М. Кожевников, П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. 752 с.
9. Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 360 с.
10. Рощин П. Параллелизм // Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1974. С. 259.
11. Сазонова Л.И. Принцип ритмической организации в произведениях торжественного красноречия старшей поры // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1974. Т. XXVIII. С. 30–46.
12. Творогов О.В. Литература Древней Руси. М.: Просвещение, 1981. 128 с.
13. Травников С.Н., Ольшевская Л.А. История древнерусской литературы. М.: Юрайт, 2017. 426 с.

14. Червакова Г.Н. Синтаксический параллелизм в языке немецкой художественной публицистики: автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1977. 21 с.
15. Чичеров В.И. Параллелизм // Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 8. М.: Советская энциклопедия, 1934. С. 443–444.

References

1. Arnol'd I.V. *Stilistika dekodirovaniya* [Decoding style]. Leningrad: LGPI Publ., 1974. 78 p.
2. Gorshkov A.I. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [History of the Russian literary language]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1969. 366 p.
3. Demkova N.S. Poetika povtorov v drevnebolgarskoy i drevnerusskoy oratorskoy proze XI–XIII vekov [The poetics of repetitions in the Old Bulgarian and Old Russian oratorical prose of the 11th–13th centuries]. *Srednevekovaya russkaya literatura: Poetika, interpretatsii, istochniki* [Medieval Russian Literature: Poetics, Interpretations, Sources]. Saint-Petersburg, 1997, pp. 5–17.
4. Eremin I.P. *Literatura Drevney Rusi (etyudy i kharakteristiki)* [Literature of Old Russia (sketches and characteristics)]. Moscow, Leningrad: Nauka Publ., 1966. 263 p.
5. Ivanchikova E.A. Leksicheskiy povtor kak ekspressivnyy priem sintaksicheskogo rasprostraneniya [Lexical repetition as an expressive technique of syntactic distribution]. *Mysli o sovremennom russkom yazyke* [Thoughts on the modern Russian language]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1969, pp. 126–139.
6. Kalinin K.A. Yazykovaya organizatsiya ritmichnykh tekstov drevnerusskoy oratorskoy prozy [Linguistic organization of rhythmic texts of Old Russian oratorical prose]. *Yazyk kak material slovesnosti: XXI nauchnye chteniya* [Language as a material of literature: XXI scientific readings]. Kazan: Buk Publ., 2018, pp. 143–147.
7. Kamchatnov A.M. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI – pervaya polovina XIX veka)* [History of the Russian literary language (XI – first half of the XIX century)]. Moscow: Akademiya Publ., 2005. 688 p.
8. *Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Literary encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1987. 752 p.

9. Likhachev D.S. *Poetika drevnerusskoy literatury* [Poetics of Old Russian Literature]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 360 p.
10. Roshchin P. Parallelizm [Parallelism]. *Slovar' literaturovedcheskikh terminov* [Dictionary of literary terms]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1974, p. 259.
11. Sazonova L.I. Printsip ritmicheskoy organizatsii v proizvedeniyakh torzhestvennogo krasnorechiya starshey pory [The principle of rhythmic organization in the works of solemn eloquence of the older time]. *TODRL*, no. 28. Leningrad: Nauka Publ., 1974, pp. 30-46.
12. Tvorogov O.V. *Literatura Drevney Rusi* [Literature of Old Russia]. Moscow: Prosvshchenie Publ., 1981. 128 p.
13. Travnikov S.N., Ol'shevskaya L.A. *Istoriya drevnerusskoy literatury* [History of Old Russian literature]. Moscow: Yurayt Publ., 2017. 426 p.
14. Chervakova G.N. *Sintaksicheskiy parallelizm v yazyke nemetskoy khudozhestvennoy publitsistiki* [Syntactic parallelism in the language of German artistic journalism]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Moscow, 1977. 21 p.
15. Chicherov V.I. Parallelizm [Parallelism]. *Literaturnaya entsiklopediya* [Literary encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1934, pp. 443-444.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Калинин Константин Андреевич, аспирант кафедры русского языка Института филологии
Московский педагогический государственный университет
ул. Малая Пироговская, 1, г. Москва, 119991, Российская Федерация
filologkalinin@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kalinin Konstantin Andreevich, Postgraduate Student, Department of Russian Language
Moscow State Pedagogical University
1, Malaya Pirogovskaya Str., Moscow, 119991, Russian Federation
filologkalinin@mail.ru
SPIN-code: 5598-7107
ORCID: 0000-0002-9062-9616

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-4-128-137

УДК 812

ОБРАЗНЫЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА «ОЛЕНЬ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ЭВЕНОВ

Кузьмина Р.П.

В статье описаны образные признаки концепта «Олень» в языковой картине мира эвенков.

Целью исследования является определение образных признаков концепта «Олень», выявление соотносимых с ним стереотипов, символов, образных представлений, свидетельствующих об устойчивости данного ключевого концепта в эвенской лингвокультуре.

Методы, используемые в работе: метод сплошной выборки иллюстраций из художественной литературы, паремиологического фонда эвенков, двуязычных словарей эвенского языка, а также полных материалов автора; метод лингвокультурологического анализа; интроспективный метод; интервьюирование информантов.

Результаты исследования: были выявлены и определены образные признаки концепта «Олень», отраженные в лексике, фразеологии, паремиологии эвенков; были установлены универсальность и безэквивалентность данного концепта в мировоззрении и языковой картине мира эвенков.

Практическая значимость исследования: результаты исследования возможно применить в лекционных курсах и спецкурсах по лексикологии эвенского языка, этнолингвокультурологии, когнитивной лингвистике и этнолингвистике. Введенный в научный оборот лексический материал может быть применен в сравнительных исследованиях языковой картины мира, в частности, тунгусо-маньчжурских народов.

Ключевые слова: эвенский язык; лингвокультура; языковая картина мира; концепт; фразеологизм; художественный дискурс; паремиология.

FIGURATIVE FEATURES OF THE “DEER” CONCEPT IN THE EVEN LANGUAGE WORLDVIEW

Kuzmina R.P.

The article describes figurative features of the “Deer” concept in the Even language worldview, which has not been thoroughly studied so far.

The aim of the study is to determine the figurative features of the “Deer” concept, identify stereotypes, symbols, figurative representations that are related to it, capable of testifying to the stability of this key concept in the Even linguoculture.

Methods used in the work: the method of continuous sampling of illustrations from fiction, the paremiological fund of the Evens, bilingual dictionaries of the Even language, as well as from the author’s field materials; method of linguocultural analysis; introspective method; informants interviewing.

Research results: identification and definition of figurative features of the “Deer” concept reflected in vocabulary, phraseology, paremiology of the Evens; establishing the universality and equivalence of this concept in the Even worldview.

Practical implications: the results of the study can be used in lecture courses and special courses on the lexicology of the Even language, ethnolinguoculturology, cognitive linguistics and ethnolinguistics. The lexical material can be applied in comparative studies of the language worldview of the Tungus-Manchu peoples as well as others.

Keywords: Even language; linguoculture; language worldview; concept; phraseological unit; art discourse; paremiology.

Концепт «Олень» является одним из ключевых концептов в лингвокультуре эвенов, репрезентирующим языковую картину мира эвенов. В.А. Маслова утверждает: «Ключевыми концептами культуры мы называем обусловленные ею ядерные (базовые) единицы картины мира, обладающие экзистенциальной значимостью как для отдельной языковой личности, так и для лингвокультурного

сообщества в целом <...> Ключевые концепты культуры занимают важное положение в коллективном языковом сознании, а потому их исследование становится чрезвычайно актуальной проблемой» [8, с. 51].

Согласно З.Д. Поповой и И.А. Стернину: «Национальная специфика концептов проявляется в наличии несовпадающих когнитивных признаков, в разной яркости тех или иных когнитивных признаков в национальных концептах, в разной полевой организации одноименных концептов (то, что в одном языке составляет ядро, в другой культуре может быть периферийным), в различиях образного компонентного, интерпретационного поля, в присутствии разных когнитивных классификаторов и их различном статусе в категоризации денотата – одни классификаторы важнее и ярче в одной культуре, другие – в другой, в разной оценке и т.д.» [13, с. 143–144].

В формировании языка, культуры и общей картины мира эвенского этноса на обширной территории северо-востока Азии значимую роль сыграло оленеводство. Соответственно, это сыграло роль в развитии одного из универсального и ключевого концепта в лингвокультуре эвенов – концепта «Олень».

В эвенском языке оленеводческая лексика представлена довольно обширно, что можно наблюдать в лингвистическом материале всех говоров эвенского языка. Во всех языках тунгусо-маньчжурской группы, в частности, в эвенском, общее наименование оленя репрезентируется следующими словами: эвен. *оран~орон~орын*; эвенк. *орон*; нег. *орон*; ороч. *оро*; уд. *оло~оро*; ульч. *оро (н-)*; нан. *орō*; ма. *орон буху* [15].

В лингвокультуре эвенов олень символизирует жизнь народа и отдельно взятого человека. Устойчивые выражения, передающие отношение эвенов к оленю как к символу жизни, часто используются в эвенском языке, например:

Оран – эрэк мут, эвэсэл чэлэджур, бисэп. Оран бидин –эвэн индин [5, с. 73]. 'Олень не просто живое существо, олень – это мы, эвены. Будет олень – будет эвен' [4, с. 58].

<i>Оран ачча – эвэн ачча,</i>	Олень не будет – эвена не будет,
<i>Оран бидин – эвэн бидин,</i>	Будет олень – будет эвен,
<i>Оран индин – эвэн индин,</i>	Будет жить олень – будет жить эвен,
<i>Бини тачин овканча</i> [2, с. 38].	Жизнь так сделала [Перевод автора].

У каждого народа свои стереотипы красоты. Как пишет М. В. Пименова о традициях русских сказок: «Если мы говорим о женской красоте – то используем выражение *красна девица*, если о мужской – то это *добрый молодец*. Красна девица – это эталон женской красоты» [11, с. 228]. В языковом сознании эвенов эталоном красоты девушки может быть схожесть с оленем, например, о девушке с красивыми глазами в эвенском языке используется выражение *орамдас ясалалкан асаткан* `девушка с оленьими глазами`. У эвенов образ красивой девушки ассоциируется также с белым оленем *силтаня оран*, который считается в культуре эвенов священным.

<i>Ок иттив, тараттук би хину</i>	С тех пор, как увидел тебя,
<i>Гелтаня оранач мулгаттив</i>	Ты для меня, как белый олень.
<i>Гелтаня оран – хэвэк оран,</i>	Белый олень – священный олень,
<i>Эвэн бэй нэни чукичанни</i> [3, с. 88].	Перед ним преклоняются эвены
	[Перевод автора].

Выявленные в говорах эвенского языка устойчивые выражения с компонентом *олень* имеют различную коннотацию. В них дается внешняя характеристика человека, также они могут показывать и внутренние качества человека, т.е. его характер и т.д., например:

Булбарак оча орамдас – о больном, исхудавшем человеке (букв.: как олень, страдающий животом) от *булба* `жидкий помет у животных и кал у человека как результат заболевания желудочно-кишечного тракта`, *оча* `сделавший, изготовивший`, *оран* `олень`, суффикс *-мдас*;

Маугай – о никогда не рожавшей женщине от *маугай* `яловая, никогда не телившаяся самка (оленья, лося)`;

Энимдэс – о женщине, родившей в юном возрасте или о худой, изможденной женщине с детьми (букв.: похожая на отелившуюся важенку-однолетку) от *эни* `важенка-однолетка (отелившаяся)` и формант сравнения и подобия *-мдэс*;

Оруху – о человеке, родители которого зачали в позднем возрасте от *оруху* `оленок, родившийся поздно`;

Көрбэ – о сексуально активном мужчине от *көрбэ* `бык, самец-производитель домашнего оленя`;

Көкий орамдас – о человеке с неуживчивым характером (букв.: как *бодливый олень*) от *көкий* `бодливый`, *оран* `олень` и аффикс сравнения и подобия *-мдас*;

Гөлун орамдас – о человеке, который не считается с мнением общества и живет сам по себе (букв.: как олень, плохо поддающийся приручению) от *гэлун* `пугливый домашний олень; олень, не дающий себя поймать`, *оран* `олень`, суффикс *-мдас*;

О ловком, быстром человеке обычно говорят *орамдас хинма* `быстрый и ловкий как олень` от *оран* `олень`, суффикс *-мдас*, *хинма* `быстрый, проворный`;

Мэжук орамдас – о непоседливом человеке (букв.: как брыкающийся олень) от *мэжук* `необученный домашний олень (досл.: брыкающийся)`, *оран* `олень`, формант *-мдас* [12].

В культуре эвенов олень является неизменным спутником человека на протяжении всей его жизни, и в художественном дискурсе эвенов олень предстает другом человека:

Орчаму, хи уни бисэкэс
Мин мявму нёлтэнэч дялуптан,

Мой олень, если ты жив,
Мое сердце наполняется
солнечным светом,

Гячаму, хи хундунь нёнакас

Друг мой, если твой бег не
прекращается,

Ханиму ибдирич нэрилрэн [3, с. 162]. Душа моя озаряется светом

[Перевод автора].

В лингвокультуре эвенов олень может быть локусом души человека, что находит отражение в художественном дискурсе.

Например: *Орандула эвэн ханинни бисни* [5, с. 73]. `В олени заложена душа эвена` [4, с. 73]; *Оран – нуунмин несэнни, ханинни нян дюлгидэн* [5, с. 73]. `Олень – счастье народа, его душа и будущее` [4, с. 73].

Как пишет М.В. Пименова: «Возможное объяснение тому, что человек, его составляющие концептуализируются при помощи при-

знаков птиц, животных и насекомых, заключается в природе тотемизма, когда предки людей, говорящих на одном языке, приходили к живым в виде родовых животных-помощников (например, Сивка-Бурка, Конёк-Горбунок) [10, с. 87].

<i>Хэрдэлив эени мээн оралдула</i>	В пролетающих внизу золотых оленях
<i>Эньму уэрин ханьинни бисни.</i>	Душа моей матери заключена.
<i>Ок-та бими, иду-дэ бими, илэ-дэ</i>	Когда бы ни был, где бы ни был,
<i>исми,</i>	
<i>Эньми ханьиман оралдула</i>	Душу матери моей в оленях отыщу
<i>баккоттам</i>	[Перевод автора].

[5, с. 53].

<i>Ноун ями-да хэпкэндин,</i>	Он обязательно поймает,
<i>Этэн урар мавутан,</i>	Не промахнется его аркан,
<i>Хани орми гелтаняв –</i>	Душу белого оленя –
<i>Нод асаткан ханиман</i> [Там же, с. 59].	Душу красивой девушки
	[Перевод автора].

В эвенском языке используются также фразеологизмы и пословицы с компонентом концепта «Олень» с отрицательной коннотацией. В них могут осмеиваться и осуждаться качества людей, не принятые в эвенском обществе, например:

Сравнение человека с упрямым оленем: *Банюк орүачин кулчиңанри.* `Ты упираешься как упрямый олень` [1, с. 174].

О глупом человеке, наделенным физической силой: *Көрбэ хокан энүлкэн-дэ, оңаттукун элгэптэн.* `Олень-бык очень сильный, да за нос водится` [1, с. 174].

О шустрой женщине – *Нямичандула хекэн тауняв хечэ.* `У женщины выросли рога (о шустрой женщине)` [14, с. 298].

Таньямияв ирбэгу дюткий иннөтти. `Сброшенные старые рога домой приносит (о человеке, который все тащит в дом)` [Там же].

О хвастливом человеке пословица: *Помпоти (урумкун) бөдэлэлкэн биникэн, гуд учикту эди усчир.* `Будучи коротконогим, не садись на высокого верхового оленя` [1, с. 175].

О хитром или тщеславном человеке – *Учикти муран хогдиван хоручагчинни.* `Как привесивший конский хвост своему верховому оленю (о хитром или тщеславном человеке)` [Там же, с. 178].

Встречаются фразеологизмы и пословицы, коннотация которых сводится к опасению потери оленей, от которых зависела жизнь людей, поскольку в былые времена данное обстоятельство могло повлечь смерть от голода. У эвенков не принято было прямо сообщать весть о возможном бедствии, поэтому она облекалась в скрытую форму, например:

Дю дегэнкэвэн думэгэн ач орна, ач-та уинна бидин. `Тот, кто бьет домашних животных, будет и без оленя, и без собаки` [Там же, с. 173]; *Мавут гаддон дёрмича (учикалбан хөрүчэ).* `Половина мавута украдена (у человека увели верховых оленей)` [Там же, с. 187]; *Оран көкчинни каварча (хонүачан эчэ тугэмэлрэ).* `У оленя копыта сломались (телята перестали родиться)` [Там же]; *Хэвэку орму хогдин гэгдэнче.* `У моего священного оленя-хэвэка хвост на сторону свернулся (домашние олени ушли к диким)` [Там же, с. 188].

В лингвокультуре эвенков *олень* является одним из мифологизированных животных. В фольклоре эвенков *олень* всегда выступает помощником и советчиком главного персонажа и наделяется необычными характеристиками, способностью понимать человеческую речь и разговаривать. Традиционным в фольклоре эвенков является приобретение оленем крыльев. Образ крылатого оленя встречается во многих фольклорных текстах [6; 9; 14 и др.].

В эвенском языке устойчивые выражения и паремиологические материалы, в состав компонентов которых входит концепт «Олень», обладают и положительной, и отрицательной коннотациями, характеризующими внешние и внутренние качества человека. Олень в духовной и материальной культуре народа предстает другом человека. В языковом сознании эвенков олень также может выступать вместилищем души народа и символом жизни. Следовательно, в лингвокультуре эвенков концепт «Олень» является одним из ключевых концептов, характеризующих их мировосприятие.

Список литературы

1. Бурыкин А.А. Малые жанры эвенского фольклора. Загадки, пословицы и поговорки, запреты-обереги, обычаи и предписания, при-

- меты (исследование и тексты). СПб: «Петербургское Востоковедение», 2001. 288 с.
2. Кейметинов В.С. Дёнтуралби анирам. Дёнтурал. Якутск: Бичик, 2013. 64 с.
 3. Кривошапкин А.В. Иңэнь төр икэллн (Песни Севера). Дёнтур. Якутск: Бичик, 1995. 256 с.
 4. Кривошапкин А.В. Охотник Тормита: повесть в рассказах. Якутск: Бичик, 2007. 160 с.
 5. Кривошапкин А.В. Тормита буюсэмнэ. Якутск: Бичик, 2018. 208 с.
 6. Лебедев В.Д. Язык эвенос Якутии. Л.: Наука, 1978. 208 с.
 7. Мыреева А.Н. Лексика эвенкийского языка: Растительный и животный мир. Новосибирск: Наука, 2001. 104 с.
 8. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 4-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2010. 208 с.
 9. Новикова К.А. Эвенские сказки, предания и легенды. Магадан: Кн. изд-во, 1987. 157 с.
 10. Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово: ИПК «Графика», 2004. 386 с.
 11. Пименова М.В. Этногерменевтика русской сказки. М.: ИНФРА-М, 2019. 366 с.
 12. Полевые материалы автора (ПМ) Кузьминой Р.П. 2005 г. Местность Эндыбал Ламунхинского наслега Республики Саха (Якутия).
 13. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. 314 с.
 14. Роббек В.А. Фольклор эвенос Березовки (образцы шедевров). Якутск: Северовед, 2005. 362 с.
 15. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л.: Наука, 1975. Т. 1. А-Н; 1977. Т. 2. О-Э.
 16. Blanchard. The power of positive horse training: saying yes to your horse. Wiley, 2005. 210 p.
 17. Kharlamova M.A., Malmberg I.V. The conception of an electronic lexicographic dictionary (Based on folk speech of the middle Irtysh region). *Dialectologia: Universtat de Barcelona*. 2018, no 20, pp. 181–195.

18. Mentalität und Mentales // Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik. Bd. 9. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2003. 250 S.
19. Sprache. Kultur. Mensch. Ethnie // Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik. Bd. 8. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2002. 336 S.

References

1. Burykin A.A. *Malye zhanry jevenskogo fol'klora. Zagadki, posloviцы i pogovorki, zaprety-oberegi, obychai i predpisanija, primety (issledovanie i teksty)* [Smaller genres of Even folklore. Riddles, proverbs and sayings, prohibitions-talismans, customs and prescriptions, signs (research and texts)]. St. Petersburg: «Peterburgskoe Vostokovedenie», 2001. 288 p.
2. Keymetinov V.S. *Дэнтуралби анирам. Дэнтурал* [I give you poems]. Yakutsk: Bichik, 2013. 64 p.
3. Krivoshapkin A.V. *Иһэнь төр икэллэни. Dentur* [Songs of the North. Poems]. Yakutsk: Bichik, 1995. 256 p.
4. Krivoshapkin A.V. *Ohotnik Tormita: povest' v rasskazah* [Hunter Tormita: a story in short stories]. Yakutsk: Bichik, 2007. 160 p.
5. Krivoshapkin A.V. *Tormita Buyusemye* [Hunter Tormita]. Yakutsk: Bichik, 2018. 208 p.
6. Lebedev V.D. *Jazyk jevenov Jakutii* [The Even language of Yakutia]. Leningrad: Nauka, 1978. 208 p.
7. Myreeva A.N. *Leksika jevenkijskogo jazyka: Rastitel'nyj i zhivotnyj mir* [Evenki vocabulary: Flora and fauna]. Novosibirsk: Nauka, 2001. 104 p.
8. Maslova V.A. *Lingvokul'turologija* [Linguoculturology]: ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij. 4-e izd., ster. Moscow: Izdatel'skij centr «Akademija», 2010. 208 p.
9. Novikova K.A. *Jevenskie skazki, predanija i legendy* [Even tales, traditions and legends]. Magadan: Kn. izd-vo, 1987. 157 p.
10. Pimenova M.V. *Dusha i duh: osobennosti konceptualizacii* [Soul and spirit: features of conceptualization]. Kemerovo: IPK "Graphica", 2004. 386 p.
11. Pimenova M.V. *Jetnogermenevtika russkoj skazki* [Ethnohermeneutics of a Russian fairy tale]. Moscow: INFRA-M, 2019. 366 p.
12. Polevye materialy avtora [Author's field materials]. 2005.

13. Popova Z.D., Sternin I.A. *Kognitivnaja lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow: AST: East-West, 2010. 314 p.
14. Robbek V.A. *Fol'klor jevenov Berezovki (obrazcy shedevrov)* [Folklore of the Berezovka Evens (samples of masterpieces)]. Yakutsk: Severoved, 2005. 362 p.
15. *Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskih jazykov* [Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages]. Leningrad: Nauka, 1975. T. 1. A-H; 1977. T. 2. O-E.
16. Blanchard S. The power of positive horse training: saying yes to your horse. Wiley, 2005. 210 p.
17. Kharlamova M.A., Malmberg I.V. The conception of an electronic lexicographic dictionary (Based on folk speech of the middle Irtysh region). *Dialectologia: Universtat de Barcelona*. 2018, no 20. pp. 181-195.
18. Mentalität und Mentales. *Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik*. Bd. 9. Landau: Empirische Pädagogik, 2003. 250 S.
19. Sprache. Kultur. Mensch. Ethnie. *Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik*. Bd. 8. Landau: Empirische Pädagogik, 2002. 336 S.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Кузьмина Раиса Петровна, старший научный сотрудник, кандидат филологических наук
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов СО РАН
ул. Петровского, 1, г. Якутск, 677027, Российская Федерация
raisakuzmina2013@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kuzmina Raisa Petrovna, Senior Researcher, Ph. D. in of Philology
The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the Problems of the North Russian Academy of Sciences Siberian Branch
1, Petrovsky Str, Yakutsk, 677027, Russian Federation
raisakuzmina2013@yandex.ru
SPIN-code: 5134-1230
ORCID: 0000-0003-4964-3448
Researcher: K-1522-2018

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-4-138-154

УДК 811.11-112

ЭКСПРЕССИВНОСТЬ НЕМЕЦКОГО ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА НА СИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ

Ловяникова В.В., Колиева И.Г., Демидович Е.С.

В настоящей статье предпринимается попытка выявить, как журналисты на синтаксическом уровне добиваются выражения субъективного отношения читателя к предмету своего сообщения. Цель исследования заключается в системном описании синтаксических средств, способных выражать эмоциональное состояние автора, его субъективное отношение к описываемым предметам и явлениям действительности, а также влиять на восприятие их читателем.

Актуальность настоящего исследования обусловлена, во-первых, активностью интереса исследователей к человеческому фактору в языке в целом и, во-вторых, неполным изучением функционально-семантической особенности категории экспрессивности в современной немецкой публицистике.

Научная новизна исследования объясняется тем, что в нем проводится комплексный анализ синтаксических способов выражения экспрессии и дается системное описание категории экспрессивности в современной немецкой публицистике.

Материалом исследования послужили статьи из еженедельно-информационно-политического журнала Германии «Der Spiegel» за 2019 г., а также онлайн-версии этого немецкого издания.

В процессе исследования были применены общенаучные и собственно лингвистические методы: гипотетико-дедуктивный, индуктивный, описательный, элементы семантико-стилистического и коммуникативно-прагматического анализа.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения его результатов в теоретических и практиче-

ских курсах по стилистике немецкого языка, прагматике и интерпретации текста.

Результаты исследования. Авторы формулируют комплекс синтаксических средств, которые объединены функциональным признаком влияния на уровне эмоций в публицистическом тексте. В качестве микросистем макрополя экспрессивности в публицистике выступают эллиптические конструкции, риторические вопросы, экспрессивные инверсии, парцеллированные обороты, различные виды повторов.

Ключевые слова: публицистика; экспрессивность; эллипсис; вопрос-утверждение; инверсия; парцелляция; повтор.

EXPRESSIVENESS OF THE GERMAN PUBLICISTIC TEXT AT THE SYNTACTIC LEVEL

Lovyanikova V.V., Kolieva I.G., Demidovich E.S.

*In this article an attempt is made to identify the way journalists achieve expression of the subjective attitude of the reader to the subject of their message at the syntactic level. **The purpose of the research** is the systematic description of syntactic means that function in the German journalistic texts and are able to express the author's emotional state, their subjective attitude to the described objects and phenomena of reality, as well as to influence the reader's perception of them.*

***The relevance of this study** is due firstly to the active interest of researchers in the human factor in the language as a whole and secondly to an incomplete study of the functional-semantic features of the expressiveness category in the modern German journalism.*

***The scientific novelty of the research** lies in the complex attempt to describe the syntactic ways of expression and in the systematic description of the category of expressiveness in the modern German journalism.*

***The research material** are articles from the weekly German information and political magazine *Der Spiegel* of 2019, as well as its online versions.*

*In the research **the general scientific and linguistic methods** were applied: the hypothetical-deductive, inductive, descriptive, as well as elements of the semantic-stylistic analysis and communicative-pragmatic analysis.*

*The **practical significance** of the research consists in the possibility of applying its results in theoretical and practical courses on the style of the German language, pragmatics and text interpretation.*

*The **results of the research.** The authors formulate the set of syntactic tools that are united by the functional sign of influence at the level of emotions in the journalistic text. Elliptical constructions, rhetorical questions, expressive inversions, parceled turns and various types of repeats serve as microsystems of the macrofield of expressiveness in journalism.*

***Keywords:** journalism; expressiveness; ellipsis; question-statement; inversion; parceling; repetition.*

Введение

Публицистика – это литература по общественно-политическим вопросам современности, предметом которой становится жизнь в обществе, политика, экономика и интересы каждого человека. Поскольку там, где присутствует интерес, не может быть безразличия и индифферентности, в публицистическом тексте не приемлемы вялые выражения и обтекаемые формулировки.

Цель исследования заключается в комплексном изучении синтаксических средств выделения, усиления, акцентирования высказывания, отклонения от речевого стандарта и нормы. Предметом исследования стали все способы выражения чувств, эмоций и настроений, а также возможности наделения высказывания эмоциональной силой и образностью на синтаксическом уровне.

Актуальность исследования обусловлена тем, что внимание лингвистов в настоящее время направлено на изучение человеческого фактора в языке и анализ всех аспектов языка с антропоцентрических позиций.

Научная новизна работы состоит том, что в ходе исследования формулируется комплекс синтаксических средств, которые способ-

ствуют удержанию и усилению внимания, повышению рефлексии, возникновению у читателя определенных эмоций и чувств, т.е. выявляются микросистемы макрополя экспрессивности на синтаксическом уровне.

В качестве **источника текстового материала** были выбраны печатное издание журнала «Der Spiegel» и его онлайн-версии за 2019 г.

Методами исследования стали: гипотетико-дедуктивный, индуктивный, описательный, элементы семантико-стилистического и коммуникативно-прагматического анализа.

Исследование имеет **практическую значимость**, поскольку его результаты могут применяться при подготовке курсов лекций и практических занятий по стилистике, прагматике и интерпретации текста на немецком языке.

Термин «экспрессивность» встречается в литературе по языкознанию XX–XXI вв., а также в современных трудах по психолингвистике, социолингвистике, лингвокультурологии и в других научных исследованиях, например, в этике, эстетике, антропологии, литературоведении и семиотике. Наиболее авторитетными и влиятельными в области «экспрессологии» считаются труды Ш. Балли, поскольку этот ученый впервые указал на необходимость изучения «наслоений» в семантике и подчеркнул их стилистический потенциал. Исходной точкой в стилистической концепции экспрессивности Ш. Балли стали суждения об антропологической аффективности. Аффективность – это спонтанное и естественное выражение субъективных форм человеческого мышления. При этом аффективность тесно связана с желаниями, устремлениями, ощущениями и ценностными суждениями человека и является внешним выражением интереса, который человек испытывает к реальной жизни [2, с. 98]. Аффективность в языке Балли называет «экспрессивностью» и понимает под ней семантическую окраску, которая включает в себя такие понятия, как эмоциональный и социальный оттенок, средства интенсификации и образности, т.е. определенного рода приемы тропеической мотивации. Экспрессивность в этой интерпретации – это широкое семантико-стилистическое явление, в ос-

нове которого лежит смещение предметно-логического значения, позволяющее выражать конкретные эмоции.

В отечественном языкознании существует несколько трактовок исследуемого явления. У многих лингвистов можно встретить широкое понимание термина. В.Н. Гридин подчеркивает семантические и стилистические коммуникативные аспекты экспрессивности, а также ее связь с категорией субъективной модальности. По В.Н. Гридину, экспрессивность – это комплекс семантико-стилистических признаков единицы языка, которые придают ей способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к предмету разговора или к адресату речи [4, с. 6]. В.Н. Телия указывает на взаимосвязь между модальностью и экспрессивностью и трактует экспрессивность как эффект, возникающий в речевом акте в момент выражения эмоционального отношения говорящего к действительности [7, с. 85]. По мнению Н.А. Лукьяновой, под экспрессивностью следует понимать свойство языковых единиц, связанное с их способностью передавать экспрессивную функцию языка, семантическую по своей природе. Компонентами экспрессивности являются, по Н.А. Лукьяновой, эмоциональная оценка, образность и интенсивность [6, с. 14].

Более узкое понимание термина можно встретить у таких авторов, как И.В. Арнольд и К.А. Долинин. В работах этих лингвистов экспрессивность присутствует в дефиниции семантической структуры языковой единицы. К.А. Долинин указывает, что экспрессивная семантическая окраска не является родовым понятием, она представляет собой только отдельный компонент стилистического значения и выражает характер и интенсивность восприятия как стилистической, так и предметно-логической информации, содержащейся в языковом знаке [5, с. 120]. По мнению И.В. Арнольд, экспрессивный компонент значения можно считать самостоятельным, он независим от других его компонентов – эмоционального, оценочного и стилистического. При этом наличие одного из компонентов значения совсем не обязательно влечет за собой присутствие всех остальных, они могут встречаться в самых разных комбинациях [1, с. 162].

В данной работе экспрессивность понимается как: 1. демонстрация эмоций в языке; 2. повышение эмоциональной и выразительной интенсивности, эмоциональности и выразительности; 3. высказывание субъективного отношения; 4. повышение действия высказывания.

Известно, что синтаксические средства не только соединяют отрезки высказывания, но и выступают как знаки, способствующие членению текста и эмоциональному влиянию на читателя. Рассмотрение этих средств позволяет установить лингвистические основы выразительности текста. Об экспрессивных возможностях синтаксиса писали Р.Р. Чайковский, Э.М. Береговская. В.В. Виноградов подчеркивал, что в процессе создания экспрессии могут участвовать не только изобразительные средства, но и своеобразное использование синтаксических категорий. Смена форм лица, ритмические особенности сцепления предложений, порядок слов, приемы синтаксической симметрии, повторы, напряженная интонация способны усиливать экспрессивную прерывистость и подвижность изложения [3, с. 101].

Результаты исследования

Анализ текстов из журнала «Der Spiegel» показал, что экспрессию в них способны передавать **эллиптические конструкции**. В публицистическом тексте наличие эллипса способствует появлению экспрессивного эффекта: энергичности, стремительности, неожиданности, быстрой смены событий, напряжения психического состояния, создания непринужденности и интимизации.

Эллиптические, неполные предложения способствуют живому диалогу с читателем и придают лаконичность и особое ритмическое оформление высказыванию. Так, в интервью с руководителем службы телефона доверия о насилии в семье эллипсы благодаря экономии языковых средств создают атмосферу эмоциональной напряженности и имитируют живое общение:

- Spiegel: Trifft das zu? – Söchtling: *Unserer Erfahrung nach nicht.*
- Spiegel: In welchen Situationen rufen Frauen bei Ihnen bei? – Söchtling: *Manchmal bei konkreter Gefahr.*

- Spiegel: Welche Art von Gefahr erleben die Menschen, die ihre Nummer anrufen – Söchtling: *Leider alle Formen der Gewalt.*

Поскольку чаще наблюдается опущения глагола, то случаи пропуска других частей речи могут нести, в силу своей необычности, более сильный экспрессивный заряд:

- 20 Seiten Formulare füllte er aus. *Frage Universitäten für wissenschaftliche Gutachten an. Sprach sich mit anderen Blandruckern in Deutschland an.*

Можно также предположить, что наличие нескольких пропущенных членов предложения способно усилить выразительный эффект. Такие случаи довольно редки, поэтому они менее ожидаемы. Так, в статье о Дональде Трампе автор использует эллиптические конструкции с несколькими пропущенными членами, интригуя тем самым читателя и вызывая у него особые эмоции:

- Bereit, Frauen genauso viel zu bezahlen, wie Männern.
- Wach bleiben. Konzentriert bleiben.

Этот прием можно считать эффективным с точки зрения создания экспрессии, поскольку он требует усиленного восприятия информации читателем. Чтобы заполнить несколько пустых позиций в предложении, читатель должен проявить повышенную ментальную активность. Такое большое количество незаполненных позиций привлекает внимание читателя и усиливает экспрессивность всего текста.

Особая роль в создании экспрессии публицистического текста принадлежит **риторическому вопросу**. В стилистическом плане риторические вопросы характеризуются замечательной яркостью и разнообразием эмоционально-экспрессивных оттенков.

В современной публицистике становится редким спокойный и объективный тон. На страницах газет и журналов журналисты сегодня негодуют, иронизируют, возмущаются, стараются передать читателям свои настроения. Чаще всего риторический вопрос становится средством, с помощью которого автор подчеркивает возмутительный, недопустимый характер сложившейся ситуации:

- Engländer und Schotten machen keine Musik mehr miteinander. *Ist das nicht schrecklich?*

С помощью риторического вопроса журналисты могут передавать и собственное удивление сложившейся ситуации. Так, в статье о том, как сегодня предприниматели с помощью программного обеспечения только по голосу решают в пользу того или иного кандидата, автор не может удержаться от возгласов удивления:

- Künstliche Intelligenz soll anhand der Stimme über die Bewerber entscheiden. *Ist es seriös?*

С риторическим вопросом обращается к читателям и автор статьи об опытах над животными с целью разработки новых медикаментов:

- Wissenschaftler setzen die Tiere etwa ein, um Medikamente zu entwickeln. *Doch muss das überhaupt sein?*

Одной из причин широкой популярности риторического вопроса в публицистике можно считать его способность диалогизировать монолог и вовлекать читателя в процесс обсуждения проблемы. Например, в статье об отказе известного политика от социальных сетей автор неоднократно обращается к читателю с риторическим вопросом:

- Ist es eine gute Idee von Rober Habeck, sich bei Twitter und Facebook abzumelden?
- Kann ein Spitzenpolitiker wie Habeck darauf verzichten?
- Doch ist das so?

В последнем примере эмоциональный характер риторического вопроса усилен экспрессивной инверсией в предложении.

Автор публицистического текста всегда неизбежно навязывает читателю свою точку зрения, но его мастерство должно заключаться в том, чтобы читательская аудитория не ощущала никакого интеллектуального давления, а наоборот ощущала, что приходит к тому или иному выводу самостоятельно. Именно с этой целью строит несколько риторических вопросов подряд автор статьи о том, как переживают дети развод родителей:

- Ist das Unrecht? Oder soll da ein Gericht Aufgaben übernehmen, die es gar nicht übernehmen kann? Liegt das Missverständnis vielleicht darin, dass Gerichte keine Probleme lösen können, die Eltern nicht lösen wollen?

Вопрос, на который автор статьи не дает ответа, всегда подталкивает читателя к размышлениям и делает его участником публицистического материала.

На синтаксическом уровне экспрессивность может создаваться не только при помощи экспрессивно окрашенных синтаксических конструкций, но и путем изменения порядка слов в обычных предложениях, т.е. с помощью **экспрессивной инверсии**.

Традиционно немецкое предложение строится по тема-рематическим отношениям и предполагает предшествование темы (известной информации) реме (новой информации). С целью привлечь внимание читателя к определенным фактам действительности и подчеркнуть их авторы публицистических текстов зачастую используют эмфатический порядок слов и употребляют рему с неопределенным артиклем на первом месте в предложении.

Так, в статье о необходимости политического диалога и встречи лидеров Социально-демократической партии и Христианско-социального союза автор нарушает обычный порядок слов:

- Eine ähnliche Verabredung hatte es im vergangenen Jahr schon einmal gegeben.

В публикации о действии рекламы на потребительские потребности детей читаем:

- Einen Hinweis auf die überausstarke Wirkung von Reklame fanden die Forscher des Dartmouth College in New Hampshire.

Привлекает к себе внимание и эмфатический порядок слов в статье об убийстве Розы Люксембург:

- *Eine entsprechende Aufforderung des Luxemburg-Forschers Klaus Gietinger und anderer linker Intellektueller weist Parteichefin Andrea Nahles zurück.*

В данных примерах на первый план выступает эмоциональный момент высказывания, желание добиться особой выразительности речи и выделения нового в предложении.

Анализ современного публицистического текста показывает, что высказывания с инверсией, обеспечивающей возникновение экспрессивности речи, далеко не всегда обнаруживают препозицию

ремы высказывания по отношению к его теме. Было выявлено, что в простых повествовательных предложениях с помощью инверсии авторы стремятся к смысловому выделению:

- второстепенного члена предложения:
 - *In der Planung für die nächsten Jahre klaffen riesige Lücken.*
 - Gut elf Milliarden Euro lagen die Einnahmen 2018 höher als die Ausgaben.
 - Geschickt hat Schraub seine Idee populär gemacht.
- или сказуемому, к которому хотели бы привлечь внимание читателя:
 - Geplant war es nicht.
 - Tut er aber nicht.
 - Hinz zu befragen ist nicht möglich.
 - Der Clip ist nur 28 Sekunden lang, *aufgenommen wurde er bereits vor zwei Monaten, am Rande des Parteitags im November des vergangenen Jahres in Leipzig.*
 - *So gesehen ist schon die Frage*, ob das Video, in dem Habeck die Grünen als Retter der Demokratie in Thüringen ausrief.

Второстепенный член, вынесенный автором в предпозицию, может нести больше информации, если он выражен придаточным предложением:

- *Wie der SPIEGEL in Zusammenarbeit mit Correctiv recherchierte*, hat bislang keine qualitative hochwertige wissenschaftliche Studie nachgewiesen, dass Schaub's Therapie wirklich hilft.
- *Weil es weiter Differenzen in der Flüchtlingspolitik gibt*, sollte die Versöhnung mit Merkel über eine «Themenoffensive» gelingen.

Эмоциональному диалогу журналиста с читателем служат включенные в текст статьи вопросительные предложения, особенно если они демонстрируют нарушение привычного для вопроса порядка слов:

- Warum bei einer Tigerjagd in Indien auch Calvin Klein zum Einsatz kam?
- Trotz all dieser Streitpunkte in der Außenpolitik halten Sie Rot-Rot-Grün für möglich?
- Doch wie authentisch ist die Gedenkstätte eigentlich noch?

- Und dann kommt man auch mit Seehofer klar?
- Sie sagen Du zueinander?

Как показывают приведенные примеры, с помощью необычного употребления порядка слов авторы добиваются дополнительно акцентирования внимания на определенных фактах действительности и оказывают влияние на восприятие актуальной информации читателем.

Очень часто экспрессивность достигается в публицистике благодаря **парцеллированным конструкциям**. В современном публицистическом тексте парцелляция является особым стилистическим приемом, который позволяет автору усилить смысловые и экспрессивные оттенки значений и добиться экономии языковых средств за счет компрессии единиц плана выражения.

Важной чертой парцелляции является деление предложения на несколько самостоятельных единиц. При этом парцеллированная конструкция имеет структурно независимую самостоятельную часть, которую можно считать самостоятельной в лексическом и грамматическом плане, и структурно зависимую часть, т.е. парцеллят, который обладает присоединительным значением и не может функционировать отдельно, но всегда несет дополнительную и по-своему важную информацию.

Следует подчеркнуть, что текст, включающий парцелляцию, характеризуется особым, прерывистым ритмом. Вероятно, именно этот факт побудил автора спортивной статьи о капитане национальной немецкой команды по гандболу Уве Генсхаймере активно прибегать к данному стилистическому приему:

- Und als Möglichkeit, ein zweistelliges Millionenpublikum zu erreichen und damit eine nationale Leidenschaft zu entfachen. *Endlich.*
- Zum Handball kam er schon im Kindergartenalter. *Über Spielkameraden.*
- 13 Jahre lang war Gensheimer dem Verein treu. *In guten wie in schlechten Zeiten.*
- Handball läuft in erster Linie auf Sky, außer wenn ein internationales Turnier ansteht. *So wie jetzt.*

Во всех перечисленных примерах можно наблюдать развертывание информационной наполняемости базовой части в парцелляте. При этом целью использования парцелляции является стремление придать тексту особые смысловые оттенки и большую эмоциональную нагрузку. Как видим, парцелляция создает неожиданную паузу, перебой ритма, что усиливает экспрессию всего высказывания.

Использование парцелляции в публицистическом тексте связано, таким образом, со стремлением автора передать интонацию и акцентированность живой разговорной речи, когда мысль собеседников формируется постепенно: сначала высказывается основное, а затем возникает следующая мысль, в которой вспоминаются какие-то детали, характеристики или события. Передаваемая отдельными частями информация создает некую прерывистость и имитирует естественность живого общения.

Среди экспрессивных синтаксических конструкций следует выделить **различные виды повторов**. Специфика повтора как стилистического приема заключается в усилении и закреплении в сознании читателя определенной информации, в апелляции к его чувствам, эмоциям и настроениям. Сила такого воздействия объясняется не столько звуковым и лексическим наполнением контактных и дистантных повторяющихся лексических единиц, сколько многократным повторением определенной языковой единицы в пределах одного контекста.

При этом контактные повторы придают высказыванию высокую степень экспрессивности и эмоциональности, часто они встречаются в текстах интервью, в ответах на вопросы журналистов:

- Spiegel: Sie gelten, etwas ungewöhnlich für einen Rockstar, als leidenschaftlicher Leser. Literatur, Poesie, Sachbücher? – Knopfler: *Alles, alles, alles.*
- Sie sind sozusagen *Polen der Polen.*

Смежные повторы, т.е. употребление одних и тех же слов в соседних словосочетаниях и предложениях, всегда несут дополнительную информацию, демонстрируют развитие мысли и ее углубление, а также содействуют экспрессии всего контекста:

- *Warum* hat es für ein Foul zwei Strafminuten gegeben? *Warum* eine gelbe Karte? Warum gab es jetzt Siebenmeter?
- *Welche* konkreten Pläne hat Pekin in den kommenden Jahren, *welche* Ziele verfolgt das Land auf lange Sicht?

В приведенных примерах экспрессия, созданная употреблением повторов, усиливается нагромождением вопросительных конструкций.

Особой полифункциональностью обладают дистантные повторы, т.е. воспроизведение одних и тех же лексических единиц, отделенных друг от друга словом или несколькими словами. Помимо экспрессивного значения, которое передают такие повторы, этот стилистический прием является средством выражения нелинейного формирования информации путем ее доработки и детализации:

- *Mehr* Frauen, *mehr* Investitionen, *mehr* Mitsprache: CSD-Generalsekretär Markus Blume, 43, will seine Partei reformieren.
- Trump hat eine merkwürdige Obsession mit dem Land, aus dem seine Vorfahren stammen, mit *deutschen* Autos, *deutscher* Wirtschaft, der *deutschen* Kanzlerin.
- Der Hashtag ist *ein Instrument*, das einer Marketinglogik gehorcht, ein *Instrument* für Kampagnen, so wie Twitter ein Kampagnenmedium ist.

Интересными со стилистической точки зрения являются семантические повторы, случаи, когда в непосредственной близости употребляются сходные по значению лексические единицы, которые создают определенную синонимию экспрессивно-стилистического характера:

- ... zu ihren Einladungen kamen die *Mächtigen und Einflussreichen* des Landes.
- Der Personaler soll am Ende ein Profil des Bewerbers bekommen – wie emotional stabil ist der Kandidat, wie *extrovertiert, offen* oder gewissenhaft.
- Die Zeit der Korruption, der *Privilegien und Vorteile*, die sich die politische Klasse verschafft habe, sei vorbei.
- Die Besucher sehen dort jene Orte, an denen Häftlinge *gequält und gefoltert* wurden.

Как видно из приведенных примеров, для семантического повтора характерна альтернативная характеристика повторяемого лица или явления. Такой стилистический прием помогает избежать монотонности высказывания, придать ему особую выразительность и актуализировать всю семантику предложения.

Экспрессивные возможности повтора могут быть усилены другими стилистическими приемами, например, антитезой или/ синтаксическим параллелизмом:

- *Wo hört die Beratung auf, und wo fängt Lobbyismus an?*
- *Will er nur einen Rabatt, will er wirklich kündigen?*
- *Plan um Plan, Posten um Posten wächst das versteckte Defizit, bewegt sich der Etatweg von der schwarzen Null.*

Основной функцией повторов в публицистическом тексте можно считать усиление экспрессивно-эмоционально воздействия на читательскую аудиторию, фиксацию внимания человека и актуализацию смысла, а также функцию гармонизации публицистического текста.

Обсуждение

Анализ текстов из самого значимого информационно-политического журнала Германии «Der Spiegel» за 2019 г. позволяет утверждать, что их авторы – это не равнодушные журналисты, а активные участники и комментаторы современных значимых событий в Германии и за рубежом. Их цель – убедить читателя в своей правоте, оказать на него определенное влияние и внушить конкретные идеи. Позиция автора публицистического текста сегодня должна быть прямой и открытой, а поэтому необходимы экспрессивные средства выражения мыслей и идей.

Заключение

Результаты проведенного исследования показали, что в современном публицистическом тексте яркое проявление чувств, настроений и мыслей автора находит отражение на синтаксическом уровне. Синтаксические конструкции способны усиливать прагма-

тические возможности высказывания сверх той степени, которая достигается лексическими значениями. Повышенная экспрессивность публицистических текстов в журнале «Der Spiegel» достигается с помощью эллиптических конструкций, риторических вопросов, экспрессивной инверсии, парцелированных оборотов, различных видов повторов, а также комбинации перечисленных синтаксических приемов.

Информация о конфликте интересов. Конфликт интересов отсутствует.

Информация о спонсорстве. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учеб. для вузов. 8-е изд. М.: Флинта, 2002. 384 с.
2. Балли Ш. Язык и жизнь. М.: УРСС, 2003. 230 с.
3. Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса: Учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ, 1958. 174 с.
4. Гридин В.Н. Психолингвистические функции эмоционально-экспрессивной лексики: автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1976. 22 с.
5. Долинин К.А. Стилистика французского языка. Л.: Просвещение, 1987. 303 с.
6. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. Новосибирск: Наука, 1986. 23 с.
7. Телия В.Н. Семантика экспрессивности // Семантические категории языка и методы их изучения. Уфа: Башкирский гос. ун-т., 1985. С. 85–86.

References

1. Arnol'd I.V. *Stilistika. Sovremennyj anglijskij yazyk* [Stylistics. Modern English]: Ucheb. dlya vuzov. 8-e izd. M.: Flinta, 2002. 384 p.
2. Balli Sh. *Yazyk i zhizn'* [Language and life]. M.: URSS, 2003. 230 p.

3. Vinogradov V.V. *Iz istorii izucheniya russkogo sintaksisa* [From the history of the study of Russian syntax]: Ucheb. posobie. M.: Izd-vo MGU, 1958. 174 p.
4. Gridin V.N. *Psiholingvisticheskie funkicii emocional'no-ekspressivnoj leksiki* [Psycholinguistic functions of emotionally expressive vocabulary]: avtoref. dis. kand. filol. nauk. M., 1976. 22 p.
5. Dolinin K.A. *Stilistika francuzskogo yazyka* [Stylistics of the French language]. L.: Prosveshchenie, 1987. 303 p.
6. Luk'yanova N.A. *Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya: Problemy semantiki* [Expressive vocabulary of colloquial use: Issues of semantics]. Novosibirsk: Nauka, 1986. 23 p.
7. Teliya V.N. *Semantika ekspressivnosti* [Expressive semantics]. Semanticheskie kategorii yazyka i metody ih izucheniya. Ufa: Ufa: Bashkirskij gos. un-t., 1985, pp. 85–86.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Ловяникова Виктория Васильевна, доцент кафедры немецкого языка, кандидат филологических наук
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, 362025, Республика Северная Осетия – Алания, Российская Федерация
rector@nosu-team.ru
SPIN-код: 4268-7535
ORCID: 0000-0002-2542-6978

Колиева Ирина Геннадиевна, доцент кафедры немецкого языка, кандидат филологических наук
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, 362025, Республика Северная Осетия – Алания, Российская Федерация
rector@nosu-team.ru SPIN-код: 5886-6322
ORCID: 0000-0003-1036-4505

Демидович Ева Сергеевна, магистрант факультета иностранных языков второго года обучения
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, 362025, Республика Северная Осетия – Алания, Российская Федерация
rector@nosu-team.ru

DATA ABOUT AUTHORS

Lovyannikova Victoria Vasilyevna, Associate Professor of German Language Department, PhD in Philology
North Ossetian State University after K.L. Khetagurov
44-46 Vatutin Str., Vladikavkaz, 362025, Republic of North Ossetia, Russian Federation
rector@nosu-team.ru

Kolieva Irina Gennad'evna, Associate Professor of German Language Department, PhD in Philology
North Ossetian State University after K.L. Khetagurov
44-46 Vatutin Str., Vladikavkaz, 362025, Republic of North Ossetia, Russian Federation
rector@nosu-team.ru

Demidovich Eva Sergeevna, Second-Year Student of the Faculty of Foreign Languages, studying for Master's Degree
North Ossetian State University after K.L. Khetagurov
44-46 Vatutin Str., Vladikavkaz, 362025, Republic of North Ossetia, Russian Federation
rector@nosu-team.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-4-155-165

УДК 81-11

ПАРАМЕТР ПРЕДСТАВИМОСТИ СЛОВА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ПРОТОТИПОВ

Natpiti A.A.

Статья посвящена проблеме изучения теории прототипов и ее взаимосвязи с представимостью слова как психолингвистическим параметром. Вопрос рассматривается с точки зрения когнитивной лингвистики и семантики прототипов.

Целью исследования является выявление связи между теоретическим понятием прототипа и представимостью слова как субъективным параметром последнего.

Методы или методология проведения работы. В ходе работы над статьей были применены общенаучные методы анализа и систематизации научных данных, а также элементы сравнительно-сопоставительного анализа.

Результаты. Результаты теоретического анализа и экспериментальной работы демонстрируют, что между понятиями «прототип» и «представимость» невозможно поставить знак равенства. Более того, отмечена обратная корреляция.

Область применения результатов. Результаты работы вносят определенный вклад в экспериментальную психолингвистику, поскольку позволяют уточнить интерпретацию результатов процедуры психолингвистической параметризации слов: в статье демонстрируется, что слово с высоким индексом представимости – это не всегда лучший представитель категории.

Ключевые слова: психолингвистика; слово; психолингвистические параметры слова; прототип; категоризация; представимость слова.

WORD IMAGEABILITY PARAMETER WITHIN THE PROTOTYPE THEORY

Natpiti A.A.

The article is devoted to the problem of studying the theory of prototypes and its relationship with a psycholinguistic parameter, i.e. the

imageability of the word. The problem is considered from the point of view of cognitive linguistics and prototypes semantics.

Purpose. *The article is devoted to identifying a connection between the theoretical concept of the prototype and the imageability of the word as the subjective parameter of the word.*

Methodology. *For the purposes of the study, general scientific methods of analysis and systematization of scientific data were used, as well as elements of the comparative analysis.*

Results. *The results of theoretical analysis and experimental work demonstrate that it is impossible to put an equal sign between the concepts of “prototype” and “representability”. Moreover, an inverse correlation is noted.*

Practical implications. *The results of the work make a certain contribution to experimental psycholinguistics, since they allow us to clarify the interpretation of the results of the procedure of psycholinguistic parameterization of words: the article demonstrates that a word with a high representability index is not always the best representative of the category.*

Keywords: *psycholinguistics; word; psycholinguistic parameters of the word; prototype; categorization; word imageability.*

Введение

Предметом данной статьи являются понятия прототип и психолингвистический параметр слова – представимость. За последние несколько лет появилось немало исследований в области когнитивной лингвистики, доказывающих, что психолингвистические параметры слова влияют на когнитивные процессы человека.

Цель данной статьи – выявить, есть ли связь между теоретическим понятием прототипа и представимостью слова как субъективным параметром слова.

Понятие категории было введено еще Аристотелем, чьи идеи были развиты в трудах ученых 19–20 вв. Однако сам термин «прототип категории» впервые применила американский психолог Э. Рош. Следует отметить, что теорию прототипов начали исследовать еще в 19–20 вв., и сегодня она представляет собой парадигму, на осно-

ве которой ведутся многие когнитивные исследования. Понятие же психолингвистического параметра слова стало известно относительно недавно благодаря успеху экспериментальной работы в области речевых нарушений.

Таким образом, новизна данной статьи состоит в том, что в ней проводится обзор научных достижений в этой достаточно новой области исследований, производится систематизация знаний об актуальном направлении, прежде всего, зарубежной лингвистики, еще не получившем распространения в России.

Теоретическим базисом для статьи послужили исследования отечественных и зарубежных лингвистов в области изучения процессов категоризации, теории прототипов, понятия психолингвистического параметра слова. Это работы Н.Н. Болдырева, А. Вежбицкой, У. Лабова, Л. Заде, Дж. Лакофф, Э. Рош, И. Канта, Аристотеля и Л. Витгенштейна, Ю.С. Акининой.

Методы и материал. В ходе работы над статьей были применены общенаучные методы анализа и систематизации научных данных, а также элементы сравнительно-сопоставительного анализа. Материалом послужили база данных Ю.С. Акининой и примеры из теории прототипов Э. Рош.

Историческая основа

и философско-лингвистический базис теории прототипов

Понятие прототипа в первую очередь тесно связано с процессом категоризации. Традиционно выделяются два подхода к процессу категоризации: классический и когнитивный (семантический). Представителями первого подхода являются Аристотель, И. Кант и др. Если Аристотель ввел понятие категории как гомогенного образования с четко очерченными границами, все члены которого обладают равным статусом, а сама категория носит исключительно онтологический характер, то другой представитель данного подхода, И. Кант, в XIX–XX вв. рассматривал генетическую природу категорий, связывая их логическими сужениями. Г.В.Ф. Гегель разработал свою целостную, кольцевую систему

философских категорий, основанных на идее взаимодействия сознания и материи. Совокупность данной концепции определила классический подход к пониманию категоризации. Однако позже исследователи отнеслись к такому подходу скептически, обращая внимание на более сложную природу категорий. Л. Витгенштейн одним из первых стал настаивать на идее об отсутствии у мыслительных категорий четких границ и одинакового набора основных признаков [18, р. 53]. С этого момента начинается новый, когнитивный, подход к теории категорий у таких ученых, как У. Лабов, Л. Заде, Дж. Лакофф, Д. Герартс, Х. Патнем, Э. Рош и др. Однако, несмотря на попытки ученых формализовать понятие прототипа и придать ему больше «научного веса», данная идея оказалась неудачной. Таким образом, прототип остался в статусе неформального и сугубо теоретического понятия. Практически новаторским стали работы Э. Рош. Она определила три уровня категорий, среди которых основным стал базовый или базисный уровень. Сама «теория прототипов» (либо «теория прототипов и категорий базисного уровня») впервые была сформулирована в работах Э. Рош, выполненных в рамках когнитивной психологии [13, р. 332]. Э. Рош в своих исследованиях обращает внимание на размытость границ категорий человеческого сознания и указывает, что категории включают в свою внутреннюю структуру прототипы (лучшие образцы категорий), а также непрототипичные члены с разной степенью типичности для данной категории. Исследователь особое внимание уделяла категориям базового уровня категоризации, т.к. она считала, что именно этот уровень обладает наибольшей важностью в процессе структурирования информации об окружающей действительности: он наиболее инклюзивен, является наиболее абстрактным, на его основе формируется ментальный образ, он репрезентирует информацию о соотношении части – целого. Согласно Э. Рош, сознание оперирует именно прототипами и базовыми категориальными структурами, т.к. именно на базовом уровне может быть сформирован четкий визуальный образ. Таким образом, мы подошли к понятию представимость слова.

Экспериментальная парадигма исследования психолингвистических параметров слова

Под психолингвистическим параметром слова понимают его характеристики, которые устанавливаются путем измерений, проводимых в ходе когнитивных экспериментов (субъективных рейтингов, экспериментальных заданий) с носителями языка, которым слово предъявляется в устной или письменной форме. В одной из работ ее авторы выделяют девять таких параметров: визуальная сложность рисунка (количество линий и деталей, составляющих изображение); соответствие субъективного образа предъявляемому изображению (насколько образ, возникший в связи со словом, похож на предъявленный рисунок); представимость объекта или действия (насколько легко представить себе объект/действие); знакомство с концептом (как часто человек встречается с изображенным объектом/действием в жизни); единообразие названия, или кодируемость (насколько различаются номинации, порожденные разными людьми); возраст усвоения; частотность лексемы; длина (в слогах или фонемах) [11, с. 20]. Значения всех параметров, кроме двух последних, определяются в процессе опроса здоровых носителей языка. Перечисленные параметры имеют универсальный характер: они влияют не только на успешность называния объектов / действий у пациентов с афазией, но и на скорость называния у здоровых людей, и их эффекты прослеживаются на материале различных языков. Если теория прототипов на сегодня является исследованной областью, став основой для фундаментальных исследований, то работ, посвященных психолингвистическим параметрам слова, немного, и они в основном применяются в экспериментальной практике. Одной из работ, посвященных психолингвистическим параметрам слова, является база данных Ю.С. Акининой, в которой представлены 11 психолингвистических параметров слова: частотность; устойчивость номинации (%NA); знакомство с концептом; представимость; сходство образа с рисунком; объективная сложность; устойчивость номинации (H); субъективная сложность; возраст усвоения; длина в слогах; длина в фонемах [1].

Рассмотрим один из параметров – представимость. Он характеризуется тем, насколько легко или сложно респонденту представить себе понятие, названное конкретным словом. Иными словами, речь здесь идет о ментальном образе, который появляется в сознании человека, когда он называет или слышит то или иное слово. Чтобы понять, какие процессы должны произойти в сознании человека, чтобы он мог четко представить названный объект, обратимся к понятию целостный образ. Целостный образ объекта представляет собой образ, неделимый на компоненты, функционирующий как одна «атомарная единица» [9, с. 60]. По мнению М.С. Шехтера, главная его функция состоит в том, что он позволяет воспринимающему человеку определить характер предъявленного объекта (его категориальную принадлежность) одновременно, без его анализа, детализации. Для того, чтобы выявить данным параметр в ходе эксперимента, Ю.С. Акинина в своей работе сформулировала следующий вопрос: *«Оцените, насколько легко Вы можете представить себе действие/объект, обозначенное(ый) этим словом. Используйте шкалу от 1 (легко представить) до 5 (сложно представить)»*.

Таким образом, можно предположить, что понятия «прототип» и «представимость» имеют схожие черты и, возможно, между ними возможно поставить знак равенства. Именно это мы попытались выяснить в нашей работе.

Для того чтобы определить, насколько синонимичны понятия «прототип» и «представимость», возьмем те примеры, которые, по мнению Э. Рош, стоят близко к центру и являются членами базисного уровня, и такие же слова-стимулы из базы данных (БД) Ю.С. Акининой. Сравним, насколько параметр представимости совпадает с примерами-прототипами и не-прототипами. Выдвинем гипотезу: если слово называет прототип некоторой категории, то оно имеет более высокий индекс представимости, чем непрототипические слова.

Для эксперимента были использованы 4 слова, которые Э. Рош относит к базовому уровню категоризации (в рамках прототипической категории): *собака, птица, лодка, кошка*. Далее взяты из БД

Ю.С. Акининой значения параметра представимости для данных слов согласно оценке неврологически здоровых носителей русского языка (Табл. 1).

Таблица 1.

Параметр представимости прототипов Э. Рош по БД Ю.С. Акининой

Прототип по Э. Рош	Параметр представимости из БД Ю.С. Акининой
Собака	1,09 (0,35)
Птица	1, 2 (0,6)
Лодка	1,4 (0,20)
Кошка	1,02 (0,14)
Среднее значение параметра представимости	1,18
Среднеквадратичное отклонение	0,14

Теперь необходимо сравнить эти данные с данными не-прототипов по Э. Рош и их представимостью по БД Ю.С. Акининой.

Таблица 2.

Параметр представимости не-прототипов Э. Рош по БД Ю.С. Акининой

Не-прототип	Параметр представимости из БД Ю.С. Акининой
пингвин	1,14 (0,38)
леопард	1,24 (0,62)
ящерица	1,12 (0,46)
трамвай	1,18 (0,59)
Среднее значение параметра представимости	1,17
Среднеквадратичное отклонение	0,05

Мы предположили, что показатели параметра представимости у прототипов будут выше, чем у не-прототипов. Анализ показал, что гипотеза не подтвердилась, поскольку среднее значение параметра представимости для прототипических слов всего на 0,01 выше, чем для непрототипических, что можно считать незначительным. С другой стороны, среднеквадратичное отклонение у прототипических слов выше, чем у непрототипических (0,14 по сравнению с 0,05), что говорит о том, что разброс между оценкой представимости у прототипических слов даже выше, чем у непрототипических.

Заключение

Подводя итог, отметим, что, как показал наш анализ, теоретический конструкт прототипической категории не коррелирует с экспериментальным параметром представимости при описании психолингвистической реальности слова в индивидуальном языковом сознании. Отмечена даже обратная корреляция: слова-прототипы по Э. Рош имеют идентичное с не-прототипами среднее значение показателя представимости. При этом, у первых более значим разброс значений, что говорит о неоднородности субъективных оценок их представимости. Таким образом, было определено, что параметр представимости не связан напрямую с представлением о прототипичности обозначаемого словом объекта.

Список литературы

1. Акинина Ю.С., Искра Е.В., Иванова М.В., Грабовская М.А., Исаев Д.Ю., Коркина И.Д., Малютина С.А., Сергеева Н.Ю. Библиотека стимулов «Глаголы и существительные»: Электронный ресурс: режим доступа: URL: <http://stimdb.ru/ru-params/> (дата обращения 24.04.2020).
2. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22.
3. Вежбицкая А. Прототипы и инварианты. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. С. 201–231.
4. Колмогорова А.В. Объективные и субъективные параметры слова и успешность его продуцирования в речи пациентов-афатиков // Вопросы психолингвистики. 2019. № 2 (40). С. 82–91.
5. Костюшкина Г.М. Концептуализация и категоризация в языке. Иркутск: ИГЛУ, 2006. 584 с.
6. Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 556 с.
7. Лакофф Дж. Когнитивная семантика // Язык и интеллект / Пер. с англ. и нем. М., 1996. С. 143–184.
8. Мжельских М.К. Репрезентация категории человек в прототипической картине мира (на материале русского и французского языков): Автореф. ... канд. фил. наук. Красноярск, 2019. 237 с.

9. Патнэм Х. Значение и референция // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. М., 1982. С. 377–390.
10. Шехтер М.С. О возможной роли прототипов в опознавательном процессе // Психологический журнал. 1999. Т. 20, № 2. С. 66–72.
11. Урысон Е.В. Норма, образец, стандарт, эталон, шаблон: заметки о полисемии // Слово и язык: сб. ст. к 80-летию акад. Ю.Д. Апресяна / Отв. ред. И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин, Л.П. Крысин. М., 2011. С. 347–358.
12. Alario F.-X., Ferrand L., Laganaro M., New B., Frauenfelder U.H., Segui J. Predictors of picture naming speed // Behavior Research Methods, Instruments & Computers. 2004. Vol. 36, pp. 125–131.
13. Mervis C.B., Rosch E. Categorization of natural objects // Annual Review of Psychology. 1981. Vol. 32, pp. 1–13.
14. Rosch E. Natural categories // Cognitive Psychology. 1973. Vol. 4, pp. 328–350.
15. Rosch E. Cognitive Representations of Semantic Categories // Journal of Experimental Psychology: General. 1975a. Vol. 104, pp. 92–233.
16. Rosch E., Mervis C.B. Family resemblances: Studies in the internal structure of categories. Cognitive Psychology. 1975. Vol. 7, pp. 573–605.
17. Rosch E. Human categorization // Advances in cross-cultural psychology 1977. Vol. 1, pp. 12–25.
18. Rosch E. Principles of Categorization // Cognition and Categorization. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1978, pp. 27–48.
19. Wittgenstein L. Philosophical investigations. Oxford. 1953. 232 p.
20. Zadeh L. Fuzzy Sets // Information and control. 1965. Vol. 8(1), pp. 338–353.

References

1. Akinina Ju.S., Iskra E.V., Ivanova M.V., Grabovskaja M.A., Isaev D.Ju., Korkina I.D., Maljutina S.A., Sergeeva N.Ju. *Biblioteka stimulov «Glagoly i sushhestvitelnye* [Library of incentives: Subject and verb]. URL: <http://stimdb.ru/ru-params/>.
2. Boldyrev N.N. Jazykovye kategorii kak format znaniya [Language categories as a format of knowledge]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. 2006, no. 2, pp. 5–22.

3. Vezhbickaja A. *Prototypy i invarianty. Jazyk. Kul'tura. Poznanie* [Prototypes and invariants. Language. Culture. Cognition]. M.: Russkie slovari. 1996, pp. 201–231.
4. Kolmogorova A.V. Obektivnye i subektivnye parametry slova i uspešnost' ego producirovaniya v rechi pacientov-afatikov [Objective and subjective parameters of a word and the success of its production in the speech of patients with aphasia]. *Voprosy psiholingvistiki*. 2019. No. 2 (40), pp. 82–91.
5. Kostjushkina G.M. *Konceptualizacija i kategorizacija v jazyke* [Conceptualization and categorization in the language]. Irkutsk: IGLU, 2006. P. 584.
6. Kubrjakova E.S. *Jazyk i znanije* [Language and knowledge]. M.: Jazyki slawjanskoj kultury, 2004. P. 556.
7. Lakoff Dzh. Kognitivnaja semantika [Cognitive semantics]. *Jazyk i intellect* [Language and intellect]. Per. s angl. i nem. M., 1996, pp. 143–184.
8. Mzhelskih M.K. *Reprezentacija kategorii chelovek v prototipicheskoj kartine mira (na materiale russkogo i francuzskogo jazykov)* [Representation of the category of people in a prototypical picture of the world (based on Russian and French languages).]: Avtoref. ... kand. fil. nauk. Krasnoyarsk, 2019. 237 p.
9. Patnjem H. Znachenie i referencija [Importance and reference]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics]. Issue 13. M., 1982, pp. 377–390.
10. Shehter M.S. *O vozmožnoj roli prototipov v opoznavatel'nom processe* [On the possible role of prototypes in the identification process]. *Psihologičeskij žurnal*. 1999. V. 20, no. 2, pp. 66–72.
11. Uryson E.V. Norma, obrazec, standart, jetalon, šablon: zametki o polisemii [Norm, sample, standard, paragon, pattern: notes on polysemy]. *Slovo i jazyk* [Word and language: collection of articles]: sb. st. k 80-letiju akad. Ju.D. Apresjana / otv. red. I.M. Boguslavskij, L.L. Iomdin, L.P. Krysin. M., 2011, pp. 347–358.
12. Alario F.-X., Ferrand L., Laganaro M., New B., Frauenfelder U.H., Segui J. Predictors of picture naming speed. *Behavior Research Methods, Instruments & Computers*. N 36. 2004, pp. 125–131.

13. Mervis C.B., Rosch E. Categorization of natural objects. *Annual Review of Psychology*. 1981. Vol. 32, pp. 1–13.
14. Rosch E. Natural categories. *Cognitive Psychology*. 1973 Vol. 4, pp. 328–350.
15. Rosch E. Cognitive Representations of Semantic Categories. *Journal of Experimental Psychology: General*, 1975a. Vol. 104, pp. 92–233.
16. Rosch E., Mervis C.B. Family resemblances: Studies in the internal structure of categories. *Cognitive Psychology*. 1975. Vol. 7, pp. 573–605.
17. Rosch E. Human categorization. *Advances in cross-cultural psychology* 1977. Vol. 1, pp. 12–25.
18. Rosch E. Principles of Categorization. Rosch E., Lloyd B.B. (eds.) *Cognition and Categorization*. – Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1978, pp. 27–48.
19. Wittgenstein L. *Philosophical investigations*. Oxford. 1953. 232 p.
20. Zadeh L. Fuzzy Sets. *Information and control*. 1965. Vol. 8, no 1, pp. 338–353.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Натпит Айдысмаа Андреевна, преподаватель кафедры иностранных языков
Тувинский государственный университет
ул. Ленина 36, г. Кызыл, Республика Тыва, 667000, Российская Федерация
AiEmMoon@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Natpit Aydysmaa Andreevna, Lecturer of Foreign Languages Department
Tuvan State University
36, Lenin Str., Kyzyl, Republic Tuva, 667000, Russian Federation
AiEmMoon@mail.ru
SPIN-code: 7121-2207
ORCID: 0000-0001-8066-7654

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-4-166-176

УДК 812

О ПАРАДИГМАТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ГНЕЗДЕ С ВЕРШИНОЙ АЙ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Нестерова Е.В.

Цель. Целью статьи является анализ словообразовательного гнезда с вершиной АЙ в эвенском языке: выявление структуры, объема гнезда, способов образования производных, исследование развития парадигматических связей в гнезде.

Метод или методология проведения работы. Основным методом исследования служит описательный, также использованы методы словообразовательного и семантического анализа.

Результаты. В работе установлен деривационный объем словообразовательного гнезда с вершиной ай (56 ед.). Основным способом словообразования является суффиксация, одно производное образовано путем сложения основ. Выявлены заимствованные способы словообразования. Высокая деривационная активность наблюдается на первой ступени словообразования. Выявлено восемь словообразовательных парадигм. Развитие двух парадигм исторически связано с периодом советской власти и современностью.

Область применения результатов. Результаты работы могут быть применены в исследованиях по синхронному и диахронному словообразованию в тунгусо-маньчжурских языках.

Ключевые слова: словообразовательное гнездо; словообразовательная парадигма; ступень словообразования; дериват; суффикс.

ON PARADIGMATIC LINKS IN THE FORMATIVE FAMILIES WITH THE TOP AI IN THE EVEN LANGUAGE

Nesterova E. V.

Purpose. The purpose of the article is to analyze the formative families with the top ai in the Even language, which includes disclosing the

structure, volume of the formative families, methods of derivative formation, as well as studying the development of paradigmatic connections in the formative families.

Method or methodology of the work. *The main research method is the descriptive one along with the methods of word-formation and semantic analysis.*

Results. *In the work, the derivational volume of the formative families with the apex (56 units) was established. The main way of word formation is suffixation, one derivative is formed by adding the stems. The borrowed word-formation methods are revealed. High derivational activity is observed at the first stage of word formation. Eight word-building paradigms are revealed. The development of two paradigms is historically associated with the period of Soviet power and the modern tendencies.*

Practical implications. *The results of the work can be applied in studies of synchronous and diachronous word formation in the Tungus-Manchu languages.*

Keywords: *formative family; derivational paradigm; word-formation stage; derivative; suffix.*

Слово *ай* в «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» имеет следующие значения: '1.1) хороший; 2) добрый; 3) красивый; 4) удобный; 5) полезный; 6) правильный, приятный; 2.1) добро; добротное качество, доброта; 2) красота; 3) удобство; 4) польза; 3.1) хорошо; 2) красиво; 3) удобно; 4) полезно; 5) правильно, приятно; 4. *безлич. в знач. сказ.* 1) необходимо, следует, надо; 2) можно' [12, с. 18].

Как видно, *ай* является полисемантным словом, причем в его семантике заключены значения трех частей речи эвенского языка: имени прилагательного, имени существительного и наречия. Такие слова К.А. Новикова относит к именам с нерасчлененной семантикой и отмечает, что: «Слова этой группы получают конкретизацию лишь в предложении, вне предложения их нельзя отнести ни к именам предметным (существительным), ни к именам качественным (прилагательным), ни к наречиям» [4, с. 118].

Неопределенность *ай* в частеречном плане, видимо, указывает на то, что оно является одним из древних слов – первооснов в эвенском языке, которая по различным причинам не сформировалась ни в одну из частей речи. Богатая семантика этого слова способствует его активному употреблению в речи. Деривационные возможности слова расширяются и в связи с теми или иными исторически обусловленными потребностями появляются новые производные. Исследование словообразовательных связей является актуальным и необходимым для изучения системы эвенского языка в целом и его развития.

В данной работе мы рассмотрим словообразовательное гнездо с вершиной *ай* в эвенском языке через систему парадигматических связей. Словообразовательное гнездо состоит из синтагматических связей – словообразовательных цепей и парадигматических – словообразовательных парадигм. Словообразовательная парадигма – это совокупность всех непосредственно производных того или иного производящего [13, с. 41]. Более развернутое определение находим в работе Рябцевой Е.С.: «Словообразовательная парадигма – это совокупность производных слов, имеющих одну и ту же производящую базу и находящихся на одной ступени словопроизводства» [8].

Материалом для исследования послужили «Сравнительный словарь тунгусо-маньжурских языков» [12], «Эвенско-русский словарь» [6], материалы автора.

Итак, на первой деривационной ступени в словообразовательном гнезде с вершиной *ай* мы имеем одну словообразовательную парадигму:

АЙ ‘1.1) хороший; 2) добрый; 3) красивый; 4) удобный; 5) полезный; 6) правильный, приятный; 2.1) добро; добротное качество, доброта; 2) красота; 3) удобство; 4) польза; 3.1) хорошо; 2) красиво; 3) удобно; 4) полезно; 5) правильно, приятно; 4. *безлич. в знач. сказ.*
1) необходимо, следует, надо; 2) можно’

АЙ→АИ/ДМАР лучше

АЙ→АИ/ЦА/ТАН наилучший из многих

АЙ→АИ/Ч 1) хорошо; 2) качественно; 3) добротнo; 4) приятно;
5) доброжелательно

- АЙ→АЙ/А/НЦА природа
АЙ→АЙ/ДИ/Т 1) истинный, подлинный, точный, действительный, правильный; 2) правда, истинно, подлинно, точно, действительно, правильно; 3) правда, истина, точность
АЙ→АЙ/КАГ все равно, одинаково, хорошо, ладно, можно, пусть
АЙ→АЙ/КА/КАН хорошенько
АЙ→АЙ/КИ/Н/ДУ впору, вовремя
АЙ→АЙ/ЛИ/К имя собств. женск. означает славная, хорошая
АЙ→АЙ/МА/КАНЬ хорошенько, как следует
АЙ →АЙ/МАТ 1. *межд.* ну погоди же! (при угрозе); 2. *частица* ладно (при утверждении). 3. *нареч.* как раз (вовремя, впору)
АЙ→ АЙМАТА-А *междом.* восклицание при испуге
АЙ→АЙ/МУ/ЛДА/ДАЙ мириться, соглашаться
АЙ→АЙ/Н/У/Т/ТАЙ I 1) делать добро; 2) помогать; 3) выручать; 4) ухаживать, заботиться
АЙ→АЙ/Н/У/Т/ТАЙ II ласкать, лелеять, нежить
АЙ→АЙ/ЧА/КАН 1) хорошо, славно; 2) ладно, пусть
АЙ→ АЙ/ЧАН хорошенько
АЙ→АЮ/Р/ЧИ/ДАЙ успокаивать, утешать
АЙ→АЯ/В/ДАЙ 1) любить; 2) желать, хотеть; 3) увлекаться, нравиться
АЙ→ АЯ/НЕС/СА имя собств. женское означает славная, хорошая, счастливая.

На данной ступени образовано двадцать производных: три существительных, два прилагательных, пять глаголов, семь наречий, одно междометие, одно имя с нерасчлененной семантикой *айдит*, и схожее по типу слово *аймат*, которое в зависимости от контекста может выполнять функции междометия, частицы или наречия. Среди дериватов находим два имени собственных – это *Айлик* и *Аянесса*. *Айлик* является эвенским традиционным именем и образовано с помощью суффикса –к, образующего эвенские имена собственные, *Аянесса* является поздним производным, образованным с помощью сложения основ: *ай* + *нес* ‘счастье’, и, видимо, для благозвучия здесь привлечен формант –са.

На второй ступени словообразования имеем четыре словообразовательные парадигмы.

1) От исходного слова *ай/ди/т* '1) истинный, подлинный, точный, действительный, правильный; 2) правда, истинно, подлинно, точно, действительно, правильно; 3) правда, истина, точность' образовано два наречия, наречное выражение, прилагательное, частица:

АЙДИТ→АЙДИТ/А/ЛКАН 1) истинный, подлинный, точный, действительный, правильный; 2) искренний, правдивый

АЙДИТ→АЙДИТ/А/Ч правда, истинно, правильно, точно, верно

АЙДИ/Т→АЙДИ/Т-КУ не правда ли, неужели, разве, не так ли

АЙДИТ→АЙДИ/Т-ТА в самом деле, конечно, разумеется

АЙДИТ→АЙ/МА/ДИ/Т 1) в самый раз; 2) точно, метко; 3) совершенно верно, правильно

2) От исходного производящего *ай/му/лда/дай* 'мириться, соглашаться' образовано семь существительных, две залоговые формы глагола и одно наречие.

АЙМУЛДА/ДАЙ→АЙМУЛДА/ВКАН примирение, мир

АЙМУЛДА/ДАЙ→АЙМУЛДА/ВКАН/ДАЙ примирить, уладить

АЙМУЛДА/ДАЙ→АЙМУЛДА/ВКА/НМАЙ примирение, мир

АЙМУЛДА/ДАЙ→АЙМУЛДА/ВКАТ/ТАЙ мирить, улаживать

АЙМУЛДА/ДАЙ→АЙМУЛДА/ВКА/ЧИ/Н примирение, мир

АЙМУЛДА/ДАЙ→АЙМУЛДА/ВКА/ЧИ/НМАЙ примирение, мир

АЙМУЛДА/ДАЙ→АЙМУЛДА/ДЯК мир, примирение, согласие

АЙМУЛДА/ДАЙ→АЙМУЛДА/Н мир, примирение, согласие

АЙМУЛДА/ДАЙ→АЙМУЛДА/НМАЙ мир, примирение, согласие

АЙМУЛДА/ДАЙ→АЙМУЛДА/НЬ мирно, миролюбиво

Формирование данной парадигмы с исходным *аймулдадай* связано с развитием терминологии в эвенском языке в период советской власти, когда слова мир, согласие стали активно вводиться в учебники по эвенскому языку, употребляться в речи эвенов.

3) От исходного *ай/ц/у/т/май II* 'ласкать, лелеять, нежить' образовано два существительных и одно наречие:

АЙЦУ/Т/ТАЙ II→АЙЦУ/ЧИ/Н уход, забота, ласка, нежность

АЙЦУ/Т/ТАЙ II→АЙЦУ/ЧИ/НМАЙ уход, забота, ласка, нежность

АЙЦУ/Т/ТАЙ II→АЙЦУ/ЧИ/Ч ласково, нежно, заботливо

4) В словообразовательной парадигме с исходным словом *ая/в/дай* ‘1) любить; 2) желать, хотеть; 3) увлекаться, нравиться’ образовано три залоговой формы глагола, одна видовая форма, одно деепричастие, одно причастие, два существительных:

АЯВ/ДАЙ→АЯВ/А/Б/ДАЙ 1) желаться, хотеться; 2) нравиться

АЯВ/ДАЙ→АЯВ/А/В/ДАЙ 1) быть любимым; 2) быть желанным; 3) нравиться

АЯВ/ДАЙ→АЯВ/А/Л/ДАЙ 1) полюбить; 2) пожелать, захотеть;

3) увлечься; 4) понравиться

АЯВ/ДАЙ→ АЯВ/МАТ/ТАЙ любить друг друга

АЯВ/ДАЙ→АЯВ/НА возлюбленный

АЯВ/ДАЙ→АЯВ/НИКАН 1) любовно; 2) охотно

АЯВ/ДАЙ→АЯВ/РИ 1. любящий; 2. любимый, дорогой, милый;

3. любовь, дружба

АЯВ/ДАЙ→АЯВ/У/Н 1) любовь; 2) желание; 3) увлечение; 4) наказ; 5) требование

На третьей ступени словообразования образовано три словообразовательные парадигмы.

1) От исходного *аяв/а/л/дай* ‘1) полюбить; 2) пожелать, захотеть;

3) увлечься; 4) понравиться’

АЯВАЛ/ДАЙ→АЯВАЛ/УКАН/ДАЙ 1) пробудить любовь, желание; 2) увлечь, заинтересовать зал

АЯВАЛ/ДАЙ→АЯВАЛ/УКАТ/ТАЙ 1) пробуждать любовь, желание; 2) увлекать, интересовать зал

2) От исходного *аяв/мат/тай* ‘любить друг друга’ образовано одно деепричастие и два существительных:

АЯВМАТ/ТАЙ →АЯВМАТ/НИКАН дружно, дружелюбно

АЯВМАТ/ТАЙ →АЯВМА/ЧИ/Н взаимная любовь

АЯВМАТ/ТАЙ →АЯВМА/ЧИ/НМАЙ взаимная любовь

3) От исходного *аяв/ри* ‘1. любящий; 2. любимый, дорогой, милый; 3. любовь, дружба’ образовано три существительных, три имени собственных:

АЯВРИ→АЯВРИ/К кличка собаки, кошки означает любимый

АЯВРИ→АЯВРИ/Н имя собств. мужск. означает любимый

АЯВРИ→АЯВРИ/НА имя собств. женск. означает любимая

В этой словообразовательной парадигме имена собственные являются образованиями современности, они связаны с государственной работой по сохранению и развитию родных языков, которая дала толчок к самосознанию коренных народов. Эвены, как и другие коренные малочисленные народы Севера, стали обращаться к своим истокам, изучать духовную и материальную культуру своего народа, стали называть детей традиционными именами или же, как в данном случае, создавать новые имена на основе традиционных эвенских слов. Приведенные имена образованы по подобию русских имен с привлечением заимствованных из русского языка суффиксов -ик, -ин.

Таким образом, в словообразовательном гнезде с вершиной *ай* в эвенском языке насчитывается 56 производных. В гнезде выявлено восемь словообразовательных парадигм с вершинами *ай*, *айдит*, *аймулдадай*, *айнуттай*, *аягдай*, *аявалдай*, *аявматтай*, *аяври*. Больше количество производных образовано на первой ступени словообразования в словообразовательной парадигме с вершиной *ай*.

В гнезде выявлены словообразовательные цепи: АЙ→АИ/ДМАР лучше →АИ/ДМАР/А/Ч лучше и АЙ→АЙ/Н/У/Т/ТАЙ I 1) делать добро; 2) помогать; 3) выручать; 4) ухаживать, заботиться →АЙ/Н/У/ЧИ/Н I 1) добро; 2) помощь; 3) выручка; 4) уход, забота.

Все производные образованы суффиксальным способом, кроме производного *Аянесса*, образованного путем сложения основ *ай* + *нес* 'счастье' с привлечением форманта -са. Производные третьей ступени имена собственные *Аяврик*, *Аяврин*, *Аяврина* образованы с привлечением заимствованных суффиксов -ик, -ин.

На примере данного гнезда прослеживается историческое развитие словообразовательных связей. Словообразовательная парадигма с исходным *аймулдадай* связана с развитием терминологии в период советской власти, словообразовательная парадигма с исходным *аяври* является продуктом современности.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004. 569 с.

2. Дуткин Х.И. Аллаиховский говор эвенов Якутии. СПб.: Наука. 1996. 207 с.
3. Лебедев В.Д. Язык эвенов Якутии. Л.: Наука, 1978. 208 с.
4. Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. Л.: Наука, 1980. 162 с.
5. Пятаева Н.В. Еще раз о словообразовательном гнезде // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики, 2016, №3. С. 13–17.
6. Роббек В.А., Роббек М.Е. Эвенско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2005. 353 с.
7. Роббек В.А. Язык эвенов Березовки. Л.: Наука, 1989. 204 с.
8. Рябцева Е.С. Структура словообразовательного гнезда с вершиной опыт // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: сб. ст. по мат. XVI междунар. студ. науч.-практ. конф. № 1 (16). URL: [http://sibac.info/archive/guman/1\(16\).pdf](http://sibac.info/archive/guman/1(16).pdf) (дата обращения: 19.03.2020).
9. Саввинова С.Н. Словообразовательное гнездо с многозначным словом «дастай» // Современное педагогическое образование. Москва, 2019. №12. С. 202–206.
10. Саввинова С.Н., Садовникова И.И. Словообразовательные возможности лексемы екэ в эвенском языке // Современные исследования социальных проблем. Красноярск: Научно-инновационный центр, том 11, № 1, 2019. С. 165–173.
11. Словообразовательный словарь современного русского языка. М.: «Аделант», 2013. 512 с.
12. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Том I. Л.: Наука. 1975. 672 с.
13. Тихонов А.Н. Основные понятия русского словообразования / А.Н. Тихонов // Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. Т. 1. М.: Рус. яз., 1985. 856 с.
14. Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Фонетика и морфология. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР. Ленинградское отделение, 1947. 270 с.

15. Ширшов И.А. Теоретические проблемы гнездования. М.: Прометей, 1999. 236 с.
16. Bölte J., Zwitserlood P., Jansma B.M., Zilverstand A. Derivational morphology approached with event-related potentials // *Mental Lexicon*, T. 4, no 3, 2009, pp. 336–353.
17. Morin R. Derivational morphological analysis as a strategy for vocabulary acquisition in Spanish // *The Modern Language Journal*, V. 87, no 2, 2003, pp. 200–221.
18. Singson M., Mahony D., Mann V. The relation between reading ability and morphological skills: evidence from derivational suffixes // *Reading and Writing*, V. 12, no 3-4, 2000, pp. 219–252.
19. Riehemann S.Z. Type-based derivational morphology // *The Journal of Comparative Germanic Linguistics*, V. 2, no 1, 1998, pp. 49–77.
20. Uriagereka Ju. Cutting derivational options // *Natural Language & Linguistic Theory*, V. 19, no 4, 2001, pp. 891–900.

References

1. Akhmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Editorial URSS, 2004. 596 p.
2. Dutkin H.I. *Allaihovskij govor jevenov Jakutii* [Allahivsky dialect of the Evens of Yakutia]. St. Petersburg: Nauka, 1996. 207 p.
3. Lebedev V.D. *Jazyk jevenov Jakutii* [Language of the Evens of Yakutia]. Leningrad: Nauka, 1978. 208 p.
4. Novikova K.A. *Ocherki dialektov jevenskogo jazyka. Ol'skij govor* [Essays on the dialects of the Even language. The Ol'sk dialect]. Leningrad: Nauka, 1980. 162 p.
5. Pjataeva N.V. Eshhe raz o slovoobrazovatel'nom gnezde [Once again about formative families]. *Aktual'nye problem filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, no 3, 2016, pp 13–17.
6. Robbek V.A., Robbek M.E. *Jevensko-russkij slovar'* [Even-Russian dictionary]. Novosibirsk: Nauka, 2005. 353 p.
7. Robbek V.A. *Jazyk jevenov Berezovki* [The language of the Evens of Berezovka]. Leningrad: Nauka, 1989. 204 p.
8. Ryabtseva Ye.S. *Struktura slovoobrazovatel'nogo gnezda s vershinoy opyt* [The structure of the formative families with the top experience].

- Nauchnoye soobshchestvo studentov XXI stoletiya. Gumanitarnyye nauki: sb.st. po mat. XVI mezhdunar. stud. nauch.-prakt. konf.* [Scientific community of students of the XXI century. Humanities]. № 1 (16). URL: [http://sibac.info/archive/guman/1\(16\).pdf](http://sibac.info/archive/guman/1(16).pdf)
9. Savvinova S.N. Slovoobrazovatel'noye gnezdo s mnogoznachnym slovom «dastay» [Formative families with the polysemantic word “*dastay*”]. *Sovremennoye pedagogicheskoye obrazovaniye*. Moscow, 2019, no 12, pp. 202–206.
 10. Savvinova S.N., Sadovnikova I.I. Slovoobrazovatel'nyye vozmozhnosti leksemy yeke v evenskom yazyke [Word-building abilities of the eke token in the Even language]. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem*. Krasnoyarsk: Nauchno-innovatsionnyy tsentr, V. 11, no 1, 2019, pp. 165–173.
 11. *Slovoobrazovatel'nyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Word-formation dictionary of the modern Russian language]. Moscow: “Adelant”, 2013. 512 p.
 12. *Sravnitel'nyjslovar' tunguso-man'chzhurskiyhazykov. Materialy k jetimologicheskonuslovarju* [Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages. Materials for the etymological dictionary]. V. I. Leningrad: Nauka. 1975. 672 p.
 13. Tihonov A.N. Osnovnye ponjatija russkogo slovoobrazovaniya [Basic concepts of Russian word formation]. *Slovoobrazovatel'nyjslovar' russkogoazyka* [Word-formation dictionary of the Russian language]. Vol. 1. Moscow: Rus. jaz., 1985. 856 p.
 14. Cincius V.I. *Ocherk grammatiki evenskogo (lamutskogo) jazyka. Fonetika i morfologija* [Essay on the grammar of the Even language (Lamut). Phonetics and morphology.]. Leningrad: Gosudarstvennoye uchebno-pedagogicheskoye izdatel'stvo Ministerstva Prosveshcheniya RSFSR. Leningradskoye otdeleniye, 1947. 270 p.
 15. Shirshov I.A. *Teoreticheskie problem gnezdovaniya* [Theoretical problems of word-nesting]. Moscow: Prometej, 1999. 236 p.
 16. Bölte J., Zwitserlood P., Jansma B.M., Zilverstand A. Derivational morphology approached with event-related potentials. *Mental Lexicon*, V. 4, no 3, 2009, pp. 336–353.

17. Morin R. Derivational morphological analysis as a strategy for vocabulary acquisition in Spanish. *The Modern Language Journal*. V. 87, no 2, 2003, pp. 200–221.
18. Singson M., Mahony D., Mann V. The relation between reading ability and morphological skills: evidence from derivational suffixes. *Reading and Writing*. V. 12, no 3-4, 2000, pp. 219–252.
19. Riehemann S.Z. Type-based derivational morphology. *The Journal of Comparative Germanic Linguistics*, V. 2. no 1, 1998, pp. 49–77.
20. Uriagereka Ju. Cutting derivational options. *Natural Language & Linguistic Theory*. V. 19, no 4, 2001, pp. 891–900.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Нестерова Елена Васильевна, научный сотрудник сектора северной филологии

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, г. Якутск, Республика Саха (Якутия),
677007, Российская Федерация
elenanesterova-2010@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Nesterova Elena Vasilievna, Researcher of the Sector of Northern Philology

*Institute of Humanitarian Studies and Problems of Indigenous Peoples of the North of the SB RAS
1. Petrovskogo Str., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677015,
Russian Federation
elenanesterova-2010@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5130-706X*

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-4-177-189

УДК 81

УПРОЩЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ СОКРАЩЕНИЯ КОЛИЧЕСТВА ОШИБОК ПРИ ОБСЛУЖИВАНИИ СОВРЕМЕННЫХ ВОЗДУШНЫХ СУДОВ

Осадчая С.В.

Цель. В рамках работы ставилась задача проанализировать возникающие в ходе технического обслуживания ошибки, обусловленные лингвистическими факторами, а также рассмотреть возможность использования упрощенного технического английского языка как средства сведения числа таких ошибок к минимуму.

Актуальность. Исследование проблем правильного составления предназначенных для широкого круга пользователей руководств на английском языке и их применения специалистами с ограниченным уровнем владения данным языком является особенно актуальной задачей по мере расширения парка иностранных воздушных судов на территории России, а также возможностей экспорта воздушных судов российского производства на мировой рынок.

Метод или методология исследования. В основе работы лежит анализ и обобщение международных регулирующих документов и научной литературы.

Результаты. Установлено значительное число ошибок, обусловленных недостаточным пониманием инструкций на английском языке, а также возможность их предотвращения путем упрощения грамматической структуры и лексического состава таких конструкций. Исследование истории данного вопроса показало наличие неоднократных попыток стандартизации текстов документов по техническому обслуживанию, наиболее успешной из которых стало создание спецификации на упрощенный технический английский язык (ASD-STE100).

Ключевые слова: ошибки при техническом обслуживании; документация по техническому обслуживанию; упрощенный технический английский язык; качество технического обслуживания; коммуникация; ASD-STE100.

SIMPLIFIED TECHNICAL ENGLISH AS A MEANS TO REDUCE AVIATION MAINTENANCE ERRORS

Osadchaya S.V.

Purpose. *The purpose of this paper is to analyze maintenance errors caused by linguistic factors and review the possibility of using Simplified Technical English as a way to minimize such errors.*

Rationale. *The issue of correct development of English language manuals designed for a large number of users and the issue of their proper understanding by specialists with limited language command are specifically important nowadays with the growing fleet of foreign aircraft in Russia and with the expanding capabilities of exporting Russian-made aircraft to the global market.*

Study methodology. *The paper is based on the analysis and consolidation of the provisions of international regulatory documents and available scientific publications.*

Findings. *A significant number of errors was determined to be caused by inadequate understanding of the relevant instructions in English, and, therefore, to be preventable by simplifying their terminology and grammar. The historic study of this issue revealed several attempts to standardize the texts of aviation maintenance documents, the most successful of which was the creation of the Simplified Technical English specification (ASD-STE100).*

Keywords: *maintenance errors; maintenance documentation; Simplified Technical English; maintenance quality; communication; ASD-STE100.*

Введение

Резкий рост объемов международного воздушного сообщения, а также переход к использованию на территории Российской Федерации воздушных судов, производимых крупнейшими западны-

ми концернами, особенно остро поставил вопрос о необходимости рассмотрения аспектов лингвистического сопровождения деятельности по эксплуатации и обслуживанию авиационной техники. В настоящий момент английский язык безусловно является основным официальным языком гражданской авиации, на котором написано большинство руководств по техническому, но при этом для 80 процентов сотрудников, использующих такие руководства, он не является родным языком. Более того, значительная часть обслуживающего персонала обладает недостаточным уровнем знаний английского языка и может с легкостью допускать ошибки по причине сложности грамматических конструкций и большого числа различных значений терминов и используемых синонимов. В связи с этим в рамках данной работы целесообразно рассмотреть возможность сокращения числа ошибок при техническом обслуживании за счет использования единого стандартизованного упрощенного варианта английского языка.

Предпосылки к созданию упрощенного технического английского языка

В рамках любого процесса технического обслуживания именно человек всегда оказывается тем элементом, который берет на себя финальную ответственность за распознавание недостатков и ошибок в таком процессе, их понимание и, насколько это возможно, исправление. Следовательно, качество технического обслуживания напрямую зависит от полного понимания документации работающим с ней персоналом, а причины, обусловленные «человеческим фактором» при техническом обслуживании, все чаще встречаются в отчетах о расследовании различных инцидентов и происшествий. Например, в 1994 г. компанией Boeing был проведен анализ 276 случаев отказа двигателя в полете на борту произведенных ей самолетов, по результатам которого были выявлены следующие причины:

- Неполная установка (33%);
- Повреждение при установке (14,5%);
- Неправильная установка (11%);

- Оборудование не было установлено или было пропущено при установке (11%);
- Повреждение в результате попадания посторонних предметов (6,5%);
- Ошибки при локализации отказа, инспектировании и тестировании (6%);
- Оборудование не было должным образом активировано или деактивировано (4%) [6].

Приведенные данные указывают на то, что различные виды ошибок при установке формируют собой четыре наиболее распространенные категории причин, которые в совокупности ответственны более чем за 70% рассмотренных случаев отказа двигателя. Крайне схожие выводы были получены и компанией Pratt & Whitney, которая в 1992 г. провела анализ 120 случаев отказа двигателя собственного производства на борту самолета Боинг-747 [6].

Проведенный далее анализ процессов технического обслуживания четко продемонстрировал то, что неэффективность коммуникации между разработчиками систем и обслуживающим персоналом, которая осуществляется посредством документации по техническому обслуживанию, является общепризнанным фактором повышения числа ошибок при техническом обслуживании, которые, в свою очередь, оказывают воздействие на надежность, безопасность и эффективность эксплуатации систем самолета [3]. Например, в статье Л. Верфельмана рассматривается случай, когда в конкретном сервисном бюллетене относительно выполнения определенной процедуры технического обслуживания был использован термин «proscribed» (запрещено). При этом техник, не знакомый с данным термином в связи с его редким использованием в технической литературе, прочитал его как схожий по написанию и более широко используемый термин «prescribed» (установлено, предусмотрено), что привело к прямо противоположным действиям при выполнении процедуры [7].

В целях более полного понимания уровня лингвистических трудностей, возникающих при работе с современной технической документацией, в 2005 г. по заказу Федерального авиационного

управления США Университетом Буффало было проведено комплексное исследование [4]. Исследование проводилось в крупнейших центрах по техническому обслуживанию и ремонту за пределами США и было направлено на оценку вероятности совершения языковых ошибок, факторов, приводящих к ним, а также возможностей сокращения их количества и улучшения их обнаружения. По результатам тестирования 941 сотрудника из числа авиационных техников был сделан вывод о том, что уровень языковых возможностей большинства сотрудников за пределами Северной Америки и Европы является недостаточным для полного понимания сложной технической литературы. При этом перевод руководств и инструкций по выполнению работ встречается довольно редко, хотя большинство совещаний и учебных курсов на территории организаций проводятся на родном языке. Это приводит к дополнительному расхождению между информацией, получаемой в ходе обучения, и информацией, приведенной в соответствующих руководствах. Также было выявлено, что наиболее действенным способом снижения числа рассматриваемых ошибок является упрощение структуры технической документации и написание ее на более простом и понятном языке. В целом, данное проведенное на глобальном уровне исследование подтвердило наличие четкой взаимосвязи между низким качеством выполнения задач по техническому обслуживанию и недостаточным владением английским языком.

История создания упрощенного технического английского языка

Понимание необходимости создания некоторого языкового варианта, который был бы наиболее прост и понятен в использовании сотрудниками, для которых английский язык не является родным, появилось еще задолго до формирования привычного для нас облика международной гражданской авиации. Еще в 1930 г. профессор Чарльз К. Огден разработал «Базовый английский язык», который представлял собой набор из простых грамматических правил и ограниченного словаря. Это была первая попытка «дать каждому

второй или международный язык» [Цит. по: 5, с. 252] для ведения коммерческой деятельности и обучения по всему миру основной целью которого было расширение коммуникации между представителями различных стран и национальностей. Следовательно, «Базовый английский язык» Ч. Огдена можно считать первым контролируемым языком.

Концепция создания контролируемого английского языка безусловно нашла свое применение в авиации по мере ее дальнейшего развития. В конце 1970-х гг. Европейская ассоциация авиационно-космической промышленности (АЕСМА) по запросу со стороны Ассоциации авиакомпаний Европы занялась разработкой единого языка для составления документации по эксплуатации, техническому обслуживанию и логистической поддержке. Проект создания такого языка был запущен в 1979 г., и в нем приняли участие не только европейские организации, но и Ассоциация авиационно-космической промышленности Америки, которая использовала уже проведенные рядом американских компаний работы по стандартизации. Первое руководство по упрощенному английскому языку АЕСМА было издано в 1986 г. Оно вскоре было включено в качестве требования в основные международные спецификации по составлению руководств по техническому обслуживанию. В частности, спецификацией ATA Spec i2200, которая регламентирует собой структуру и формат данных по техническому обслуживанию, предоставляемых производителями воздушных судов для их последующей сертификации, была установлена необходимость использования упрощенного технического английского языка ASD при составлении любой документации на английском языке [2]. В 2004 г. после преобразования ассоциации АЕСМА в ASD была выпущена официальная спецификация ASD-STE100, которая на сегодняшний день представляет собой формально закреплённый свод правил в области упрощенного технического английского языка. Данная спецификация представляет собой устойчивую и неизменяемую структуру языка, однако в его лексическое наполнение вносятся отдельные изменения по мере развития технологий и получения замечаний от пользователей.

Основные принципы и положения в области упрощенного технического английского языка

Спецификация в области упрощенного технического английского языка представляет собой набор правил написания и словарь терминологии с контролируруемыми значениями. Правила написания (в общей сложности 65 правил) покрывают собой аспекты грамматики и стилистики, а словарь (состоящий приблизительно из 860 разрешенных слов) содержит в себе общие термины, которые могут использоваться. Эти термины выбираются на основании их простоты и легкости в распознавании. По общему правилу предусматривается наличие только одного слова для одного конкретного значения, а любое отдельно взятое слово может использоваться только в одной части речи.

Спецификация в области упрощенного технического английского языка включает в себя следующие две части:

Часть 1: правила написания, которые устанавливают ограничения по использованию грамматических и стилистических конструкций. В частности, в них устанавливаются следующие требования к авторам:

- Использовать содержащиеся в словаре разрешенные термины, а также соответствующие технические наименования и технические глаголы;
- Использовать непротиворечивые формулировки и написание;
- Избегать сленговых и жаргонных выражений;
- При написании инструкций делать их максимально конкретными;
- Ограничить конструкции с идущими подряд существительными максимальной длиной в три слова;
- Использовать простые временные формы глаголов (прошедшее, настоящее и будущее);
- Не использовать глаголы в пассивном залоге;
- Не использовать причастные или деепричастные обороты;
- В любом отдельно взятом предложении излагать только одну мысль;
- Использовать маркированные списки вместо сложных предложений;

- В максимальной степени сократить длину предложений (не более 20 слов в случае процедурных предложений и не более 25 слов в случае описательных предложений);
- Выполняемые друг за другом пункты прописывать в формате отдельных предложений;
- В каждом предложении излагать только одну инструкцию;
- В процедурах использовать глаголы в повелительном наклонении;
- Использовать деление на абзацы для передачи читателю логической структуры текста;
- Ограничивать максимальную длину абзацев шестью предложениями;
- Использовать примечания только для указания сведений, но не инструкций;
- Придерживаться правильного использования пунктуации;
- Прибегать к изменению конструкций в том случае, если первоначальная конструкция не позволяет заменить запрещенное слово на разрешенное слово [1].

Часть 2: словарь, в котором содержатся как разрешенные, так и запрещенные слова. Разрешенные слова могут использоваться только в том значении, которое указано в словаре. Например, рассмотрим слово «close», которое может использоваться только в одном из двух приведенных ниже разрешенных значений:

(1) Сдвигать вместе или перемещать в такое положение, которое не допускает попадание материалов внутрь или их выход наружу.

(2) В случае предохранителя, замыкать электрическую цепь [1].

Данный глагол может использоваться в фразах «close a door» (закрыть дверь) или «close a circuit» (замкнуть цепь), но при этом не может использоваться ни в каких иных значениях (например, «close the meeting» (завершить встречу)). Прилагательное «close» (близкий) присутствует в словаре в качестве запрещенного слова, а его разрешенной альтернативной является слово «near» (вблизи), которое используется в качестве предлога. Таким образом, согласно правилам упрощенного технического английского языка инструкция в виде «do not go close to

the operating engine» (не подходите близко к работающему двигателю) не допускается, и она должна быть заменена на инструкцию «do not go near the operating engine» с аналогичным значением.

В дополнение к прописанной общей терминологии спецификация в области упрощенного технического английского языка допускает использование специфических для компании или предусмотренных для конкретного проекта технических терминов (которые в рамках спецификации упоминаются как технические наименования и технические глаголы), если они попадают в одну из категорий, перечисленных в спецификации. В Разделе 1 «Термины» приводятся четкие наставления по использованию технических терминов и глаголов, которые необходимы составителю документа. Например, такие существительные, как «overhead control panel» (потолочный пульт управления), «grease» (густая смазка), «propeller» (воздушный винт), либо такие глаголы, как «ream» (рассверливать) и «drill» (сверлить) в словаре не указаны, но они признаются разрешенными терминами согласно положениям Части 1, Раздела 1 (в частности, согласно правилам написания 1.5 и 1.13) [1].

Соблюдение приведенных выше правил в значительной степени позволяет упростить восприятие текста его читателями. Однако, это приводит к значительному повышению трудоемкости работы для составителей документации. Правильное использование упрощенного технического английского языка является непростой задачей и требует хорошего знания английского языка, понимания правил и положений спецификации, а также глубокого владения вопросом, который описывается ими. Авторы, которые стремятся к правильному и профессиональному составлению разрабатываемых ими документов, должны при работе использовать спецификацию ASD-STE100 в качестве основного справочного документа. Никакие иные описательные материалы не могут заменить ее. Частичное использование спецификации или отступление от отдельных правил написания и использования терминов приведут к существенному снижению эффективности проведенной работы и усложнению документа для его пользователей.

Для оказания содействия авторам в написании документации на упрощенном техническом английском языке разработаны различные программные продукты. Среди них следует отметить инструменты проверки соответствия спецификации ASD-STE100, которые представляют собой довольно полезное вспомогательное средство. Однако, необходимо помнить, что ни один из рассматриваемых программных продуктов не способен составить текст на упрощенном техническом английском языке, либо преобразовать не соответствующий спецификации текст в такой, который бы соответствовал спецификации. Хотя данные инструменты и способны выделять термины, не соответствующие спецификации, и некорректно составленные формулировки, они не защищены от ошибок. Их следует использовать крайне осторожно, и авторы не могут полностью полагаться на правильность выдаваемых ими результатов. Только автор документа может оценить правильность выдаваемых применяемым инструментом результатов и возможность их использования. Следовательно, качественная специализированная подготовка инженерно-конструкторского персонала в области применения спецификации ASD-STE100 является ключевым аспектом в успешном решении поставленной задачи.

Заключение

Проведенный анализ порядка и результатов выполнения задач по техническому обслуживанию на протяжении срока службы ремонтнопригодных систем продемонстрировал, что неэффективность коммуникации между разработчиками систем и обслуживающим персоналом вносит значительный вклад в увеличение числа ошибок при техническом обслуживании, что приводит к снижению надежности и безопасности систем при их эксплуатации. Для повышения эффективности такой коммуникации обязательным условием является использование единого формализованного языка. Существенный прогресс в данном направлении был достигнут за счет использования контролируемого языка, который был реализован в рамках стандарта ASD-STE100.

Упрощенный технический английский язык, который был описан в рамках настоящей работы, следует рассматривать как механизм эффективной коммуникации между инженерным и техническим персоналом. Более того, в настоящий момент концепция упрощенного технического английского языка продемонстрировала такую успешность, что ее применение вышло за пределы документации по техническому обслуживанию авиационной техники. Интерес к такому единому языку непрерывно возрастает во всем академическом сообществе. Благодаря зафиксированным принципам и высокой точности упрощенный технический английский язык стал моделью для составления единых стандартов для других отраслей, таких как медицина, нефтепереработка, информационные технологии, автомобильная промышленность и так далее.

При этом необходимо учитывать, что такое расширенное использование упрощенного технического английского языка потребует проведение специальных курсов подготовки. Поскольку в настоящий момент российская авиационная промышленность все более ориентируется на возможность экспорта гражданских воздушных судов, подобные курсы должны в обязательном порядке включаться в программу первоначального обучения инженерно-технических специалистов.

На основании представленных в работе материалов можно сделать вывод о том, что дальнейшее повышение качества технического обслуживания безусловно может быть достигнуто путем расширения использования упрощенного технического английского языка в качестве мостика между инженерно-конструкторским сообществом и обслуживающим персоналом.

Список литературы

1. ASD Simplified Technical English: Specification ASD-STE100. URL: <https://robertobertuol.com/wp-content/uploads/2018/08/ASD-STE100-ISSUE-7.pdf> (дата обращения: 07.04.2020).
2. ATA iSpec 2200, information standards for aviation maintenance. URL: <https://publications.airlines.org/CommerceProductDetail.aspx?Product=274> (дата обращения: 05.04.2020).

3. Chiarello O. Impact of accuracy of technical communication on the motion of functionability // Proceedings of the 1st World Congress of Mirce Mechanics, Exeter. 2012, 28-30 May, pp. 89–95.
4. Drury C.G., Ma J., Marin C.V. Language error in aviation maintenance, final report for Federal Aviation Administration. Buffalo, NY: University of Buffalo, 2005. 109 p.
5. Knezevic J. Improving quality of maintenance through Simplified Technical English // Journal of Quality in Maintenance Engineering, Vol. 21, no. 3, 2015, pp. 250–257.
6. Reason J. Managing the risks of organizational accidents. Routledge, 2016. 272 p.
7. Werfelman L. Simplifying the technicalities. // AeroSafety World, Vol. 2, 2007, no. 8, pp. 16–21.

References

1. ASD Simplified Technical English: Specification ASD-STE100. <https://robertobertuol.com/wp-content/uploads/2018/08/ASD-STE100-IS-SUE-7.pdf>.
2. ATA iSpec 2200, information standards for aviation maintenance. <https://publications.airlines.org/CommerceProductDetail.aspx?Product=274>.
3. Chiarello O. Impact of accuracy of technical communication on the motion of functionability. *Proceedings of the 1st World Congress of Mirce Mechanics, Exeter, 2012, 28–30 May*, pp. 89–95.
4. Drury C.G., Ma J., Marin C.V. Language error in aviation maintenance, final report for Federal Aviation Administration. Buffalo, NY: University of Buffalo, 2005. 109 p.
5. Knezevic J. Improving quality of maintenance through Simplified Technical English. *Journal of Quality in Maintenance Engineering*, Vol. 21, no. 3, 2015, pp. 250–257.
6. Reason J. Managing the risks of organizational accidents. Routledge, 2016. 272 p.
7. Werfelman L. Simplifying the technicalities. *AeroSafety World*, Vol. 2, 2007, no. 8, pp. 16–21.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Осадчая Светлана Васильевна, старший преподаватель английского языка

ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт» (Национальный исследовательский университет)

Волоколамское шоссе, 4, г. Москва, 125993, Российская Федерация

osadchii_nick@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Osadchaya Svetlana Vasilievna, Senior Teacher of English

Moscow Aviation Institute (National Research University)

4, Volokolamskoe shosse, Moscow, 125993, Russian Federation

osadchii_nick@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-4-190-204

УДК 81

ПОНИМАНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАК ЭТАПЫ ПРОЦЕССА ПЕРЕВОДА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Павленко А.И.

Цель. *Статья посвящена актуальной в рамках современной антропоцентрической парадигмы в лингвистике проблеме понимания переводчиком текста оригинала произведения, в частности поэтического. Предметом анализа выступают понимание и интерпретация, рассматриваемые как компоненты процесса перевода и как его результат. Автор ставит целью произвести терминологическое разграничение вышеупомянутых понятий; выделить этапы переводческого процесса с учётом данного разграничения; сформулировать основы адекватного понимания и интерпретации поэтического произведения.*

Метод или методология проведения работы. *Основу исследования образуют общенаучные методы анализа и синтеза. Метод анализа применён с целью выделения видов понимания, на основе чего синтезирована модель трёхфазного процесса перевода.*

Результаты. *Автор указывает на возможность рассмотрения понимания в переводоведении как процесса выделения смыслов произведения и как результата умственного восприятия текста. Интерпретация определяется как один из типов понимания, в ходе которого происходит «пересечение двух автономных кругозоров» отправителя и получателя. На основе данных положений понимание и интерпретация выделяются в качестве первого и второго этапа трёхфазного процесса перевода. В качестве основ адекватного понимания и интерпретации поэтического текста определяются: учёт переводчиком эмоционального аспекта в ходе прочтения произведения и стремление к объективности; анализ произведения в контексте как прошлого, так и настоящего; учёт индивидуаль-*

но-личностных особенностей автора; рассмотрение произведения в рамках всего творчества его создателя; осуществление лексико-семантического анализа произведения.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере теории и практики художественного перевода, в ходе анализа поэтического текста.

Ключевые слова: понимание текста; интерпретация текста; поэтический текст; художественный текст; процесс перевода; межъязыковая коммуникация.

UNDERSTANDING AND INTERPRETATION AS STAGES OF POETIC TEXT TRANSLATION PROCESS

Pavlenko A.I.

Purpose. The article is devoted to the topical problem within the framework of the modern anthropocentric paradigm in linguistics, i.e. the problem of understanding the original text by a translator, in particular, the poetic text. The subjects of analysis are understanding and interpretation, considered as components of the translation process and as its result. The author aims to make a terminological distinction between the above-mentioned concepts as well as highlight the stages of the translation process, taking into account the distinction; formulate the basics of an adequate understanding and interpretation of poetry.

Method or methodology of the work. The basis of the research is the general scientific methods of analysis and synthesis. The analysis was employed in singling out the types of understanding, on the basis of which the three-phase model of the translation process was synthesized.

Results. The author points out the possibility of considering understanding in translation studies as a process of identifying the meanings of a literary work and as a result of mental perception of the text. Interpretation is defined as one of the types of understanding during which the “intersection of two autonomous horizons” of the sender and the recipient occurs. Based on these statements, understanding and interpretation

are singled out as the first and the second stage of the three-phase translation process respectively. The following aspects are defined as foundations of an adequate understanding and interpretation of the poetic text: the translator's consideration of the emotional aspect while reading the literary work and the necessity to be objective; analysis of the literary work in the context of both the past and the present; accounting for the individual personality of the author; consideration of the literary work within the framework of all the works of its creator; the implementation of the lexical-semantic analysis of the literary work.

Practical implications. *The results of the study can be applied in the field of theory and practice of literary translation and in poetic text analysis.*

Keywords: *text understanding; text interpretation; poetic text; literary text; translation process; interlingual communication.*

Проблема понимания и интерпретации текста является одним из наименее изученных аспектов в рамках переводоведения. Верное понимание во многом определяет качество перевода, но зачастую игнорируется как исследователями, так и переводчиками-практиками. «Понимание текста оригинала полагается само собой разумеющимся, аксиомой, не требующей доказательств» [9, с. 9].

Перевод рассматривается исследователями с двух позиций: как процесс и как результат, продукт переводческой деятельности, собственно, текст перевода. Для того чтобы определить роль понимания и интерпретации в процессе перевода, необходимо рассмотреть, какие этапы переводческой деятельности выделяются исследователями.

Так, А.Д. Швейцер определяет перевод как «однонаправленный и двухфазный процесс», в результате которого в ходе «переводческого» анализа создаётся вторичный текст, который заменяет первичный «в другой языковой и культурной среде» [22, с. 75]. М. Ледерер указывает, что «перевод распадается на две части: восприятие смысла и его выражение» [10, с. 7]. В.С. Виноградов выделяет два этапа работы в практике переводческого процесса: «Один из них связан с осмыслением текста на иностранном языке, а другой с воспроизведением его на родной язык» [7, с. 29].

В ряде исследований последних десятилетий перевод характеризуется как вторичная текстовая межъязыковая деятельность. И.А. Зимняя определяет его как «рецептивно-продуктивный процесс», который «предполагает совокупность хорошо развитого смыслового восприятия, результативного осмысления и репродуктивного мышления» [13, с. 127]. Таким образом, выделяются три этапа процесса перевода: «осмысление воспринимаемого», другими словами, формирование и формулирование воспринимаемой мысли; понимание смысла сообщения и формирование замысла; формулирование высказывания (порождение вторичного текста) [Там же, с. 129–130].

Очевидно, что понимание и интерпретация оригинального текста происходят на этапе его анализа, осмысления, восприятия его смысла.

Стоит отметить, что ряд исследователей рассматривают понимание как уровневый иерархический процесс. Так, М.М. Бахтин выделяет следующие типы понимания: психофизиологическое восприятие физического знака (слова, цвета, пространственной формы); его узнавание (как знакомого или незнакомого) и понимание его повторимого (общего) значения в языке; понимание его значения в данном контексте (ближайшем или более далёком); активно-диалогическое понимание [2, с. 361].

Классификация типов понимания художественного текста Г.И. Богина включает три уровня, расположенных иерархически в виде восходящего ряда. Первый уровень – семантизирующее понимание – связан с декодированием единиц текста и встречается при нарушении смыслового восприятия текста, например, в условиях овладения иностранным языком. Второй уровень – когнитивное понимание – возникает при освоении содержания текста (его пропозициональных структур). Третий тип – смысловое (распредмечивающее) понимание – имеет место при действиях читателя со смыслами, которые презентуются средствами текста. «Распредметить» значит восстановить какие-то стороны ситуации текста. Это приводит к выявлению и появлению многоаспектности понимаемого. Такой тип понимания чаще всего бывает обращен на тексты художественной литературы [4, с. 15].

При рассмотрении типологий понимания и этапов переводческого процесса обнаруживается, что, термины тематического ряда «понимание», такие как «осмысление», «понимание», «интерпретация» и другие, зачастую употребляются как синонимы. Типология понимания, предложенная Л.Г. Васильевым, обеспечивает в этом отношении терминологическую ясность и недвусмысленность. Типология является семиозисно-ориентированной и построена на основе многоаспектной трактовки сигнификата. Для её понимания необходимо рассмотреть некоторые из основных понятий.

Семиозис трактуется как дифференцированное для разных адресатов понимание знака в зависимости от индивидуальной полях их сигнификатов. В данную концепцию внесена также идея о многостратумном строении высказывания [20, с. 7–11; 19, с. 7–13] согласно которой при семиозисе выделяют материальный и идеальный планы.

Материальный план включает в себя объекты действительности, ситуации и экспоненты языковых знаков. Идеальный план состоит из мыслительного и языкового уровня. В пределах мыслительного уровня располагаются денотат и сигнификат. Денотат понимается как идеальный предмет, образ, еще не подвергнутый означиванию. Сигнификат трактуется как понятие, означенное для употребления в языке. В теории Л.Г. Васильева сигнификат имеет неодноплановое значение. С одной стороны, в нем разделяются референтная и десигнативная области, с другой – индивидуальное и конвенциональное поля. Конвенциональное поле сигнификата составляют референтная и десигнативная области. Референтная структура создаётся, когда информация о конкретной ситуации кодируется в текст. Десигнативная стадия порождения сообщения заключается в концептуализации, подведении референтного образования под существующее в памяти автора понятие или модель. Индивидуальное поле сигнификата представляет собой область, где к понятию присоединяется индивидуальное знание о данном «усреднённом», «общем». Стоит отметить, что средства языкового кодирования универсальны для всех носителей языка, тем самым конвенциональные

средства кодируют индивидуальную мысль. Сигнификат является единицей плана содержания и не имеет прямого выражения в языке.

В типологии понимания Л.Г. Васильева представлено терминологическое разделение видов понимания в зависимости от «участков» сигнификативной сферы, которую расшифровывает получатель. Понимание выступает в концепции как термин общего порядка, в пределах которого выделяются следующие интенциональные (предусматривающие соответствующие действия реципиента) типы понимания: узнавание, постижение, декодирование, осмысление и интерпретация. Одновременно, понимание определяется и как результат умственного восприятия текста.

Интерпретация, как было указано выше, является одним из типов понимания и происходит на основе сравнения индивидуальных полей сигнификатов отправителя и получателя [6, с. 20–27].

В схожей манере определяет интерпретацию М.М. Бахтин, который рассматривает её как пересечение двух автономных кругозоров, в результате чего вскрываются скрытые смыслы или же порождаются новые, не содержащиеся в нём ранее [3, с. 312–313].

Исходя из концепции Л.Г. Васильева, непонимание и недопонимание получателем отправителя определяется самим существованием участников сообщения, различием в их когнитивных (сигнификативных) потенциалах и жизненном опыте. Узнавание и постижение осуществляются, как правило, адекватно, поскольку два этих вида понимания «действуют» в пределах конвенциональных полей сигнификатов, и поэтому определённая степень взаимопонимания имеет место в большинстве ситуаций общения. Очень часто это взаимопонимание бывает неполным, и причина тому – неадекватное декодирование, осмысление и интерпретация текста [6, с. 20–27].

Таким образом, в рамках переводоведения возможно рассматривать понимание текста как процесс и как результат умственного восприятия текста, а интерпретацию как один из типов понимания (в ходе которого происходит «пересечение двух автономных кругозоров» отправителя и получателя). Перевод, в свою очередь, будем рассматривать как процесс, состоящий из трёх этапов: понимание

переводчиком текста оригинала, его интерпретация и воссоздание текста перевода средствами родного для переводчика языка.

Как указывалось ранее, перевод представляет собой межъязыковую деятельность. Л.К. Латышев отмечает, что с точки зрения общественного предназначения «перевод призван обеспечить такую опосредованную двуязычную коммуникацию, которая по своим возможностям максимально приближалась бы к обычной, одноязычной коммуникации» [15, с. 15].

Для того чтобы понять роль переводчика в процессе межъязыковой коммуникации, рассмотрим описание акта перевода, предложенное Е.В. Бреусом. Исследователем выделяется этап порождения и восприятия исходного текста и этап порождения и восприятия текста перевода. На этой основе выделяются два акта коммуникации – первичный и вторичный. При первичном акте отправитель порождает исходный текст, который далее воспринимается получателем. Из этого следует, что переводчик в рамках вторичной коммуникации имеет две функции: функцию получателя исходного текста и функцию отправителя текста перевода, воспринимаемого получателем текста перевода [5, с. 5].

Текст понимается переводчиком через его интерпретацию. «Как понимание, интерпретация должна быть, аналитическим и обобщающим знанием, дающим понятие о произведении, а с другой стороны, художественным восприятием и переживанием всех деталей интерпретации» [8, с. 99].

Двойственность процесса интерпретации отмечает А.Б. Есин и различает первичную и научную интерпретации. «Первичная (читательская) интерпретация базируется на том общем впечатлении и понимании художественного произведения, которое получает читатель при его прочтении. Литературовед, отправляясь от своих читательских впечатлений (первичной интерпретации) формирует их достаточно чётко и затем проверяет анализом, в результате чего рождается научная интерпретация» [12, с. 109].

Таким образом, можно обозначить два подхода к интерпретации: подход литературоведа, для которого интерпретация является анали-

тическим и обобщающим процессом и подход читателя, который означает эмоциональное переживание художественного произведения. Читатель «сопереживает» произведение, литературовед подвергает его анализу с позиции законов литературоведения как науки. Согласно подходу литературоведа, интерпретация должна строго соответствовать авторскому замыслу, либо, по крайней мере, стремиться к этому идеалу. У читателя, в свою очередь, в процессе восприятия художественного произведения создаётся своё индивидуальное видение, которое может противоречить авторскому замыслу.

Переводчик как участник акта межъязыковой коммуникации выступает как в роли читателя, так и в роли литературоведа, индивида, выполняющего социальную роль переводчика, в задачи которого входит понимание авторского замысла и его объективная передача путём создания текста перевода.

Тем не менее, сравнение перевода с одноязычной коммуникацией «представляет собой лишь некий идеал, к которому может приближаться перевод, но который полностью недостижим» [15, с. 15].

Переводчик как читатель, как личность, обладает своим «автономным кругозором», индивидуальные поля сигнификатов автора текста и переводчика не могут быть идентичными. Оригинальное произведение проходит через призму восприятия переводчика и неизбежно претерпевает ряд изменений на этапах процесса создания перевода.

По справедливому замечанию А.Н. Крюкова, проблема понимания в переводоведении существует, поскольку наблюдается «”узаконивание” включенности переводчика в акт коммуникации, разрушение стереотипа об идеале переводчика как «прозрачном стекле», помещённом между различными коммуникантами» [14, с. 63].

Понимание и интерпретация художественного текста и текста поэтического в частности, представляют известную сложность для переводчика, что обусловлено характерными особенностями поэтических произведений. В первую очередь, стоит отметить его многоуровневую структуру. М.Л. Гаспаров выделяет три уровня структуры поэтического текста: верхний уровень – идейно-образный, средний – стилистический, нижний – фонический, звуковой

уровень [11, с. 10]. Согласно автору, различие вышеупомянутых трёх уровней состоит в том, «какими сторонами нашего сознания мы воспринимаем относящиеся к ним явления» [Там же, с. 11]. Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод, что в поэтическом тексте могут наделяться смыслом элементы лексического, фонетического и синтаксического уровней.

По мнению Я. Мукаржовского структуру поэтического произведения составляют его актуализированные и неактуализированные компоненты. По своей природе она является динамичной и «нечленимой», поскольку «каждый её элемент приобретает значение только в своём отношении к целому» [18, с. 413]. Следовательно, для адекватного понимания и интерпретации поэтический текст должен рассматриваться как единое целое, не являющееся простой суммой всех его компонентов.

Поэтический текст является особым вариантом художественного текста, поэтому ему в определённой степени присущи и свойства последнего. Одно из них – потенциальная многозначность художественного образа. А.Б. Есин высказывается по этому поводу так: «В силу присущей художественному образу сложности, а иногда и многозначности, многие художественные произведения могут порождать различные, зачастую прямо противоположные интерпретации» [12, с. 109]. Множественность интерпретаций художественного произведения отмечает и Е.М. Масленникова. По мнению автора «многомерность и потенциальная N-проективность художественного текста связаны с культурно закреплёнными и предзаданными традицией стратегиями и предпочтениями декодирования, прочтения и/ или интерпретации тех или иных смыслов» [16, с. 81].

Таким образом, если возможность разных толкований художественного произведения допускается, возникает вопрос выделения адекватных интерпретаций среди этого множества.

А.Б. Есин детально рассматривает данную проблему и указывает на существование двух противоположных подходов. С одной стороны располагается теория множественности интерпретаций, разработанная А.А. Потебней и его школой. Число «смыслов» ху-

дожественного произведения оказывается у Потебни бесконечным, а само произведение – неисчерпаемым. С другой стороны – концепция А.П. Скафтымова, утверждающая принципиальную возможность адекватного постижения художественного произведения. Система взглядов, представленная в концепции Скафтымова, логически приводит к мысли о существовании единственно правильной интерпретации [12, с. 109–114].

В.Е. Хализев, размышляя о двух вышеупомянутых подходах к интерпретации художественного произведения, указывает неполноценность как субъективистского, так и догматического подхода и выдвигает идею «диапазона» научно-корректных, объективно достоверных интерпретаций художественного произведения [21, с. 8]. Возникает, однако, проблема равноправности интерпретаций в обозначенном диапазоне и критерий определения их «научной корректности».

Вероятно, наиболее продуктивно диалектика объективного и субъективного в интерпретации представлена в работах М.М. Бахтина. Он различал два типа познания – познание вещи, которое может и должно быть абсолютно объективно и познание личности, которое не может быть совершенно объективным. Причина тому заключается в том, что познание личности – всегда «встреча» двух субъективностей [1, с. 205].

Возникает вопрос о практических шагах, которым переводчику необходимо следовать, чтобы осуществить адекватную интерпретацию оригинального произведения. В сфере профессиональной интерпретации, к примеру, принято выделять следующие этапы, необходимые для осуществления адекватной интерпретации: а) историко-культурный анализ, базирующийся на знании исторической ситуации, ее отражение на судьбе автора, цели и намерения автора при написании книги; б) контекстуальный анализ, осуществляющийся изолированно от общего контекста. Как правило, он состоит из нескольких шагов: выделение основных блоков материала и их связей в группы; определение вклада рассматриваемого фрагмента в главную мысль или доказательство автора; точка зрения автора оценивается так же, как и при определении персонифицированного контекста, хотя преимущественное значение для ближайшего кон-

текста имеет уже авторская перспектива; в) лексико-синтаксический анализ, выявляющий значения отдельных слов (лексикология) и способов их комбинации (синтаксис) для более точного выявления намерений автора. Данный анализ применяется для распознавания намерения автора: когда он хочет быть понятым буквально, когда – фигурально, когда – символически [17, с. 89–90].

А.Б. Есин выделяет следующие три практических шага для осуществления адекватной интерпретации текста:

1. абстрагирование от всех предшествующих опытов интерпретации, которые известны интерпретатору;

2. определение содержательных доминант произведения, то есть тех свойств его содержания, которые объединяют все его конкретные смыслы, тот проблемно-смысловой стержень, который обеспечивает системно-целостное единство содержания;

3. анализ поэтики произведения и поиск смысловых доминант [12, с. 116].

На основе вышеизложенного, сформулируем те аспекты, на которые переводчику необходимо обратить внимание в процессе понимания поэтического произведения:

1) понимание поэтического текста осложняется его особенностями, в первую очередь – его многоуровневой структурой, где каждый компонент приобретает значение лишь в своём отношении к целому;

2) поэтический текст отличается полиинтерпретируемостью, однако, не каждая интерпретация является адекватной;

3) переводчик должен подходить к интерпретации как к аналитическому и обобщающему процессу, учитывать эмоциональный аспект в ходе прочтения произведения и стремиться к объективности;

4) основа правильного понимания текста – его адекватное декодирование, осмысление и интерпретация;

5) для осуществления адекватной интерпретации необходимо анализировать произведение в контексте как прошлого, так и настоящего, учитывать индивидуально-личностные особенности автора и рассматривать произведение в рамках всего творчества его создателя, производить лексико-семантический анализ произведения.

Информация о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Список литературы

1. Бахтин М.М. К методологии литературоведения // Контекст – 1974: Литературно-теоретические исследования. М., 1975. С. 205.
2. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. 543 с.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
4. Богин Г.И. Обретение способности понимать. Введение в филологическую герменевтику. М.: Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001. 731 с.
5. Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский: Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во УРАО, 2000. 208 с.
6. Васильев Л.Г. Лингвистические аспекты понимания: Дис. ... д-ра филол. наук. Калуга: Калужск. гос. пед. ун-т, 1999. 251 с.
7. Виноградов В.С. Введение в переводоведение. М.: Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
8. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики: [пер. с нем.] М.: Прогресс, 1988. 699 с.
9. Галеева Н.Л. Понимание текста оригинала как компонент деятельности переводчика художественной литературы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1991. 16 с.
10. Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
11. Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. II. О стихах. М.: Языки русской культуры, 1997. 504 с.
12. Есин, А.Б. Принципы и приёмы анализа литературного произведения: Учебное пособие. 3-е изд. М.: Флинта, Наука, 2000. 248 с.
13. Зимняя И.А. Лингвопсихология речевой деятельности. М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО МОДЭК, 2001. 432 с.

14. Крюков А.Н. Понимание как переводческая проблема // Перевод и интерпретация текста: Сб. науч. тр. М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. С. 56–82.
15. Латышев Л.К. Технология перевода. Уч. пос. по подготовке переводчиков (с нем. яз.). М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. 280 с.
16. Масленникова Е.М. Кодовые параметры «открытой» интерпретации // Вестник Московского государственного университета. Языкознание. Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы. 2012. Вып. 6 (639). Ч. II. С. 80–86.
17. Миронов О.В. Развитие герменевтических практик в толковании сакрального текста: дис. ... канд. филос. наук. О. В. Миронов. Воронеж, 2002. 151 с.
18. Мукаржовский Я. Литературный язык и поэтический язык. Перевод с чешского А.Г. Широковой. Пражский лингвистический кружок. Сборник статей. М.: «ПРОГРЕСС», 1967. 557 с.
19. Сусов И.П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая личность // Языковое общение: Процессы и единицы. Калинин, 1988. С. 7–13.
20. Сусов И.П. Прагматическая структура высказывания // Языковое общение и его единицы. Калинин, 1986. С. 7–11.
21. Хализев В.Е. К теории литературной критики // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1977. №1. С. 8.
22. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 214 с.

References

1. Bakhtin M.M. K metodologii literaturovedenija [To the methodology of literary criticism]. *Kontekst – 1974: Literaturno-teoreticheskie issledovanija* [Context – 1974: Literary theoretical studies]. Moscow, 1975. p. 205.
2. Bakhtin M.M. *Literaturno-kriticheskie statji* [Literary-critical articles]. Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 1986. 543 p.
3. Bakhtin M.M. *Jestetika slovesnogo tvorcestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo, 1979. 423 p.
4. Bogin G.I. *Obretenie sposobnosti ponimat'. Vvedenie v filologiceskiju hermenevtiku* [Acquiring the ability to understand. Introduction to philological hermeneutics]. Moscow: Psihologija i Biznes OnLajn, 2001. 731 p.

5. Breus E.V. *Osnovy teorii i praktiki perevoda s russkogo jazyka na anglijskij* [Fundamentals of the theory and practice of translation from Russian into English]. Moscow: URAO, 2000. 208 p.
6. Vasil'ev L.G. *Lingvisticheskie aspekty ponimaniya* [Linguistic aspects of understanding]: Diss. d-ra filol. nauk. Kaluga: Kaluzhsk. gos. ped. un-t, 1999. 251 p.
7. Vinogradov V.S. *Vvedenie v perevodovedenie* [Introduction to translation studies]. M.: Izd-vo in-ta obshhego srednego obrazovaniya RAO, 2001. 224 p.
8. Gadamer H.-G. *Istina i metod: osnovy filosofskoj germenевtiki* [Truth and method: foundations of philosophical hermeneutics]. Moscow: Progress, 1988. 699 p.
9. Galeeva N.L. *Ponimanie teksta originala kak komponent dejatel'nosti perevodchika hudozhestvennoj literatury* [Understanding the text of the original as a component of the work of a fiction translator]: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Leningrad, 1991. 16 p.
10. Garbovskij N.K. *Teorija perevoda* [Translation theory]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 2004. 544 p.
11. Gasparov M. L. *Izbrannye Trudy* [Selected works]. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 1997. 504 p.
12. Esin A.B. *Principy i priomy analiza literaturnogo proizvedeniya* [Principles and techniques of literary work analysis]. Moscow: Flinta, Nauka, 2000. 248 p.
13. Zimnjaja I.A. *Lingvopsihologija rechevoj dejatel'nosti* [Linguopsychology of speech activity]. Moscow: Moscow psychological and social institute, Voronezh: NPO MODJeK, 2001. 432 p.
14. Krjukov A.N. Ponimanie kak perevodcheskaja problema [Understanding as a translation problem]. *Perevod i interpretacija teksta* [Translation and interpretation of the text]. Moscow: Institut jazykoznanija AN SSSR, 1988, pp. 56–82.
15. Latyshev L.K. *Tehnologija perevoda* [Translation technology]. Moscow: NVI-TEZAURUS Publ., 2001. 280 p.
16. Maslennikova E.M. Kodovye parametry «otkrytoj» interpretacii [Code parameters of an “open” interpretation]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Jazykoznanie. Diskurs kak social'naja dejatel'nost': priority i perspektivy*. 2012, no 6 (639). Ch. II, pp. 80–86.

17. Mironov O.V. *Razvitie germenevticheskikh praktik v tolkovanii sakral'no-go teksta* [The development of hermeneutic practices in the interpretation of the sacred text]: Diss. kand. filol. nauk. Voronezh, 2002. 151 p.
18. Mukarzhovskij Ja. *Literaturnyj jazyk i pojeticheskij jazyk* [Literary language and poetic language]. Prazhskij lingvisticheskij kruzhok. Moscow: PROGRESS, 1967. 557 p.
19. Susov I.P. *Dejatel'nost', soznanie, diskurs i jazykovaja lichnost'* [Activity, consciousness, discourse and linguistic persona]. Jazykovoe obshhenie: Processy i edinicy. Kalinin, 1988, pp. 7–13.
20. Susov I.P. *Pragmaticheskaja struktura vyskazyvanija* [Pragmatic structure of utterance]. Jazykovoe obshhenie i ego edinicy. Kalinin, 1986, pp. 7–11.
21. Halizev V.E. *K teorii literaturnoj kritiki* [To the theory of literary criticism]. Nauchnye doklady vysshej shkoly. Filologicheskie nauki. 1977, no 1. P. 8.
22. Shvejcer A.D. *Teorija perevoda: Status, problemy, aspekty* [Translation theory: Status, Issues, Aspects]. Moscow: Nauka, 1988. 214 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Павленко Александр Игоревич, преподаватель кафедры теории и практики перевода
Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
ул. 25 Октября, 128, г. Тирасполь, MD-3300, Приднестровская Молдавская Республика
pavlenko199507@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Pavlenko Alexander Igorevich, Lecturer, Theory and Practice of Translation Department
Taras Shevchenko Transnistria State University
128, 25 Oktyabrya Str., Tiraspol, MD-3300, Pridnestrovian Moldavian Republic
pavlenko199507@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4351-9470

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-4-205-222

УДК 80

**МИФ О ВЕЛИКОМ ГРЕШНИКЕ
В РОМАНАХ Д.И. СТАХЕЕВА «СТУДЕНТЫ»
И «НЕУГАСАЮЩИЙ СВЕТ»**

*Рамазанова Л.М., Шарафутдинова Э.М.,
Садриева Ю.И., Божкова Г.Н.*

Цель настоящего исследования заключается в анализе сюжетов романов Д.И. Стахеева «Студенты» и «Неугасающий свет» на предмет их соответствие богословской триаде «грех – покаяние – спасение».

Научная новизна исследования заключается в том, что произведения Д.И. Стахеева впервые рассматриваются с точки зрения наличия в них мифа о великом грешнике.

Методы исследования. Для достижения цели были применены следующие теоретические методы исследования: анализ философской, психологической, социологической литературы по теме исследования, а также художественных произведений русской литературы XIX в; синтез для изучения передового философского, литературоведческого опыта рассмотрения мифа о великом грешнике, приобретения углубленного представления о богословской триаде и получения цельной картины изучаемого процесса; абстрагирование при изучении влияния мифа о великом грешнике на эволюцию героев в романах Д.И. Стахеева; опора на культурно-исторический метод при интерпретации художественных произведений; социокультурный при рассмотрении мифа о великом грешнике в более широком ракурсе с использованием литературного контекста; применение типологического подход позволяет констатировать типологическую общность героев, наделённых признаками богословской триады.

Результаты исследования. Рассматриваемый в статье феномен представляет собой явление более высокого порядка, некий «сверхсюжет», в который могут легко вписаться самые разнообразные

сюжеты, удовлетворяющие единственному требованию: потенциальному соответствию богословской триаде «грех – покаяние – спасение» [5]. В произведениях Д.И. Стахеева не все грешники, подобно А.П. Размашилову («Неугасающий свет»), С.С. Голубеву («Студенты»), реализуют архитектурную богословскую триаду. Так, в романе «Неугасающий свет» лишён покаяния и спасения П.П. Подберезин, а в романе «Студенты» – К.А. Ястребинский. Таким образом, можно констатировать появление новых типов героев-грешников.

Область применения результатов. Полученные в процессе исследования данные могут быть использованы при дальнейшем осмыслении вопроса о соответствии тех или иных произведений богословской триаде «грех – покаяние – спасение»; при разработке конспектов уроков и факультативных занятий, как по творчеству Д.И. Стахеева, так и других деятелей литературы в школе; при разработке лекций и практических задания по дисциплинам «Литературное краеведение» или «Регионоведение» в вузе.

Ключевые слова: миф о великом грешнике; богословская триада; русская литература XIX в.; Д.И. Стахеев; «Студенты»; «Неугасающий свет».

THE GREAT SINNER MYTH IN THE NOVELS STUDENTS AND INEXTINGUISHABLE LIGHT BY D.I. STAKHEYEV

*Ramazanova L.M., Sharafutdinova E.M.,
Sadrieva Yu.I., Bozhkova G.N.*

The purpose of this study is to analyze the plots of D.I. Stakheyev's novels Students and Inextinguishable Light in terms of their correspondence to the theological triad "sin – repentance – salvation".

The scientific novelty of the study lies in the fact that the works of D.I. Stakheyev were, for the first time, considered on the presence of the great sinner myth in them.

Research methods. To achieve the goal, the following theoretical research methods were applied: analysis of philosophical, psychological,

sociological literature on the topic of research as well Russian literature of the nineteenth century; synthesis for the study of advanced philosophical, literary experiments examining the great sinner myth, acquiring an in-depth understanding of the theological triad and obtaining an integral picture of the process under study; abstraction when studying the influence of the great sinner myth on the evolution of characters in the novels of D.I. Stakheyev; the cultural-historical method in the interpretation of fiction; sociocultural method when considering the great sinner myth in a broader perspective using the literary context; the typological approach that allows stating the typological commonness of characters being characterized by having features of the theological triad.

The results of the study. *The phenomenon considered in the article is a phenomenon of a higher order, a kind of “superplot”, which can easily fit into a variety of subjects that satisfy a single requirement: the potential correspondence to the theological triad “sin – repentance – salvation” [5]. In the works of D.I. Stakheyev, not all sinners, like A.P. Razmashilov (Inextinguishable Light), S.S. Golubev (Students), implement the archaeological theological triad. Thus, in the novel Inextinguishable Light it is P.P. Podberezin that is devoid of repentance as well as Yastrebinsky in the novel Students. Therefore, we can state the emergence of new types of heroes-sinners.*

Practical implications. *The data obtained can be used to further illuminate the issue of the conformity of certain works of the theological triad “sin – repentance – salvation”; in the development of school abstracts and optional classes both on the works of D.I. Stakheyev and other authors; when developing academic lectures and practical assignments in Literary Studies or Regional Studies.*

Keywords: *great sinner myth; theological triad; Russian literature of the nineteenth century; D.I. Stakheyev; Students; Inextinguishable Light.*

В процессе исторического развития на базе разнородных произведений литературы и фольклора, объединяемых общностью идеи, композиции и типологии героев, в народном сознании происходило постепенное формирование мифа о великом грешнике.

Произведения, содержащие в себе подобный миф, имеют несколько основных признаков: во-первых, их композиции соответ-

ствуют традиционной богословской триаде «грех – покаяние – спасение»; во-вторых, в качестве героя повествования – «великого грешника» – выступает личность чрезвычайно широкого душевного диапазона, способная выдержать переход от тяжелейших нравственных падений к праведничеству и даже святости [11; 12; 13].

В числе ученых, сделавших феномен мифа о великом грешнике объектом специального исследования, необходимо назвать имена Ю.М. Лотмана [6], Р.Г. Назирова [8] и М.М. Бахтина [1; 2]. Непосредственному изучению мифа о великом грешнике посвящены статьи М.Н. Климовой «К вопросу о происхождении мифа о великом грешнике в русской литературе» [5] и др. В русской литературе выдвинулась целая плеяда великих поэтов и писателей, чьи творения соответствуют строением своего сюжета вышеуказанной богословской триаде. Христианская трактовка названных сюжетов стала традиционной.

Очевидна данная богословская триада во многих произведениях конца XIX в. Так, воспитанный в русском благочестивом семействе, Ф.М. Достоевский с малых лет был знаком с Евангелием, поэтому автора интересовала тема греха. В романе «Преступление и наказание», несмотря на обилие грехов разного уровня значимости, центральным является грех идеологический: автор рассматривает греховную теорию, которая не только является чудовищной сама по себе, но и приводит к человеческим смертям. В процессе повествования Ф.М. Достоевский наглядно демонстрирует, какой катастрофой оборачивается для человека фанатичная сосредоточенность на далекой от нравственных идеалов идее. Ярким примером становятся идеологи в романе «Преступление и наказание». Духовное возрождение Раскольникова не описано Достоевским с такой же подробностью, как нравственные мучения. Придя к осознанию греховности своей идеи, главный герой испытывает спасительные муки совести и готовность к покаянию. Таким образом, свое отражение в романе находит и второй компонент богословской триады – «покаяние».

Нравственное перевоплощение героя, его духовное возрождение было обусловлено не только страданием, но сострадательной лю-

бовью к Соне Мармеладовой. Глубокое и искреннее сопереживание девушки вернуло к жизни черствеющее сердце Раскольникова, «волной хлынуло в его душу и разом размягло ее» [4, с. 213]. Его бесчеловечная идея потерпела крах, и, находясь в тюрьме, Раскольников осознаёт, что убеждения его – ложь: «начинается новая история, история обновления человека, история постепенного перерождения его, перехода из одного мира в другой ...» [Там же, с. 284].

Вершиной литературы критического реализма можно назвать крупнейший социально-обличительный роман Льва Николаевича Толстого «Воскресение». Именно в нем писатель решает самые острые проблемы русской жизни последней трети XIX в. В центре романа две судьбы: «дочери незамужней дворовой женщины» [15, с. 6], простой девушки, прислуживающей в богатом доме, – Катюши Масловой, и племянника ее воспитательниц – князя Дмитрия Ивановича Нехлюдова.

Катюша Маслова – один из самых ярких женских образов в русской литературе, жизненный путь которой – пример соответствия богословской триаде «грех – покаяние – спасение». Несмотря на горькие события, происходившие с ее участием, Катерина Маслова всегда оставалась человеком с большим духовным потенциалом, способным к покаянию в своих грехах. Пройдя долгий путь воскрешения, Катюша возрождается к новой, честной жизни, и читатель понимает, что в конце жизненного пути она будет спасена.

Второй главный персонаж романа «Воскресение» – Дмитрий Иванович Нехлюдов, князь, человек из высшего общества. Первый компонент богословской триады – «грех» находит в образе Нехлюдова ярчайшее отражение, т.к. он виновен не только в прелюбодеянии (сворачивает юную Катерину Маслову), но и во многих других грехах, таких, как пребывание в праздности, леность, чревоугодие, распитие спиртных напитков и многих других.

«Покаяние» в судьбе Нехлюдова также присутствует, однако оно неосознанно и неискренно, поэтому его можно считать условным. В первую очередь герой думает лишь о своей душевной стабильности. В христианской идеологии за покаянием следует искупление

греха, т.н. «спасение». Однако в романе «Воскресение» остается неясным, будет ли спасен Дмитрий Иванович Нехлюдов. Толстой оставляет своего героя на пороге новой жизни. Последняя строчка романа гласит: «Чем кончится этот новый период его жизни, покажет будущее» [Там же, с. 255], и автор дает понять читателю, что вопрос о спасении Дмитрия Ивановича Нехлюдова остается открытым.

Значимость того или иного компонента богословской триады в процессе исторического развития варьировалась в зависимости от общественной и политической ситуации. Примечательными для изучения элементов мифа о великом грешнике являются произведения широко известного в 70–90-е гг. XIX в., но незаслуженно забытого в XX в. елабужского писателя, представителя знаменитой купеческой династии Дмитрия Ивановича Стахеева, творчество которого близко творчеству Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Восьмидесятые годы – продуктивный период в его творчестве: издаются такие романы, как «Домашний очаг», «На закате», «Законный брак», «Избранник сердца» и др. Романы Стахеева явились следствием зрелого жизненного и художественного опыта, требующего больших эпических форм. Именно романский жанр стал достойным завершением творческого пути писателя (после 1896 г. литературной деятельностью автор не занимался).

Многие герои его произведений, в том числе романа «Студенты», законченного в 1888 г., автобиографические. Данное произведение было написано Д.И. Стахеевым после окончания педагогического института. В романе представлены два контрастных главных героя: Ястребинский Ксенофонт Алексеевич и Голубев Северьян Северьяныч.

Ястребинского Ксенофонта Алексеевича можно назвать героем своего времени: он трудолюбив, умен, скромен, однако в жестах есть и оттенок «чувства самодовольства и сознания своего превосходства над другими» даже «странной скрытности» [10, с. 30]. Во время похвалы на его лице «скользит улыбка, напоминающая ухмылку» [Там же]. Ксенофону не чужды такие чувства, как са-

модовольство, высокомерие, гордость, тщеславие и самолюбие, – которые, согласно типологии грехов, относятся не только к грехам против Бога, но и к грехам против ближнего и самого себя. Однако наличие подобных черт в характере героя усиливает такая греховная особенность, как склонность к принятию блудных помыслов – он влюбчив и с лёгкостью заводит новые знакомства, обижая избранниц своими изменами. Этот персонаж, подобно некоторым чеховским героям, лишён покаяния и смирения.

Судьба Ксенофонта Ястребинского связана с типичной героиней, лишённой индивидуальности (автор иронично называет её «вдовушкой»), которая пытается привязать к себе героя своей беременностью. Первый серьёзный грех, совершенный Ястребинским (зачатие ребенка вне брака), пугает героя необходимостью нести ответственность, и он оставляет «возлюбленную» с ребёнком, прекратив общение с ней. Но это не мешает ему вступать другие любовные отношения.

Яркой противоположностью Ястребинскому является Голубев Северьян Северьяныч – человек внешне хмурый, тучный, он часто кажется сердитым и злым. Портрет героя раскрывают симптоматические жесты: «хмурил брови», «бурчал что-то под нос», позволял себе быть резким и постоянно подозревал окружающих в том, что к нему может кто-то неожиданно подкрасться, поэтому часто «проводил своими глазками направо и налево» [10, с. 45]. В спорах Голубев часто выходил из себя, что очевидно в жестовом портрете: «пыхтел, тяжело и учащенно дышал» [Там же, с. 65] и в конце концов бросал «свою измятую фуражку на пол и начинал топтать ее ногами» [Там же]. Если герою случалось кричать, то чаще всего он не сдерживал своих эмоций, потрясая при этом руками в воздухе, и, «захлебываясь, глотал слова» [Там же, с. 107]. Грех Северьяна Северьяныча заключается в излишней импульсивности, суетливости, вспыльчивости. Однако, несмотря на внешнюю эмоциональность, герой уравновешен внутренне: точно зная конечную цель своего существования (научная карьера и крепкая семья), Голубев готов преодолевать трудности на пути к её достижению.

Ястребинский и Голубев выбирают разные пути нравственного возрождения, чему способствует появление в романе Софьи Капустиной, которая, поверив пылким речам Ксенофонта, отвергает Голубева. Расположить Софью Северьяну Голубеву удастся лишь в развязке романа, когда он спасает девушку от лжи Ксенофонта, пообещавшего вывезти двух героинь (вдовушку и Капустину) за границу.

Пылкий Голубев, отстаивая честь Капустиной, вызывает Ястребинского на дуэль. Интересен данный конфликт и тем, что он раскрывается автором посредством использования противопоставленных зоологических образов, отраженных в фамилиях героев: хищная птица ястреб (Ястребинский) и голубь (Голубев) – предвестник мира. Согласно Библии, ястреб относился к так называемым «запретным» птицам, которых нельзя употреблять в пищу. По народным представлениям эта птица пила исключительно кровь, а не воду, и символизировала мужскую силу, воинственность, мстительность. Голубь же, выступая символом духовной чистоты и целомудрия, был обязательным символом при изображении Благовещения, Крещения, Сошествия Святого Духа и Троицы в средневековом христианском искусстве. В народе было распространено поверье, что нечистые силы способны принять облик любого существа, кроме голубя и овцы [14]. Приём зоологических фамилий – это ирония автора, поскольку Ястребинский труслив и неспособен отстаивать свои интересы, а Голубев – напротив, достойно побеждает на дуэли.

Эволюция чужда Ксенофонту, он не достигает искупления и чужд осмыслению своей порочности, поэтому так печален финал его жизни: карьера профессора, пьянство, брак-адультер и банкротство. Герой не приходит к «покаянию», а потому и не «спасен» автором в конце произведения.

Образцом «великого грешника» в романе выступает Северьян Северьяныч. Несмотря на совершенные им грехи, в финале произведения он «спасен» автором и награжден мирной и спокойной семейной жизнью за правдивость натуры. Голубев «искупает» греховные деяния прошлого в то время, когда защищает честь любимой девушки. Персонаж обретает земное счастье: превращается в

профессионального учителя и заботливого главы семьи. Подобно И.А. Гончарову, Стахеев умышленно соединяет героев с именами на «С» (Северьян, Софья). Так, люди с именами Северьян считаются великодушными, мягкими и сговорчивыми, лишенными тщеславия [7], а имя Софья является достаточно распространённым в русской литературе XIX в.: оно встречается в произведениях Д.И. Фонвизина, А.С. Грибоедова, Ф.М. Достоевского и многих других для обозначения, как правило, умных женщин с волевым характером.

Таким образом, в финале показан гармоничный союз духовно полноценных героев: их жесты плавны и размеренны, в движениях нет излишней суеты, отношения со временем становятся только крепче.

Искать героя времени, способного получить шанс на искупление, Д.И. Стахеев продолжил и в зрелом творчестве. Важным произведением стал автобиографичный роман «Неугасающий свет», опубликованный в 1893 г. Жизненный путь Д.И. Стахеева был не прост, в своих потерях и поражениях он винил лишь себя, называя грешником, обреченным на вечное покаяние и смирение. Подобное восприятие собственной жизни наложило заметный отпечаток на содержание его романа.

Дмитрий Иванович был отдален от собственной семьи, поскольку никто из домочадцев не понимал его стремления к литературной деятельности. Испытывая душевные терзания в поисках своего предназначения, пытаясь прислушаться к истинным порывам своей души, пробиваясь к ней через препятствия социальных правил, Д.И. Стахеев остается верен своему таланту, из-за чего разрывает отношения с семьёй, в последствии считая этот факт биографии смертным грехом [3]. Его творческие искания и конфликты с семьёй, этапы творческого становления очевидны и в судьбе главного героя романа Александра Павловича Размашилова. Автор начинает произведения с его страстного монолога: «Никогда им не понять меня. Неужели только тот и художник, кто прожил неизвестное число лет за границей» [9, с. 87].

Гнев и озлобленность персонажа далеки от христианского учения, призывающего человека к смирению: Размашилов безоснова-

тельно самолюбив и горд, считает себя талантливее многих известных художников: «... тогда-то они увидят: по своей дороге ли я иду. Да нет, и тогда они не увидят, они – слепцы» [Там же]. Несмотря на то, что герой родился в верующей купеческой семье (в чем весьма близок автору), он не может уповать на Бога, поэтому часто находится в иступлении. Передать это состояние помогает жестовый портрет: «размахивал руками», «рухнул», «дыхание участилось», «побагровел». Немаловажной деталью является сравнение автором сцены необычайной возбужденности и злости Размашилова с «трагической ролью на сцене или проповедью в католическом костёле, устрашая овец своей паствы грядущими муками ада» [Там же]. Осуждает писатель желание героя доказать окружающим свою избранность, тщеславие. Всецело отдавая себя работе над картиной «Погибший урожай», которая по его убеждению обязательно принесет ему славу и всеобщую признательность, Размашилов становится более озлобленным не только на свою жизнь, но и на представитель высшего света, его гордыня и эгоизм переходили в ожесточение сердца и злобу: «Они, эти скоты, достойные презрения, могут изо дня в день вести такую праздную жизнь, а я, способный, можно сказать, талантливый художник, я не знаю, что буду есть завтра (...) Нет правды на земле, но правды нет и выше...» [9, с. 112–113].

В «тюремном замке» [Там же, с. 169] Поликарпа Поликарповича, куда герой устраивается на работу, пытаясь начать новую жизнь и оставить навсегда живопись, Размашилов понимает свое истинное предназначение. Вновь начав рисовать, он впервые получает удовольствие от процесса творчества, реализуя вторую часть богословской триады – искупление греха: «Теперь только он понял, что действительность идет совершенно вразрез с его мечтами...» [Там же, с. 258].

Жизнь в конторе останавливается. Поликарп Поликарпович словно бы берет на себя функцию управления временем и сгущает его, заставляя течь в границах своей конторы: то неуловимо быстро, то тягуче медленно – так, как ему удобно. Попал под влияние этой «комнаты ожидания» и Александр Размашилов, вынужден-

ный ждать забывшего о нем хозяина в конторской комнате рядом с кабинетом Подберезина: «Чем дольше тянулось время ожидания, тем тягостнее становилось состояние духа Александра Павловича и тем бессердечнее делался в глазах его Поликарп Поликарпович...» [Там же, с. 217–218]. В данном эпизоде наблюдается сужающийся хронотоп: время становится невыносимо тягучим, пространство большой комнаты сжимается до маленькой комнатки, в тесноте которой из угла в угол мечется герой. Изменяется и жестовый портрет персонажа: «... молча расхаживал по комнатам из одной в другую (...) сидел тихо в углу, томясь своими думами» [Там же, с. 232–233]. Автор, используя дескриптивную функцию портрета, показывает, в какой мере Размашилов становится замкнутым, отчужденным.

Через смирение и понимание истинного предназначения Размашилов получает в дар от Подберезина тысячу рублей, позволивших ему снова начать творить: «Как, вы еще и рисуете? Я люблю живопись. Не отступайте!» [9, с. 257]. Многое пришлось пережить Размашилову: непонимание жены, переезд в Петербург, начало новой жизни в неизвестной мастерской, но герой по-настоящему вступил на путь искупления, он обращается с молитвой к Богу, не суетясь, работает над картиной: «... писал и картины, и образа, исполнял портреты» [Там же, с. 273]. Оживают и его картины, на них больше нет мрачных семейных ссор, злобных лиц – появились божественные мотивы, сцены из притч о возвращении блудного сына: «... старый и уже истомленный жизнью, но умудренный житейским опытом, отец, принимающий в свои объятия сына, сбившегося с пути (...) Христос, идущий по водам на помощь апостолу Петру» [Там же, с. 274]. Образ главного героя динамичен: Александр Павлович Размашилов проходит духовное очищение, избавляясь от пороков, обретает величие познавшего истину грешника.

Финал романа становится пророчеством судьбы писателя. На закате жизни Д.И. Стахеев отправляется в Ялту, где, подобно своему герою Размашилову, умирает от паралича сердца. Перед смертью героя хронотоп реальной действительности сменяется хронотопом яркого внутреннего мира художника, дарящего ему покой и важную

в его жизни насыщенную палитру цветов. Миссия и жизненная цель персонажа выполнена, его память будет увековечена картинами в царских покоях, и потому Александр Павлович Размашилов умирает с полуулыбкой на устах и со словами, отражающими всю философию его жизни: «Как это (...) удивительно!» [Там же, с. 283]. Так, на примере жизни и творчества Александра Павловича мы наблюдаем реализацию всех компонентов богословской триады «грех – покаяние – спасение».

Иным предстает в романе образ хозяина конторы, в которой работал Размашилов, Поликарпа Подберезина, являющегося «светотенью» образа Александра Павловича. Братья Подберезина занимались благотворительностью: «они строили церкви во всех тех городах, где имели торговые дела (...) поддерживали бедные монастыри, и слава о них тоже росла с каждым годом» [Там же, с. 175]. Поликарп же не отличался выдающимися качествами своих предков, напротив, все его желания имели исключительно эгоистический характер: «...самовластный распорядитель судьбами торгового дома», «полный всяческих желаний, начиная от увлечений рысистыми лошадьми, породистыми собаками, картинами, всякой роскошью...» [Там же]. Подберезин обладал страшным грехом – алчностью, сребролюбием, он скупал практически все дорогие украшения и предметы роскоши, растрачивая имущество своих предков: «Главное только бы купить, в этом была для него вся прелесть новизны» [Там же, с. 177], при этом, совершенно не задумываясь о духовном богатстве, истинных ценностях человека. И даже болезнь, данная герою в наказание, не могла полностью изменить его, а лишь на время сделала верующим в Бога: «Дошло, наконец, дело до того, что у постели больного появился священник со святыми дарами» [Там же, с. 230].

Путь покаяния героя был ложным: Подберезин не эволюционирует, поскольку после тяжелого выздоровления герой снова вернулся к прежнему образу жизни. Привычка к роскошному существованию усиливается чревоугодием: «Хочу пирога с капустой, – хныкал он, по-детски капризничая (...) ну, грибочков» [Там же, с. 250]. Со-

поставление двух грешников, позволяет заметить величие и динамику образа Александра Павловича на фоне Поликарпа Поликарповича, лишённого важного для возрождения и спасения личности компонента – покаяния.

Д.И. Стахеев, будучи человеком религиозным, верит в спасение души: грешник пойдет путем праведным, обретет истину и веру в Бога, если захочет этого. Такой путь выбирает Размашилов, поэтому в финале романа герой вознаграждён – его картина по достоинству оценена современниками. Однако на закате жизни художник писал уже далеко не ради славы, поэтому остается духовно непоколебимым.

Таким образом, в результате исследования мы можем сделать следующие выводы:

1) Миф о великом грешнике представляет собой сверхсюжет, в который могут легко вписаться самые разнообразные сюжеты, удовлетворяющие единственному требованию: потенциальному соответствию богословской триаде «грех – покаяние – спасение»

2) Для русской культуры характерна модификация богословской триады, обязательной для реализации мифа о великом грешнике; нередко наблюдается незавершенность или вовсе отсутствие ее третьей части – «спасения», что приводит к открытости финала.

3) В некоторых произведениях Д.И. Стахеева принципиальная незавершенность богословской триады очевидна, поскольку не все герои стремятся к спасению. Примечательно, что в рассмотренных романах лишены покаяния и спасения герои, которых можно характеризовать как отрицательных (Ястребинский («Студенты»), Подберезин («Неугасающий свет»)). Положительные персонажи (Голубев («Студенты»), Размашилов («Неугасающий свет»)) проходят все этапы богословской триады неизменно обретая спасение, и данный факт становится своеобразным знаком веры автора как в личное, так и во всеобщее возрождение накануне великих исторических свершений.

4) На разных этапах повествования автор использует богатую палитру художественных средств для создания своих героев. Изобразить грех позволяют приёмы косвенного и прямого психоло-

гизма (физиологический портрет (Ястребинский, «Студенты»), динамичный портрет (Размашилов, «Неугасающий свет»), статичный портрет (Подберезин, «Студенты»); анималистические отсылки (ястреб, голубь); сужающиеся и расширяющиеся хронотопы (Санкт-Петербург, мастерские художника, огород и т.п.); символы (холст и краски).

Список литературы

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
2. Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 304 с.
3. Валеев Н.М. Дмитрий Стахеев. Творческий путь писателя: Монография / Предисл. акад. М. Хасанова. Казань: Академия наук Татарстана, 1995. 176 с.
4. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15-ти томах. Л.: «Наука». Т. 5. 1988–1991. 351 с.
5. Климова М.Н. К вопросу о происхождении мифа о великом грешнике в русской литературе // Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы. Новосибирск, 2012. С. 16–26.
6. Лотман Ю.М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. 352 с.
7. Мужские имена. Значение происхождения имени Северьян. URL: <http://www.imenator.ru/mujskie/imena/severyan> (дата обращения: 04.01.2020).
8. Назиров Р.Г. Традиции Пушкина и Гоголя в русской литературе: Сравнительная история фабул. Дис. ... д-ра филол. наук в виде науч. доклада. Екатеринбург, 1995. 46 с.
9. Стахеев Д.И. Пустынножитель. Избранные произведения. Краснодар: Экоинвест, 2015. 284 с.
10. Стахеев Д.И. Собрание сочинений в XII. т. Т. IX. «Студенты». СПб.: Гостинный Двор, 18, Москва, Кузнецкий Мост, 12, 1903. 341 с.
11. Рамазанова Л.М., Божкова Г.Н. «Миф о великом грешнике» в поэме М.И. Цветаевой «Чародей» // Филологические науки. Вопросы

- теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 4(58): в 3-х ч. Ч. 1. С. 33–35.
12. Рамазанова Л.М, Божкова Г.Н. Трансформация мифа о великом грешнике в поэмах М.И. Цветаевой «Чародей», «Царь-Девница», «Егорушка» // «Научно-практический электронный журнал Аллея Науки» №8. 2017. С. 409–424. URL: [https://www.alley-science.ru/domains_data/files/Collection_of_journals/Vypusk%20Aprel%20_8\(2_\).pdf](https://www.alley-science.ru/domains_data/files/Collection_of_journals/Vypusk%20Aprel%20_8(2_).pdf) (дата обращения: 26.05.2020).
13. Саушкина А.И., Рамазанова Л.М., Божкова Г.Н. Пороки и недуги в поэме М.И. Цветаевой «Царь-Девница» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 10(76): в 2-х ч. Ч. 1. С. 51–55.
14. Тайна имён, значение фамилий. Значение происхождения фамилии Голубев. URL: http://names.neolove.ru/last_names/3/go/golubev.html (дата обращения: 04.01.2020).
15. Толстой Л.Н. Воскресение. М.: АСТ, Транзиткнига, 2006. 255 с.

References

1. Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i jestetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 1975. 504 p.
2. Bakhtin M.M. *Jepos i roman* [Epic and novel]. St. Petersburg: Azbuka, 2000. 304 p.
3. Valeyev N.M. *Dmitriy Stakheyev. Tvorcheskiy put' pisatelya* [Dmitry Stakheyev. Creative path of the write]: Monografiya / Predisl. akad. M. Khasanova. Kazan: Akademiya nauk Tatarstana, 1995. 176 p.
4. Dostoyevskiy F.M. *Sobraniye sochineniy v 15-ti tomakh* [Collected works in 15 volumes]. Leningrad: «Nauka». T. 5. 1988–1991. 351 p.
5. Klimova M.N. *K voprosu o proiskhozhdenii mifa o velikom greshnike v russkoy literature* [To the question of the origin of the myth of the great sinner in Russian literature] Syuzhetno-motivnyye komplekсы russkoy literatury. Novosibirsk, 2012, pp. 16–26.
6. Lotman Yu.M. *Syuzhetnoye prostranstvo russkogo romana XIX stoletiya. V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol* [The plot

- space of the Russian novel of the XIX century. At the school of poetic words: Pushkin. Lermontov. Gogol]. M.: Prosveshcheniye, 1988. 352 p.
7. *Muzhskiyе imena. Znacheniyе proiskhozhdeniya imeni Sever'yan* [Men's names. The meaning of the origin of the name Severyan]. URL: <http://www.imenator.ru/mujskie/imena/severyan>
 8. Nazirov R.G. *Traditsii Pushkina i Gogolya v russkoy literature: Sravnitel'naya istoriya fabul* [Traditions of Pushkin and Gogol in Russian literature: Comparative history of plots.]. Dis. ... d-ra filol. nauk v vide nauch. doklada. Yekaterinburg, 1995. 46 p.
 9. Stakheyev D.I. *Pustynnozhitel'* [Hermit]. Izbrannyye proizvedeniya. Krasnodar: Ekoinvest, 2015. 284 p.
 10. Stakheyev D.I. *Sobraniye sochineniy v KHII. t. T. IKH. «Studenty»* [Collected Works in XII. T. T. IX. *Students*]. SPb.: Gostinyy Dvor, 18, Moscow, Kuznetskiy Most, 12, 1903. 341 p.
 11. Ramazanova L.M., Bozhkova G.N. *Mif o velikom greshnike v poeme M.I. Tsvetaeyevoy «Charodey»* [The myth of the great sinner" in the poem of M.I. Tsvetaeva *The Wizard*] *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2016, no 4(58): v 3-kh ch. Ch. 1, pp. 33–35.
 12. Ramazanova L.M., Bozhkova G.N. *Transformatsiya mifa o velikom greshnike v poemakh M.I. Tsvetaeyevoy «Charodey», «Tsar'-Devitsa», «Yegorushka»* [The transformation of the myth of the great sinner in the poems of M.I. Tsvetaeva *The Wizard, Tsar Maiden, Egorushka*]. *Nauchno-prakticheskiy elektronnyy zhurnal Alleya Nauki*, no 8. 2017. pp. 409–424. URL: [https://www.alley-science.ru/domains_data/files/Collection_of_journals/Vypusk%20Aprel%20_8\(2_\)](https://www.alley-science.ru/domains_data/files/Collection_of_journals/Vypusk%20Aprel%20_8(2_))
 13. Saushkina A.I., Ramazanova L.M., Bozhkova G.N. *Poroki i nedugi v poeme M.I. Tsvetaeyevoy «Tsar'-Devitsa»* [Vices and ailments in the poem of M.I. Tsvetaeva *Tsar Maiden*]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2017, no 10(76): v 2-kh ch. Ch. 1, pp. 51–55.
 14. *Tayna imon, znacheniyе familii. Znacheniyе proiskhozhdeniya familii Golubev* [Secret of names, meaning of surnames. The meaning of the origin of the surname Golubev]. URL: http://names.neolove.ru/last_names/3/go/golubev.html

15. Tolstoy L.N. *Voskreseniye* [Resurrection]. Moscow: AST, Tranzitkniga, 2006. 255 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Рамазанова Лилия Мударисовна, магистрант 2 курса факультета филологии и истории
ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» – Елабужский институт
ул. Казанская, 89, г. Елабуга, Республика Татарстан, 423600, Российская Федерация
liliya3959@yandex.ru

Шарафутдинова Эльмира Маратовна, студентка 5 курса факультета филологии и истории
ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» – Елабужский институт
ул. Казанская, 89, г. Елабуга, Республика Татарстан, 423600, Российская Федерация
elmi.meow@gmail.com

Садриева Юлдуз Илдусовна, студентка 4 курса факультета филологии и истории.
ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» – Елабужский институт
ул. Казанская, 89, г. Елабуга, Республика Татарстан, 423600, Российская Федерация
yulduz.sadrieva@list.ru

Божкова Галина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы
ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» – Елабужский институт
ул. Казанская, 89, г. Елабуга, Республика Татарстан, 423600, Российская Федерация
bozhkova.galina@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Ramazanova Lilia Mudarisovna, 2nd year undergraduate of the Faculty of Philology and History

Kazan (Volga) Federal University, Elabuga Institute

89, Kazanskaya Str., Elabuga, Republic of Tatarstan, 423600,

Russian Federation

liliya3959@yandex.ru

Sharafutdinova Elmira Maratovna, 5th year student of the Faculty of Philology and History

Kazan (Volga) Federal University, Elabuga Institute

89, Kazanskaya Str., Elabuga, Republic of Tatarstan, 423600,

Russian Federation

elmi.meow@gmail.com

SadrievaYulduz Ildusovna, 4th year student of the Faculty of Philology and History

Kazan (Volga) Federal University, Elabuga Institute

89, Kazanskaya Str., Elabuga, Republic of Tatarstan, 423600,

Russian Federation

yulduz.sadrieva@list.ru

Bozhkova Galina Nikolaevna, candidate of philological sciences, associate professor of the department of Russian language and literature

Kazan (Volga) Federal University, Elabuga Institute

89, Kazanskaya Str., Elabuga, Republic of Tatarstan, 423600,

Russian Federation

bozhkova.galina@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-4-223-245

УДК 811.112.2'42:070

ОНЛАЙН-ПЕТИЦИИ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРАКТИКА ПРОТЕСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ (В КОНТЕКСТЕ ПОСТУЛАТОВ ГАРВАРДСКОЙ ШКОЛЫ КОНФЛИКТОЛОГИИ)

Ребрина Л.Н.

Цель. Статья посвящена характеристике онлайн-петиций как современного формата коммуникации граждан и власти в контексте концепции Гарвардской школы конфликтологии.

Метод или методология проведения работы. Методология работы базируется на тезисах о системно-коммуникативной автономии протеста; взаимосвязи технологических и социокультурных изменений, интерпретации конфликта как конструктивной силы; релевантности для оценки удовлетворительности коммуникации сторон параметров «принципиальных переговоров» Р. Фишера и У. Юрии.

Результаты. Определены черты разных стратегий разрешения конфликта, признаки неудовлетворительности коммуникации, особенности реализации гарвардских постулатов, «дефекты» аргументирования в анализируемых протестных практиках.

Область применения результатов. Результаты вносят вклад в осмысление протеста как части современного социокультурного пространства, могут найти применение в сфере регулирования конфликтных ситуаций, протестного поведения с целью оптимизации коммуникации сторон.

Ключевые слова: протестная коммуникация; онлайн-петиции; петиционная платформа; Гарвардская школа; метод принципиальных переговоров.

**ONLINE PETITIONS AS AN ACTUAL PROTEST
COMMUNICATION PRACTICE (WITH REFERENCE
TO POSTULATES OF HARVARD LAW SCHOOL
OF CONFLICT MANAGEMENT)**

Rebrina L.N.

***Purpose.** The article considers the characteristics of online petitions as a modern communication practice between citizens and authorities from the perspective of the concept of Harvard School of Conflict Management.*

***Methodology.** The methodology of the paper is based on the thesis about systemic communicative autonomy of protest; the correlation of technological and social and cultural changes, the interpretation of conflict as a constitutive force; the relevance for assessing the communication satisfactoriness of the postulates of the “principle agent theory” by R. Fisher and W. Ury.*

***Results.** The features of different conflict resolution strategies, signs of communication unsatisfactoriness, features of the actualization of Harvard postulates, “defects” of arguing in the analyzed protest means are specified.*

***Practical implications.** The results contribute to the understanding of the protest as part of the modern social and cultural space, can be applied in the field of conflict management, protest behavior in order to optimize communication between the parties.*

***Keywords:** protest communication; online petitions; petition platform; Harvard Law School; principal agent theory.*

Введение

Современная протестная коммуникация, функционирующая в условиях активного развития информационно-коммуникативных, социальных технологий является мало изученным в лингвистике объектом исследования при всей его важности, широком распространении и роли кризисных и конфликтных ситуаций как проявля-

ний индивидуальности, идентичности, свободы в жизни общества, при всей серьезности последствий неудовлетворительной коммуникации в соответствующих ситуациях. Коммуникации – смыслообразующий стержень информационного общества. Изменения современной ретивальной массовой коммуникации в информационном обществе сопряжены с трансформациями ее форм и структуры коммуникативного опыта субъекта, медиатизацией личности и многих сфер жизни общества (в том числе, политики), с новыми форматами и механизмами виртуально-опосредованных коллективных взаимодействий, с новым отношением к информации, ее ценности, достоверности и персонализацией информации, с умножением самих субъектов современной (электронной) массовой коммуникации и изменением аудитории (оценивается разными исследователями то как независимая, то как легко управляемая) [5]. Лингвистика обладает существенным эвристическим потенциалом в рамках вышеназванной проблематики при условии «междисциплинарного сотрудничества» при изучении системно-коммуникативных характеристик современного протеста.

Материалы и методы

Мы исходим из системно-коммуникативной автономии протеста, характеризующегося самовалидацией, катализационной функцией, единством проактивного и реактивного (темы определяются перспективой и потребностями наблюдателя; коммуникация по поводу ситуации превращает ее в социальный фактор изначально именно в наблюдательной перспективе протеста; объективность тематизируемой реальности обеспечивается индексом угрозы; в своих самоописаниях протест предстает как решающий созданную им задачу) [2]; разделяем научные тезисы о взаимосвязи технологических изменений и социокультурных трансформаций [22]; об активном сопряжении, взаимозависимости политической сферы и медиа-сферы [22]. Сегодняшние формы политического участия сопряжены, с одной стороны, с администрированием информирования, технологическим детерминизмом, медиатизацией, усилен-

ем виртуальности как социального состояния; с другой стороны, предполагают возможность оптимизации обратной связи и нового, более мягкого менеджмента конфликтных ситуаций [7; 8; 19; 20].

Онлайн-петиции – современная конвенциональная мобилизационная форма политического участия граждан, относящаяся к прямой демократии, определяемая (по уровню взаимодействия власти и граждан) как партиципация, активный конструктивный протест (по форме реагирования, предполагающей высокую степень активности и осознания ситуации) [5; 8; 20]; характеризуемая гетерогенностью участников (по характеру использования петиционной платформы и мотивации: потребители активизма, новые лоббисты, активисты хитов, стейкхолдеры [15]; по комбинации активности и ресурсозатрат: разные уровни партиципационной пирамиды – от «кликтивистов» до инициаторов протестных акций) [см. 7; 20]. Онлайн-петиции отличаются интегративной природой, обуславливаемой их полифункциональностью, дискурсивной гибридностью и стилистическим синкретизмом; комплексным адресатом (массовый адресат – пользователи платформы / потенциальные подписанты и целевой адресат – субъект власти) и комплексным адресантом (инициатор петиции, подписанты – коллективный со-адресант); формированием особого типа солидарности – интернет-солидарности; регулярными проявлениями трансгрессивности коммуникативных практик, персонализации, медиатизации и виртуализации политики, формируемого Net-мышления; частичным подтверждением связываемых с субъектами власти ожиданий и оценок граждан, характеризующим восприимчивость органов власти к критике и их готовность к действиям для удовлетворения потребностей и соблюдения интересов граждан [5]. Протестная коммуникация может быть рассмотрена как коммуникативная практика разрешения конфликта, отрицательные последствия конфликтных ситуаций – результат неудовлетворительной коммуникации [13]. Конфликт как выраженное «острое» несовпадение может (при должной коммуникации) выполнять позитивную социальную функцию (стабилизирующая и интегрирующая, высвобождение конструктивной силы,

гармонизация отношения сторон), формируя повестку дня, интерес к проблеме и общественный резонанс, акцентируя необходимость изменений [3; 10; 25].

Материал исследования выступают немецкоязычные онлайн-петиции на платформе openPetition (oP) (количество пользователей ок. 7.000.000 человек), обеспечивающей поиск с использованием комплекса фильтров: статус петиции; адресат; место размещения петиции; тема. Каждая петиция снабжена рубриками: 1) дебаты по петиции; 2) комментарии подписантов; 3) новости по петиции (изменения в статусе / тексте петиции, внешняя посткоммуникация); 4) подписанты; 5) вопросы инициатору петиции; 6) разнообразная статистика; 7) репост / рекомендация. Объем выборки – 2200 петиций, отличающихся по статусу, адресации, темам, регионам.

Результаты и обсуждение

1. Статистика на петиционной платформе как отражение удовлетворительности / неудовлетворительности коммуникации между гражданами и властью

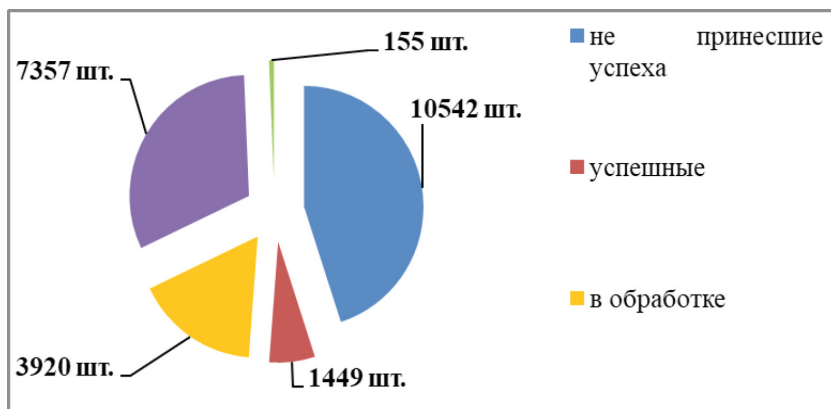
Статистика, касающаяся заблокированных платформой петиций, в определенной степени характеризует качество коммуникации в рамках рассматриваемой протестной практики на платформе oP.

Основаниями для блокирования oP петиции и отказа от ее публичного представления могут быть следующие: отсутствие четкой адресации субъекту власти / неясная адресация (всем гражданам / СМИ / политика); защита исключительно индивидуальных интересов инициатора; недостаточное обоснование / противоречивость требования; подстрекательство, призывы, к ненависти, насилию или их одобрение; нарушение европейских конвенций по правам человека; оскорбительный, дискриминирующий, унижающий (отдельных лиц / социальных групп) характер высказываний; клевета, ложные факты или отсутствия указания достоверных источников; предъявление субъективных общих / обобщающих суждений, популистских заявлений (допускается фактически обоснованная критика публичных лиц / групп в отношении их публичной деятельности); прямая /

косвенная самореклама или реклама собственных продуктов / услуг); публикация персональных данных непубличных лиц без их согласия; сатирическое содержание (такие петиции размещаются в «троллевой башне» <https://www.openpetition.de/trollturm>; для обеспечения прозрачности медиации, представления всей палитры мнений, развлечения); вульгарный язык /наличие ругательств; неверная адресация требования (некомпетентному в данной области лицу / без должных полномочий) или неспецифические требования, не относящиеся к какому-либо субъекту власти. На диаграмме 1 отражены количественные данные петиций разного статуса на оР.

Диаграмма 1.

Количественные данные по петициям разного статуса на оР

*Примечание: 1) по состоянию на 19.03.2020 г.; 2) «в обработке»: сбор подписей закончен, но отсутствует решение по петиции; срок устанавливает инициатор петиции: от 1 недели до 1 года; 3) заблокированные петиции – для обеспечения прозрачности медиации, модерирования размещаются на платформе в соответствующем разделе с указанием причины отклонения.

Таким образом, заблокированные оР петиции составляют 0,666% от общего числа петиций на платформе, что указывает на преимущественное соблюдение упомянутых выше требований авторами инициатив.

Приведенные в таблице №1 данные указывают на корреляции количества заблокированных петиций и адресации петиции. За-

блокированные петиции отсутствуют среди адресованных властям муниципального / городского района (однако, небольшое количество петиций данного уровня адресации и большой процент не принесших успеха петиций не позволяют сделать вывод о преимущественной удовлетворительности коммуникации граждан с данным субъектом власти). Наибольшее количество неудовлетворяющих требованиям обращений характеризуют уровни «государство» и «федеральная земля», при этом соотношение общего количества петиций конкретному субъекту власти, успешных, не принесших успеха и заблокированных оР петиций характеризуют коммуникацию с целевым адресатом «федеральная земля» как наименее «удовлетворительную».

Таблица 1.

Распределение заблокированных петиций по уровням адресации

уровень адресации (целевой адресат – субъект власти)	община / город	объединение общин (муниципальн. ассоциация) / ведомств	округ	административный округ	федеральная земля	государство	ЕС	муниципальный / городской район
кол-во: % от общего количества заблокированных петиций	3,077	3,08	9,233	0	27,69	55,38	1,54	0

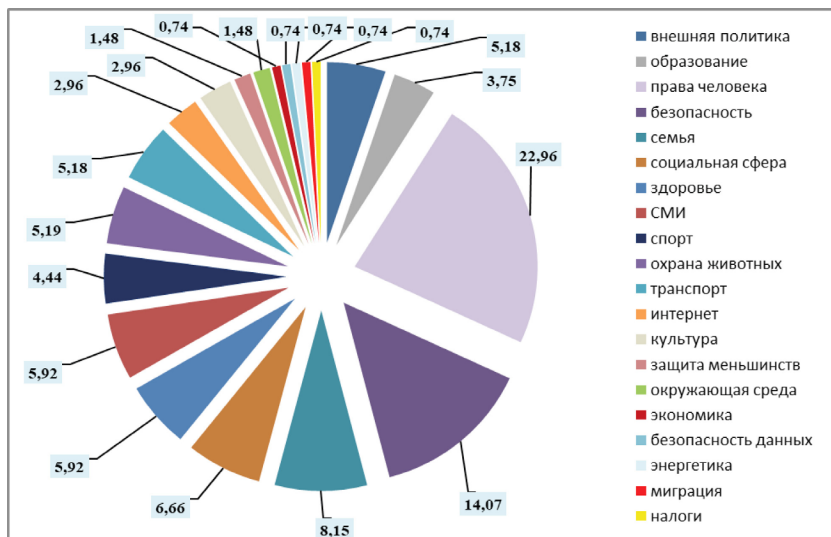
*Примечание: по состоянию на 19.03.2020 г.

Приводимая на оР статистика также позволяет определить сопоставимость рассматриваемых показателей с определенными тематизируемыми сферами жизни общества (см. диаграмму № 2). О наименьшей удовлетворительности коммуникации (ввиду большой доли заблокированных и не принесших успеха петиций) можно говорить в отношении таких сфер как «права человека» (заблокировано – 22,96%, неуспешные – 73,85%), «безопасность» (14,07% и 73,01%), «семья» (8,15% и 73,79%), «социальная сфера» (6,66% и

72,54%). Заблокированные петиции отсутствуют среди обращений, касающихся сфер «сельское хозяйство» (неуспешные – 70,21%), «управление» (75%), «наука» (68,13%), «жилье» (66,51%), «строительство» (64,5%); высокие показатели неудавшихся петиций не позволяют, однако, говорить в данном случае об удовлетворительности коммуникации в рамках данных тематических областей (коммуникация в сфере «строительство» среди всей совокупности может быть охарактеризована как относительно наиболее «удовлетворительная»). Сферы «экономика», «безопасность данных», «энергетика», «миграция», «налоги» имеют невысокий процент заблокированных петиций (0,74%), но большую долю неуспешных (82,91% – 70,31%).

Диаграмма 2.

Распределение заблокированных петиций по темам

*Примечание: количественные данные приведены в процентах.

Среди причин блокировки петиции лидируют «ложная фактическая аргументация без должных ссылок на достоверные источники информации, манипулирование фактами» (42,11%), «оскор-

бительный, унижающий, дискриминирующий характер петиции» (16,37%), «субъективные унижающие, спекулятивные или обобщенные суждения о людях / группах» (15,79%); далее следуют «противоречие либеральному, демократическому общественному строю, Основному закону Германии, призывы к ненависти, насилию, экстремизму» (8,77%), «прямая / непрямая самореклама или реклама своих продуктов / услуг» (5,85%), «отсутствие адресации субъекту власти, широкая неопределенная адресация» и «нарушение авторских прав другого лица» (2,92%), «протест против судебных решений без юридического основания или необходимости правового регулирования» (2,34%); наименее распространенные причины блокирования – «отсылка к другой петиции без формулирования собственной цели, требования» и «опубликование личных данных частного лица без его согласия» (1,17%), «нарушение Европейских конвенций по правам человека или международного права» (0,58%).

2. Характеристика коммуникации в рамках рассматриваемой протестной практики в контексте концепция принципиальных переговоров Р. Фишер и У. Юри

Обращение для характеристики удовлетворительности коммуникации граждан и власти в формате онолайн-петиций к постулатам-параметрам, представленным в концепции Гарвардской школы «Принципиальные переговоры» [13] обуславливается полувекковой успешной традицией применения данного метода для управления конфликтом, придания ему конструктивного характера и достижения оптимальных результатов в диалоге сторон. Рассматриваемая концепция исходит из того, что стороны функционируют как решающие общую проблему деловые партнеры, нацеленные на эффективное, разумное решение при сохранении отношений, ориентирующиеся, независимо от степени взаимного доверия, на поиск общих интересов и взаимовыгодных вариантов; затрагивает такие параметры коммуникации как участники, основа взаимодействия (интересы), решения, критерии (аргументы).

тирование). Следует отметить, что рассматриваемые онлайн-петиции характеризуются сочетанием черт, присущим разным известным стратегиям разрешения конфликта (см. о стратегиях: [1]): а) жесткой стратегии (имеют место давление общественного мнения посредством широкого привлечения массового адресата в подписанты и, тем самым, в коллективного со-адресанта; критика оппонента – субъекта власти (иногда жесткая / агрессивная); представление своей точки зрения как единственной (среди стратегий дискурсивного конструирования проблемы стратегии представления оценки как моральной аксиомы представления оценки как разделяемой многими / всеми наиболее частотные – 33,74% и 37,92%)); б) стратегии взаимных компромиссов (в целом низкая готовность учитывать аргументы оппонента; но имеют место дискуссии пользователей в разделе «Дебаты по петиции»); в) стратегии затяжных переговоров (присутствует ложная аргументация, манипулирование фактами (см. статистику по причинам блокирования петиций)).

Первый постулат Р. Фишера и У. Юрии касается выстраиваемых отношений с оппонентом, ориентирует стороны на «отделение людей от проблемы» [13], т.е., в контексте рассматриваемого материала на отказ от переноса негативной оценки проблемной ситуации на оппонента – целевого адресата, от явного конфликта. Согласно постулату, следует уметь выстраивать коммуникацию с оппонентом, учитывая его восприятие, поскольку именно восприятие и интерпретация реальности разными сторонами – основная проблема в случае конфликта, когда реальность сторонами редуцируется до тех фактов, которые соответствуют их позиции. Выполненный анализ указывает на частичное несоблюдение данного постулата (как в заблокированных, так и в размещенных на ОР петициях), проявляющееся в допущении инициаторами петиций в своих текстах субъективных выпадов, не всегда фактологически обоснованной критики субъекта власти. Критическая оценка властей используется в текстах онлайн-петиций как способ экспликации целевого адресата петиции, формирования его обра-

за, основа солидаризации и объединения против «общего врага» (например: *Symbolisch wollen wir deutlich machen, dass uns die Politiker «nicht mal mehr die Butter auf dem Brot gönnen», sondern meinen, es sei «Saure-Gurken-Zeit»! Zeigen Sie den Politikern, dass die Menschen mehr Wert sind Hemmungslos politischer Diebstahl gilt es zu stoppen!* [26]); тактика обвинения оппонента (целевого адресата) реализует фатическую стратегию адресанта (12,01%) и стратегию обоснования статуса «проблема» при тематизации некой ситуации и снабжении ее «индексом угрозы» (дискурсивное конструирование проблемы осуществляется на общественном и медийном уровнях). На нарушение данного постулата авторами петиций указывает также и частотность среди причин блокирования петиций их оскорбительного, унижающего, дискриминирующего характера (см. выше). В тексте петиции одним из средств экспликации массового адресата, выстраивания особого типа солидарности – интернет-солидарности, а также реализации фатической стратегии адресанта петиции являются солидаризирующие «комплименты» массовому адресату, которому инициатор петиции приписывает разные добродетели, считая, что последний обязательно должен разделять позицию автора петиции. Например: *Sind wir nicht alle Menschen? Haben wir nicht alle ein freies Leben verdient? ... Diese Fragen kann, so denke ich, jeder mit JA beantworten* [21] (следует, однако, отметить, что данная тактика не является частотной в анализируемом материале). Для расширения фатической стратегии, активизации привлечения сторонников из числа целевого адресата (субъекта власти), возможно, имело бы смысл перенести данную тактику в плоскость выстраивания отношений с субъектом власти (комплименты / комплименты-авансы целевому адресату).

Второй постулат, составляющий метод Р. Фишера и У. Юри [13], ориентирует стороны на акцентирование и учет интересов, а не позиций. В описываемых протестных практиках не находят отражение интересы, аргументы и объяснения решений целевого адресата (представлены только контраргументы несогласных с

петицией пользователей в разделе «Дебаты по петиции» (очень редко в разделе «Комментарии»), эксплицирующие возможные аргументы, причины и плюсы решений субъекта власти); не реализуется «взгляд на ситуацию» с точки зрения оппонента. В размещенных на платформе петициях адресант представляет свою позицию в рамках стратегии самопрезентации (тактика представления субъективного мнения и оценок, однако, является четвертой по частотности (11,07%)); при предъявлении оценки ситуации как проблемы в рамках стратегии подкрепленного предъявления оценки (также не является высокочастотной; преобладает представление оценки как разделяемой многими или как моральной аксиомы, что обусловлено стремлением инициатора петиции заручиться как можно более широкой поддержкой). Например: *Ich bin beinahe sicher, dass die Mehrheit der Butjadinger Bürger ... mit den Bebauungsplänen ... nicht einverstanden sind ... Es geht mir in erster Linie um die Höhe der Bebauung Ich habe daher diese Online Petition ins Leben gerufen Ich bin der Meinung, dass es ... einer Befragung aller Butjadinger Bürger bedurft hätte* [18]. При этом субъективность автора является частым поводом блокирования петиций (см. выше о причинах блокирования). В целом в контексте медиатизации политики протестные практики характеризует признание равноценности эмоционального и логического, субъективного и объективного (что проявляется в используемой аргументации). Степень субъективности адресанта петиции соотносится также с выбираемым вектором / целью воздействия (привлечение сторонников из числа пользователей платформы / убеждение целевого адресата – субъекта власти), обуславливающим доминирование черт делового или публицистического стиля. Сдерживающий фактором выступают требования и правила оР. Данный фактор объясняет периферийный характер публичной субъективности в текстах опубликованных петиций. Интересы массового адресата представляются, преимущественно, в рамках фактической аргументации и доводов к этосу, а также фатической стратегии. Предполагаем, что, следуя обсуждаемому постулату,

было бы целесообразно указание в тексте петиции на совпадающие интересы сторон – адресанта, со-адресантов петиции и целевого адресата (взаимная выгода как основа принципиального решения в конфликтной ситуации, как правило, не находит отражение в анализируемом материале).

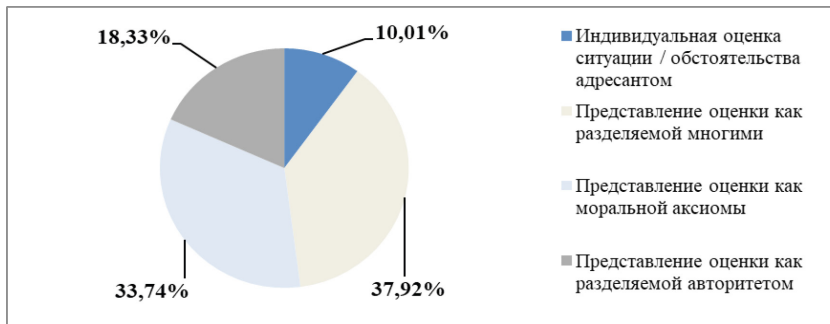
Третий постулат Р. Фишера и У. Юрии касается формата предложения решения и ориентирует на облегчение принятия решения оппоненту посредством предъявления нескольких альтернативных возможностей [13]. В размещенных на oP онлайн-петициях не представлены альтернативы, варианты желательных действий / решений, что мы, однако, слоны рассматривать не как проявление неудовлетворительности коммуникации, а как отражение специфики анализируемой практики протестной коммуникации (выдвигаемое требование должно быть конкретным, четко сформулированным; недостаточное обоснование / противоречивость требования является одной из причин блокирования петиции; приведение нескольких альтернативных предлагаемых решений инициатором петиции может усложнить привлечение сторонников (согласных, например, только с одним из предлагаемых требований) и их решение поддержать инициативу). Требование / просьба как ведущая интенция адресанта петиции (наряду с выражением несогласия с современным положением дел / согласия с необходимостью изменений), как правило, реализуется в начальной части петиции и характеризуется использованием глаголов, способных к перформативному употреблению (см. об этом подробнее: [6], конституирующих соответствующую коммуникативно-семантическую группу (*aufrufen, ersuchen (um Akk.), bitten, sich an Akk. wenden, appellieren an Akk., auffordern, fordern* (последние два глагола – наиболее частотные)) и эксплицирующих интенциональный компонент высказывания. Большая часть данных высказываний являются сообщениями о называемом речевом акте. Например: 1) *Ich appelliere an den Rat der Stadt Dortmund, diesem Antrag zuzustimmen* [9]; 2) *Ich fordere die Politik auf, sich AKTIV gegen dieses Blutvergießen einzusetzen* [21]; 3) *Aus diesem Grund*

bitten wir Frau Staatsministerin Emilia Müller um eine Revidierung dieser Entscheidung ... [16]. Авторы Гарвардского метода переговоров и управления конфликтными ситуациями указывают также на пользу сохранения «стабильного лица» сторон для облегчения принятия ими решения (отказ от резкой смены выражаемых интересов, аргументационных установок, стиля общения), что, применительно к анализируемому материалу, означает ориентацию на доминирование выбранного определенного стиля (деловая коммуникация / публицистический стиль) и типов аргументации (доводы к фактам и логосу / этосу и пафосу).

Четвертый постулат Р. Фишера и У. Юрии особенно важен при отсутствии совпадающих интересов, ориентируя стороны в таком случае на поиск и представление объективных критериев при обосновании их предложений, решений, что предполагает апелляцию к нормам, правилам, прецедентам, авторитетным точкам зрения экспертов, не зависящим от интересов сторон [13]. Расширенный спектр аргументов, представляемых точек зрения способствует обеспечению объективности критериев (могут быть приведены мнения / оценки граждан, субъекта власти, авторитетных профильных специалистов-практиков, ученых, представлены прецеденты). Интересы и доводы оппонента (субъекта власти) в изучаемых практиках не представлены (см. выше). Апелляция к авторитету при дискурсивном конструировании проблемы в онлайн-петициях (предъявление ситуации / обстоятельства как социального фактора с «индексом угрозы») представляет собой малочастотную тактику (см. Диаграмма 1) в рамках реализации одной из двух стратегий дискурсивного конструирования реальности как проблемы – стратегии «подкрепленное / неподкрепленное предъявление оценки». Первая стратегия – стратегия обоснования статуса «проблема» реализуется, преимущественно, посредством указания на негативные последствия имеющей место ситуации и позитивные последствия предлагаемого решения, обвинения субъекта власти и его сторонников, отрицательной оценки современного состояния, акцентирования его длительности.

Диаграмма 2.

Тактики стратегии подкрепленного предъявления оценки

Например, апелляции 1) к авторитетным лицам: *Der Erzpriester der Griechisch-Orthodoxen Gemeinde Mannheim, das Elternbeirat und die griechische Gemeinden und Elternvereine, stehen hinter uns* [12]; 2) к публично представленной позиции компетентного ведомства: *Die Kritik der Bundesvertretung der Medizinstudierenden ... zu den bisher geplanten Maßnahmen ist in der Stellungnahme an das Bundesgesundheitsministerium vom 25.03.2020 nachzulesen* [11]; 3) к прецедентным случаям: *Andere Städte gehen voran: Berlin zahlt seit Januar das Schulessen ... komplett, viele Städte und Gemeinden ... zahlen für das Schulessen erhebliche Zuschüsse, z. B. Kiel und Frankfurt* [14].

В анализируемом материале присутствуют проявления отклонений от большинства рассмотренных постулатов успешного управления конфликтной ситуацией и переговорами (3/4). Количественные показатели причин блокирования петиций свидетельствуют о наиболее частом нарушении четвертого (недолжная аргументация) и первого (субъективные суждения о людях и группах, оскорбительный характер текстов, экстремистские высказывания) постулатов Гарвардской школы. При этом петиционная платформа, выполняя функцию медиации, реализует институализацию конфликтной коммуникации, протеста (которую Г. Зиммель, Л. Козер рассматривают как предпосылку, способствующую разрешимости конфликта [3; 25]), что отражает конструктивный потенциал платформы.

Кроме того анализ материала указывает на частичное использование инициаторами петиций некоторых описанных Пири Мэдсен

«запрещенных аргументов» для реализации собственных интересов в конфликтной ситуации [4]. Приведем некоторые примеры. О «недозволенном рассуждении» можно говорить, когда вывод обо всем классе объектов делается на основе доказательств, не относящихся ко всему классу. Например: в петиции «Keine Asylanten in Altendorf!!» [17] все беженцы называются преступниками, что служит аргументом в пользу требуемого запрета поселять беженцев в Альтендорф; в петиции «Politik: Öffnet eure Augen, statt um Burkas, kümmert euch um Palästina!» содержится утверждение, что политиков не заботит ничего кроме внешности мусульман и мнимого угнетения мусульманских женщин [21]. «Аргумент к состраданию» – указание на страдание / сложное положение и апелляция к этике вместо конкретного обоснования. Например, в петиции «Öffnet eure Augen, statt um Burkas, kümmert euch um Palästina!» речь идет о конфликте между Израилем и Палестиной; призыв автора поддержать в данном конфликте последнюю сопровождается обоснованием «*Warum sollten wir uns dafür einsetzen? Die Antwort ist so einfach: Sind wir nicht alle Menschen? Haben wir nicht alle ein freies Leben verdient? Sollten wir uns nicht verpflichtet fühlen, den Schwächeren zu helfen?!*» (Т.е.: мы должны поддержать петицию, потому что мы все люди, все заслуживают свободную жизнь и должны помогать слабым; пример также иллюстрирует логический прием –использование для доказательства своего тезиса логически не связанных с ним аргументов) [21]. «Аргумент к верности» означает, что автор вместо фактов указывает на традицию, привязанность / уважению к чему-либо / кому-либо. Например: *Und wer nicht in einer Diktatur sein möchte, der hilft mit die AfD zu verbieten* (верность демократии, неприятие диктатуры, отсылка к прошлому) [23]. Использование «аргумента к выгоде» выражается в отказе от долгосрочной перспективы, доминировании представления частных последствий и выгод. Например, в петиции «Schadenersatz für Unternehmen bei Demos von Klimaschützer» автор выступает против экологического движения, демонстраций борцов за экологию, потому что это наносит вред предприятиям; апеллирует к истории (Argumentum ad antiquitatem / аргумент к древности), указывая на то, что именно автомобильная, оборонная промышленность, маши-

ностроение и металлургия позволили возродить страну после Второй мировой войны (о чем забыли «экоактивисты», нанося ущерб своими демонстрациями) [24]. Частотность недолжного представления фактов в качестве причины блокирования петиций на оР также указывает на релевантность для данных практик «аргумента к невежеству» (использование неосведомленности массового адресата, игра на ней с целью убеждения или внушения не обосновываемых объективно; см. выше).

Заключение

Онлайн-петиции – проактивно-реактивные коммуникативные практики, реализующие дискурсивное конструирование проблемы и гражданскую партиципацию по ее решению, возможности оптимизации обратной связи и нового, более мягкого менеджмента конфликтных ситуаций. Петиционная платформа выполняет функцию медиации, способствует конструктивизации конфликтной ситуации, объективирует институализированность протестной коммуникации как предпосылку разрешимости конфликта. Предъявляемые платформой требования к публикуемым инициативам, в целом, соблюдаются авторами петиций (доля заблокированных петиций от общего числа – 0,67%). Наибольшее количество неудовлетворяющих требованиям инициатив характеризуют уровни адресации «государство» и «федеральная земля»; тематические области «права человека», «безопасность», «семья», «социальная сфера». Наиболее частотные причины блокировки петиций – ложная фактическая аргументация, отсутствие должных ссылок на достоверные источники, манипулирование фактами; оскорбительный, дискриминирующий характер; субъективные унижающие, спекулятивные или обобщенные суждения.

Онлайн-петиции сочетают в себе черты жесткой и мягкой стратегий разрешения конфликта, стратегии затяжных переговоров. Для характеристики удовлетворительности коммуникации граждан и власти релевантно обращение к постулатам Гарвардской школы конфликтологии – концепции принципиальных переговоров Р. Фишера и У. Юрии.

Онлайн-петиции (блокированные и размещенные на платформе) *характеризуются* частичным несоблюдением постулатов: а) «отде-

ление людей от проблемы» (имеет место перенос негативной оценки с ситуации на оппонента – субъекта власти и ее сторонников; критика власти используется как инструмент солидаризации и способ снабжения ситуации «индексом угрозы»); б) «ориентированность на интересы, а не позиции» (не представлены интересы / аргументы / мнения целевого адресата – власти; при предъявлении оценок адресанта акцентируется его позиция; субъективность автора – частая причина блокирования петиций; дефицит указания на совпадающие интересы граждан и власти); в) «объективность критериев» (не представляются доводы всех сторон; периферийный характер апелляции к авторитету; желательное расширение спектра аргументов); *отличаются* нерелевантностью постулата «предъявление альтернативных возможностей» ввиду жанровой специфики данной протестной практики; *демонстрируют* случаи использования адресантами «запрещенных аргументов» («недозволенное рассуждение», «аргумент к состраданию», «логические уловки», «аргумент к верности», «аргумент к выгоде», «аргумент к древности», «аргумента к невежеству»). Требования и правила платформы выступают сдерживающим фактором.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00193 [The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00193].

Список литературы

1. Андреев В.И. Деловая риторика. М.: Народное образование, 1995. 208 с.
2. Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю. Системно-коммуникативное исследование радикальных движений, или как возможна научная теория протеста // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 2. С. 91-105. DOI: 10.21146/2072-0726-2018-11-2-91-105.
3. Козер Л.А. Завершение конфликта: публицистика. Москва: Директ-Медиа, 2007. 23 с. ISBN 978-5-94865-933-6.
4. Мэдсен П. Железные аргументы. Победа, даже если ты не прав. СПб: Издательский дом: Питер. 2013. 192 с. ISBN: 978-5-496-00178-6.

5. Ребрина Л.Н. Онлайн-петиции как форма протестной коммуникации в условиях электронной демократии // Мир науки, культуры, образования. 2018. №3(70). С. 478-483.
6. Ребрина Л.Н., Генералова Л.М. Актуализация семантических ролей в протестной коммуникации (на материале немецкоязычных онлайн-петиций) // Научный диалог. 2018. № 9. С. 98-116. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-9-98-116.
7. Berg J. Political Participation in the Form of Online Petitions: A Comparison of Formal and Informal Petitioning. *International journal of e-politics*, 2017, no 8(1). P. 14-29.
8. Bochel C., Bochel H. 'Reaching in'? The potential for e-petitions in local government in the United Kingdom. *Information communication & society*, 2017, no 20(5). P. 683-699.
9. Bolmke – Bolmke als Landschaftsschutzgebiet sichern. URL: <https://www.openpetition.de/petition/online/landschaftsschutzgebiet-fuer-die-bolmke-festsetzen> (дата обращения 20.02.2020)
10. Deutsch M., Coleman P.T., Marcus E.C. *The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice*. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 2006. 1264 p. ISBN 978-0585221229.
11. Faire Bedingungen – Faire Bedingungen für Praktisches Jahr und Staatsexamina im Medizinstudium in der COVID-19-Pandemie! URL: <https://www.openpetition.de/petition/online/faire-bedingungen-fuer-praktisches-jahr-und-staatsexamina-im-medizinstudium-in-der-covid-19-pandemie/> (дата обращения 20.02.2020)
12. Finger weg – Finger weg von der griechischen Schule Mannheim. URL: <https://www.openpetition.de/petition/online/finger-weg-von-der-griechischen-schule-mannheim>. (дата обращения 20.02.2020)
13. Fisher R., Ury W., Patton B. *Getting to Yes: Negotiating Agreement Without Giving*, 2011. New York: Penguin Books. ISBN 9780143118756.
14. Gutes Schulessen – Gutes Schulessen für Hamburger Kinder sichern! URL: <https://www.openpetition.de/petition/online/gutes-schulessen-fuer-hamburger-kinder-sichern> (дата обращения 22.02.2020)
15. Jungherr A., Jürgens P. E-Petitionen in Deutschland: Zwischen niedrigschwelligem Partizipationsangebot und quasi-plebiszitärer Nutzung. *Zeitschrift für Parlamentsfragen*, 2011, no 1. P. 521-534.

16. Kein Erstaufnahmelager – Kein zentrales Erstaufnahmelager: Für eine menschenwürdigere Unterbringung Geflüchteter. URL: https://www.openpetition.de/petition/online/kein-zentrales-erstaufnahmelager-fuer-eine-menschenwuerdigere-unterbringung-gefluechteter?language=ru_RU.utf8 (дата обращения 20.02.2020)
17. Keine Asylanten – Keine Asylanten in Altendorf!! URL: <https://www.openpetition.de/?seite=4&status=gesperrt> (дата обращения 22.02.2020)
18. Keine Hochhäuser – «Keine Hochhäuser am Burhaver Deich». URL: <https://www.openpetition.de/petition/online/keine-hochhaeuser-am-burhaver-deich#petition-main> (дата обращения 10.03.2020)
19. Lee C.-P., Chen D.-Y., Huang T.-Y. The Interplay Between Digital and Political Divides: The Case of e-Petitioning in Taiwan. *Social science computer review*, 2014, no 32(1). P. 37-55.
20. Luna-Reyes L.F. Opportunities and challenges for digital governance in a world of digital participation. *Information polity*, 2017, no 22. 2-3. P. 197-205.
21. Öffnet eure Augen – Öffnet eure Augen, statt um Burkas, kümmert euch um Palästina! URL: <https://www.openpetition.de/petition/online/politik-oeffnet-eure-augen-statt-um-burkas-kuemmert-euch-um-palaestina> (дата обращения 10.03.2020)
22. Oniszcuk Z. Mediatisation of Politics and Politicisation of the Media. Two Dimensions of the Relationship. *Studiów Medioznawczych*, 2011, no 4(47). P. 1-15.
23. Parteiverbot – AfD Parteiverbot im Bundestag. URL: <https://www.openpetition.de/petition/online/afd-partieverbot-im-bundestag> (дата обращения 10.03.2020).
24. Schadenersatz – Schadenersatz für Unternehmen bei Demos von Klimaschützer. URL: <https://www.openpetition.de/petition/online/schadenersatz-fuer-unternehmen-bei-demos-von-klimaschuetzer> (дата обращения 10.03.2020).
25. Simmel G. *Soziologie. Untersuchungen. Über die Formen der Vergesellschaftung*. Gesamtausgabe, Bd. 11. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1992. 782 S.
26. Steuerfreiheit – Steuerfreiheit für Rentner. URL: <https://www.openpetition.de/petition/online/steuerfreiheit-fuer-rentner-2> (дата обращения 10.03.2020).

References

1. Andreev V.I. *Delovaya ritorika* [Business rhetoric]. Moscow: Narodnoe obrazovanie, 1995. 208 p.
2. Barash R.E., Antonovskiy A.Yu. Sistemno-kommunikativnoye issledovaniye radikalnykh dvizheniy, ili kak vozmozhna nauchnaya teoriya protesta [System-communicative research of social movements]. *Filosofskiy zhurnal*, 2018. 11 (2). P. 91-105. DOI: 10.21146/2072-0726-2018-11-2-91-105.
3. Coser L.A. *Zavershenie konflikta: publicistika* [Ending Conflict: Journalism]. Moscow: Lirect-Media, 2007. 23 p. ISBN 978-5-94865-933-6.
4. Madsen P. *Zhelezny`e argumenty`*. *Pobeda, dazhe esli ty` ne prav* [How to win an argument (Even when you're wrong)]. St. Petersburg, Piter. 2013. 192 p. ISBN: 978-5-496-00178-6.
5. Rebrina L.N. Onlayn-petitsii kak forma protestnoy kommunikatsii v usloviyakh elektronnoy demokratii [Online-petitions as a form of protest communication in the context of electronic democracy]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [World of science, culture, education]. 2018. 3(70). P. 478-483.
6. Rebrina L.N., Generalova L.M. Aktualizaciya semanticheskix rolej v protestnoj kommunikacii (na materiale nemeckoyazy`chny`x onlayn-peticij) [Actualization of semantic roles in protest communication (on the material of German online petitions)]. *Nauchnyy dialog*, 2018, no 9. P. 98-116. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-9-98-116.
7. Berg J. Political Participation in the Form of Online Petitions: A Comparison of Formal and Informal Petitioning. *International journal of e-politics*, 2017, no 8(1). P. 14-29.
8. Bochel C., Bochel H. 'Reaching in'? The potential for e-petitions in local government in the United Kingdom. *Information communication & society*, 2017, no 20(5). P. 683-699.
9. Bolmke – Bolmke als Landschaftsschutzgebiet sichern. URL: <https://www.openpetition.de/petition/online/landschaftsschutzgebiet-fuer-die-bolmke-festsetzen>.
10. Deutsch M., Coleman P.T., Marcus E.C. *The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice*. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 2006. 1264 p. ISBN 978-0585221229.

11. Faire Bedingungen – Faire Bedingungen für Praktisches Jahr und Staatsexamina im Medizinstudium in der COVID-19-Pandemie! URL: <https://www.openpetition.de/petition/online/faire-bedingungen-fuer-praktisches-jahr-und-staatsexamina-im-medizinstudium-in-der-covid-19-pandemie/>
12. Finger weg – Finger weg von der griechischen Schule Mannheim. URL: <https://www.openpetition.de/petition/online/finger-weg-von-der-griechischen-schule-mannheim>.
13. Fisher R., Ury W., Patton B. *Getting to Yes: Negotiating Agreement Without Giving*, 2011. New York: Penguin Books. ISBN 9780143118756.
14. Gutes Schulessen – Gutes Schulessen für Hamburger Kinder sichern! URL: <https://www.openpetition.de/petition/online/gutes-schulessen-fuer-hamburger-kinder-sichern>.
15. Jungherr A., Jürgens P. E-Petitionen in Deutschland: Zwischen niedrigschwelligem Partizipationsangebot und quasi-plebiszitärer Nutzung. *Zeitschrift für Parlamentsfragen*, 2011, no 1. P. 521-534.
16. Kein Erstaufnahmelager – Kein zentrales Erstaufnahmelager: Für eine menschenwürdigere Unterbringung Geflüchteter. URL: https://www.openpetition.de/petition/online/kein-zentrales-erstaufnahmelager-fuer-eine-menschenwuerdigere-unterbringung-gefluechteter?language=ru_RU.utf8.
17. Keine Asylanten – Keine Asylanten in Altendorf!! URL: <https://www.openpetition.de/?seite=4&status=gesperrt>.
18. Keine Hochhäuser – «Keine Hochhäuser am Burhaver Deich». URL: <https://www.openpetition.de/petition/online/keine-hochhaeuser-am-burhaver-deich#petition-main>.
19. Lee C.-P., Chen D.-Y., Huang T.-Y. The Interplay Between Digital and Political Divides: The Case of e-Petitioning in Taiwan. *Social science computer review*, 2014, no 32(1). P. 37-55.
20. Luna-Reyes L.F. Opportunities and challenges for digital governance in a world of digital participation. *Information polity*, 2017, no 22. 2-3. P. 197-205.
21. Öffnet eure Augen – Öffnet eure Augen, statt um Burkas, kümmert euch um Palästina! URL: <https://www.openpetition.de/petition/online/politik-oeffnet-eure-augen-statt-um-burkas-kuemmert-euch-um-palaestina>.

22. Oniszczyk Z. Mediatisation of Politics and Politicisation of the Media. Two Dimensions of the Relationship. *Studiów Medioznawczych*, 2011, no 4(47). P. 1-15.
23. Parteiverbot – AfD Parteiverbot im Bundestag. URL: <https://www.openpetition.de/petition/online/afd-parteiverbot-im-bundestag>.
24. Schadenersatz – Schadenersatz für Unternehmen bei Demos von Klimaschützer. URL: <https://www.openpetition.de/petition/online/schadenersatz-fuer-unternehmen-bei-demos-von-klimaschuetzer>.
25. Simmel G. Soziologie. Untersuchungen. Über die Formen der Vergesellschaftung. Gesamtausgabe, Bd. 11. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1992. 782 S.
26. Steuerfreiheit – Steuerfreiheit für Rentner. URL: <https://www.openpetition.de/petition/online/steuerfreiheit-fuer-rentner-2>.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Ребрина Лариса Николаевна, ведущий научный сотрудник, профессор кафедры германской и романской филологии, доктор филологических наук
*Волгоградский государственный медицинский университет
пр. Университетский, 100, г. Волгоград, Волгоградская область, 400062, Российская Федерация*
Reblora@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Rebrina Larisa Nikolayevna, Leading Scientific Worker, Professor, Department of German and Roman Philology, Doctor of Philology
*Volgograd State University
100, Universitetskiy Prospekt, Volgograd, 400062, Russian Federation*
LNrebrina@volsu.ru
ORCID: 0000-0003-0512-980X
SPIN-code: 3971-1615
ResearcherID: G-6420-2015
Scopus Author ID: 56241972800

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-4-246-264

УДК 811.161.1'42:316.752+070:37.035.6

**РУССКОЯЗЫЧНЫЕ
ОНЛАЙН-ПЕТИЦИИ КАК АКТУАЛЬНАЯ
ПРАКТИКА ПРОТЕСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ:
СИСТЕМНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ
ИЗМЕРЕНИЯ**

Ребрина Л.Н., Терентьева Е.В.

***Цель.** Исследование нацелено на характеристику с позиций коммуникативного подхода онлайн-петиций как актуальной практики протестной коммуникации в РФ на примере петиционной платформы «Российская общественная инициатива».*

***Метод или методология проведения работы.** В основе методологии лежат научные тезисы о сопряженности технологических и социокультурных изменений, дискурсивном конструировании реальности, медитизации политической сферы, системно-коммуникативной автономии протеста.*

***Результаты.** Описаны пространственно-временное, коллективно-личностное и предметное системно-коммуникативные измерения русскоязычных онлайн-петиций; раскрыта их интегративная природа; охарактеризована специфика дискурсивного конструирования проблемы, комплексного адресанта и адресата петиции, интернет-солидарности.*

***Область применения результатов.** Полученные результаты способствуют дальнейшему осмыслению современного протеста, взаимосвязи технологических и социокультурных изменений, политики и медиасферы; представляют интерес для специалистов в области управления конфликтными социумами.*

***Ключевые слова:** протест; протестная коммуникация; онлайн-петиция; системно-коммуникативное измерение; петиционная платформа.*

RUSSIAN-SPEAKING ONLINE PETITIONS AS ACTUAL PRACTICE OF PROTEST COMMUNICATION: SYSTEMIC-COMMUNICATIVE DIMENSIONS

Rebrina L.N., Terent`eva E.V.

Purpose. *The study focuses on characteristics of public positions from the perspective of the communicative approach which is considered to be an actual practice of protest communication in the Russian Federation. The example taken in the study is the Russian Public Initiative petition platform.*

Methodology. *The methodology is based on scientific theses on the contingency of technological and social and cultural changes, discursive reality construction, mediation of the political sphere and systemic-communicative autonomy of protest.*

Results. *The spatiotemporal, collective-personal and objective systemic-communicative dimensions of Russian-speaking online petitions are described; their integrative nature is revealed; the specifics of the discursive construction of the problem, a complex addressee, a petition addressee and Internet solidarity are characterized.*

Practical implications. *The results of the study make certain contribution to further understanding of modern protest, the correlation of technological and social and cultural changes, politics and mass media sphere; these results are of interest to specialists in the field of social conflicts management.*

Keywords: *protest; protest communication; online petition; systemic-communicative dimensions; petition platform.*

Введение

Определяемые развитием ИКТ и социальных технологий современные форматы политического участия граждан обуславливают новые преимущества и риски, свойственные актуальным коммуникативным практикам протеста. Онлайн-петиции – реализующая прямую демократию мобилизационная, конвенциональная форма

политического участия, относимая к уровню партиципации, активному конструктивному протесту. По своей мотивации, ресурсозатратам и характеру использования петиционной платформы ее пользователи гетерогенны (стейкхолдеры, новые лоббисты, потребители активизма, активисты хитов [15]), соотносятся с различными ступенями партиципационной пирамиды (крайними точками шкалы выступают «кликтивисты» и регулярные инициаторы протестных акций) [11; 14; 16]. Для политического участия российских граждан используются несколько петиционных платформ: 1) неофициальные: а) *Демократор* (2178862 участников; 4000000 ежемесячных посещений платформы; 14881 петиций; успешные петиции – 934; результат публичного обсуждения – официальное письмо-обращение Демократора компетентному субъекту власти; рубрикаторы: «победа», «избранные» и «популярные» с возможностью упорядочивания по дате / обновлениям / количеству голосов; разделы к каждой петиции: «События» – этапы жизненного цикла петиции, «Обсуждения»; отсутствуют тематическая рубрикация и тематический поиск, статистика по петициям разных рубрик и по подписантам); б) *Change.org* (333855715 пользователей, 14304914 – в России по данным отчета за 2018 г.; 89 успешных петиций в русскоязычном сегменте по состоянию на 01.04.2020; рубрикаторы: «избранные», «популярные», «последние» «победы»; разделы к каждой петиции: «Новости этой кампании» и «Почему это важно»; отсутствуют тематическая рубрикация, раздел «дебаты» по петиции, статистика по рубрикам, статусам петиций и подписантам); в) *петиция-президенту.рф* (7805 участников; рубрикаторы: «самое популярное» за неделю / месяц / год / все время, «тема» (8 рубрик); «задать вопрос» (бесплатная юридическая помощь); разделы к каждой петиции: «комментарии»; «за и против» (количество голосов); отсутствуют статистика по петициям, по подписантам, указание на статус петиции (активная / завершенная / успешная / неуспешная и пр.); 2) официальная: *Российская общественная инициатива* (размещено 17094 петиций; рубрикаторы: «живая лента» (по принципу постов в блоге); «популярные»; «последние»; «архивные» (с

указанием в списке уровня петиции, количество голосов всего / за час / время подачи последнего голоса); «принято решение» (положительное / отрицательное), «на рассмотрении» (промежуточная стадия между окончанием сбора подписей, передачей экспертам и принятием решения по петиции) с возможностью упорядочивания списка по возрастанию / убыванию количества голосов, поиска по фильтрам «уровень» (федеральный / региональный / муниципальный), «разделы» (19 тематических разделов); информация к каждой петиции: дата окончания голосования, количество голосов «за» / «против»; другие инициативы адресанта; процентное соотношение количества голосов и необходимой квоты; количество недостающих голосов для рассмотрения петиции на заявленном уровне; отсутствуют «комментарии» / «дебаты по петиции», «новости по петиции» (раздел «Новости проекта» информирует в целом об инициативах и событиях на платформе), указание на результативность петиции; статистика по петициям разного статуса / разных рубрик, по подписантам).

Объектом нашего исследования является петиционная платформа РОИ, поскольку только размещенные на РОИ инициативы граждан (с необходимой квотой) передаются правительственной палате и рассматриваются органами. РОИ использует единую систему аутентификации (что обеспечивает объективность голосования: один авторизованный пользователь – один голос), может быть использована только пользователями, зарегистрированными на портале «Госуслуги»; набравшая обязательное для соответствующего уровня адресации количество голосов (федеральный для региона с населением свыше 2 миллионов человек – 100 тысяч голосов; муниципальный и малочисленный региональный – 5% от численности населения) передается экспертной группе данного уровня для вынесения решения об ответных мерах. На данной платформе представлена интерактивная карта размещенных инициатив с указанием количества и уровня адресации (напр., Рис. 1). В отличие от представленных выше неофициальных петиционных платформ на РОИ адресанту предъявляется шаблонная форма петиции, бла-

годаря чему размещенные петиции характеризуются большим единообразием и устойчивой композиционной структурой (включает пункты: основная часть – проблема и обоснование, практический результат, решение). Подаваемые петиции проходят предварительную модерацию (петиция не должна содержать нецензурных выражений, оскорблений, угроз, призывов к насилию, экстремизму, не противоречить Конституции РФ, нормам международного права, правам и свободам граждан; должна содержать описание проблемы, предложение и обоснования варианта / вариантов ее решения).

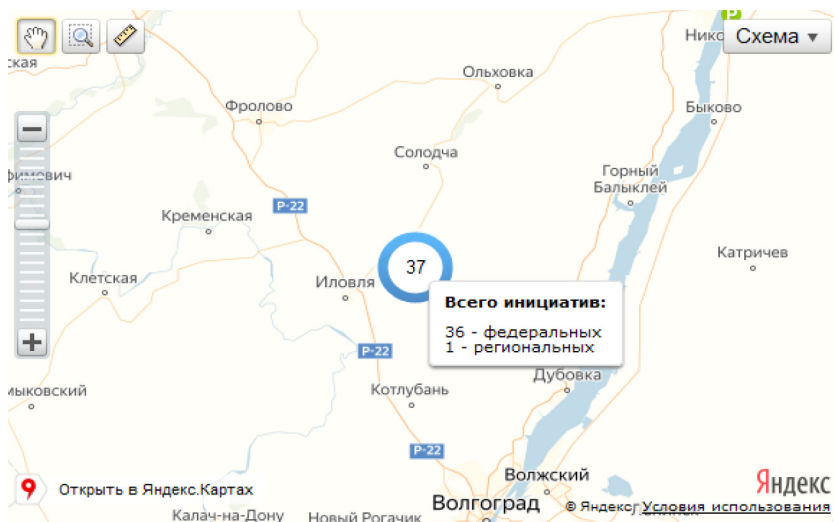

Рис. 1. Фрагмент интерактивной карты инициатив на РОИ
<https://www.roi.ru/52667/> (на 01.04.2020 г.)

Методология

В своем исследовании мы руководствуемся научными тезисами о сопряженности технологических и социокультурных изменений, о дискурсивном конструировании реальности и субъектов коммуникации; [6]; о медитизации политической сферы [17]; о системно-коммуникативной автономии протеста, характеризующегося самовалидацией, катализационной функцией, единством проактивного и реактивного [1]. Сегодняшние формы политического участия

сопряжены, с одной стороны, с администрированием информирования, технологическим детерминизмом, медиатизацией, усилением виртуальности как социального состояния; с другой стороны, предполагают возможность оптимизации обратной связи и нового, более мягкого менеджмента конфликтных ситуаций. [14; 16]. Цель исследования заключается в изучении системно-коммуникативных характеристики русскоязычных онлайн-петиций на платформе РОИ как актуальных практик протестной коммуникации. С позиций широкого коммуникативного подхода мы рассматриваем современный протест как специфичную коммуникативную систему с релевантными измерениями [1]: а) пространственно-временным (в контексте нашего исследования – прототипические формы дискурсивных практик, отличающиеся своими хронотопическими, жанровыми признаками); б) предметным (дискурсивное конструирование ситуации как социального фактора с «индексом угрозы», как проблемы, требующей решения); в) коллективно-личностным (дискурсивное конструирование образа адресанта и адресата; типичные коммуникативные стратегии и тактики, коммуникативные особенности солидаризации). Онлайн-петиции – современная конвенциональная мобилизационная форма политического участия граждан, относящаяся к прямой демократии, определяемая как партиципация, активный конструктивный протест; характеризуемая гетерогенностью участников, относящихся к разным уровням партиципационной пирамиды [11; 14; 16].

Результаты

1. Онлайн-петиции как актуальная практика протестной коммуникации с гибридными дискурсивными и жанровыми характеристиками

Исследуемые онлайн-петиции характеризуются гетерогенностью функций, сочетая в себе директивную, информационно-оценочную и агитационно-пропагандистскую функции, что объективируется следующими признаками электронных петиций: 1) неоднородность коммуникативных целей инициатора петиции: а) проблематизация ситуации посредством снабжения ее «индексом угрозы» (типично для информационно-оценочных и агитационно-пропагандистских

жанров); формирование общественного мнения (характеризует, в первую очередь, информационно-оценочные жанры); б) привлечение сторонников и солидаризация (отличает агитационно-пропагандистские жанры); в) формулирование решения / предложения, побуждение к действию субъекта власти (свойственно директивным жанрам); г) предъявление гражданской позиции адресанта петиции (релевантно, прежде всего, для агитационно-пропагандистских жанров); 2) специфическая отвечающая полифункциональности комбинация языковых средств: а) широкая представленность языковых средств с семантикой побудительности, долженствования: безлично-предикативные слова, например, *необходимо, нужно* и др.; модальные глаголы и конструкции (*У нас в Волгоградской области должно быть время на 1 час больше* [2]); перформативные конструкции (*Мы предлагаем запретить лицам, имеющим двойное гражданство занимать посты во всех ветвях власти* [3]); глаголы с семантикой побуждения (*Обязать все медицинские учреждения ... вносить сведения в электронную карту ...* [4]); б) активное употребление единиц с оценочной семантикой, например: *подписал ... очередное вредительское Постановление, в позорном нищенском состоянии, нищенскую зарплату* [13]); 3) особенность аргументации: а) широкое использование психологической аргументации, апелляции к интересам и ценностям пользователей платформы (*В эти заторы попадают ... автомобили скорой помощи ..., автомобили МЧС. Цена таких простов - человеческие жизни!!!* [10]; *... зато ищут лазейки, как бы у нищих отобрать последние копейки* [13]); б) апелляция к эмоциям (*Яркий пример – для проезда чиновников по Рублевскому шоссе перекрывается движение по МКАД в обоих направлениях!!! Зачем??? Руководители государства боятся своих граждан??? Могут плюнуть с моста на броневедомоцикл и крышу пробьют?* [10]); в) отсутствие строгой фактологической аргументации с должным указанием на источник информации (*Один из пугающих слухов – в Ленский район будут приходить ... радиоактивные отходы из Москвы. Еще одна версия – никакого предприятия ... не построят, на месте вырубленного леса появится громадный котлован, в который привезенный мусор будут просто закапывать* [12]).

Как показывает анализ, онлайн-петиции характеризуется также дискурсивной гибридностью, сочетают в себе характеристик публицистического (фактографичность, доходчивость изложения, персуазивность, оценочность, комбинирование логических и психологических аргументов, объективного и субъективного, диалогичность, оперативность, интерактивность и широкий тематический спектр), политического (актуальность, оценочность, персуазивность, идеологичность, критичность, пропагандизм, ориентация на дифференциацию и интеграцию, агональность и гармонизацию), делового (лаконичность, унифицированная композиция, формальный регистр) дискурсов и интернет-дискурса (активная обратная связь, высокая проницаемость, интерактивность, умножение черт неформального общения, гетерогенность коммуникантов), различаемым по субъектному, референтному и инструментальному признакам. Приводимые далее примеры иллюстрируют названные признаки: 1) ... *а на русский язык это переводится так: мы решили провести ЧМ по футболу, поэтому извините, за ваш счёт весь банкет ... “Прижимать” во благо экономического роста ... надо тех, у кого в собственности яхты, самолёты и дворцы – вот это роскошь, а не 1/3 какой-то хрущёвки с тараканами и протекающей крышей;* 2) *Или в нашем случае – у кнопки сидеть и не проголосовать? Получается, наши избранники получают высокую зарплату из наших налогов, а потом пенсию из наших же налогов* [8]. Выявленная гибридность коррелирует со стилистическим синкретизмом онлайн-петиций [11], характеризующихся наличием, с одной стороны, стилистических признаков жанров открытого письма протеста / в защиту чего-либо, с другой стороны, – жанров прошения / ходатайства / жалобы, противопоставляемым друг другу по совокупности критериев (наличие / отсутствие отрицательной оценки, категоричность, аргументированность, обоснованность представленного требования, просьбы). Общие признаки онлайн-петиции и перечисленных жанров: адресант некомпетентен / неуполномочен решить вопрос, один из адресатов – субъект власти, фактологическая аргументация, экспликация собственной позиции; общие при-

знаки электронных петиций и открытых писем: массовый адресат, социально-значимый повод, совмещение социального и индивидуального, установка на привлечение сторонников, формирование общественного мнения, сочетание разных типов доводов, совмещение информативной, оценочной, контактной, апеллятивной функций и самовыражения, черт деловой и разговорной речи.

2. Коллективно-личностное системно-коммуникативное измерение протеста (на примере русскоязычной петиционной платформы РОИ)

Результаты анализа закономерностей дискурсивного конструирования адресата и адресанта показывают, что особенностью исследуемого жанра являются сложный адресат и сложный адресант. Комплексный характер адресата обуславливается двумекторной адресацией петиций, которые обращены, во-первых, ко всем пользователям петиционной платформы (с целью достижения солидаризации, формирования общественного мнения и привлечения подписантов для «легитимизации» петиции), во-вторых, к субъекту власти как целевому адресату (воздействие с целью убеждения в необходимости конкретного действия / решения); при этом адресант ожидает определенных действий, как от целевого, так и от массового адресата [11]. Акцентирование или равномерное сочетание одного из вышеназванных двух векторов и сопряженной с ним установки обуславливает характер используемых аргументов (преобладание доводов к логосу / к пафосу и этосу) и выбор стилистических средств, отражающих доминирование признаков публицистических или деловых текстов.

Массовый адресат – потенциальные подписанты – в тексте петиции получает экспликацию (в отличие от проанализированных ранее немецкоязычных петиций не отличается широким спектром экспликаций [11]): 1) в обозначениях в третьем лице или безличных конструкциях недовольных ситуацией / выигрывающих от нового решения (наиболее частотная экспликация): *Не ... не чиновники, ... не взяточники несут ответственность за низкий уровень жизни, а оказываются сами бедные люди* [13]; *Из-за перекрытий движения ежедневно*

тысячи автомобилистов вынуждены стоять в ... пробках [10]; их не волнуют интересы народа, который их избрал; Если простому человеку ... светит уголовное преследование, то депутатам - нет [7]; 2) в апелляции к индивидуальному опыту массового адресата: Например, если у вас квартира и ещё 1/3 другой квартиры Это неправильно, так быть не должно; Например, если вы учитель и получаете нищенскую зарплату 14 000 рублей ..., то вы сами виноваты; Теперь если у вас зарплата незначительно превышает прожиточный минимум ..., то такой гражданин считается уже достаточно богатым [13]; 3) в обращениях, риторических вопросах (немногочисленные): Вы ничего не поняли? Так и было задумано... [13].

Конкретный целевой адресат петиции – субъект власти определенного уровня (федеральный, региональный, муниципальный) получает экспликацию: 1) в шапке петиции (*Инициатива № 34МЗ7179. Уровень инициативы: Муниципальный*); 2) при формулировке требования в разделе петиции «Решение» (не часто): *Необходимо на уровне федерального законодательства лишить депутатов всех уровней ... возможности поднимать себе зарплаты [7]; 3) в критических оценках действия адресата – субъекта власти: Наглядным примером является то, что депутаты, пользуясь служебным положением, принимают законы в свою пользу ... [7]. По сравнению с исследованными ранее немецкоязычными петициями [11] персонификация как прием формирования образа целевого адресата для анализируемых русскоязычных онлайн-петиций представляет собой периферийное явление (например: *Каждый год наше правительство объявляет о повышении пенсионного возраста; Каждый год наше правительство добавляет новые налоги; Все чаще наше правительство берет в свой штат своих друзей, родственников ... [5]*). Превалирующим целевым субъектом на анализируемой платформе выступают субъекты власти федерального уровня (99,7% инициатив), наименьшее количество петиций адресована субъектам регионального уровня (0,1%). Данный факт указывает на низкие ожидания, связываемые гражданами с региональной и муниципальной властью, а также на определенный статус поводов инициатив (значимый для всей страны).*

Сложная категория адресанта в описываемом материале получает множественную экспликацию: 1) персональный образ индивидуального адресанта / инициатора петиции формируется посредством представления им свой позиции; маркеры – личное местоимение «я», глаголы в 1 лице единственного числа, соответствующие притяжательные местоимения; например: *Возникает вопрос, а заслуживают ли наши депутаты такой уровень жизни ...? Мне кажется нет ... Считаю необходимым понизить уровень заработной платы депутатов* [5] (развернутое самопредставление, индивидуальная подпись не являются релевантными для анализируемых петиций, в отличие от рассмотренного ранее немецкоязычного материала [11]); 2) «Я-социальное» индивидуального адресанта эксплицируется а) в рамках идентификации автора и массового адресата; маркеры – личное местоимение «мы», соответствующие формы глаголов и притяжательные местоимения (например: *Вот и лишили нас такого права* [13]; б) безличных / неопределенно-личных конструкциях с семантикой оценочности, долженствования, желательности (*Было отправлено много жалоб во все инстанции но лодка и ныне там* [9]); в) в общественно значимых поводах обращения; г) в ссылках на другие инициативы автора на платформе (как правило, адресант – автор одной петиции на платформе); 3) коллективный адресант / со-адресанты (пользователи платформы, проголосовавшие за петицию) получает отражение в указаниях на количество подписантов (т.е. голосов «за»); как уже отмечалось выше, в отличие от немецкоязычных онлайн-петиций [11], на РОИ не представлены комментарии пользователей, имена и статистика подписантов.

Исследуемые онлайн-петиции отражают механизмы формирования интернет-солидарности, специфика которых получает следующую объективацию: 1) использование адресантом «мы-концепции», проявляющееся в приеме идентификации с массовым адресатом, собирательных обозначениях адресата, апелляции к индивидуальному опыту последнего; 2) виртуальные способы выражения поддержки (голоса «за»; в отличие от немецкоязычных петиций обмен выражениями и продуктами солидарности не носит выраженный публичный

характер); 3) равностатусность, одинаковая «значимость» голоса участников; 4) открытость группы (большое количество участников и постоянная динамика состава); 5) «незначимость» территориальных границ, локально не ограниченная тематизация и свобода участия (релевантны только технологические ограничения); 6) относительная прозрачность процедуры (данные о количестве голос «за» и «против»); 7) тенденция к интенсификации информационного обмена (размещение гиперссылок). Угасание онлайн-солидарности происходит с окончанием «жизненного цикла» онлайн-петиции.

Среди используемых инициатором петиции стратегий доминирует стратегия аргументирования – 73,5% (тактики фактической – 31,61%, логической – 7,27%, психологической аргументации – 61,12%; данный факт указывает на преобладание в коммуникативном поведении инициатора петиции установки на привлечение сторонников, а не на убеждение власти); далее следуют стратеги самопрезентации – 9,35% (тактика идентификации с массовым адресатом – 55,23%; тактика предъявления субъективной позиции – 17,14%; тактика демонстрации осведомленности / компетентности – 27,63%; при этом, как отмечалось выше, как правило отсутствует ссылка на достоверные источники информации) и фатическая стратегия – 17,15% (тактика апелляции к индивидуальному опыту адресата – 33,71%; тактика критики / обвинения целевого адресата как инструмент консолидации – 66,29%).

3. Петиционная платформа РОИ: предметная системно-коммуникативная характеристика протестной практики

Анализ количественных характеристик (см. Диаграмма 1) указывает на наибольший интерес граждан, в частности, активных пользователей платформы (инициирующих петиции) и концентрацию волнующих их тем (высокий «индекс проблемности») в следующих сферах: экономика и финансы – 8,61%, государственное управление – 8,06%, транспорт и дороги – 8,06%, безопасность – 8,25%, потребители и сервис – 7,64%, чиновники и гос. услуги – 7,04%.

Наименьшим интересом граждан характеризуются сферы: избирательное право – 1,68%, труд и занятость – 2,47%, ЖКХ – 3,13%, уголовный кодекс – 3,61%, жилые дома и дворы – 3,73%, инфраструктура города – 3,73%. Петиции, набравшие наибольшее количество голосов (что указывает на широкую заинтересованность пользователей платформы) относятся к темам: здравоохранение, потребители и сервис, безопасность, экономика и финансы, природные ресурсы и экология, чиновники и гос. услуги, население и миграция.

Диаграмма 1.

Выполненный анализ позволил выявить следующие закономерности дискурсивного конструирования проблемы. В онлайн-петициях проактивно формируется проблема; в своих самоописаниях протестная практика представляется как реактивная, решающая сконструированную проблему. Стратегия перевода тематизируемой ситуации в статус «проблема» реализуется тактиками, вводящими основание, на котором выстраивается интерпретация

ситуации как проблемы, угрозы / нарушения норм / правил и пр.: а) положительная оценка предлагаемых изменений / решения – 30,05% (см. раздел петиции «Практический результат»); б) отрицательная оценка современного состояния – 31,42%; в) указание на негативные последствия имеющей место ситуации – 21,2%; г) обвинение оппонента – субъекта власти (как аргумент отрицательного квалифицирования) – 17,33%. Обеспечение желаемого воздействия, его «интенсивизация» сопряжены с актуализацией тактик, реализующих стратегию подкрепленного / неподкрепленного предъявления оценки: а) предъявление оценки как разделяемой многими (46,92%); б) как субъективной, индивидуальной оценки (27,91%); в) как разделяемой авторитетом (8,44%); г) как моральной аксиомы (16,73%). Таким образом, коммуникативное поведение адресанта определяется его установкой на привлечение максимального количества сторонников, поддержкой которых он стремится заручиться.

Заключение

Релевантным конститутивным признаком русскоязычных онлайн-петиций является их интегративная природа, объективирующаяся в их полифункциональности, дискурсивной и жанровой гибридности. Онлайн-петиции характеризуются комплексными адресатом и адресантом. Имеющий место стилистический синкретизм обусловливается сочетанием разных векторов адресации и противоположных установок (на привлечение максимально широкого круга сторонников / на эффективное убеждение субъекта власти). Наиболее частотный целевой адресат петиций на изучаемой платформе – субъекты власти федерального уровня, что отражает связываемые с разными уровнями власти ожидания граждан и общественную значимость понимаемых проблем. Массовый адресат получает экспликацию в тексте петиции в прямых обозначениях, обращениях, риторических вопросах, безличных конструкциях, апелляциях к индивидуальному опыту потенциальных подписантов; субъект власти как целевой адресат – в шапке петиции, в разделе петиции «Решение» при предъявлении требования, в критических оценках его действию (основная часть петиции, реже раздел «Практический результат»). В коммуникативном поведении инициатора петиции значимая

роль отводится аргументированию, которое характеризуется доминированием психологических аргументов, что указывает на предпочтение автором широкой адресации, ресурсно-мобилизационной установки; фактологическая аргументация, как правило, не снабжается ссылками на достоверные источники информации. Самопрезентация реализуется адресантом, преимущественно, посредством приемов идентификации с массовым адресатом. Фатический аспект не отличается широким спектром используемых тактик. Исследуемые онлайн-петиции отражают специфику формирования интернет-солидарности. Анализ особенностей дискурсивного проактивного конструирования ситуаций как проблемы указывает на высокую концентрацию проблемных ситуаций в сферах (и, соответственно, активный интерес к ним): «экономика и финансы», «государственное управление», «транспорт и дороги», «безопасность», «потребители и сервис», «чиновники и гос. услуги»; на широкий спектр используемых адресантом тактик, задающих основание соответствующей интерпретации: положительная оценка предлагаемых изменений, отрицательная оценка современного состояния, его последствий, обвинение субъекта власти; на преимущественное подкрепленное предъявление оценок как разделяемых многими.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00193 [The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00193].

Список литературы

1. Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю. Системно-коммуникативное исследование радикальных движений, или как возможна научная теория протеста // Философский журнал. 2018. № 11 (2). С. 91-105. DOI: 10.21146/2072-0726-2018-11-2-91-105.
2. Время на 1 час вперед – Перевести в Волгограде и Волгоградской области время на 1 час вперед относительно Московского времени. URL: <https://www.roi.ru/30618/> (дата обращения 20.04.2020)
3. Двойное гражданство – Запретить иметь двойное гражданство чиновникам всех ветвей власти любого ранга и членам их семей. URL: <https://www.roi.ru/23230/> (дата обращения 20.04.2020).

4. Единая карта – Создать единую электронную медицинскую карту пациента. URL: <https://www.roi.ru/22620/> (дата обращения 20.02.2020)
5. Зарплата депутатов – Понизить зарплату депутатам. URL: <https://www.roi.ru/44375/> (дата обращения 20.04.2020).
6. Казимирчик Л.В. Феномен медиатизации публичной политики: теоретико-методологический аспект // *Политические науки. Теория и практика общественного развития*. 2014. 11. С. 99-103.
7. Лишить возможности – Лишить депутатов возможности поднимать себе зарплаты. URL: <https://www.roi.ru/37166/> (дата обращения 20.04.2020)
8. Отменить доплаты – Отменить ежемесячные доплаты к пенсии депутатам Госдумы и сенаторам. URL: <https://www.roi.ru/37115/> (дата обращения 20.04.2020).
9. Пассажирские перевозки – Об общественно значимых пассажирских перевозках. URL: <https://www.roi.ru/55130/> (дата обращения 20.04.2020).
10. Перекрытие движения – Запретить перекрытие движения по автодорогам для проезда автотранспорта федеральных и региональных чиновников. URL: <https://www.roi.ru/10563/> (дата обращения 20.04.2020).
11. Ребрина Л.Н., Шамне Н.Л. Системно-коммуникативные измерения современного протеста (на материале немецкоязычных онлайн-петиций) // *Научный диалог*. 2020. № 3. С. 151-167. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-151-167.
12. Шиес – Запретить строительство полигона отходов на ж/д станции Шиес/ URL: <https://www.roi.ru/47702/> (дата обращения 20.04.2020)
13. 253-п – Отменить Постановление Администрации Волгоградской области от 23 мая 2016 года № 253-п. URL: <https://www.roi.ru/41470/> (дата обращения 20.04.2020).
14. Berg J. Political Participation in the Form of Online Petitions: A Comparison of Formal and Informal Petitioning // *International journal of e-politics*. 2017. 8 (1). pp. 14-29.
15. Jungherr A., Jürgens P. E-Petitionen in Deutschland: Zwischen niedrigschwelligem Partizipationsangebot und quasi-plebiszitärer Nutzung // *Zeitschrift für Parlamentsfragen*. 2011. 1. S. 521-534.

16. Luna-Reyes L.F. Opportunities and challenges for digital governance in a world of digital participation // *Information polity*. 2017. Vol. 22, no 2-3. pp. 197-205.
17. Oniszczyk Z. Mediatisation of Politics and Politicisation of the Media. Two Dimensions of the Relationship // *Studiów Medioznawczych*. 2011, no 4 (47). pp. 1-15.

References

1. Barash R.E., Antonovskiy A.Yu. Sistemno-kommunikativnoye issledovaniye radikalnykh dvizheniy, ili kak vozmozhna nauchnaya teoriya protesta [System-communicative research of social movements]. *Filosofskiy zhurnal*, 2018, no 11 (2). pp. 91-105. DOI: 10.21146/2072-0726-2018-11-2-91-105.
2. *Vremya na 1 chas vpered – Perevesti v Volgograd i Volgogradskoy oblasti vremya na 1 chas vperyod otnositel'no Moskovskogo vremeni* [To transfer time in Volgograd and the Volgograd Region 1 hour ahead of Moscow time]. URL: <https://www.roi.ru/30618/>
3. *Dvoynoe grazhdanstvo – Zapretit` imet` dvoynoe grazhdanstvo chinnovnikam vsekh vetvej vlasti lyubogo ranga i chlenam ix semej* [Prohibit dual citizenship for officials of all branches of government of any rank and their families]. URL: <https://www.roi.ru/23230/>
4. *Edinaya karta – Sozdat` edinuyu e`lektronnyuyu medicinskuyu kartu pacienta* [Create a unified electronic patient medical record]. URL: <https://www.roi.ru/22620/>
5. *Zarplata deputatov – Ponizit` zarplatu deputatam* [Lower salaries for deputies]. URL: <https://www.roi.ru/44375/>
6. Kazimirchik L.V. Fenomen mediatizatsii publichnoy politiki: teoretiko-metodologicheskii aspekt [The phenomenon of mediation of public policy: theoretical and methodological aspect]. *Politicheskiye nauki. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2014, no 11. pp. 99-103.
7. *Lishit` vozmozhnosti – Lishit` deputatov vozmozhnosti podnimat` sebe zarplaty* [Deprive deputies of the opportunity to raise their salaries]. URL: <https://www.roi.ru/37166/>
8. *Otmenit` doplaty` – Otmenit` ezhesyachny`e doplaty` k pensii deputatam Gosdumy` i senatoram* [Cancel monthly pension supplements to State Duma deputies and senators]. URL: <https://www.roi.ru/37115/>

9. *Passazhirskie perezovzki – Ob obshhestvenno znachimy`x passazhirskix perezovzkax* [On socially significant passenger traffic]. URL: <https://www.roi.ru/55130/>
10. *Perekry`tie dvizheniya – Zapretit` perekry`tie dvizheniya po avtodorogam dlya proezda avtotransporta federal`ny`x i regional`ny`x chinovnikov* [To prohibit the blocking of motorway traffic for federal and regional officials]. URL: <https://www.roi.ru/10563/>
11. Rebrina L.N., Shamne N.L. Sistemno-kommunikativny`e izmereniya sovremennogo protesta (na materiale nemeckoyazy`chny`x onlajn-peticij) [Systemic-communicative dimensions of modern protest (based on German-language online petitions)]. *Nauchnyi dialog*, 2020, no 3. pp. 151-167. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-151-167.
12. *Shies – Zapretit` stroitel`stvo poligona otxodov na zh/d stancii Shies* [Prohibit the construction of a waste landfill at the Shies railway station]. URL: <https://www.roi.ru/47702/>
13. *253-p – Otmenit` Postanovlenie Administracii Volgogradskoj oblasti ot 23 maya 2016 goda № 253-p* [To cancel the resolution of the administration of the Volgograd Region of May 23, 2016, no. 253-p]. URL: <https://www.roi.ru/41470/>
14. Berg J. Political Participation in the Form of Online Petitions: A Comparison of Formal and Informal Petitioning. *International journal of e-politics*, 2017, no 8 (1). pp. 14-29.
15. Jungherr A., Jürgens P. E-Petitionen in Deutschland: Zwischen niedrigschwelligem Partizipationsangebot und quasi-plebiszitärer Nutzung. *Zeitschrift für Parlamentsfragen*, 2011, no 1. S. 521-534.
16. Luna-Reyes L.F. Opportunities and challenges for digital governance in a world of digital participation. *Information polity*. 2017. V. 22, no 2-3. pp. 197-205.
17. Oniszczuk Z. Mediatisation of Politics and Politicisation of the Media. Two Dimensions of the Relationship. *Studiów Medioznawczych*. 2011, no 4 (47). pp. 1-15.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Ребрина Лариса Николаевна, ведущий научный сотрудник, профессор кафедры германской и романской филологии, доктор филологических наук

*Волгоградский государственный университет
пр. Университетский, 100, г. Волгоград, Волгоградская об-
ласть, 400062, Российская Федерация
Reblora@mail.ru*

Терентьева Елена Витальевна, профессор кафедры русской фи-
лологии и журналистики, доктор филологических наук
*Волгоградский государственный университет
пр. Университетский, 100, г. Волгоград, Волгоградская об-
ласть, 400062, Российская Федерация
ev_terenteva@volsu.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Rebrina Larisa Nikolayevna, leading scientific worker, professor, De-
partment of German and Roman Philology, Doctor of Philology
*Volgograd State University
100, Universitetskiy Prospekt, Volgograd, 400062, Russian Fe-
deration
LNrebrina@volsu.ru
ORCID: 0000-0003-0512-980X
SPIN-code: 3971-1615
ResearcherID: G-6420-2015
Scopus Author ID: 56241972800*

Terent'eva Elena Vital'evna, professor, Department of Russian Philol-
ogy and Journalism, Doctor of Philology
*Volgograd State University
100, Universitetskiy Prospekt, Volgograd, 400062, Russian Fe-
deration
ev_terenteva@volsu.ru
ORCID: 0000-0003-3589-4879
SPIN-code: 7165-4557
ResearcherID: A-6189-2017
Scopus Author ID: 57191753705*

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-4-265-273

УДК 812

ДЕРИВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА)

Саввинова С.Н.

Цель данной работы – выявить деривационный потенциал имен существительных и отдельных элементов словообразовательной системы в эвенском языке.

Метод или методология проведения работы. При исследовании использованы описательно-методологический метод и перспективный словообразовательный анализ.

Результат исследования при рассмотрении деривационных возможностей отдельных элементов словообразовательной системы (словообразовательное средство, словообразовательный способ) и типов эвенского языка выявлен деривационный потенциал исследуемого языка, в частности, имени существительного. Словообразовательное средство и способ словообразования связаны с деривационным потенциалом слова, т.е. со способностью слова к порождению производных, новых лексем. С этой позиции исследованы количество производных слов, возникших от производящего, и их качественные характеристики, что позволило сделать вывод о том, что имена существительные в эвенском языке обладают наибольшим словообразовательным потенциалом после глагола.

Область применения результатов. Результаты работы могут быть использованы при составлении словообразовательного словаря эвенского языка, при изучении и преподавании эвенского языка.

Ключевые слов: словообразование; деривация; потенциал; эвенский язык; имя существительное; словообразовательное средство; словообразовательный способ; лексема.

DERIVATIONAL POTENTIAL OF NOUNS (ON THE MATERIAL OF THE EVEN LANGUAGE)

Savvinova S.N.

Purpose. *The purpose of this work is to identify the derivational potential of nouns and individual elements of the word-formation system in the Even language.*

Methodology. *The research uses the descriptive-methodological method and perspective word-formation analysis.*

Results. *When considering the derivational capabilities of individual elements of the word-forming system (word-forming means, word-forming method) and types of the Even language, it is the derivational potential of the language under study that is revealed, the noun, in particular. The word-forming means and method of word formation are connected with the derivational potential of the word, that is, with the ability of the word to generate derivatives, new lexemes. From this position, the number of derived words that arose from the producer and their qualitative characteristics were studied, which led to the conclusion that nouns in the Even language have the greatest word-forming potential after the verb.*

Practical implications. *The results of the work can be used in the compilation of a word-formation dictionary of the Even language, in studying and teaching the Even language.*

Keywords: *word formation; derivation; potential; Even language; noun; word-forming means; word-forming method; lexeme.*

В эвенском языке проблемы деривационного потенциала в словообразовании частично являлись объектом исследования, и вместе с тем положение разработанности вопросов данной категории свидетельствуют об неисчерпанности данной проблемы. Таким образом, актуальность данной работы вытекает из необходимости обобщения обширного лингвистического материала по словообразованию в эвенском языке. Рассмотрение деривационного потенци-

ала способа, средств и возможностей словообразования имен существительных в эвенском языке определяет новизну исследования.

Проблемы дериватологии были предметом исследования в лингвистике не только отечественной, но и зарубежной [12; 13; 14; 15]. Данной теме были посвящены работы Е.А. Земской [2], Т.Х. Каде [3], Я.В. Свечкаревой [9], Н.Н. Тихонова [10] и др. Они внесли вклад в описание проблем дериватологии.

В тунгусо-маньчжуроведении исследование словообразовательных процессов традиционно связано с изучением аффиксального способа словообразования, которое сформировало направление, занимающееся выявлением словообразовательных средств, их описанием, изучением их значений и возможных сфер употребления. На основе изучения аффиксального способа словообразования сформировалось направление, которое связано с описанием словообразовательных средств, фиксацией их значений, изучением сферы употребления (В.И. Цинциус [11], В.А. Роббеком [6; 7] и др). Сопоставительно-сравнительное исследование разрабатывалось Б.В. Болдыревым [1] и др.). Собственно проблемы деривационного потенциала эвенского словообразования рассматривались в научных статьях Р.П. Кузьминой [4], Е.В. Нестеровой [5], И.И. Садовниковой [8], но специальных работ, посвященных деривационному потенциалу в словообразовании эвенского языка, нет, что определяет актуальность темы.

Каковы деривационные возможности отдельного элемента словообразовательной системы эвенского языка? Рассмотрим в этом аспекте деривационный потенциал способа словообразования. Известно, что эвенский язык относится к агглютинативному типу языков, в нем доминирует аффиксальный способ словообразования. «В эвенском языке имеется достаточно большое количество ярко выраженных словообразовательных суффиксов, образующих производные основы имен существительных, имен прилагательных, числительных от различных именных, глагольных и наречных основ» [11, с. 54]. Ниже рассмотрим имена существительные.

Отыменные существительные в эвенском языке образуются при помощи суффиксов, которые наделяют именную основу тремя ос-

новными значениями: имя лица, имя предмета-вещи, имя собира-
тельное. Самой продуктивной являются суффиксы категории имя
предмета, в нем участвуют 9 суффиксов:

- рук инмэ (игла)→инмэ/рук «игольница»;
- сак/-сэк дюгани (лето) →дюга/сак «летняя одежда»;
- ми кивэ (береста) →кивэ/ми «изделие из бересты»;
- нат/- нэт ой (одежда) →ой/нат «материал для одежды»;
- с мунрукан (заяц) →мунрука/с «заячья шкура»;
- пан/пэн билгэ (шея) →билга/пан «ошейник»;
- тан/тэн тинэн (грудь, грудная клетка) →тинэн/тэн «подпруга» и др.

Приведенные примеры ярко демонстрируют деривационный потенциал способа словообразования (суффиксального), который в эвенском языке очень активен, исходя из того, что язык относится к агглютинативному типу.

Деривационный потенциал словообразовательного средства в лингвистике рассматривается на фоне исследования словообразова-
тельных типов языка, так как они выступают как основная единица
классификации производных слов, которые относятся к одной части
речи, имеют одинаковые свойства.

В эвенском языке отсубстантивные имена существительные, так
как образованные от одной части речи одним и тем же способом и
имеют одно и то же значение, относятся к одному и тому же слово-
образовательному типу, так как суффиксы несут одно и то же зна-
чение. Например, имена существительные *хэлэрук*, *инмэрук*, *морук*
образованы от имен существительных соответственно *хэл*, *инмэ*, *мо*
и имеют одно значение «вместилища данных предметов» и образо-
ваны при помощи суффикса *-рук*:

- хэл (железо)→ хэлэ/рук «сумка для хранения железных предметов»;
- инмэ (игла) → инмэ/рук «игольник»;
- мо (вода) →мо/рук «ведро» и т.д.

в эвенском языке также суффиксом *-рук* оформляются названия
оленей, которых используют при кочевках:

- Бэбэ (люлька) → бэбэ/рук «олень, везущий детей в люльке»;
- Чора (жердь юрты) → чора/рук «олень, везущий жерди юрты» и т.д.

В вышеприведенных словообразовательных конструкциях характерен нетранспозиционный тип отношений между производящим словом и дериватом, т.е. отнесенность к одной части речи. Производящие относятся к общеупотребительной лексике эвенского языка и являются словами, которые обозначают деятельность человека в сфере важной для данного этноса и, следовательно, словообразовательный тип имеет высокую продуктивность. Рассмотренные деривационные возможности отдельных элементов словообразовательной системы (словообразовательное средство, словообразовательный способ) эвенского языка показали высокий деривационный потенциал исследуемого языка. Данные элементы связаны с деривационным потенциалом слова, т.е. со способностью слова к порождению производных, новых лексем.

Деривационный потенциал может выявляться также в такой словообразовательной категории как в словообразовательное гнездо:

АГДЫ 1) гром; 2) гроза

АГДЫ/КАГ тучи грозовые

АГДЫ/Л/ДАЙ греметь

АГДЫ/ЛКАН громовой, грозовой

АГДЫ/РИ/ДАЙ греметь, грохотать (о грозе)

АГДЫ/РИ/Л/ДАЙ загреметь (о громе)

АГДЫ/РИ/САН/ДАЙ прогреметь, прогрохотать, прогромыхать, грянуть (о громе)

СГ в парадигматическом плане имеет 2 парадигмы. Первая парадигма имеет 6 дериватов:

АГДЫ АГДЫ/КАГ тучи грозовые

АГДЫ/Л/ДАЙ греметь

АГДЫ/ЛКАН громовой, грозовой

АГДЫ/РИ/ДАЙ греметь, грохотать (о грозе)

Дериваты в первой парадигме выражены именем существительным, одним прилагательным и двумя глаголами и образованы суффиксальным способом словообразования.

Вторая парадигма представлена двумя дериватами с вершиной *агдыридай* – *греметь, грохотать (о грозе)* [8]:

АГДЫ/РИ/ДАЙ греметь, грохотать (о грозе)

АГДЫ/РИ/Л/ДАЙ загреметь (о громе)

АГДЫ/РИ/САН/ДАЙ прогреметь, прогрохотать, прогро-
мышать, грянуть (о громе)

Дериваты второй парадигмы выражены глаголом и образованы суффиксальным способом.

Как видим, словообразовательное гнездо с вершиной агды «гроза» имеет две парадигмы, которые находятся на первой и второй ступенях деривации.

Таким образом, деривационный потенциал имен существительных в эвенском языке определяется высоким количественным составом производных в исследуемых категориях (словообразовательной парадигме, словообразовательном гнезде и словообразовательном типе) при условии, что производящие лексемы относятся к общеупотребительной лексике эвенского языка и являются словами, которые обозначают деятельность человека в традиционной для данного этноса сфере.

Список литературы

1. Болдырев Б.В. Словообразование имен существительных в тунгусо-маньчжурских языках в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск: Наука, 1987. 208 с.
2. Земская Е.А. Словообразование // Современный русский язык. М., 1999. С. 286–442.
3. Каде Т.Х. Словообразовательный потенциал суффиксальных типов существительных. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 1993. 166 с.
4. Кузьмина Р.П. Особенности словообразования эвенского языка (на материале ламунхинского говора эвенского языка) // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2011, №8. С. 139–143.
5. Нестерова Е.В. Основные словообразовательные модели абстрактных имен в эвенском языке // Современные исследования социальных проблем. Красноярск: Научно-инновационный центр. Том 11, № 4, 2019. С. 201–210.

6. Роббек В.А. Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте. Новосибирск: Наука, 2007. 726 с.
7. Роббек В.А., Роббек М.Е. Эвенско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2005. 353 с.
8. Садовникова И.И. Лексико-семантическое словообразование как способ обогащения эвенского языка. // Актуальные вопросы современного языкознания. Новосибирск, 2012. С. 15–25.
9. Свечкарева Я.В. О деривационном потенциале слова как языковой категории // Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной научной информации. Томск, 2006. № 111. С. 15–17.
10. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х т. М.: Русский язык, 1985.
11. Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л.: Учпедгиз, 1947. Ч. 1. 269 с.
12. Arnold I.V. The English Word. M.: BILL, 1986. 296 p.
13. Bloomfield L. Language. N.Y.: Holt and Co, 1965. 564 p.
14. Dokulil M. Tvoreni slov v cestine. T. 1. Praha: Akademia, 1962. 263 p.
15. Wellmann H. Deutsche Wortbildung, Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache. Zweiter Hauptteil: Das Substantiv. Schwann, Diisseldorf, 1975. 375 S.

References

1. Boldyrev B.V. *Slovoobrazovanie imen sushchestvitel'nykh v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii* [The Word-formation of nouns in the Tungus-Manchul Languages in the comparative historical perspective]. Novosibirsk: Nauka, 1987. 208 p.
2. Zemskaia E.A. Slovoobrazovanie [Word formation]. *Sovremennyi russki yazyk* [Modern Russian language]. M., 1999, pp. 286–442.
3. Kade T.X. *Slovoobrazovatelnyi potentsial suffiksalnykh tipov suschestvitelnikh* [Word-formation potential of suffixal noun types]. Maikop: Adig. resp. kn. izd-vo, 1993. 166 p.
4. Kuz'mina R.P. *Osobennosti slovoobrazovaniya evenskogo yazyka (na material lamunkhinskogo govora evenskogo yazyka)* [Features of for-

- mation of the EvenLanguage (on the material of Lamunkhin dialect of the Even language)]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye i sotsial'nye nauki"*. 2011, no 8, pp. 139–143.
5. Nesterova E.V. *Osnovnie slovoobrazovatelnye modeli abstraktnikh imen v evenskom yazyke* [Basic word-formation models of abstract names in the even language]. *Sovremennye issledovaniya sozialnykh problem*. Krasnoiar'sk: Nauchno-innovazionnyi zentr. V. 11, no 4, 2019, pp. 201–210.
 6. Robbek V.A. *Grammaticheskie kategorii evenskogo glagola v funktsional'no-semanticheskoy aspekto* [Grammatical Categories of the Verb of the Even Language in the Functional-semantic Aspect]. Novosibirsk: Nauka, 2007. 726 p.
 7. Robbek V.A., Robbek M.E. *Evensko-russkiy slovar'* [Even-Russian Dictionary]. Novosibirsk: Nauka, 2005. 353 p.
 8. Sadovnikova I.I. *Leksiko-semanticheskoye slovoobrazovanie kak sposoby obogashcheniya evenskogo yazyka* [Lexical and semantic word-formation as a way of enriching the Even language]. *Aktual'nye voprosy sovremennogo yazykoznanija* [Topical issues of modern linguistics]. Novosibirsk, 2012, pp. 15–25.
 9. Svechkareva Y.V. *O derivazionnom potentsiale slova kak yazykovoy kategorii* [On the derivative potential of the word as a linguistic category] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Bulletin operativnoy informatsii*. Tomsk, 2006, no 111, pp. 15–17.
 10. Tikhonov A.N. *Slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka* [Word-formation dictionary of the Russian language]: v 2-kh t. M.: Russkiyyazyk, 1985.
 11. Tsintsius V.I. *Ocherk grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka* [Essay on the Even (Lamut) language grammar]. L.: Uchpedgiz, 1947. Ch. 1. 269 p.
 12. Arnold I.V. *The English Word*. M.: BILL, 1986. 296 p.
 13. Bloomfield L. *Language*. N.Y.: Holt and Co, 1965. 564 p.
 14. Dokulil M. *Tvoreni slov v cestine*. T. 1. Praha: Akademia, 1962. 263 p.
 15. Wellmann H. *Deutsche Wortbildung, Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache*. Zweiter Hauptteil: Das Substantiv. Schwann, Diisseldorf, 1975. 375 S.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Саввинова Степанида Николаевна, научный сотрудник, кандидат филологических наук
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, г. Якутск, 677027, Российская Федерация
stepanidasavvinova@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Stepanida Nikolaevna Savvinova, PhD in Philology
The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the Problems of the North Russian Academy of Sciences Siberian Branch
1, Petrovsky Str., Yakutsk, 677027, Russian Federation
stepanidasavvinova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9026-1196

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-4-274-283

УДК 812

ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ НАЗВАНИЙ ПРОФЕССИЙ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Саввинова С.Н., Садовникова И.И.

Цель данной работы выявить особенности словообразования наименований профессий в эвенском языке.

Метод или методология проведения работы. При исследовании использованы описательный метод (при работе с лексическим материалом), проявляющийся в объяснении их структуры и семантической характеристики языковых единиц, и перспективный словообразовательный анализ.

Результат исследования. Эвенский язык, как известно, является одним из исчезающих языков, как и другие языки, находится в постоянном изменении, развитии и динамике. Одним из главных факторов является обогащение словаря при помощи образования новых слов на материале собственных языковых единиц. Исследование словообразовательного аспекта эвенской лексики дает возможность более тщательного изучения ее семантики, т.к. каждая морфема несет на себе определенную смысловую нагрузку, формируя тем самым семантику всего слова. В ходе исследования рассмотрим ряд суффиксов, участвующих в словообразовании данной лексики. При проведении словообразовательного анализа эвенских слов, называющих лиц по профессии, выявляется ряд важных особенностей, присущих вышеуказанным лексемам.

В основе настоящей работы лежат материалы словарей эвенского языка, извлечения из этнографических очерков и материалы научных экспедиций авторов.

Область применения результатов. Результаты работы могут быть использованы при составлении словообразовательного словаря эвенского языка, при изучении и преподавании эвенского языка.

Ключевые слова: эвенский язык; словообразование; суффиксация; лексика; профессия; лексико-семантическая группа; сложное слово; деривация.

PECULIARITIES OF WORD-FORMATION OF PROFESSION NAMES IN THE EVEN LANGUAGE

Savvinova S.N., Sadovnikova I.I.

Purpose. *The purpose of this work is to identify the peculiarities of the word formation of the names of professions in the Even language*

Methodology. *The study uses the descriptive method (when working with lexical material) manifested in the explanation of their structure and semantic characteristic of language units, and perspective word-formation analysis.*

Results. *The Even language is known to be one of the endangered languages, like other languages, is in constant change, development and dynamics. One of the main factors is the enrichment of the dictionary by the formation of new words on the material of its own language units. The study of the word-forming aspect of the Even vocabulary provides an opportunity for a more thorough study of its semantics, as each morpheme carries a certain meaning load, thus forming the semantics of the whole word. In the course of the study, certain suffixes are considered that are involved in the word formation of this vocabulary. A number of important features of Even words that denote persons by profession are revealed during the word-formation analysis.*

Practical implications. *The results of the work can be used in the drafting of the word dictionary of the Even language, in the study and teaching of the Even language.*

Keywords: *Even language; word formation; suffixation; vocabulary; profession; lexico-semantic group; complex word; derivation.*

Язык, как известно, имеет свойство чутко реагировать на любые изменения в жизни, будь то прогресс или спад в экономике, культу-

ре, социальной сфере. Так некоторые языки продолжают развиваться, пополняя словарный состав, а другие останавливаются в своем развитии и переходят к исчезающим видам языка. Исследование лексико-семантической группы под условным названием «профессия» позволит выявить словообразовательные возможности и тенденции развития данного пласта в эвенском языке. Образование названий профессий в эвенском языке имеет ряд интересных для рассмотрения свойств.

Названия лиц по профессии в лингвистике эвенского языка комплексно не изучалось. Теоретической базой нашего исследования являются труды тунгусоведов В.И. Цинциус [10], В.А. Роббек [7], Б.В. Болдырева [1], а также зарубежных исследователей [11; 12; 13; 14] и других. Так, В.И. Цинциус исследовала образование имен существительных с суффиксами активного действия, среди таких существительных ею были описаны род занятий, профессии и т.д. [10].

По своей морфологической структуре эвенский язык, наряду с прочими языками тунгусо-маньчжурской группы, относится к агглютинативным, в которых словообразование, формообразование и словоизменение производятся путем агглютинации, т.е. присоединением аффиксов к корню. Агглютинация аффиксов является наиболее мощным, продуктивным и, следовательно, наиболее существенным в историческом развитии лексики эвенского языка.

Методом сплошной выборки нами выявлены 87 лексических единиц, отвечающих понятию «наименование профессии» из «Эвенско-русского словаря» [8], который содержит более 14000 слов. Выявленные названия профессий в основном относятся к рабочим специальностям. Большинство этих слов отражают традиционный уклад хозяйствования эвенов. Так, к оленеводству, которое является традиционным видом хозяйствования у эвенов, относятся 12 наименований: *бевдек* “пастух дневной”; *бэвдимнэ* “пастух дневной”; *интунадь* “пастух, пригнавший оленей”; *интунадай* “пригонять оленей к юрте”; *көснэдь* “пастух”; *көсчимнэ* “пастух оленей дневной”; *малтадь* “пастух около дома”; *малтачимнга*, *оралчимнга*, *оралчири* “олeneвод”, *явчимнга* “пастух ночной” и т.д.; рыболовству:

адалчимга “рыбак”; *аирламга* “гарпунщик”; *олрамадь* “рыбак”; *олраматты* “рыбак”; охотничьему промыслу: *гобдядь* “охотник, отправившийся на охоту с собакой”; *өлмимнэ* “охотник на белку”; *бэйчимнэ* “занимающийся промыслом, охотник, рыбак”.

Наименования профессий, которые вошли в лексику эвенского языка в советский период: *агнамга* “точильщик”; *айчимга* “1) спаситель, избавитель; 2) мастер; 3) лекарь”; *арадис* “радист”; *аччалтамга* “ликвидатор, истребитель”; *бодумга* “водитель”; *бэбэмнэ* “нянька”; *бэгдэчимнэ* “врач лекарь”; *бэлэмнэ* “помощник”; *гиклимга* “разведчик”; *гирамга* “закройщик, закройщица”; *гургэчимнэ* “рабочий”; *давамга* “перевозчик, паромщик”; *давукаатты* “перевозчик, паромщик”; *дукумга* “1) секретарь, переписчик; 2) писатель”; *дуручимнэ* “истопник”; *дэвэчимнэ* “красильщик”; *дэгэмнэ* “летчик”; *дюгутэмнэ* “носильщик, грузчик, возчик”; *дюдюор* “работница в чуме при оленьем стаде”; *дюкам*, *дюгэчимнэ* “почтальон”; *икэлэн* “певец”; *иргэтти* “воспитывающий”; *иргэчимнэ* “кормилец, воспитатель, опекун”; *иричимнэ* “повар”; *итумнэ* “судья”; *кэрдэлэн* “мастерица по обработке шкур”; *молимга* “дровосек, лесоруб”; *мөлимнэ* “водовоз”; *нюнүемэр итумнан* “юрист вождя/главы”; *омга* “строитель”; *онялан* “художник”; *очимга* “строитель”; *өлэчилэн* “кулинар”; *өлэчимнэ* “повар”; *тавачимнэ* “кузнец”; *такрамга* “засольщик”; *тангачимнэ* “счетовод”; *титэмнэ* “браковщик”; *тулматты* “переводчик”; *халкадамга* “кузнец, молотобоец”; *харачимнэ* “продавец”; *хевкечимнэ* “сеятель”; *хилгамга* “бурильщик”; *хупкучимнэ* “учитель”; *хусамга* “парикмахер”; *хэрэлэн* “вышивальщица”; *чакамга* “сборщик”; *чилкамга* “мельник”; *эвилэн* “артист, актер”; *эмэрэлтэмнэ* “точильщик”; *энэлимнэ* “разведчик”; *этумнэ* “сторож”; *ягчимнэ* “рулевой”; *яручимнэ* “осмотрщик”.

Основным способом словообразования названий профессий в эвенском языке является суффиксальный. Этот способ словообразования в эвенском языке представляет собой образование новых слов при помощи суффиксов согласно его словообразовательным типам. Положенные в основу данных эвенские наименования профессий известны и понятны носителям языка.

Словообразование отглагольных наименований происходит с помощью суффиксов: *-мңа/-мңэ*, обозначающих деятеля по основному роду занятий, профессии, например:

бэгдэчимңэ “врач”, “лекарь” от *бэгдэттэй* “лечить”;

иричимңэ “повар” от *ириттэй* “готовить”, “варить”, “стряпать”;

тавачимңа “кузнец” от *таваттай* “ковать”;

тулмачимңа “переводчик”, “переводчица”, от *тулматтай* “переводить с одного языка на другой”;

хупкучимңэ “учитель”, от *хупкуттэй* “учить”;

октичимңа “прачка” от *октидай* “выстирать” и т.д.

С суффиксом *-дь* от глагольных основ образуются существительные со значением лица, характеризуемого по действию, которое оно совершает.

олрамадь “рыбак” (тот, кто ушел на рыбалку) от *олрамачиддай* “рыбачить”; сравнительно со словом *олрамачимңа* “рыбак”;

буюдь “охотник” (тот, кто ушел на охоту) от *буюдэй* “охотиться”; сравнительно со словом *буюсэмңэ* “охотник” (по роду занятий) и т.д.

Суффикс *-н* от глагольных основ образует существительные, в которых действие как бы находит свое предметное выражение [10] например:

онялан “художник”, от основы слова *онядай* “рисовать”;

Суффиксом: *-к* оформлены название лиц находящихся в некоторых социальных или иных отношениях, например:

бевдек пастух дневной от *бевдидэй* пасти стеречь стадо днем.

Отглагольные дериваты образуются преимущественно от переходных глаголов. Наиболее регулярными являются форманты *-мңа/-мңэ* (с использованием данного суффикса в эвенских отглагольных наименованиях обнаружено более 32 примеров).

По основным значениям, которые принимают именные основы при помощи тех или иных суффиксов, в группе отыменных существительных могут быть выделены следующие категории: имя лица, имя предмета-вещи и имя собирательное. Таким образом, категории этой группы частично совпадают с категориями отглагольных существительных (имя лица, имя предмета) [10].

Отыменные образования включают в свой состав суффиксы *-мңа/-мңэ*:

оралчимңа “оленовод” от *оран* “олень”;
оларамачимңа “рыбак” “рыболов” от *ола* “рыба”;
мурандамңа “коневод”, “всадник” от *муран* “лошадь”;
өлмимңэ “охотник на белку” от *өлики* “белка”;
ирумңэ “возчик”, “кучер”, от *ирунмай* “возка”, “перевозка”;
итумңэ “судья” от *итун* “закон”;

и т.д.

Суффикс *-н*:

нюңун “глава”, “руководитель”, от *нюңсэгэн* “постановление”, “указание”;

олан “мастерица по обработке шкур”, от *оланни* “мастерство”, “творчество”, “искусство”;

улилан “гребец умелый” от *улиланни* “искусная гребля” и т.д.

Слова, имеющие именные основы, образованы только от имен существительных. Производящих от основ других частей речи в рассматриваемых эвенских лексемах, образованных суффиксальным способом, не обнаружено. Это, вероятно, связано с тем, что при наименовании лиц по профессии важно либо производимое работником действие (отглагольные образования), либо место, орудия действия, названия данных атрибутов профессиональной деятельности, представленные именами существительными.

Выбивается из этого ряда способ словообразования в названии профессии *дюдюр* работница в чуме при оленьем стаде. Слово *дюдюр* образовано от слова *дю* 1) жилище (дом, юрта, чум); 2) нора, логовище, берлога при помощи суффикса дательного падежа безлично-притяжательной формы мн.ч. *-дур (-тур)* и переводится буквально «в своем (многих) доме»[11, с.245]

Выявлено название профессии, образованное путем сложения двух слов: *нюнуемэр итумнан* юрист вождя, главы, где *нюнуемэр* 1) глава, хозяин; 2) руководитель, распорядитель, военачальник, *итумнан* 1. 1) судья; 2) советчик; 3) законник.

Таким образом, в рассматриваемом пласте лексики, называющего лиц по их профессиональной деятельности и способах их сло-

вообразования в эвенском языке, выявлено небольшое количество лексем, которые вошли в эвенский язык в период советской власти, когда эвены перешли на оседлый образ жизни и начали вести коллективное хозяйство. Слова, называющие лиц по их профессии, образованы от исконных слов эвенского языка, поэтому они понятны их носителям. Названия профессий образованы суффиксальным способом, что свойственно агглютинативным языкам.

Список литературы

1. Болдырев Б.В. Словообразование имен существительных в тунгусо-маньчжурских языках в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск: Наука, 1987. 208 с.
2. Земская Е.А. Словообразование // Современный русский язык. М., 1999. С. 286–442.
3. Каде Т.Х. Словообразовательный потенциал суффиксальных типов существительных. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 1993. 166 с.
4. Кузьмина Р.П. Особенности словообразования эвенского языка (на материале ламунхинского говора эвенского языка) // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2011, № 8. С. 139–143.
5. Нестерова Е.В. Основные словообразовательные модели абстрактных имен в эвенском языке // Современные исследования социальных проблем. Красноярск: Научно-инновационный центр. Том 11, № 4, 2019. С. 201–210.
6. Нестерова Е.В. Словообразование отчислительных производных в эвенском языке // Современные исследования социальных проблем. Красноярск: Научно-инновационный центр. Том 11, № 4, 2019. С. 67–76.
7. Роббек В.А. Виды глаголов в эвенском языке. Л.: Наука, 1982. 113 с.
8. Роббек В.А., Роббек М.Е. Эвенско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2005. 353 с.
9. Саввинова С.Н. Структура словообразовательного гнезда с вершиной «гургэ» // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т.10. № 4-1. С. 247–254.

10. Садовникова И.И. Лексико-семантическое словообразование как способ обогащения эвенского языка // Актуальные вопросы современного языкознания. Новосибирск, 2012. С. 15–25.
11. Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л.: Учпедгиз, 1947. Ч. I. 269 с.
12. Arnold I.V. The English Word. M.: BILL, 1986. 296 p.
13. Bloomfield L. Language. N.Y.: Holt and Co, 1965. 564 p.
14. Dokulil M. Tvoreni slov v cestine. T. 1. Praha: Akademia, 1962. 263 p.
15. Wellmann H. Deutsche Wortbildung, Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache. Zweiter Hauptteil: Das Substantiv. Schwann, Düsseldorf, 1975. 375 S.

References

1. Boldyrev B.V. *Slovoobrazovanie imen sushchestvitel'nykh v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii* [The word-formation of nouns in the Tungus-Manchul Languages in the comparative historical perspective]. Novosibirsk: Nauka, 1987. 208 p.
2. Zemskaia E.A. *Slovoobrazovanie*. [Word formation]. *Sovremennyyi russki yazyk* [Modern Russian language]. Moscow, 1999, pp. 286–442.
3. Kade T.H. *Slovoobrazovatelnyi potentsial suffiksallykh tipov suschestvitelnykh* [Word-formation potential of suffixal noun types]. Maikop: Adig. resp. kn. izd-vo, 1993. 166 p.
4. Kuz'mina R.P. Osobennosti slovoobrazovaniya evenskogo yazyka (na material lamunkhinskogo govora evenskogo yazyka) [Features of formation of the Even Language (on the material of Lamunkhin dialect of the Even language)]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye i sotsial'nye nauki"*. 2011, no 8, pp. 139–143.
5. Nesterova E.V. *Osnovnye slovoobrazovatelnye modeli abstraktnykh imen v evenskom yazyke* [Basic word-formation models of abstract names in the even language]. *Sovremennyye issledovaniya sotsialnykh problem*. Krasnoyarsk: Nauchno-innovatsionnyi zentr. V. 11, no 4, 2019, pp. 201–210.
6. Nesterova E.V. *Slovoobrazovanie otcislitelnykh proizvodnykh v evenskom yazyke* [Formation of deductive derivatives in the Even language].

- Sovremennye issledovaniya sozialnykh problem*. Krasnoïarsk: Nauchno-innovazionnyi zentr. V. 11, no 4, 2019, pp. 67–76.
7. Robbek V.A. *Vidy glagola v evenskom yazyke* [Types of verb in the Even language]. Leningrad: Nauka, 1982. 113 p.
 8. Robbek V.A., Robbek M.E. *Evensko-russkiy slovar'* [The Even-Russian Dictionary]. Novosibirsk: Nauka, 2005. 353 p.
 9. Savvinova S.N. *Struktura slovoovrazovatel'nogo gnezda s vershinoi "gyrge"* [Structure of word-forming nest with top of "gurge"]. *Sovremennye issledovaniya sozialnykh problem*. Krasnoïarsk: Nauchno-innovazionnyi zentr. 2018. V.10, no 4-1, pp. 247–254.
 10. Sadovnikova I.I. *Leksiko-semanticheskoe slovoobrazovanie kak sposob obogashcheniya evenskogo yazyka* [Lexical and semantic word-formation as a way of enriching the Even language]. *Aktual'nye voprosy sovremennogo yazykoznanija* [Actual problems of modern linguistics]. Novosibirsk, 2012, pp. 15–25.
 11. Tsintsius V.I. *Ocherk grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka* [Essay on the Even (Lamut) language grammar]. L.: Uchpedgiz, 1947. Ch. 1. 269 p.
 12. Arnold I.V. *The English Word*. Moscow: BILL, 1986. 296 p.
 13. Bloomfield L. *Language*. N.Y.: Holt and Co, 1965. 564 p.
 14. Dokulil M. *Tvoreni slov v cestine*. T. 1. Praha: Akademia, 1962. 263 p.
 15. Wellmann H. *Deutsche Wortbildung, Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache*. Zweiter Hauptteil: Das Substantiv. Schwann, Diisseldorf, 1975. 375 S.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Саввинова Степанида Николаевна, научный сотрудник, кандидат филологических наук
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, г. Якутск, 677027, Российская Федерация
stepanidasavvinova@mail.ru

Садовникова Ия Ивановна, младший научный сотрудник, кандидат филологических наук

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, г. Якутск, 677027, Российская Федерация
stepanidasavvinova@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Savvinova Stepanida Nikolaevna, PhD in Philology

*The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of
the Problems of the North Russian Academy of Sciences Siberian
Branch*

*1, Petrovsky Str., Yakutsk, 677027, Russian Federation
stepanidasavvinova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9026-1196*

Sadovnikova Ija Ivanovna, PhD in Philology

*The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of
the Problems of the North Russian Academy of Sciences Siberian
Branch*

*1, Petrovsky Str., Yakutsk, 677027, Russian Federation
sadovnikova79@mail.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-4-284-300

УДК 811.133.1

РУССКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АНРИ ТРУАЙЯ «ИВАН ГРОЗНЫЙ» И «БОРИС ГОДУНОВ»

Садивова Н.

Цель. Основной целью настоящей статьи является анализ перевода русских исторических реалий в период правления Ивана IV Васильевича и Бориса Годунова на французский язык. Поскольку этот период характеризуется большими структурными и общественно-политическими изменениями в России (оформление централизованного Российского государства, принятие нового Судебника 1550 г. во время деятельности Избранной рады, укрепление армии, завоевание Казанского и Астраханского ханств, начало освоения Сибири и т.п.), то, соответственно, появилось множество новых терминов для их обозначения.

Метод или методология проведения работы. Основным методом исследования является сопоставительный анализ исторических реалий в французских текстах русского эмигранта Анри Труайя («*La Grande Histoire des Tsars*»), которые переведены на русский язык как отдельные произведения «Иван Грозный» (в переводе Е. Сутоцкой) и «Борис Годунов» (в переводе А.Г. Доронина).

Результаты. В результате анализа выявлено, каким образом исторические реалии переводятся с русского на французский язык и наоборот. Приведены собственные варианты перевода и их анализ. Показано, возможно ли вообще переводить так называемую безэквивалентную лексику без потери исходного смысла.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены при переводе исторических произведений, а также в процессе обучения различным переводческим приемам.

Ключевые слова: русские исторические реалии; безэквивалентная лексика; перевод; русский язык; французский язык.

RUSSIAN HISTORICAL CULTURE-SPECIFIC WORDS IN THE WORKS OF HENRI TROYAT IVAN THE TERRIBLE AND BORIS GODUNOV

Sadivova N.

Purpose. *The paper is focused on the analysis of the Russian historical culture-specific words of the ruling period of Ivan IV Vasilyevich and Boris Godunov and their translation into French. During this period, Russia was transformed in both structural and socio-political ways (the formation of the Russian centralized state, the reforms of Izbrannaya Rada (Chosen Council), replacement of the Code of law (Sudebnik) of 1497 by the Code of law (Sudebnik) of 1550, the strengthening of the army, the conquest of the Kazan and Astrakhan khanates, the beginning of the Russian conquest of Siberia etc.). Therefore, many new words were created to designate the changes of that time.*

Methodology. *Methodological framework of this paper is based on the comparative analysis of historical culture-specific words in the French texts (“La Grande Histoire des Tsars”) by Russian immigrant Henri Troyat, which were translated back into Russian language as separate works “Ivan the Terrible” (translation by E. Sutotskaya) and “Boris Godunov” (translation by A.G. Doronin).*

Results. *The analysis reveals how historical culture-specific words are translated from Russian into French and vice versa. Also, own examples of possible translation and their analysis are given. Moreover, it is discussed whether it is even possible to translate the so-called non-equivalent lexis without losing the original meaning.*

Practical implications. *The results of the research can be applied in the study of various translation techniques as well as in the translation of historical works.*

Keywords: *Russian historical culture-specific words; nonequivalent lexis; translation; Russian language; French language.*

Взаимопонимание в рамках межкультурной коммуникации является на сегодняшний день одной из самых актуальных проблем. В процессе знакомства с иностранным языком необходимо научиться

понимать и переводить реалии, т.к. их незнание могло бы привести к непониманию коммуникантов [1].

В настоящее время в научной литературе имеются многочисленные определения понятия «реалия». Одним из наиболее распространенных является следующее. Реалии – это специфическая лексика одного языка, не имеющая эквивалентов в других языках из-за различий в культурных традициях, условиях жизни или быта народов. Следует подчеркнуть, что сам термин иногда заменяется другими, близкими по значению терминами – локализм, экзотизм, безэквивалентная лексика, лагуна и др., что зачастую приводит к сужению содержания термина [11]. Отличительной чертой реалий, выступающих в качестве отдельных слов или словосочетаний, является их национально-культурный характер. Ими обозначаются разные объекты быта и культуры, характерные для одного народа, знакомые всем или большинству носителей исходного языка, но чуждые носителям принимающего языка. Их перевод является большой и важной проблемой передачи культурного и исторического своеобразия, т.к. в них содержится национальный колорит, который необходимо сохранить в переводе. С другой стороны, как указывает Ф.М. Турсунов, «все реалии, и в целом безэквивалентная лексика, не могут оставаться всегда в той же роли, в какой находились на начальном этапе» [9, с. 162].

Исторические реалии, т.е. слова или словосочетания, часто используемые в определенный исторический период, встречаются прежде всего у авторов, повествующих о далеком прошлом. При их переводе нужно всегда принимать во внимание эпоху автора, а также эпоху повествования. Переводчик должен создать фон исторической действительности, независимо от исходного языка [16]; выразить верно и полно средствами одного языка то, что было выражено ранее средствами другого языка [10]. Именно «воссоздание единства содержания и формы отличает перевод от иных способов передачи содержания, изложенного на другом языке: пересказа, реферирования и т.п.» [3, с. 9]. Одним из основных требований точного перевода является правильное понимание оригинала. Но полное и глубокое понимание еще не означает умение правильно перевести. Для этого зна-

ния только двух языков недостаточно. Переводчик должен усваивать готовые соответствия между двумя языками и уметь находить их тогда, когда готовых соответствий, подходящих к данному случаю, нет.

Как замечает С. Львов: «Историю языка следует изучать не по переводам, а по оригиналам» [Цит. по: 2, с. 134]. В связи с этим возникает вопрос, способен ли перевод передать смысл реалии, которая знакома практически всем носителям исходного языка, но совсем чужда для других народов, не обладающих достаточными знаниями языка оригинала. Для этого необходимо использовать все виды передачи реалий: транскрипцию, устаревшие слова своего языка, подходящие диалектизмы, заимствования из других языков и т.п.

Автором, на основе произведений которого в данной работе производится анализ перевода исторических реалий, является Анри Труайя. При рождении он носил имя Лев Асланович Тарасов. Родился в Москве во время правления Николая II в 1911 г., но страну вместе с родителями покинул из-за Октябрьской революции. Они уехали во Францию, в Париж, где в 1933 г. Лев Асланович принял французское гражданство и стал писать под именем Анри Труайя, потому что издатели не хотели выпускать книги под иностранной фамилией, чтобы читатель не воспринимал их как переводные. Преимущественно он творил на французском языке.

Автор в своих произведениях «Борис Годунов» и «Иван Грозный» является не только писателем, он переводил уже существующие русские конструкции. Очевидно, что перевод новой работы на иностранный язык с устоявшейся терминологической системой предполагает введение новых терминов в уже определенную структуру обозначений для аналогичных, а также отсутствующих на другом языке понятий [22]. У автора, проживающего вне России, сохранились и развились хорошие знания истории. Но т.к. он писал для французского читателя, он был вынужден искать французские аналоги уже известных ему на русском языке исторических реалий, которые бы являлись непонятными для французского читателя, если бы он не стремился перевести их посредством разных приемов. Основным преимуществом автора можно считать его би-

лингвизм, позволивший автору оперативно находить конкретные соответствия [13]. Однако тот факт, что «у исходных и переводных текстов разные национальные особенности» [17, р. 344], также повлиял на процесс нахождения терминологических эквивалентов.

Предметом настоящей статьи является анализ нескольких приемов передачи реалий, нашедших свое отражение в произведениях «Иван Грозный» и «Борис Годунов» А. Труайя. В упомянутых работах в качестве обозначения правителей часто используется слово *maître* [23], которое в последующих изданиях на русском языке было переведено как «владыка» [7; 8]. Однако, во французском языке для обозначения владыки имеется и более точный вариант *souverain*. Причина заключается в том, что имя существительное *maître* является полисемичным (около 20 значений), а также входит в более чем 50 устойчивых словосочетаний и выражений, которые не ассоциируются с владыкой [15]. Чтобы определить подходящую лексему, способную заменить *maître* и передать мысль автора точнее, воспользуемся семным анализом. Отметим, что для сравнения семантических структур отобраны только те синонимы и семы, которые относятся к понятию власти, т.к. этого требует контекст произведений. Под данный критерий подходят следующие значения слова *maître*: «тот, кто управляет», «тот, кто имеет власть». Перечисленным семам согласно словарю Larousse соответствуют синонимы *chef*, *despote*, *dictateur*, *souverain* [20], но только в последних трех была обнаружена дополнительная сема «тот, кто имеет **абсолютную** власть». Результаты сравнения семантических структур приведены в Табл. 1.

Таблица 1.

Семный состав лексико-семантической группы «*maître*»

	Семы		
	Тот, кто управляет	Тот, кто имеет власть	Тот, кто имеет абсолютную власть
Maître	+	+	–
Chef	+	+	–
Despote	+	+	+
Dictateur	+	+	+
Souverain	+	+	+

Родовыми семемами, свойственными всем единицам анализируемого семантического поля, являются «тот, кто управляет», «тот, кто имеет власть», а дифференциальной семой, отличающей между собой сопоставляемые слова, выступает «тот, кто имеет абсолютную власть». Однако следует отметить, что лексемы *despote* и *dictateur* многозначные. Первое употребляется как для обозначения титула византийского императора, так и для жесткого мужа. Второе применимо к человеку, задающему направление движения (например, *dictateur de la mode*, т.е. «диктатор» моды), а также к должностному лицу в Древнем Риме. Таким образом, из указанных выше лексем для обозначения правителя целесообразно использовать *souverain*, т.к. помимо присутствия в нем всех перечисленных сем только у него встречаются синонимы *monarque* (монарх), *roi* (король), *empereur* (император). Заметим, что именно *souverain* используется в произведении «Иван Грозный» профессиональной французской переводчицы и писательницы Моник Лашер: «*ce souverain-là n'est plus le serviteur de Dieu...*» [19, p. 85] (буквально: «этот государь больше не слуга Божий...»).

В качестве следующего примера рассмотрим переводческий прием замены реалии реалией. Так, в произведении «Борис Годунов» автор пишет: «*Nomé successivement grand échanson, grand écuyer*» [23, p. 119] («Начинал с низших должностей при дворе – рынды, кравчего» [7, с. 73]). Согласно Толковому словарю русского языка С.И. Ожегова, рында – воин царской придворной охраны в Московской Руси [5, с. 1021]. Данную общественно-политическую реалию Труайя перевел как *échanson*. Кравчий – боярин, ведающий царским столом в Московской Руси. У автора используется *écuyer*. Однако, во французском языке смысл слов другой. *Échanson* – человек, который подает напитки королю или другим важным людям. *Écuyer* имеет несколько значений – дворянин, который сопровождал рыцаря и нес его щит; молодой дворянин, который еще не прошел посвящение в рыцари; служащий, ухаживающий за конями короля. Следует подчеркнуть, что данный перевод является некорректным. Россия, в отличие от Франции, никогда не была королевством, со-

ответственно, королей в ней быть не могло. То же самое касается и лексемы *écuyer*. Рыцарями являлись представители военно-дворянского сословия эпохи феодализма в Западной Европе [5]. Более того, на основе приведенных определений становится видно, что французские аналоги указывают на более низкий статус служащего. Поэтому в дополнение к этим реалиям желательно либо добавить ссылки, поясняющие их отличия, либо применить другой переводческий прием.

А вот еще один пример неточного отражения реалии из того же произведения: «*Le nouveau venu*» [23] («Новоявленный самозванец» [7]). Самозванцем является человек, выдающий себя за другого человека, присвоив его имя [5]. Характерной чертой данного понятия является содержащаяся в нем негативная коннотация. Для передачи русской реалии автор использовал обобщающий аналог *le nouveau venu* (букв. «новопришедший»), которым неверно передается суть русской реалии. Французский вариант хоть и указывает на внезапно появившегося человека, но не имеет негативную коннотацию, что подтверждается лексическим разбором. В словаре Французской Академии приведены следующие синонимы этого словосочетания: *le nouvel arrivant* и *le nouveau débarqué* [14]. Выделенные в лексическом значении анализируемых единиц семы указаны в Табл. 2.

Таблица 2.

Семный состав лексико-семантической группы «*le nouveau venu*»

	Семы			Коннотации
	Недавно прибывший в какое-либо место	Незна- комец	Наивный человек	
<i>Le nouveau venu</i>	+	+	–	нейтральное
<i>Le nouveau de- barqué</i>	+	–	+	разговорное; грубое
<i>Le nouvel arrivant</i>	+	–	–	нейтральное

Родовой семой в данном случае является «недавно прибывший в какое-либо место». Дифференциальной семой для словосочетания *le nouveau venu* будет «незнакомец». Напротив, в переносном значении выражения *le nouveau débarqué* присутствует сема «наи-

нный человек», и оно, в то же время, отличается своей стилистической отнесенностью, имея коннотации «разговорное и грубое». *Le nouvel arrivant* в этой группе выделяется наличием наименьшего количества сем. Соответственно, вариант А. Труайя является лишь приблизительным описанием, обозначающим некоего пришельца.

Содержание русского существительного могло бы излагаться с помощью слов «*imposteur, menteur, trompeur*», – которые означают «лжец, обманщик». Семы, составляющие лексическое значение слова «самозванец» содержатся и в некоторых перечисленных выше синонимах, что делает их близкими по смыслу. В табл. 3 представлен семный состав реалии самозванец и предлагаемых вариантов ее перевода, а также сравнение с вариантом автора.

Таблица 3.

Семный состав лексико-семантической группы «самозванец»

	Семы					
	Обман	Привычка обманывать	Введение в заблуждение	Обман внешним видом	Выдача себя за другого человека	Присвоение имени или звания другого человека
Самозванец	+	–	+	+	+	+
Imposteur	+	–	+	+	+	+
Menteur	+	+	+	–	–	–
Trompeur	+	–	+	–	–	–
Le nouveau venu	–	–	–	–	–	–

Из Табл. 3 следует, что родовыми семами выступают «обман» и «введение в заблуждение». Интересующее нас значение отражено в дифференциальных семах «обман внешним видом», «выдача себя за другого человека», «присвоение имени или звания другого человека», характерных для лексем «самозванец» и «*imposteur*», что делает их смысловыми эквивалентами. Напротив, словосочетание *le nouveau venu* не обладает ни одним из выделенных смысловых признаков.

Именно *imposteur* встречается у некоторых франкоязычных авторов, затрагивающих в своих произведениях российскую историю. Среди них, например, Владимир Волкофф, французский перевод-

чик, писатель и автор многочисленных романов, посвященных русской истории, который в одном из своих произведений пишет: «*je ne crois pas que ce soit un imposteur. Je croirais plutôt que c'est lui, mon fils...*» [24, р. 163] (букв. «я не думаю, что он самозванец. Это, скорее всего, мой сын...»). В качестве еще одного примера можно привести предложение из сборника Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского, переведенного на французский язык: «*faux-tsar (non authentique, c'est-à-dire imposteur...)*» [21, р. 361] (букв. «ложный царь, ненастоящий, т.е. самозванец»). На основе приведенных выше примеров можно утверждать, что вариант А. Труайя в данном случае является не подходящим.

Известно, что самым «успешным» среди русских самозванцев можно считать Лжедмитрия I, выдававшего себя за царевича Дмитрия, сына Ивана Грозного. В произведении о нем говорится следующим образом: «*l'identité du prétendu Dmitri*» («личность Лжедмитрия»; букв. «личность мнимого Дмитрия»). В этом случае автор прибегает к описанию, хотя само русское понятие имеет во французском языке свой постоянный эквивалент, используемый также другими авторами: «*un faux Dmitri*» [24]; «*le faux Dimitri*» [18]. Единственную проблему, по-видимому, составляет транскрипция русских собственных имен, т.к. у трех авторов можно увидеть три разных варианта.

Известны также случаи, когда русские реалии уже закреплены во французских словарях. Так, в оригинале встречается словосочетание «*les règles d'un oukase*» [23] («правила, закрепленные в специальном указе»). По данным толкового словаря французского языка, существительным «*oukase*» (или «*ukase*») обозначается постановление царя в России [20, р. 724]. Вероятно, что данная единица выбрана автором как наиболее точное соответствие. Согласно словарю Французской Академии, лексема *oukase* имеет следующие значения [14, р. 284]:

- *Dans la Russie impériale, édit promulgué par le tsar* (букв. постановление царя в царской России).
- *Dans la Russie soviétique, décret du présidium du Soviet suprême* (букв. указ Президиума Верховного Совета СССР).

- *Décret pris par le président de la Fédération de Russie* (букв. указ президента Российской Федерации).
- *Ordre impératif, décision arbitraire et sans appel* (букв. обязательный приказ; неоспоримое решение).

Однако, вопрос о том, понятно ли данное слово французскому читателю, остается открытым, т.к. оно является заимствованным из русского языка. В связи с этим одними из возможных вариантов, которые излагали бы содержание понятнее, являются словосочетания «*les règles d'un décret*» или «*les règles d'un édit*» (букв. «правила, закрепленные в декрете, постановлении»), в которых используются одобренные Французской Академией обобщенные аналоги *édit* и *décret*.

Отличительной чертой художественных произведений А. Труайя является то, что в качестве характерных стилистических приемов в них выступают русизмы (слова, образованные с помощью транскрипции), благодаря которым во французских текстах сохраняются ценности и традиции русского языка, культуры и истории. Необходимо отметить, что в большинстве случаев сохранение в тексте русского понятия сопровождается описательным переводом, с помощью которого расширяется компонентный состав предложения, изменяется его структурно-грамматическая организация и минимизируется недопонимание [11].

Примером такого перевода можно считать следующее предложение: «*De nombreux passages du fameux «ménagier», le Domostroï*» [23] («Многие положения знаменитого Домостроя»). Домострой представлял собой свод правил благочестия, в которых указаны нормы поведения в семейной, религиозной и общественной жизни, а также охватывает вопросы хозяйственных взаимоотношений. В тексте романа название данной общественно-политической реалии переводится транскрипцией, причем объясняется, что «Домострой» – это «*ménagier*», т.е. некое руководство. Более близкими по смыслу аналогами были бы словосочетания «*recueil de conseils*» или «*liste des règles*» (букв. «список правил, сборник указаний», т.к. во французском обществе понятие «*Le Ménagier*» связано с известным сред-

невековым руководством 1393 г. (полное название: «*Le Ménagier de Paris*»), автором которого является неизвестный парижский буржуа, посвятивший данную работу своей молодой жене. В руководстве содержатся различные религиозные и нравственные наставления, нормы поведения в браке, советы по ведению домашнего хозяйства, многочисленные и очень подробные кулинарные рецепты и т.п. [12]. Таким образом, оба произведения хоть и включают в себя определенные правила поведения, но существенно отличаются в целевой аудитории. Упомянутое А. Труайя руководство носит бытовой характер и обращено именно к женщинам и будущим женам, в то время как Домострой регулирует нормы поведения во всех сферах жизнедеятельности и касается не только женщин, но и мужчин, и даже детей.

Русизм используется и в следующем предложении: «*Un conseil d'un type nouveau, l'Isbrannaïa Rada (le Conseil choisi), composé de membres de la noblesse et du clergé*» [23, p. 149] («Избранная рада»). При переводе данной реалии было употреблено несколько переводческих приемов. Автор сначала использует лексическое добавление, способствующее лучшему пониманию русской реалии [4]. Затем употребляет транскрипцию в сочетании с калькированием («*l'Isbrannaïa Rada*» = «*le Conseil choisi*»). В конце предложения А. Труайя прибегает к описательному переводу, с помощью которого читателю объясняется, что это новый тип совета: («*un conseil d'un type nouveau*»), состоящий из представителей дворянства и духовенства («*composé de membres de la noblesse et du clergé*»). Пример употребления русизма без дополнительных переводческих приемов дан в следующем абзаце.

Одной из реформ Избранной рады стало создание Земского собора, высшего законосовещательного органа Русского государства в XVI–XVII вв., куда входили все сословия кроме крестьян. В произведении об этом написано таким образом: «*La réunion du Zemski Sobor*» («созвать Земский собор»). Общественно-политическая реалия в оригинале переводится транскрипцией без последующего объяснения, что значительно затрудняет восприятие материала французским читателем, незнакомым с русской историей.

Еще одним интересным примером употребления русизмов является следующая пара предложений: «*Composer le Tsarski Soudiebnik (Code tsarien de 1550) en remplacement du Kniajeski Soudiebnik de son grand-père Ivan III, datant de 1497*» [23, p. 163] («Написание Судебника, который должен заменить Судебник его деда Ивана III от 1497 года»). Судебник Ивана Грозного являлся единственным источником права, который был утвержден первым на Руси Земским собором. Судебник 1497 г. представлял собой сборник законов Русского государства во время правления деда Ивана Грозного. Во французском произведении употребляется описательный перевод в сочетании с транскрипцией, объясняющий, что «*Tsarski Soudiebnik*» – это свод правил царя 1550 г. (*Code tsarien de 1550*), и именно он заместил «*Kniajeski Soudiebnik*» Ивана III Васильевича, который действовал ранее. Необходимо подчеркнуть, что во французском оригинале Судебник 1497 г. называется «Княжеским Судебником», что нехарактерно для российской исторической науки. Данное название используется А. Труайя в связи с титулом «Великий князь» Ивана III, чей внук Иван IV Грозный впоследствии стал первым венчанным царем *за всю историю России (откуда: «Царский Судебник»)* [6].

В ходе данной работы было проанализировано более 50 реалий, на основе чего можно заключить, что наиболее часто в произведениях А. Труайя использовался смешанный перевод (37%), т.е. комбинации различных приемов. Следует отметить, что из всех смешанных переводов 63% составили транскрипции в сочетании с описательным переводом, а транскрипции с приблизительным переводом и транскрипции с семантическим неологизмом (когда основа реалии была переведена транскрипцией, но в то же время она приобрела типичные черты принимающего языка) – по 19%. Из всех рассмотренных реалий 27% были переведены только транскрипцией. Для передачи остальных реалий автор использовал приблизительный перевод в тех случаях, когда в принимающем языке уже существовали подобные единицы, которые могли приблизительно передать их значение (11%); описательный перевод, когда

конкретный смысл излагался в примечаниях (7%); калькирование (5%) или замену реалии реалией (3%). Иногда реалия исходного языка совсем отсутствовала (3%). Подробная диаграмма распределения переводческих приемов представлена ниже.

Рис. 1. Распределение переводческих приемов в текстах А. Труайя

Несмотря на большой опыт А. Труайя в публицистической деятельности, некоторые реалии во французском тексте соответствуют оригинальным только частично, и, таким образом, французский читатель смог бы понять их лишь приблизительно. Мы полагаем, что использование русизмов должно сопровождаться дополнительными комментариями, подстрочными примечаниями и т.п. С другой стороны, множество сносок мешает плавному чтению литературного текста. В этой связи необходимо чередовать употребление русизмов с другими переводческими приемами. Данная статья содержит ряд примеров корректного перевода характерных для русской истории XV–XVI вв. реалий без использования транскрипции и показывает их преимущество перед вариантами, использованными у А. Труайя. Приведенные словосочетания призваны помочь переводчикам при работе с историческими текстами.

Список литературы

1. Быстрой Е.Б., Власенко О.Н., Дорохова Е.Ю., Ружина Л.В. Особенности перевода безэквивалентной лексики как составляющей социокультурной компетенции // Вестник ЮУрГГПУ. 2018. №5. С. 39–49.
2. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. М.: РВалент, 2012. 408 с.
3. Гак В.Г., Григорьев Б.Б. Теория и практика перевода. Французский язык. М.: Интердиалект +, 1999. 456 с.
4. Надеждина Н.Г., Юдина О.А. Переводческие трансформации и приемы перевода. Н. Новгород.: ННГАСУ, 2015. 28 с.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений. М.: АСТ, 2017. 1360 с.
6. Савинов А.В. Иван Грозный. М.: Ашетт Коллекция, 2012. 48 с.
7. Труайя А. Борис Годунов. СПб.: Амфора, 2015. 224 с.
8. Труайя А. Иван Грозный. СПб.: Амфора, 2015. 222 с.
9. Турсунов Ф.М. Реалии – специфическая составляющая безэквивалентной лексики // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 162–167.
10. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). М.: Филология ТРИ, 2002. 416 с.
11. Черноситова Т.Л., Евтух У.М. Способы преодоления лексико-семантической безэквивалентности в текстах «русских фресок» Анри Труайя // Молодой ученый. 2014. № 16. С. 192–194.
12. Bascou-Bance P. La mémoire des femmes: anthologie. Bordeaux: ELYTIS, 2002. 575 p.
13. Chen B., Liang L., Cui P., Dunlap S. The priming effect of translation equivalents across languages for concrete and abstract words // Acta psychologica. 2014. Vol 153. pp. 147-152. doi: 10.1016/j.actpsy.2014.10.004
14. Dictionnaire de l'Académie française. 9e édition. Paris: Fayard, 2011. 628 p.
15. Dupuis H. Dictionnaire des synonymes et des antonymes. Québec: FIDES, 1963. 607 p.

16. Hartmann R.R.K. The not so harmless drudgery of finding translation equivalents // *Language & Communication*. 1990. Vol. 10, pp. 47–55. doi: 10.1016/0271-5309(90)90023-5
17. House J. Text and context in translation // *Journal of Pragmatics*. 2006. Vol. 38, pp. 338–358. doi: 10.1016/j.pragma.2005.06.021
18. Ingerflom C. *Le tsar c'est moi*. Paris: PUF, 2015. 520 p.
19. Lachère M. *Ivan le Terrible*. Lausanne: L'âge d'homme, 1997. 103 p.
20. *Le petit Larousse illustré*. Paris: Larousse, 2011. 1811 p.
21. Lotman Yu.M., Uspenskiy B.A. *Sémiotique de la culture russe*. Lausanne: L'âge d'homme, 1990. 516 p.
22. Shiryayeva V., Badea G.L. The Role of Context in Defining Romanian Equivalents for Russian Terms in the Theory of Translation // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2013. Vol. 92, pp. 874–879. doi: 10.1016/j.sbspro.2013.08.769
23. Troyat H. *La Grande Histoire des Tsars*. Paris: Omnibus, 2009. 928 p.
24. Volkoff V. *Les faux tsars*. Paris: Éditions de Fallois, 1992. 495 p.

References

1. Bystray E.B., Vlasenko O.N., Dorokhova E.Yu., Ruzhina L.V. Osobenno-sti perevoda bezjektivivalentnoj leksiki kak sostavljajushhej sociokul'turnoj kompetencii [Translation features of nonequivalent vocabulary as part of sociocultural competence]. *Vestnik YuUrGGPU*, no 5. 2018, pp. 39–49.
2. Vlahov S.I., Florin S.P. *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in translation]. Moscow: R. Valent, 2012. 408 p.
3. Gak V.G., Griror'ev B.B. *Teoriya i praktika perevoda. Frantsuzskiy yazyk* [Translation theory and practice. French language]. Moscow: Interdialekt +, 1999. 456 p.
4. Nadezhdina N.G., Yudina O.A. *Perevodcheskie transformatsii i priemy perevoda* [Translation transformations and translation techniques]. Nizhny Novgorod.: NNGASU, 2015. 28 p.
5. Ozhegov S.I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: okolo 100 000 slov, terminov i frazeologicheskix vyrazheniy* [Explanatory dictionary of the Russian language: about 100,000 words, terms and phraseological expressions]. Moscow: AST, 2017. 1360 p.

6. Savinov A.V. *Ivan Groznyy* [Ivan the Terrible]. Moscow: Ashett Kollekt-siya, 2012. 48 p.
7. Truayya A. *Boris Godunov* [Boris Godunov]. St. Petersburg: Amfora, 2015. 224 p.
8. Truayya A. *Ivan Groznyy* [Ivan the Terrible]. St. Petersburg: Amfora, 2015. 222 p.
9. Tursunov F.M. *Realii – specificheskaja sostavljajushhaja bezjektivnoy leksiki* [Realia as a specific component of nonequivalent vocabulary]. Uchenye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Gumanitarnye nauki, no 2. 2015, pp. 162–167.
10. Fedorov A.V. *Osnovy obshchey teorii perevoda (lingvisticheskie problemy)* [Fundamentals of the general theory of translation (linguistic problems)]. Moscow: Filologiya TRI, 2002. 416 p.
11. Chernositova T.L., Evtukh U.M. Sposoby preodoleniya leksiko-semanticheskoy bezektivnosti v tekstakh «russkikh fresok» Anri Truayya [Ways to overcome the lexico-semantic structure of nonequivalent vocabulary in the russian texts of Henry Troyat]. *Molodoy uchenyy*, no 16. 2014, pp. 192–194.
12. Bascou-Bance P. *La mémoire des femmes: anthologie*. Bordeaux: ELYTIS, 2002. 575 p.
13. Chen B., Liang L., Cui P., Dunlap S. The priming effect of translation equivalents across languages for concrete and abstract words. *Acta psychologica*. 2014. Vol 153, pp. 147–152. doi: 10.1016/j.actpsy.2014.10.004
14. Dictionnaire de l'Académie française. 9e édition. Paris: Fayard, 2011. 628 p.
15. Dupuis H. *Dictionnaire des synonymes et des antonymes*. Québec: FIDES, 1963. 607 p.
16. Hartmann R.R.K. The not so harmless drudgery of finding translation equivalents. *Language & Communication*. 1990. Vol. 10, pp. 47–55. doi: 10.1016/0271-5309(90)90023-5
17. House J. Text and context in translation. *Journal of Pragmatics*. 2006. Vol. 38, pp. 338–358. doi: 10.1016/j.pragma.2005.06.021
18. Ingerflom C. *Le tsar c'est moi*. Paris: PUF, 2015. 520 p.

19. Lachère M. Ivan le Terrible. Lausanne: L'âge d'homme, 1997. 103 p.
20. Le petit Larousse illustré. Paris: Larousse, 2011. 1811 p.
21. Lotman Yu.M., Uspenskiy B.A. Sémiotique de la culture russe. Lausanne: L'âge d'homme, 1990. 516 p.
22. Shiryayeva V., Badea G.L. The Role of Context in Defining Romanian Equivalents for Russian Terms in the Theory of Translation. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2013. Vol. 92, pp. 874–879. doi: 10.1016/j.sbspro.2013.08.769
23. Troyat H. La Grande Histoire des Tsars. Paris: Omnibus, 2009. 928 p.
24. Volkoff V. Les faux tsars. Paris: Éditions de Fallois, 1992. 495 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Садивова Наталия, студентка второго курса магистратуры филологического факультета (кафедра иностранных языков)
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, г. Москва, 117198, Российская Федерация
natalia.sadivova@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Sadivova Natalia, Second Degree Student of the Faculty of Philology
(Department of Foreign Languages)
RUDN University
6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russian Federation
natalia.sadivova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2946-0743

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-4-301-322

УДК 811.161.1

СЕМАНТИКА СЛОВСОЧЕТАНИЙ С ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ «БОГАТЫЕ И БЕДНЫЕ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Тарасова А.С.

Цель. В статье рассматриваются особенности семантической структуры сочинительных словосочетаний с общим значением «богатые и бедные», репрезентирующих семантические поля «богатство» и «бедность». Целью работы является характеристика исследуемых единиц на лексическом, морфологическом, синтаксическом уровнях языка в текстах четырех хронологических периодов: в старорусских текстах, художественных текстах XIX, XX и XXI вв.

Метод или методология проведения работы. Исследование проведено с привлечением материала и инструментария Национального корпуса русского языка. В ходе исследования применяются методы компонентного, дистрибутивного и контекстуального анализа.

Результаты. В результате проведенного исследования определен наиболее общий семантический компонент структуры рассматриваемых единиц, позволяющий классифицировать случаи употребления, – обобщенная ситуация контекста. Выделены контекстные ситуации объединения, разделения (противопоставления) и нейтрализации. Установлено, что распределение контекстных ситуаций характерно для текстов XIX и последующих веков. Ситуация объединения субъектов является наиболее репрезентативной в текстах XIX и XXI вв. В XX в. наиболее репрезентативной является контекстная ситуация нейтрализации, что обусловлено идеологическими причинами.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы в вузовских курсах лексикологии, спецкурсах по лингвокультурологии и лингвокогнитивистике, при со-

ставлении толковых, идеографических, диахронических, парадигматических словарей.

Ключевые слова: богатые; бедные; семантическое поле; сочинительное словосочетание; русский язык; синхрония; диахрония.

SEMANTICS OF COLLOCATIONS WITH THE GENERAL MEANING «THE RICH AND THE POOR» IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Tarasova A.S.

Purpose. *The article deals with features of the semantic structure of collocations with the general meaning “the rich and the poor”, which represent the semantic fields of “wealth” and “poverty”. The purpose of the investigation is to characterize linguistic units at the lexical, morphological, syntactic levels in texts of four chronological periods: in Old Russian texts, literary texts of the XIX, XX, and XXI centuries.*

Methodology. *The investigation has been conducted with the involvement of material and tools of the National corps of the Russian language. Author uses methods of component, distribution and contextual analysis.*

Results. *The results of the study are that the general semantic component in the semantic structure is determined. This component is a generalized situation of the context. The author highlights the contextual situations of association, separation (opposition) and neutralization. It is established that in the text of the XIX century. The situation of association between subjects is the most representative in the texts of the XIX and XXI centuries. In the XX century the most representative is the context of neutralization, that is based on ideological reasons.*

Practical implications. *The results of the study can be applied for academic lexicology courses, special linguoculturology and linguocognitive science courses, and for making defining, ideographic, dtachronic, paradigmatical dictionaries.*

Keywords: *rich; poor; semantic field; coordinative collocation; Russian language; synchrony; diachrony.*

Введение

Данная работа посвящена анализу семантической структуры сочинительных словосочетаний, состоящих из антонимичных пар лексем и имеющих общее значение «богатые и бедные». Лексемы, входящие в состав рассматриваемых лексико-синтаксических единиц, репрезентируют признаки, характеризующие человека. Таким образом, при анализе языковых единиц мы опираемся на принципы антропоцентрического подхода, господствующего в науке о языке в течение последних десятилетий [6, с. 198].

Исследование словосочетаний с общим значением «богатый и бедный» как характеристики определенного субъекта позволяет расширить научные представления о выделяемых в лингвистике семантических полях «богатство» и «бедность». Обращение к антонимичным понятиям «богатство» и «бедность» представляется нам актуальным – они являются одними из ключевых как для мировой культуры, так и для локальных культур. Это связано с их непосредственным отношением к системе ценностей, характеристике личности и определенной ролью разделения социума на группы.

Отечественные и зарубежные специалисты в различных областях научного знания, прежде всего представители социологических [4], психологических [16], культурологических [2], исторических [5] и экономических наук [15; 17], обращают внимание на такие явления, как существование в обществе противопоставляемых категорий «богатые» и «бедные» и определенное взаимодействие между ними.

Категории «богатые» и «бедные» упоминаются и исследуются чаще всего неотделимо друг от друга, что К.М. Заостровских объясняет своеобразной двойственностью «...русского “характера”, который соединяет зачастую полярные черты. Так, в таком менталитете соседствуют доверие и недоверие, лень и трудолюбие, подозрительность и душевность» [4, с. 266]. Связь такой поляризации общества с менталитетом находит отражение и в языке. Таким образом, рассматриваемая проблематика является актуальной для современной лингвистики, когнитивистики, лингвокультурологии,

что подтверждается неослабевающим интересом ученых к исследованию понятий богатства и бедности [1; 3; 7; 11].

При работе над реконструкцией семантических полей мы опираемся на определение понятия семантического поля, сформулированное Л.А. Новиковым: «Семантическое поле – иерархическая структура множества языковых единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу, лексическая категория высшего порядка, синтезирующая в себе частные категории (синонимии, антонимии и др.)» [10, с. 8]. Подход ученого к определению ключевого рассматриваемого понятия представляет собой синтез парадигматического и синтагматического подходов.

Принимая во внимание приведенное выше и другие существующие определения, в своих работах мы вывели ключевые характеристики семантического поля: «семантическое поле объединяет слова различных частей речи; слова объединяются в поле на основе общего семантического компонента; семантические поля склонны к преобразованиям и взаимосвязаны в пределах всей языковой системы» [14, с. 202]. В рамках данного исследования проводится формальная сегментация поля, основывающаяся «...на семантической структуре, морфологических и синтаксических признаках составляющих его единиц. Таким образом, в рамках рассматриваемых полей мы выделяем три сегмента: категория субъекта, категория объекта, категория отношений между субъектом и объектом» [Там же, с. 202].

Обращение к сочинительному словосочетанию как к объекту семантического исследования имеет также определенную актуальность. Это обусловлено тем фактом, что специалисты в данной области не выделяют такое словосочетание как самостоятельную семантическую единицу, оставляя его в сфере внимания синтаксических исследований и обращая внимание преимущественно на семантику отдельных лексем.

Рассматриваемые словосочетания представляют собой единицы с открытой синтаксической связью. Таким образом, они могут включать в себя бесконечное число лексем и образовывать цепи од-

народных членов. Предполагается, что совокупность таких лексем относится к периферии рассматриваемых семантических полей и способствует более полной характеристике обобщенного субъекта, обозначенного словосочетанием с общим значением «богатые и бедные».

Целью исследования является многоступенчатый разноуровневый анализ словосочетаний с общим значением «богатые и бедные» в текстах преимущественно художественной литературы XV–XXI вв. Для достижения данной цели предусмотрено решение следующего ряда задач:

- реконструирование семантической структуры лексем, входящих в состав исследуемых словосочетаний;
- определение синтаксических особенностей словосочетаний, анализ средств связи между компонентами словосочетания;
- контекстуальный анализ рассматриваемых единиц, определение обобщенной ситуации контекста.

Материалы и методы

Для привлечения наибольшего количества текстов к исследованию мы обращаемся к языковому материалу и инструментарию Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [9]. Языковые единицы рассматриваются в данном исследовании с позиции диахронического аспекта, и поиск осуществляется в основном и историческом старорусском корпусах НКРЯ. Старорусский корпус предусматривает поиск точных форм, таким образом, по запросу «богатии и нищии» было найдено 2 контекста с интересующим нас сочетанием слов, по запросу «богатии и убозии» – 3 контекста, по запросу «нищии и богатии» – 2 вхождения. Объем всего старорусского корпуса – 5883 документа, 8144748 слов.

Поиск в основном корпусе осуществлялся поэтапно в соответствии с выделяемыми автором хронологическими периодами. В рамках корпуса был задан подкорпус художественных текстов, создание которых датируется 1801–1900 (XIX в.), 1901–2000 (XX в.), 2001–2019 (XXI в.). Согласно данным системы, объем подкор-

пуса художественных текстов XIX в. составляет 1674 документа общим объемом 30244 167 слов, подкорпуса художественных текстов XX в. – 5526 документов общим объемом 73 936 207 слов, подкорпуса художественных текстов XXI в. – 1178 документов общим объемом 21864297 слов. В заданном подкорпусе мы осуществляли лексико-грамматический поиск, формулируя задание для поисковой системы следующим образом: «богатый» на расстоянии от 1 до 2 шагов от «бедный» / «нищий» / «убогий» с учетом правого и левого контекстов. Далее была осуществлена ручная выборка контекстов, включающих в себя сочетания субстантивированных прилагательных с общим значением «богатые и бедные». Таким образом, нами рассмотрены 104 случая употребления сочинительных словосочетаний с открытой связью, имеющих общее значение «богатые и бедные».

Анализ словосочетаний, входящих в тексты четырех хронологических периодов, произведен с точки зрения их семантической структуры, модели построения, исторической, семантической, морфологической и синтаксической характеристики окружающего контекста. Для решения задач исследования мы используем следующие методы лингвистического анализа: метод компонентного анализа для реконструирования семантической структуры отдельных слов в составе словосочетания, метод дистрибутивного исследования для определения синтаксической и семантической сочетаемости компонентов словосочетания с открытым типом связи, метод контекстуального анализа для реконструкции периферии семантических полей.

Результаты и обсуждение

В соответствии с используемой формальной сегментацией поля мы относим рассматриваемые в данной статье словосочетания к ядерной зоне категории субъекта семантических полей «богатство» и «бедность».

План выражения лексико-синтаксической единицы представляет собой субстантивированное прилагательное «богатые», к которому при помощи средств сочинительной связи (интонации перечисле-

ния, одиночного союза *и*, повторяющихся союзов *и... и, ни...ни*) присоединяется субстантивированное прилагательное «бедные», «нищие» («нищии»), «убогие» («убозии»). Словосочетание обладает открытой соединительной связью, таким образом, в рамках исследуемых контекстов к нему присоединяются компоненты, – характеристики лиц – количество которых составляет от 0 до 23. Анализ цепи однородных членов является необходимым для обозначения потенциальных семантических компонентов в структуре словосочетания.

Опираясь на дефиниции, приведенные в исторических и толковых академических словарях, мы реконструировали семантическую структуру лексем, являющихся компонентами словосочетаний:

«Богатые» – «лица»; «обладают ценностями»; «ценности материальные»; «ценностей много»; «ценности получены каким-либо путем».

«Нищие» («нищии») – «лица», «не имеют средств к существованию», «принадлежат к необеспеченным слоям общества», «живут подаянием».

«Убогие» («убозии») – «лица», «не имеют никаких («крайняя нищета») средств к существованию», «нуждаются в помощи», «не предпринимают попыток обрести другой статус».

«Бедные» – «лица», «не имеют достаточных или необходимых материальных средств», «имеют малое количество имущества», «сталкиваются с трудностями», «имеют меньше имущества, чем средний представитель данной общественной группы».

Для классификации исследуемого материала мы вводим понятие обобщенной ситуации контекста, представляющей собой наиболее общий компонент в семантической структуре словосочетания. На основании данного признака репрезентативные примеры делятся на три группы: контексты, репрезентирующие ситуацию объединения, ситуацию разделения (противопоставления) и ситуацию нейтрализации. Приведенная ниже таблица отражает классификацию языкового материала в соответствии с хронологией и обобщенной ситуацией контекста.

Таблица 1.

Классификация репрезентативных примеров

Характеристики/ Хронологические периоды	Старорусский период	XIX в.	XX в.	XXI в.
Всего	7	41	45	11
Обобщенная ситуация контекста				
Ситуация объединения	7	28	15	8
Ситуация разделения	-	6	13	3
Ситуация нейтрализации	-	7	17	-

Обобщенная контекстная ситуация объединения свойственна словосочетаниям с бессоюзной и союзной связью, включенным в длинный ряд однородных характеристик и / или имеющим при себе обобщающее слово. Такая ситуация наиболее частотна среди общего количества контекстов (свойственна 58 из 104), в старорусских текстах не выделено иных контекстных ситуаций.

Контекстная ситуация разделения (противопоставления) дифференцирует лексико-синтаксические единицы, компоненты которых связаны одиночным соединительным союзом *и*, не включенным в ряд однородных характеристик или связанным с одной антонимической парой, не имеющим при себе обобщающего слова. Такая ситуация является наименее частотной (свойственна 22 репрезентативным примерам из 104). Это обусловлено тем, что соединительной связи не свойственна семантика противительной или разделительной.

Обобщенная контекстная ситуация нейтрализации характеризует словосочетание, компоненты в составе которого связаны повторяющимся союзом *ни... ни*. Такие словосочетания обычно включены в ряд однородных характеристик. Особенность ситуации нейтрализации состоит в актуализации незначительности противопоставления антонимичных признаков. Ситуация свойственна 24 репрезентативным примерам из 104 и является наиболее характерной для подкорпуса текстов XX в.

Ключевыми задачами нашего исследования, выполненного в диахроническом аспекте, являются определение специфических характеристик в семантической структуре словосочетаний на каждом

из выделяемых этапов развития русского языка и реконструкция изменений, происходящих в семантике. Выделение такого семантического компонента, как обобщенная ситуация контекста, способствует решению поставленных задач. Репрезентативные примеры, относящиеся к различным хронологическим подкорпусам художественных текстов, имеют отличающие их особенности в отношении обобщенной ситуации, ряда компонентов, составляющих открытое сочинительное словосочетание, средств связи между словами.

Для контекстов, относящихся к старорусскому корпусу, характерна следующая особенность: в большинстве репрезентативных примеров словосочетания с общим значением «богатые и бедные» находятся не на первом месте в ряду однородных членов. Отмечается иерархичное построение открытого словосочетания, объединяющего определенные группы субъектов. В абсолютном большинстве репрезентативных примеров, относящихся к данному этапу развития русского языка, ряд однородных членов имеет при себе или включает в себя обобщающее слово: *вся племена челоуьчьскаа, вси людие, многия гости, всякого челоуьька, весь великий град*. Начальным компонентом в структуре рассматриваемого открытого словосочетания является слово, отражающее определенный титул или церковный сан, далее последовательно приводятся антонимичные пары, отражающие поляризацию общества в соответствии с материальным положением, возрастом, половой принадлежностью: «*И по звоне весь великий град Москва изыдоша на поле за посад в срътение царя великаго князя: князи и велможии его, и вси старейшиины града, богатии и убозии, юноши и дъввы, и старцы со младенцы, и черницы и черницы, и спроста – все множество безчисленное народа московскаго и с ними же вси купцы иноязычныя: турцы и армены, и нъмцы, и литва, и многия странницы* [Казанская история (1564–1565)]» [9]. Приведенный контекст демонстрирует компонент иерархичности в структуре открытого словосочетания. Совокупность субъектов – представителей различных групп населения, являющихся жителями и гостями Москвы – объединяется с определенной целью: встретить победившего царя.

На первом месте в структуре словосочетания указаны титулы:

Князь – «4. Лицо, имеющее титул князя» [12].

Вельможа – «Знатный человек» [12].

Старейшина – «2. Начальник, правитель; наиболее авторитетный и влиятельный член рода или общины» [12].

Следующим компонентом является пара антонимов «богатии и убозии», общую семантическую структуру которых можно представить следующим образом: «совокупность лиц, имеющих различное материальное положение, различающийся уровень жизни, различное количество имущества». Дальнейшие антонимичные пары лексем отражают характеристику лиц по полу и возрасту, принадлежности к монашеству. От перечисления жителей города отделено упоминание представителей других государств, объединенных обобщающей конструкцией *все купцы иноязычные*. Ряд однородных членов в данном контексте имеет при себе несколько обобщающих слов и фраз: конструкция *весь великий град Москва* объединяет перечисляемые лица, указывая на место действия и численность населения. Квантор всеобщности при контекстуальных уточнителях *великий* и *град Москва* подтверждает почтительное отношение к *великому князю* и покорность ему. Конструкция *все множество безчисленное народа московскаго* повторяет идею, обозначенную вводящей обобщающей конструкцией, расставляя акценты не на месте действия, а на принадлежность народа к данному месту, на что указывает контекстный уточнитель *московскаго*. Значение большого количества актуализируется двумя контекстными уточнителями *множество* и *безчисленное*.

Наличие нескольких обобщающих конструкций отражает важность локальной всеобщности, объединения субъектов, находящихся на одной территории, для значимого события. Большое количество компонентов в структуре открытого словосочетания, упоминание разнообразных полярных слоев населения на ограниченной территории возможно объяснить конкретностью мышления человека в XVI в. и определенной ценностью объединяющего население события.

В текстах следующего хронологического подкорпуса происходит так называемое расслоение контекстов в соответствии с тремя выделяемыми ситуациями. Преобладает ситуативное объединение компонентов посредством общего действия, состояния, события, однако выделяются случаи противопоставления субъектов и нейтрализация значимости характеристик «богатые» и «бедные». При построении сочинительного словосочетания с открытой связью отсутствует иерархичность, порядок перечисления компонентов является свободным, акцент смещен с титулов и званий на моральные качества (*и злые и добрые*), когнитивные способности (*на умных и глупых*), семейное положение (*женатые и холостые*). Выделяются как однословные, так и расширенные наименования и характеристики субъектов: «Христос воскрес!» – думал я. – Он воскрес для всех; *большие и малые, иудеи и еллины, пришедшие рано и пришедшие поздно, мудрые и юродивые, богатые и нищие* — все мы равны пред его воскресением, пред всеми нами стоит трапеза, которую приготовила победа над смертью [М.Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки (1856–1857)]» [9]. В приведенном репрезентативном примере, объединяющем группы лиц посредством значимого религиозного события, в ряду однословных противопоставляемых характеристик упомянута развернутая: *пришедшие рано и пришедшие поздно*. Семантическую структуру такого словосочетания можно представить следующим образом: «объединение лиц, имеющих различное происхождение, различный возраст, уровень ментального здоровья, разнящееся материальное положение». Таким образом, можно говорить о значительных изменениях, произошедших в семантической структуре исследуемых словосочетаний на данном этапе развития языка.

В корпусе текстов, относящихся к XX в. происходит дальнейшее расслоение семантической структуры словосочетания. В Таблице 1, приведенной выше, указано, что распределение случаев употребления рассматриваемого словосочетания в соответствии с обобщенной ситуацией контекста является равномерным, однако незначительно преобладают вхождения, относящиеся к ситуации нейтрализации,

указывающей на существующую или возможную при определенном стечении обстоятельств незначимость противопоставления «богатые и бедные»: «Давно писатель не садился на край кровати и не рассказывал своей жене о свободной человеческой мысли, о той стране, где нет **ни бедных, ни богатых**, где никогда не заходит солнце извечной правды и любви [А.С. Сорокин. Свободное слово (1916–1926)]» [Там же]. Сочинительное словосочетание в приведенном контексте включает в себя два компонента, его семантическую структуру можно представить следующим образом: «лица, обладающие нейтральной характеристикой по материальному положению и количеству имущества». Подобная нейтрализация заключает в себе положительную аксиологическую характеристику, порождаемую контекстуальными уточнителями *солнце, правда, любовь*.

Изменения в структуре исследуемых словосочетаний, характеризующие данный хронологический подкорпус текстов, можно объяснить экстралингвистическими факторами, связанными с политической ситуацией и идеологией.

Подкорпус художественных текстов начала текущего века отличается отсутствием случаев употребления рассматриваемых словосочетаний, относящихся к обобщенной контекстной ситуации нейтрализации. Преобладающим является объединение субъектов, имеются контексты, репрезентирующие контекстную ситуацию разделения, подразумевающую актуализацию имеющегося противопоставления, дополняемого глаголами *делить, разделить*: «У Сергея была стройная теория деления человечества **на бедных, богатых и больных**. Бедные – это бедные. Это те, у кого за три дня не хватает до полочки. Богатые – это те, у кого вопрос, сколько дней до полочки, не стоит никогда. Больные – это те, у кого денег нет, а они делают вид, что так и надо [Г.Н. Щербакова. Ах, Маня... (2002)]» [Там же]. В приведенном репрезентативном примере представлена субъективная трихотомия. Субстантиват «больной» употреблен в переносном значении: «3. Неестественный, ненормальный» [13] и представляет собой контекстный вариант наименования промежуточного субъекта между «богатыми» и «бедными».

При морфологическом описании рассматриваемых словосочетаний мы учитываем прежде всего падежную характеристику субстантивов, входящих в их состав. Употребление слова в форме того или иного падежа мы соотносим с определённым семантическим компонентом в семантической структуре лексико-синтаксической единицы. Именительный падеж соотносится с дифференциальной семой «активный субъект». Таким образом, субъект, репрезентируемый словосочетанием, является производителем действия или носителем состояния. Случаи употребления в именительном падеже относятся преимущественно к контекстной ситуации объединения, наиболее частотной среди имеющихся примеров, а также к контекстной ситуации разделения – наименее частотной. Таким образом, носители признаков богатство и бедность проявляют активность, а также объединяются, что наиболее часто, или отделяются друг от друга, выполняя определенное действие.

Форма винительного падежа актуальна для ситуации разделения или объединения. Так как она является показателем прямого объекта, в данном случае форма винительного падежа указывает на пассивность субъекта, чаще всего вынужденную, не зависящую от прилагаемых усилий, возникшую под влиянием некоторых обстоятельств. Кроме того, в контексте, реализующем форму винительного падежа, может присутствовать другой субъект, оказывающий воздействие на данный, пассивный: «...мы не Робин Гуды, мы лютые, а *лютые любят всех одинаково: и богатых, и бедных, и средних, и умных, и глупых* [М.А. Вишневецкая. Вышел месяц из тумана (1997)]» [9]. В приведенном контексте объединен ряд субстантивов, употребленных в форме винительного падежа. В предложении данный ряд и обобщающее слово – квантор всеобщности *всех* – являются прямым дополнением при глаголе межличностных отношений *любить*. Употребляемые субстантивы имеют значение характеристики лиц по материальному положению и когнитивным способностям. Посредством лексемы *средние* в контексте репрезентируется группа субъектов, имеющая промежуточное положение между *богатыми* и *бедными*. Активный субъект-деятель

получает репрезентацию в субстантивате *лютые*, обозначающем некую ограниченную по численности группу лиц, объединенных общей идеей. Значение имени прилагательного *лютый* – «жестокый, беспощадный (о человеке)» [13] – может указывать на наличие у обозначенного субъекта семантического компонента «занимающиеся деятельностью, имеющей негативную общественную оценку». Следовательно, глагол *любить* при таком субъекте утрачивает положительную аксиологическую характеристику и употребляется в значении «относиться». Таким образом, мы можем реконструировать семантическую структуру данной фразы: «ограниченная по численности группа субъектов, занимающаяся деятельностью, имеющей негативную общественную оценку, одинаково относится к иным группам многочисленных субъектов, различающихся по материальному положению и когнитивным способностям». Форма винительного падежа, выполняющая функцию прямого объекта при переходном глаголе, указывает на пассивность субъекта, выраженного словосочетанием с общим значением «богатые и бедные», его зависимость от действий репрезентируемого в соответствующем контексте субъекта-деятеля.

Среди исследуемых случаев употребления словосочетаний репрезентативны также употребления в форме родительного падежа. Они свойственны в первую очередь текстам XX в., в частности – контекстной ситуации нейтрализации. Форма родительного падежа является актуальной при отрицании и повторяющемся союзе *ни... ни*. Кроме того, форма родительного падежа с предлогом *на* реализует валентность глаголов разделения и репрезентирует одноименную обобщенную ситуацию контекста, а также указывает на принадлежность объекта репрезентируемым субъектам. Принадлежность объекта субъекту реализуется в следующем репрезентативном примере: «Это пламя от гневных очей Ивана Васильевича; оно *сокрушит* дома божьи, **дома богатых и бедных** [И.И. Лажечников. Басурман (1838)]» [9]. Приведенное предложение является метафоричным, экспрессивным. Кроме того, это фрагмент реплики героя. Употребление субстантиватов в форме родительного паде-

жа указывает на принадлежность объекта, репрезентируемого существительным *домы*, группам лиц, имеющим противоположную характеристику в соответствии с их материальным положением. Пример употребления реализует контекстную ситуацию объединения: объект выражен одним словом в форме множественного числа. Лексема, репрезентирующая объект, повторяется, его определяет относительное прилагательное *божиш*. Кроме того, данные словосочетания управляются глаголом *сокрушить*, имеющим прямое значение «разрушить» [13]. Субъект, выраженный сочинительным словосочетанием, пассивен, объект, принадлежащий ему, подвергается стороннему воздействию.

Употребление форм других падежей является менее распространенным и зависит от валентности глаголов: так, с глаголами речевой и интеллектуальной деятельности и образованными от них существительными употребляется предложный падеж: *понятие о богатых и бедных; рассуждал о мире всего мира, о бедных и богатых, о добре и зле*; форма дательного падежа соответствует валентностям глаголов различных групп: *завидовал им, рабочим и праздным, добрым и скверным, богатым и бедным; поклоняясь всем равно, и богатому, и нищему; и бедным, и богатым – всем досужно; жениться можно богатым, бедным*; творительный падеж указывает на совместное действие: *прелюбодеяния с богатыми, бедными*. Употребление субстантивата в дательном и творительном падежах соответствует контекстной ситуации объединения, употребление в предложном падеже репрезентирует ситуацию разделения (противопоставления).

Таким образом, определение морфологических характеристик исследуемых словосочетаний является важным фрагментом разноуровневого анализа лексико-синтаксических единиц с общим значением «богатые и бедные». Совокупность семантических, морфологических и синтаксических характеристик сочинительных словосочетаний с открытым типом связи способствует их классификации в соответствии с обобщенной ситуацией контекста, реконструкции семантической структуры словосочетания, определению коннотаций, аксиологических характеристик.

Заключение

Данная статья, представляющая фрагмент исследования семантических полей «богатство» и «бедность», реализовала поставленную цель: многоступенчатый разноуровневый анализ сочинительных словосочетаний с общим значением «богатые и бедные» с точки зрения диахронического подхода, включающий реконструирование семантической структуры целого словосочетания и лексем в его составе, определение грамматических особенностей, взаимодействующих с семантическими компонентами и позволяющих более точно реконструировать семантическую структуру словосочетания, выделение характеристик, специфичных для определенного этапа развития языка.

План выражения исследуемых лексико-синтаксических единиц представлен сочетаниями субстантивата «богатые» с субстантиватами «бедные», «нищие», «убогие». Для старорусского корпуса текстов характерны субстантиваты «нищие» и «убогие» как второй компонент словосочетания, для последующих хронологических периодов наиболее репрезентативным является субстантиват «бедные». Компоненты словосочетания соединяются при помощи интонации перечисления при отсутствии союзов или при помощи одиночного или повторяющегося союза *и, и... и*, в отрицательных конструкциях – посредством повторяющегося союза *ни... ни*. Однако данным словосочетаниям свойственен открытый тип связи, они способны присоединять бесконечное количество однородных членов. В рассматриваемых контекстах число присоединяемых компонентов варьируется от 0 до 23.

Основные различия в семантической структуре сочинительных словосочетаний с открытой связью отмечаются на основании распределения в соответствии с обобщенной ситуацией контекста. Появление семантических ситуационных различий в структуре словосочетаний с общим значением «богатые и бедные» возникает в современном русском литературном языке XIX в. Наряду с ситуацией объединения компонентов исследуемых словосочетаний выделяются ситуации разделения и нейтрализации противопоставления.

В художественных текстах XX в. преобладает ситуация нейтрализации, что объясняется экстралингвистическими факторами, восходящими к идеологии. В художественных текстах современного этапа развития русского языка нейтрализация противопоставления отсутствует, преобладает ситуация объединения.

Морфологической особенностью, коррелирующей с семантическими компонентами исследуемых словосочетаний, является падежная характеристика субстантивов. На основании падежной формы, в которой употреблены субстантивы в репрезентативных примерах, возможно охарактеризовать контекст с точки зрения обобщенной ситуации, а также активности или пассивности субъекта. Так, форма именительного падежа соответствует контекстной ситуации объединения при активном субъекте, форма родительного падежа соответствует контекстной ситуации нейтрализации, являясь актуальной для отрицания, форма дательного падежа соответствует преимущественно ситуации объединения при пассивном субъекте, форма винительного падежа в функции прямого дополнения свойственна преимущественно ситуации объединения при пассивном субъекте, пассивность в таком случае максимальна.

Употребление в форме творительного падежа соответствует контекстной ситуации объединения, форма предложного падежа, реализуя валентность глаголов интеллектуальной и речевой деятельности, соответствует контекстной ситуации противопоставления. Таким образом, падежные характеристики коррелируют с наиболее общей семантической характеристикой.

Рассмотренные лексико-синтаксические единицы являются одновременно ядерными и смежными компонентами семантических полей «богатство» и «бедность», их семантическая структура содержит компоненты, характеризующие субъект, находящийся на общей границе полей. Таким образом, мы видим перспективу дальнейшего исследования в определении области репрезентации понятия, условно обозначаемого устойчивым словосочетанием «средний класс».

Список литературы

1. Автушкова Е.Г. Структурно-семантические связи антонимической пары «богатый – бедный» в старославянском языке // Образование в XXI веке: материалы Международной научно-практической конференции. г. Москва, 15 апр. 2019 г. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. С. 416–419.
2. Губкина Е.С., Косолапова Ю.А., Пленкова А.О. Оценка достатка и внешнего вида богатых и бедных людей: анализ визуальных образов // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе: материалы X всероссийской научной интернет-конференции. Иркутск, 2015. С. 388–395.
3. Джамали К. Оценочные характеристики понятий «богатство» и «бедность» в русских и персидских поговорках // Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры: сборник научных трудов по итогам 4-й Междунар. науч. конф. по когнитивной фразеологии. Белгород, 2019. С. 320–324.
4. Заостровских К.М. Менталитет как определяющий фактор в социальной психологии групп «богатые» и «бедные» // Современный город: социальность, культуры, жизнь людей: материалы XVII Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2014. С. 265–268.
5. Кириллов А.К. «Богатые» и «бедные» в западносибирской деревне: столкновения вокруг налоговых раскладок в начале XX в. // Экономическая история Сибири XX – начала XXI века: Сб. статей по материалам IV Всероссийской научной конференции. Барнаул, 2015. С. 136–145.
6. Костомаров П.И. Антропоцентризм как важнейший признак современной лингвистики // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. №2-1 (58). С. 198–203.
7. Кукушкина Д.А., Евтугова Н.Н. Репрезентация концептов «богатство» и «бедность» в англоязычном медийном дискурсе // Молодёжь третьего тысячелетия: сборник научных статей XLII региональной студенческой научно-практической конференции. Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского. Омск, 2018. С. 1042–1046.

8. Назарова А.А. Специфика представлений студентов о бедности и богатстве // Сборник научных трудов. / Под общей редакцией С.А. Куценко. Новосибирск, 2018. С. 120–124.
9. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения 01.12.2019).
10. Новиков Л.А. Эскиз семантического поля // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. № 2. С. 7–17.
11. Сергунина Н.А. Концепт «деньги» («богатство») в произведениях В.Г. Распутина позднего периода // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: филология, журналистика. 2019. №3. С. 63–68.
12. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–2008. Вып. 1-28.
13. Словарь русского языка: В 4-х т. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1-4.
14. Тарасова А.С. Категория объекта семантических полей «богатство» и «бедность» в русском языке: синхронно-диахронический аспект // Филологический аспект. 2019. №4. С. 200–207.
15. Юрченко М.А. Социальное неравенство: богатые стали богаче, бедные беднее // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 5. С. 131–133.
16. Bratanova V.A., Loughnan S., Klein O., Wood R. The rich get richer, the poor get even: perceived socioeconomic position influences micro-social distributions of wealth // *Scandinavian Journal of Psychology*. 2016. Vol. 57. Is. 3, pp 243–249.
17. Keeley B. Income inequality: the gap between rich and poor. OECD Insights, OECD Publishing, Paris. 2015. 122 p.

References

1. Avtushkova E.G. Strukturno-semanticheskiye svyazi antonimicheskoy pary «bogatyj – bednyj» v staroslavjanskom yazyke [Structural-semantic connection pair *rich – poor* in old Slavonic]. *Obrazovaniye v XXI veke: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*

- [Education in the XXI century: materials of the International scientific and practical conference. Moscow, April 15 2019]. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2019, pp. 416–419.
2. Gubkina E.S., Kosolapova U.A., Plenkova A.O. Otsenka dostatka i vneshnego vida bogatyh i bednyh ludej: analiz vizual'nyh obrazov [Assessment of wealth and Appearance of the rich and poor People: visual image analysis]. *Kultura I vzryv: social'nye smysly v transformiruyuschemsya obschestve: materialy X vserossijskoj nauchnoj internet-konferencii* [Culture and explosion: social meanings in a transforming society: materials of the X All-Russian Scientific Internet Conference]. Irkutsk, 2015, pp. 388–395.
 3. Jamali K. Otsenochnyje harakteristiki ponyatij «bogatstvo» i «bednost'» v russkih i persidskih paremiyah [Apprasive characteristics of the concepts of «wealth» and «poverty» in Russian and Persian paremias]. *Frazeologia v yazykovej kartine mira: kognitivno-pragmaticheskiye registry: sbornik nauchnyh trudov po itogam 4 Mezhdunar. nauch. konf. po kognitivnoj frazeologii* [Phraseology in the linguistic picture of the world: cognitive-pragmatic registers: a collection of scientific papers on the basis of the 4th Intern. scientific. conf. on cognitive phraseology]. Belgorod, 2019, pp. 320–324.
 4. Zaostrovskih K.M. Mentalitet kak opredelajuschij faktor v social'noj psihologii grupp «bogatyje» i «bednyje» [Mind-set as a determining factor in the social psychology of «the rich» and «the poor» groups]. *Sovremennyj gorod: social'nost, kultura, zhizn ludej: materialy XVII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Modern city: sociality, culture, life of people: materials of the XVII International scientific-practical conference]. Ekaterinburg, 2014, pp. 265–268.
 5. Kirillov A.K. «Bogatyje» i «bednyje» v zapadosibirskoj derevne: stolknovenija vokrug nalogovyh raskladok v nachale XX v. [«The rich» and «the poor» in a West Siberian village: tax clashes at the beginning of the 20th century]. *Ekonomicheskaya istoriya Sibiri XX – nachala XXI veka: Sb. statej po materialam IV Vserossijskoj nauchnoj* [Economic history of Siberia XX – early XXI century: Sat. articles based on the materials of the IV All-Russian Scientific Conference]. Barnaul, 2015, pp. 136–145.

6. Kostomarov P.I. Antropocentrizm kak vazhnejshij priznak sovremennoj lingvistiki [Anthropocentrism as an important feature of modern linguistics]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014, no 2-1 (58), pp. 198–203.
7. Kukushkina D.A., Evtugova N.N. Rerezentaciya konceptov «bogatstvo» i «bednost'» v angloyazychnom medijnom diskurse [Representation of the concepts «wealth» and «poverty» in the English-language media discourse]. *Molodyozh' tret'ego tysyacheletiya: sbornik nauchnykh statej XLII regional'noj studencheskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Youth of the third millennium: collection of scientific articles of the XLII regional student scientific-practical conference]. Omskij gosudarstvennyj universitet im. F.M. Dostoevskogo. Omsk, 2018. pp. 1042-1046.
8. Nazarova A.A. *Specifika predstavlenij studentov o bednosti i bogatstve* [The specificity of students' image of poverty and wealth]. Sbornik nauchnykh trudov. Novosibirsk, 2018, pp. 120–124.
9. *Nacional'nyj korpus russkogo yazyka* [National corps of the Russian language]. URL: <http://ruscorpora.ru/new/search-main.html>
10. Novikov L.A. Eskiz semanticheskogo polya [An essay on semantic field]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoria yazyka. Semiotika. Semantika*. 2011, no 2. pp. 7-17.
11. Sergunina N.A. Koncept «den'gi» («bogatstvo») v proizvedeniyah V.G. Rasputina pozdnego perioda [The concept of «money» («wealth») in the works of V.G. Rasputin, the later period]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: filologiya, zhurnalistika*. 2019, no 3, pp. 63–68.
12. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language XI–XVII c.]. M.: Nauka, 1975-2008. Vyp. 1-28.
13. *Slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vol.]. M.: Rus.yaz.; Poligrafresursy, 1999. Vol. 1-4.
14. Tarasova A.S. Kategoriya obekta semanticheskikh polej «bogatstvo» i «bednost'» v russkom yazyke: sinhronno-diahronicheskij aspekt [The category of the object of semantic fields «wealth» and «poverty» in the Russian language: a synchronous-diachronic aspect]. *Filologicheskij aspekt*. 2019, no 4, pp. 200–207.

15. Yurchenko M.A. Social'noe neravenstvo: bogatye stali bogache, bednye bednee [Social inequality: the rich have richer, the poor became even]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki*. 2017, no 5, pp. 131–133.
16. Bratanova B.A., Loughnan S., Klein O., Wood R. The rich get richer, the poor get even: perceived socioeconomic position influences micro-social distributions of wealth. *Scandinavian Journal of Psychology*. 2016. Vol. 57. Is. 3, pp. 243–249.
17. Keeley B. *Income inequality: the gap between rich and poor*. OECD Insights, OECD Publishing, Paris. 2015. 122 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Тарасова Анна Сергеевна, аспирант кафедры русской филологии
и журналистики

*Волгоградский государственный университет
пр-т. Университетский, 100, г. Волгоград, Волгоградская об-
ласть, 400062, Российская Федерация
ani.tarasova@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Tarasova Anna Sergeevna, Postgraduate Student, Department of Rus-
sian Philology and Journalism

*Volgograd State University
100, Universitetsky Prospect, Volgograd, Volgograd Region,
400062, Russian Federation
ani.tarasova@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7607-4135*

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-4-323-343
УДК 811.1

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗНЫХ СРАВНЕНИЙ СМЕХА И ПЛАЧА

Товкайло Ю.А.

Цель. В данной статье рассматриваются функционально-семантические особенности образных сравнений в составе сравнительных конструкций на примере образных сравнений смеха и плача.

Метод или методология проведения работы. Методологическую основу исследования составили следующие методы: метод сплошной выборки, сравнительно-сопоставительный, метод компонентного анализа, контекстуальный анализ.

Результаты. Статья посвящена детальному анализу сравнительных конструкций смеха и плача, раскрыта их структура, дана характеристика каждого компонента, классифицированы образные сравнения по особенностям их фреймовой структуры и лексической сочетаемости. Сделан вывод об универсальных, национально-специфических и гендерных признаках образных сравнений смеха и плача.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере лексикологии, стилистики, функциональной семантики и когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: смех; плач; сравнение; гендер.

FUNCTIONAL AND SEMANTIC FEATURES OF LAUGHTER AND CRYING FIGURATIVE COMPARISONS

Tovkaylo Yu.A.

This article discusses the functional and semantic features of figurative comparisons as part of comparative constructions based on figurative comparisons of laughter and crying. The introduction reveals the author's

position that laughter and crying are an antinomic couple, while laughter and crying culture were characteristically formed in many cultures, acquiring gender-specific characteristics. The relevance, purpose, object, scientific novelty and practical significance of the study are substantiated, the idea of the national-cultural significance of the comparative constructions of laughter and crying (based on example of the Russian and English languages) is put forward. The article is devoted to a detailed analysis of the comparative constructions of laughter and crying, their structure is disclosed, a characteristic of each component is given, figurative comparisons are classified by the features of their frame structure and lexical compatibility. The following scientific methods were applied: continuous sampling method, comparative method, component analysis method, contextual analysis. The conclusion is drawn about universal, national-specific and gender signs of figurative comparisons of laughter and crying.

Keywords: *laughter; crying; comparison; gender.*

Введение

Смех и плач как феномены человеческого бытия представляют собой синтез эмоционально-культурных особенностей личности, антинормичную пару, выражающую психологическое состояние и настроение индивида. Смеховая и плачевая культура сформировались во многих культурах и изучались исследователями весьма активно; относительно русской и европейской культуры сформировались разные позиции, обобщенно их можно представить следующим образом:

- 1) Русская культура – «бинарная», «диссонансная», «амбивалентная», сочетающая в себе национальные особенности русской смеховой и плачевой культуры. Русская смеховая и плачевая культура развивались параллельно, не обособленно друг от друга, занимая прочное место в истории становления русского менталитета [9; 10]. Русская культура в целом противопоставляется европейской как «гармоничной».
- 2) Доминантная основа русской культуры – плачевая. Под влиянием православной традиции плач в ней стал способом излияния души, формой исповеди, излияния души Богу,

«очищение» слезами. Русская смеховая культура в своем становлении и развитии противопоставлялась ей и всячески порицалась, воспринималась как «языческая», «греховная». При этом русская культура как плачевая в своей основе (восточная) противопоставляется, например, европейской (в том числе британской) как смеховой (западной).

- 3) Помимо этого, в различных трудах, например, И.В. Коныревой, выделяются характерные черты русской и европейской культур: русская – «иррациональная», «коллективная», «*женского типа*», европейская – «рациональная», «индивидуальная», «*мужского типа*» [10].

Несмотря на сложившееся противопоставление типов культуры русский/плачевой/женский – европейский/смеховой/мужской, в анализируемых нами языках – русском и английском – присутствует явное преобладание маскулинности, начиная с грамматической категории рода и заканчивая индивидуальным речевым кодом. Мужской род в обоих языках носит универсальный характер, выступая в качестве так называемого «общего» рода. Одним из показателей этого является его использование «для обозначения лиц любого пола или группы лиц разного пола» [23, с. 225]. «Гендерная стереотипизация фиксируется в языке, тесно связана с выражением оценки и влияет на формирование ожиданий от представителей того или другого пола определенного типа поведения» [12, с. 174].

По нашему мнению, не совсем верным является и отнесение смеховой культуры к мужскому типу. В предыдущих исследованиях мы уже отмечали, что женщины в присутствии мужчин смеются гораздо чаще, проявляя тем самым кокетливое поведение и показывая свою заинтересованность или напротив показывая свою доминирующую роль по отношению к мужчине, пытающемуся завладеть их вниманием (насмешница, хохотушка / хохотунья). Однако это не просто расположенность к смеху в присутствии лиц противоположного пола, мужчина выступает инициатором, демонстрируя свои различные положительные качества, в том числе чувство юмора, в то время как женщины просто отвечают смехом,

что воспринимается мужчинами как одобрение их действий. «Смешливость» в коммуникативном поведении девочек также отмечали А. Хаас [25] и С. Эдельски [24] при анализе общения смешанных пар детей. А. Хаас приходит к выводу, что в смешанной паре мальчики выступают инициаторами шуток, поэтому смех девочек в их присутствии звучал вдвое чаще, чем при общении девочек друг с другом, при этом именно девочки подстраивались, приспособливались под мальчиков.

Вышесказанное подтверждает тот факт, что представители обоих полов корректируют свое поведение в присутствии друг друга. Ситуация кокетливого общения / флирта, одна из тех редких, в которых женщина зачастую занимает доминирующую позицию, в то время как обычно она принадлежит мужчинам [2].

С. Эдельски проверяла способность детей распределять слова-маркеры, характерные для женского и мужского стиля общения, помимо прочих в состав женского стиля вошли такие слова, как: *adorable, beautiful* и др.; мужского – *Damn it!* Примечательно, что именно они были выбраны в качестве названия произведения Фрэнсиса Скотта Фицджеральда «Прекрасные и проклятые» (ориг. «The Beautiful and Damned»), в котором особое место занимает раскрытие общения персонажей разных полов друг с другом, а также становление и разрушение романтических отношений между ними. Особый интерес представляет семейная пара главных героев, события, происходящие с ними, затрагивают их обоих, различна именно реакция. В соответствии с проведенными нами статистическими подсчетами количество эпизодов плача и смеха с субъектами разных полов в романе «The Beautiful and Damned» составляет следующее соотношение:

- 1) эпизоды плача: женщины – 15 эпизодов, мужчины – 7 эпизодов, из них совместных несмешанных – 0, совместных смешанных – 1 эпизод.
- 2) эпизоды смеха: 21 эпизод – женщины, 32 – мужчины, совместных несмешанных – 5 эпизодов (2 эпизода – женщины и 3 эпизода – мужчины), совместных смешанных – 10 эпизо-

дов. Коллективные, массовые проявления эмоций, связанные с крупными событиями в жизни больших групп людей, мы здесь не рассматриваем. Таким образом, можно судить как минимум о неоднородности эпизодов плача и смеха у представителей разных полов.

Гендерные особенности пронизывают языки, обращаются к самой их сути, к истокам. Индивидуальный речевой код складывается из совокупности не только физиологических и психологических признаков индивида (базовых параметров), но и социальных, национальных и других аспектов его существования и деятельности. Оппозиция мужских и женских вариантов языка характерна для многих языков, которую В.М. Алпатов смело называет «древнейшим типом дифференциации языка» [1, с. 58]. Многие исследователи занимались поиском и реконструкцией гендерных признаков единиц различных уровней, отдавая приоритет грамматическому и лексическому. В отличие от уже существующих научных изысканий, в которых преимущественно изучается мужская и женская речь и способы восприятия ими действительности, мы проанализируем сравнительные конструкции, которые по своей природе уже представляют опосредованное восприятие объекта субъектом с учетом гендерных особенностей, в исследовании будет учтен и рефлексивный характер – восприятие субъектом самого себя.

Выявить и переосмыслить устоявшиеся отношения между объектами и раскрыть, выразить особенности народного мировидения помогают образные сравнения. Сравнительная конструкция включает в себя несколько компонентов. Мы выделяем субъективную сторону сравнения, подразумевая под ней того, кто сравнивает и его характеристики, объективную сторону сравнения – тот, кого сравнивают и его характеристики, сравнительный образ – то, с чем сравнивается объект (эталон – Г.Л. Денисова [7]) и сравнительные признаки – по каким характеристикам определяется сходство между образом и объектом.

Актуальность данного исследования обусловлена тем фактом, что оно включается в круг вопросов, посвященных изучению фрагментов языковой картины мира, проводится на стыке отдельных фи-

лологических дисциплин, синтезирующих когнитивный и лингвокультурологический подходы к явлениям языка, множественностью и разноплановостью аспектов рассмотрения русской и английской национальных языковой картины мира и сравнительно-метафорических образов их составляющих.

Цель

Цель нашего исследования заключается в выявлении функционально-семантических особенностей сравнительных конструкций смеха и плача, в определении их способности служить средством экспликации компонентов когнитивных сценариев смеха и плача, реконструируемых на основе русскоязычных и англоязычных художественных текстов.

Объектом настоящего исследования является функционирование и семантика сравнительных конструкций смеха и плача, предметом – заключенные в них сравнительно-метафорические образы как фрагменты национальных языковых картин мира.

Метод или методология проведения работы

Методологическую основу исследования составили следующие методы: метод сплошной выборки, сравнительно-сопоставительный, метод компонентного анализа, контекстуальный анализ. Отметим, что метод компонентного анализа является ведущим в лексикологии и семантике, т.к. является одним из наиболее универсальных и надежных методов семантических исследований и имеет широкую сферу применения.

Научная новизна исследования

Компаративные конструкции и содержащиеся в них образы сравнения неоднократно становились объектом филологического изучения, филологами были исследованы роль и функции образных сравнений не только в языке в целом [19; 20; 21; 22; 8; 14], но и в творчестве отдельных писателей [3; 15], был издан «Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке» [4]. В статье М.В. Сторчак сравне-

ния изучались с позиции реализации ими единиц лексико-семантического поля «смех» [17], компаративные конструкции смеха и плача и содержащиеся в них образные сравнения русского и английского языка в сопоставлении с учетом функционально-семантических особенностей, в частности гендерных, ранее не были исследованы.

Данная статья носит обобщающий характер, излагает основные результаты проведенного исследования, в которой последовательно излагаются основные характеристики сравнительных конструкций смеха и плача, под которыми мы понимаем сравнительные конструкции, используемые в ситуации, когда субъект действия смеется или плачет, автором, участником коммуникативной ситуации или самим субъектом.

Область применения результатов

Практическая ценность работы связана с потенциальной возможностью применения результатов проведенного исследования в рамках изучения лексикологии, стилистики, функциональной семантики, когнитивной лингвистики, в сравнительно-сопоставительном анализе русского и английского языков.

Результаты

Уточняем, что сравнительный анализ синтаксиса сравнительных конструкций русского и английского не является объектом нашего исследования. Мы выбрали в качестве материалы объекты сравнения в сравнительных конструкциях, потому что именно в их семантике закреплено представление о том, как должен выглядеть плачущий / смеющийся человек, как его воспринимают окружающие, оценивая его действия положительно или отрицательно. В центре нашего внимания ограничения употребления сравнительных конструкций смеха и плача, субъектно-объектные отношения, раскрывающиеся в них, и фреймовая структура понятийных сфер плача и смеха, реконструируемая при помощи образных сравнений.

Ограничения. Сравнительные конструкции смеха и плача не универсальны, они имеют определенные ограничения на выбор

субъекта (лексико-грамматические или категориально-грамматические). В рамках данной статьи мы анализируем образные сравнения с конкретными одушевленными объектами и различными метафорическими образами (эталонами с положительной и отрицательной коннотацией). Образное сравнение – ценный источник, содержащий сведения о культуре, мировосприятии как индивидуума, так и этнической общности людей, нации. В русском и английском языках сравнительные конструкции смеха и плача представлены союзными единицами, употребляемыми в сравнительных оборотах, однако сравнение с одушевленным объектом предполагает ограниченное их использование, в число которых входит: *как, будто, словно, точно, like, as*. В русском языке также можно встретить синонимичные конструкции с творительным падежом: *реветь как белуга / реветь белугой*.

Субъектно-объектные отношения. В рамках ситуаций смеха и плача сравниваются сами ситуации со схожими и их отдельные компоненты. Сравнение осуществляется субъектом, который проводит аналогии между ситуацией, реальным объектом, его признаками и характером совершаемого действия, и устоявшимся образом смеющегося/плачущего объекта, продуцирующим метафорические смыслы. Сравнение всегда опосредовано и носит оценочный характер, т.к. активное действие совершает не субъект сравнения, а субъект самой ситуации.

Фреймовая структура понятийных сфер плача и смеха. Мы исходим из предположения, что фреймовая структура понятийных сфер плача и смеха имеет сходные исходные данные. Под фреймом мы понимаем структуру данных для представления стереотипной ситуации [26]. По итогам проведенного анализа нами были выделены следующие фреймы: возраст, пол, нарушение эмоционального / психологического равновесия, глупость, самооценка, род деятельности, зооморфический образ, натуроморфический образ.

Возраст и пол. Фрейм *возраст* в сравнениях смеха и плача мы выделяем на основании того, что в текстах представлено большое количество сравнений с детьми. Детям свойственно открытое проявление

эмоций, они смеются и плачут: *«Там он стал сзади своих учеников и внимательно смотрел за тем, как они себя вели: <...> толкались, шептались, смеялись, безобразничали»* (Ф. Сологуб. Мелкий бес).

К возрастным характеристикам в ситуации плача следует отнести базовые образы (ребенок, дитя/дитё, младенец/мальш, маленький/-ая/ baby), но и гендерно детерминированные (девочка/девчонка, мальчишка, парнишка / boy, girl), а также образы с дополнительными элементами (несмышленный, наказанный, разочарованный ребенок / silly, little). *«Early evening, driving up Western Avenue in my car alone, crying like a little baby girl with colic <...>»* (Ferrare M. Yong Drunks in Love). При этом в сознании говорящего существует четкое представление о противопоставлении плачевого поведения ребенка и взрослого человека: *«Обычно он плакал как ребёнок, чтобы видели, и сочувствовали, и утешали. Это был плач-давление. А сейчас он плакал как мужчина. Прятал лицо»*. (Токарева В. Своя правда) Противопоставление взрослого и юношеского возраста: *Твердый, благоразумный, убеленный сединами, охлажденный летами, Алимари рыдал, как дитя, как юноша, лишившийся подруги своего сердца* (Греч Н.И. Черная женщина). Несмотря на то, что это два исключительных примера, характеризующих плач мужчины, мы выделяем фрейм *пол*, чтобы противопоставить эти случаи сравнениям с образами-женщинами (женщина, баба, барышня, мама), которые встречаются в текстах гораздо чаще.

Фрейм *возраст* в сравнениях смеха представлен схожими единицами, обозначающими младший возраст, однако их существенно меньше: ребенок, дитя (дитё), мальчик/девочка (по отношению к субъекту соответствующего пола). Это не означает, что лексические единицы, употребляемые в сравнительных конструкциях плача, не могут быть использованы в конструкциях смеха с позиции сочетаемости.

Фрейм *пол* в сравнительных образах смеха представлен не так широко, т.к. здесь не так четко прослеживается гендерная принадлежность смеха. В сознании носителей русской и английской культур не закреплен на языковом уровне сравнительный образ смеющегося мужчины и смеющейся женщины, обладающий явны-

ми отличительными характеристиками. Смех в коммуникативном поведении обеих культур находится в иной плоскости, регулируется по признаку уместности/неуместности. Неуместным признается смех в целом в неподходящей ситуации или чересчур громкий смех, привлекающий лишнее внимание. Женский и мужской смех различаются по тембру и звонкости, но в сравнениях это не является релевантным признаком, однако частные случаи употребления этого противопоставления следует упомянуть: *«Нечаев смеялся, как девушка, словно горох сыпал, и по-девичьи тоненько взвизгивал»* (Шолохов М.А. Поднятая целина). Таким образом, различие имеет место быть, но не получило закрепления и широкого распространения в компаративных конструкциях. В целом следует говорить о превалировании феминных образов над маскулинными, т.е. сам принцип формирования плачущего/смеющегося мужчины строится на противопоставлении его женскому или сравнению с ним, при этом сравнительные конструкции «плакать как мужчина» («cry like a man») и «смеяться как мужчина» («laugh like a man») и подобные не получили закрепления ни в одном из анализируемых языков. Это не значит, что, например, мужские слезы (male tears и manly tears) совсем исключены или табуированы, мужские слезы в целом как явление, а также современное представление о них в коммуникативном пространстве мы проанализировали в другой статье [18].

Нарушение эмоционального/психологического равновесия. Данный фрейм представлен в обоих языках прилагательными, при этом для мужчин и женщин эти характеристики используются в равной степени, как в ситуации смеха, так и в ситуации плача: *ненормальный/-ая, слабонервный/-ая, безумный/-ая, сумасшедший/-ая, mad, half-brains, crazy: «We both cry like mad».* (Smith A. Girl meets boy) *«I wanted to run away like we had the day before, laughing like half-brains»* (Raisin R. God's Own Country).

Алкогольное опьянение воспринимается как близкое нарушению эмоционального/психологического равновесия. *«Он рыдал как пьяница. Пьяные слезы душили его, текли по лицу и попадали в рот, искривленный рыданиями. Он едва мог говорить».* (Гаршин В. Происше-

стве) *«Тот смеялся, как пьяный, и говорил с трудом, точно бредил: - Вся в ореоле, пчелка. Работаешь»* (Акимов П. Плата за страх).

Глупость. Данный фрейм представлен следующими лексическими единицами, характеризующими низкий уровень интеллектуального развития, дура/ дурак, идиот/-ка, глупый, глупец / stupid, fool, idiot. *«Вика слушала меня и смеялась, как дура. Может быть, она и хотела бы поехать со мной, но, слава богу, у нас с ней разные дети»* (Голованов В. Эти квартиры). *«Пальцем не пошевелил, только плакал, как дурак, и не мог даже заработать столько, чтобы любимая женщина не сделалась кухаркой»* (Станюкович К.М. Оригинальная пара). *«You make a great mistake, if you think it improves your eyes to cry like a fool!»* (Salinger J.D. The Catcher in the Rye). Как и единицы фрейма *нарушение эмоционального/психологического равновесия* все они характеризуют действия субъекта как *отрицательные*.

Самооценка. В ситуации смеха и плача субъект характеризует сам себя (фрейм *самооценка*), он обращается к нейтральным образам или же к отрицательным (*нарушения эмоционального равновесия, глупости*): *«Я забыл сказать, что «Вертер» меня занимал почти столько же, как «Свадьба Фигаро»; половины романа я не понимал и пропускал, торопясь скорее до страшной развязки, тут я плакал, как сумасшедший»*. (Герцен А.И. Былое и думы). Нам не встретилось ни одного случая, когда субъект описывал себя как плачущего или смеющегося, используя положительные характеристики. Чаще всего описания субъектом его поведения осуждается им самим, он его стыдится: *«И так у меня, Ваня, в иной момент сердце сжимается, что присяду я над этим Борькой и плачу, как дура, сама не знаю, от радости или от горя, а скорее от того и другого»* (Войнович В. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина).

Мужчины порицают слезы как слабость, свойственную женщинам: *«Помолчав немного, солдат продолжал: «Извините меня, г. поручик, что я плачу, как женщина, более 20 лет служу Франции, а в эти годы привык почитать службу матерью, а доброго начальника отцом. Граф де Серваль...»* (Бестужев Н.А. Русский в Париже 1814 года).

Мужчины предпочитают оставаться сильными духом и непоколебимыми, поэтому свои слезы они воспринимают как что-то исключительное, а их причину более знаменательной: *Да, ты меня любила, Вера! никто на свете меня не разуверит – никто не вырвет у меня из души воспоминаний о моем единственном блаженстве! О, как оно было полно, восхитительно, необъятно... видишь, видишь слезы... не изобретено еще муки, которая бы вырвала такую каплю из глаз моих... а теперь плачу, как ребенок, плачу... когда вспомнил, что был один раз в жизни счастлив. (Упадает на колени и хватается ее руки.) О, позволь, позволь мне по крайней мере плакать.* (Лермонтов М.Ю. Два брата)

Род деятельности. В обеих культурах существует особая профессия, возникшая в очень давние времена, – плакать. Плакальщицы и плакальщики (англ. mourners, weepers) занимают прочное место в похоронных обрядах, т.к. слезы обнаруживают прочную связь с горем, а горе со смертью в русской и английской культуре (здесь мы под ней понимаем общие начала британской и американской культур): *«И вдруг заголосила Ирина Скобцева, как плакальщица на похоронах. Вам не надо <...> И Нонке, и тебе выступить противопоказано... – хлопает Скобцева»* (Мордюкова Н. Казачка). Для плакальщиц характерные определенные ритуальные действия: *Но она вцепилась, как плакальщица в угол гроба, и не отпустила* (П. Алешковский. Жизнеописание Хорька). *Mourners came out through the gates: woman and a girl. Leanjawed harpy, hard woman at a bargain, her bonnet awry. Girl's face stained with dirt and tears, holding the woman's arm looking up at her for a sign to cry. Fish's face, bloodless and livid.* (Joyce J. Ulysses)

В русской культуре обряд оплакивания умершего считается женским обрядом, однако в европейской были распространены и мужские. Однако в других культурах не только плач является обязательным атрибутом похоронного обряда, но и смех, что было характерно, например, для древних жителей острова Сардиния, традиционно убивавших стариков и инвалидов под так называемый «сардонический» смех.

Зооморфические сравнения. К зооморфическим образам плача в русском языке относятся корова (вол, буйвол), белуга, также можно встретить сравнения с собакой и больным или загравленным животным (по аналогии с характерным воем и измождённым состоянием, характерным в этих случаях) и крокодилом (по аналогии с фразеологизмом «крокодиловы слезы»). *«Я обещаю им полтора миллиона самых жирных мух... Я буду рыдать, как одинокая корова, стонать, как больная курица, плакать, как крокодил».* (Толстой А.Н. Золотой ключик, или приключения Буратино)

Примечательно, что корова и белуга как самые распространенные из представленных, являются существительными женского рода, однако сочетание V_n (глагол плача) + *как корова* является гендерно детерминированным (о женщинах) [13], а V_n + *как белуга* нет, т.к. по результатам наших подсчетов, число его употреблений в сравнительных конструкциях по отношению к мужчинам и женщинам примерно одинаково. *«– Не надо, – взмолилась Полина Ивановна. – Вашими словами я ещё могу вынести, а его - нет. Реву, как корова ненормальная»* (Грекова И. Скрипка Ротшильда).

Устойчивое сочетание русского языка *реветь белугой* (прост.) в его трансформировавшемся, однако не менее употребительном варианте *реветь как белуга*, является уникальным и не имеет эквивалента в английском языке, вызывая недоумения в обыденном представлении и самим русскоговорящих. Белуга/белуха – это полярный дельфин, издающий звук, похожий на рев: *«В тот вечер Нюра впервые отлупцевала сына, ревела в голос, как белуга, от слез опухла, но и крестила Акимку кожаной опояской, не щадя <...>»* (Личутин В. Вдова Нюра). А. Подвысоцкий пишет, что иногда этого зверя также называли «морская корова» [16]. В современном русском языке произошло разграничение этих слов, белуга – это рыба, а белуха – полярный дельфин [11].

В русском языке представлены наиболее часто встречаются зооморфические образы, употребляющиеся в сравнительных конструкциях смеха с глаголом *ржать*: лошадь, конь, жеребец, жеребенок. *В тот вечер я вообще смеялся больше, чем следует. Агния спрашивала меня, хорошо ли командовать батальоном, – я хох-*

тал, Агния упрасивала меня продекламировать что-нибудь по-немецки – я ржал, как жеребец (Ефремов. А. Любовь и доблесть Иохима Тишбейна). «Он был малого роста, курчав, губаст, и когда смеялся, то ржал, как жеребенок» (Нарежный В. Т. Бурсак).

Употребление зооморфического образа является относительно детерминированным родовой принадлежностью, такие лексические единицы, как конь, жеребец и жеребенок, употребляются только по отношению к субъекту-мужчине, в то время как лошадь используется как сравнительный образ для субъектов обоих полов: «Несколько дней назад этот анекдот выдал по телефону Трубников. И сам ржал, как лошадь» (Богдан А., Прашкевич Г. Человек «Ч»).

К индивидуально-авторским зооморфическим образам можно отнести пример, встретившийся нам в повести М.П. Арцыбашева: «Толстый биржевик, растянув почти на грудь сочный мокрый рот, чокался и ржал, как толстое Сытое животное на случке» (Арцыбашев М.П. Миллионы).

К зооморфическим образам смеха в английском языке относятся *monkey* и разновидности этих животных (наиболее часто встречающееся сравнение с *baboon*), *hyena*, *horse*. «*Whinnies like a horse when he laughs, shouts abuse at the servants and is pickled most of the time*» (Carol K. Carr. *India Black and the Widow of Windsor*). «*I set the book down, and laughed like a monkey*» (Raisin R. *God's Own Country*). «*William and George laughing like hyenas, Bobby braying and rubbing his hands together as if it were thirty degrees instead of sixty, Bruce laughing his goading laugh like baboon's* <...>» (Sullivan B. *Eleven Miles South of Half Moon Bay*).

Несмотря на то, что в русском языке не используется сравнительная конструкция «смеяться как гиена», в интернет-пространстве, в том числе и в российском сегменте среди молодежи, сложился образ человека-гиены, который имеет определенные особенности. Пятнистые гиены издают характерные звуки, наиболее приближенные к тому, что мы привыкли называть смехом, поэтому именно этот вид называли смеющейся гиеной. В кинематографе и мультипликации их часто изображают смеющимися, вспомним, например,

гиен из «Короля льва». При просмотре видеороликов на сервисе YouTube можно встретить любительские видео, в которых одним из основных участников выступает человек за кадром, который смеется над происходящим высоким голосом (зачастую он это делает вместо того, чтобы помочь пострадавшим, например, в результате неудачного пранка / розыгрыша), благодаря чему и возник образ человека-гиены, для которого характерен смех злорадный, смех человека, который радуется чужим неприятностям (Schadenfreude).

Натуроморфические сравнения. В английском языке существует уникальное натуроморфическое сравнение *laugh like a drain* 'громко смеяться' (метафорическое сравнение со звуком воды в водосточных трубах). О.А. Гусева в статье 2016 г. переводит это сравнение «смеяться как сточная канава» [5, с. 137], однако в статье 2018 г. использует, на наш взгляд, более точный буквальный перевод конструкции «смеяться как водосток» [6, с. 80]. В русском языке натуроморфические сравнения смеха и плача не представлены. Это можно объяснить тем, что смех и плач подразумевают активные действия, поэтому наиболее продуктивными оказались другие фрагменты языковой действительности, метафорические модели по отношению к неодушевленным объектам, когда им приписывают действия, совершаемые человеком (дождь плакал, солнце смеялось), а не наоборот. Модели построения сравнений, связанных с живой природой (антропоморфические и зооморфические) в русском и английском языках наиболее продуктивные.

Заключение

Таким образом, сравнительные конструкции смеха и плача носят эмоционально-символический характер, повышают выразительность текста и отражают отношение субъекта ситуации к объекту, которое варьируется в диапазоне от презрения и сочувствия до восхищения. Сравнительные конструкции смеха и плача отражают гендерные особенности взгляда на мир и восприятия представителей противоположного пола, а также национальную образную систему культуры и языка. Сравнительные образы, представленные в

конструкциях, употребляются преимущественно при передаче отрицательной оценки действий, совершаемых субъектом (смеха или плача), или при характеристике субъектом собственных действий.

Список литературы

1. Алпатов В.М., Крючкова Т.Б. О мужском и женском вариантах японского языка // Вопросы языкознания. М., 1980. № 3. С. 58–68.
2. Гендер и язык / Московский гос. Лингвистический ун-т; Лаборатория гендерных исследований. М.: Языки славянской культуры, 2005. 624 с.
3. Головинова Н.В. Сравнения в творчестве М.Ю. Лермонтова: гендерный аспект // Филологические науки: Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (4). С. 97–101.
4. Горбачевич К.С. Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке: около 1300 словарных статей. М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Астрель»; ЗАО НПП «Ермак», 2004. 285 с.
5. Гусева О.А. Механизмы языкового представления основных характеристик смеха как вербальной реакции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. №13 (752). С. 136–141.
6. Гусева О.А. Устойчивые словосочетания с ключевым компонентом «смех» (на материале английского и русского языков) // Материалы международной научной конференции «Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке». Издательство: Тульское производственное полиграфическое объединение. 2018. С. 78–82.
7. Денисова Г.Л. Когнитивный механизм сравнения в немецком языке: автореф. дисс. ... д. филол. н. Самара, 2009. 34 с.
8. Карцевский С.О. Сравнение // Вопросы языкознания. 1976. №1. С. 107–112.
9. Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. М.: Аспект Пресс, 1997. 687 с.
10. Конырева И.В. Смех и плач как основания построения типологии культуры // Исторические, философские, политические и юридиче-

- ские науки, Культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8): в 3-х ч. Ч. III. 213 с.
11. Люстрова З.Н., Скворцов Л.И., Дерягин В.Я. Другим русскому языку (Книга о развитии современного русского языка, о его месте в социалистической культуре). М.: Знание, 1982. 160 с.
 12. Милованова М.В., Максимова В.Е. Гендерные стереотипы и средства их выражения в речи молодежи // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. 2011. № 2 (14). С. 174–178.
 13. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. М.: ЗАО «ОЛМА МедиаГрупп», 2008. 798 с.
 14. Некрасова Е.А., Бакина М.А. Языковые процессы в современной русской поэзии. М.: Наука, 1982. 311 с.
 15. Садовников С.А. Сравнение как паралогический приём в творчестве А.П. Платонова // Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. 2018. № 4(50). С. 8–9.
 16. Словарь областного Архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / Сост. А.О. Подвысоцкий. СПб.: 2-е Отд-ние Акад. наук, 1885. 198 с.
 17. Сторчак М.В. Сравнение как средство экспликации семантики единиц лексико-семантического поля СМEX: (На материале современной англоязычной прозы) // Филол. науки. Вопр. теории и практики. Тамбов, 2015. № 1-2 (43). С. 188–191.
 18. Товкайло Ю.А. Ментальный образ слез (tears) в языковом сознании (на примере русского и английского языков) // МНКО. 2019. №6 (79). С. 686–689.
 19. Томашевский Б.В. Сравнение // Стилистика. Л.: Наука, 1983. С. 204–216.
 20. Тулина Т.А. О способах эксплицитного и имплицитного выражения сравнения в русском языке // Философско-исторические науки. 1973, № 1. С. 51–62.
 21. Федосеева Н.С. Функционально-семантическое поле сравнения в современном немецком языке. автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 1997. 22 с.
 22. Черемисина М.И. Сравнительные конструкции современного русского языка. Новосибирск: Наука, 1976. 267 с.

23. Черкесова З.В. Проблема гендера во французском языке: лексический и грамматический уровни // Современные исследования социальных проблем. 2018, Том 10, № 4 С. 224–235.
24. Edelsky C. The acquisition of communicative competence: recognition of linguistic correlates of sex roles // Merrill-Palmer Quarterly. 1976. no 22, pp. 47–59.
25. Haas A. Sex-associated features of spoken language by four-, eight-, and twelve-year-old boys and girls. // Paper given at the 9th World Congress of Sociology. Uppsala, Sweden. August 1978, pp. 14–19.
26. Minsky M. A. Framework for Representing Knowledge // The Psychology of Computer Vision/ Patrick Henry Winston (ed.). McGraw-Hill, New York (U.S.A.), 1975, pp. 71–77.

References

1. Alpatov V.M., Kryuchkova T.B. O muzhskom i zhenskome variantah japonskogo jazyka [On male and female versions of the Japanese language]. *Voprosy jazykoznanija*. M., 1980. no. 3, pp. 58–68.
2. *Gender i jazyk* [Gender and language]: Moskovskij gos. Lingvisticheskij un-t; Laboratorija gendernyh issledovanij. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2005. 624 p.
3. Golovinova N.V. Sravnenija v tvorcestve M. Ju. Lermontova: gendernyj aspekt [Comparisons in the works of M.Yu. Lermontov]. *Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki*, Gramota, 2009. No. 2 (4), pp. 97–101.
4. Gorbachevich K.S. *Slovar' sravnenij i sravnitel'nyh oborotov v russkom jazyke: okolo 1300 slovarnyh statej* [Dictionary of comparisons and comparative turns in the Russian language: about 1300 entries]. M.: OOO "Izdatel'stvo AST"; OOO "Izdatel'stvo Astrel"; ZAO NPP "Ermak", 2004. 285 p.
5. Guseva O.A. Mehanizmy jazykovogo predstavlenija osnovnyh harakteristik smeha kak verbal'noj reakcii [The mechanisms of linguistic representation of the main characteristics of laughter as a verbal reaction]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2016, no 13 (752), pp. 136–141.

6. Guseva O.A. Ustojchivye slovosochetaniya s kljuhevym komponentom “smeh”(na materiale anglijskogo i russkogo jazykov) [Stable phrases with the key component “laughter” (based on English and Russian languages)]. *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Poliparadigmal'nye konteksty frazeologii v XXI veke»* [Materials of the international scientific conference “Polyparadigmatic contexts of phraseology in the XXI century”]. Izdatel'stvo: Tul'skoe proizvodstvennoe poligraficheskoe objedinenie. 2018, pp. 78–82.
7. Denisova G.L. *Kognitivnyj mehanizm sravnenija v nemeckom jazyke* [Cognitive mechanism of comparison in the German language]: avtoref. diss. kand. filol. nauk. Samara, 2009. 34 p.
8. Kartsevsky S.O. Sravnenie [Comparison]. *Voprosy jazykoznanija*. 1976, no 1, pp. 107–112.
9. Kondakov I.V. *Vvedenie v istoriju russkoj kul'tury* [Introduction to the history of Russian culture]. M.: Aspect Press, 1997. 668 p.
10. Konyreva I.V. Smeh i plach kak osnovanija postroenija tipologii kul'tury [Laughter and crying as the basis for building a typology of culture]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, Kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2011, no 2 (8): part III. 213 p.
11. Lyustrova Z.N., Skvortsov L.I., Deryagin V.Ya. *Druz'jam russkogo jazyka (Kniga o razvitii sovremennogo russkogo jazyka, o ego meste v socialisticheskoj kul'ture)* [To the friends of the Russian language (a book on the development of the modern Russian language, about its place in socialist culture)]. M.: Znaniye, 1982. 160 p.
12. Milovanova M.V., Maksimova V.E. Gendernye stereotypy i sredstva ih vyrazhenija v rechi molodezhi [Gender stereotypes and means of their expression in youth speech]. *Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 2, Yazykoznanije*. 2011, no. 2 (14), pp. 174–178.
13. Mokienko V.M., Nikitina T.G. *Bol'shoj slovar' russkih narodnyh sravnenij* [A large dictionary of Russian folk comparisons]. M.: ZAO «OLMA MediaGrupp», 2008. 798 p.
14. Nekrasova E.A., Bakina M.A. *Jazykovye processy v sovremennoj russkoj poezii* [Language processes in modern Russian poetry]. M.: Nauka, 1982. 211 p.

15. Sadovnikov S.A. Sravnenie kak paralogicheskiy priyom v tvorcestve A.P. Platonova [Comparison as a paralogical device in works of A.P. Platonov]. *Universum: Filologija i iskusstvovedenie*, 2018, no. 4 (50), pp. 8–9.
16. *Slovar' oblastnogo Arhangel'skogo narechija v ego bytovom i jet-nograficheskom primenenii* [Dictionary of the regional Arkhangelsk dialect in its domestic and ethnographic application]. SPb.: 2-e Otd-nie Akad. nauk, 1885. 198 p.
17. Storchak M.V. Sravnenie kak sredstvo jeksplikacii semantiki edinic leksiko-semanticheskogo polja SMEH: (Na materiale sovremennoj anglojazychnoj prozy) [Comparison as a means of explicating the semantics of units of the lexical-semantic field LAUGHTER: (Based on the material of modern English-language prose)]. *Filol. nauki. Vopr. teorii i praktiki*. Tambov, 2015, no 1-2 (43), pp. 188–191.
18. Tovkaylo Yu.A. Mental'nyj obraz slez (tears) v jazykovom soznanii (na primere russkogo i anglijskogo jazykov) [The mental image of tears in the linguistic consciousness (on the example of Russian and English)]. *MNKO*, 2019, no 6 (79), pp. 686–689.
19. Tomashevsky B.V. Sravnenie [Comparison]. *Stilistika* [Stylistics]. L.: Nauka, 1983, pp. 204–216.
20. Tulina T.A. O sposobah jeksplitsitnogo i implicitnogo vyrazhenija sravnenija v russkom jazyke [On the methods of explicit and implicit expressions of comparison in the Russian language]. *Filosofsko-istoricheskie nauki*. 1973, no. 1, pp. 51–62.
21. Fedoseeva N.S. *Funkcional'no-semanticheskoe pole sravnenija v sovremenennom nemeckom jazyke* [Functional-semantic field of comparison in modern German]: kand. diss. ... filol. nauk. Nizhny Novgorod, 1997. 22 p.
22. Cheremisina M.I. *Sravnitel'nye konstrukcii sovremennogo russkogo jazyka* [Comparative constructions of the modern Russian language]. Novosibirsk: Nauka, 1976. 267 p.
23. Cherkesova Z.V. Problema gendera vo francuzskom jazyke: leksicheskij i grammaticheskij urovni [The problem of gender in the French language: lexical and grammatical levels]. *Sovremennyye issledovanija social'nyh problem*. 2018, V. 10, no 4, pp. 224–235.

24. Edelsky C. The acquisition of communicative competence: recognition of linguistic correlates of sex roles. *Merril-Palmer Quarterly*. 1976. no 22, pp. 47–59.
25. Haas A. Sex-associated features of spoken language by four-, eight-, and twelve-year-old boys and girls. *Paper given at the 9th World Congress of Sociology*. Uppsala, Sweden. August 1978, pp. 14–19.
26. Minsky M. A. Framework for Representing Knowledge. *The Psychology of Computer Vision/ Patrick Henry Winston* (ed.). McGraw-Hill, New York (U.S.A.), 1975, pp. 71–77.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Товкайло Юлия Анатольевна, аспирант кафедры русской филологии и журналистики
*Волгоградский государственный университет
просп. Университетский, 100, Волгоград, Волгоградская обл.,
400062, Российская Федерация
ulia_ua@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Tovkaylo Yuliia Anatolievna, graduate student, Department of Russian Philology and Journalism
*Volgograd State University
100, Universitetsky Avenue, Volgograd, Volgograd Region,
400062, Russian Federation
ulia_ua@mail.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-4-344-360

УДК 81'27:81'42

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ
КОММУНИКАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ВЕРБАТИМ «ДОС.ТОР. ЗАПИСКИ
ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ВРАЧА» ЕЛЕНА ИСАЕВОЙ)**

Шильникова О.Г., Васильева С.С., Овечкина Е.А.

В статье описывается своеобразие профессиональной медицинской коммуникации и особенности ее репрезентации в художественном тексте.

***Цель исследования** – выявить содержательные, функциональные и структурные особенности профессиональной коммуникации в медицинской сфере. **Предмет** изучения – эмоционально-коммуникативный и речевой аспекты профессиональной коммуникации вербатим Е. Исаевой «Дос.Тор. Записки провинциального врача».*

***Методы исследования** определяются задачами исследования и включают общенаучные методы анализа и синтеза, сочетание методов лингвистических (описательный и статистический методы) и литературоведческих (проблемно-тематический метод).*

***Новизна исследования** обусловлена его междисциплинарным характером. В настоящей работе предпринята попытка интеграции знаний теории коммуникации, лингвистики и литературоведения.*

*Наиболее значимыми **результатами исследования** представляются выводы о том, что профессиональную медицинскую коммуникацию отличает синкретизм прагматических, профессионально-маркированных и личностных коммуникативных стратегий, выраженное эмоционально-психологическое речевое поведение коммуникантов. Специфика информационно-коммуникационного взаимодействия участников медицинского дискурса определяется статусно-ролевыми отношениями его участников, социокультур-*

ным и институциональным контекстом общения, а также особой профессиональной мотивацией врача как представителя значимой сферы человеческой жизнедеятельности.

Область применения результатов. Результаты данной работы могут быть использованы при изучении таких дисциплин, как теория коммуникации, стилистика текста, а также при анализе художественной речи и вербатим.

Ключевые слова: профессиональная коммуникация; медицинский дискурс; документальная пьеса; вербатим; коммуникативно-речевая деятельность; речевая характеристика.

REPRESENTATION OF PROFESSIONAL MEDICAL COMMUNICATION IN LITERARY TEXT (ON THE VERBATIM DOC.TOP. ZAPISKI PROVINTSIAL'NOGO VRACHA BY ELENA ISAEVA)

Shilnikova O.G., Vasileva S.S., Ovechkina E.A.

The article describes the uniqueness of professional medical communication and the features of its representation in a literary text.

The purpose of the study is to identify the substantive, functional and structural features of professional communication in medicine. The subject of study is the emotional-communicative and verbal aspects of professional communication within verbatim Doc.Top. Zapiski provintsial'no go vracha by E. Isaeva.

Research methods are determined by the research objectives and include general scientific methods of analysis and synthesis, a combination of linguistic (descriptive and statistical methods) and literary (problem-thematic) methods. The novelty of the study is due to its interdisciplinary nature. This paper makes an attempt to integrate the knowledge of the theory of communication, linguistics and literary criticism.

The most significant results of the study are the conclusions that professional medical communication is distinguished by the syncretism of pragmatic, professionally-labeled and personal communicative strate-

gies, expressed emotional and psychological speech behavior of communicants. The specifics of the information and communication interaction in the medical discourse is determined by the status-role relations between the participants, the sociocultural and institutional context of communication, as well as the special professional motivation of the doctor as a representative of a significant sphere of human life.

Practical implications. *The results can be used in the study of such disciplines as the theory of communication, the style of the text, as well as in the analysis of artistic speech and verbatim.*

Keywords: *professional communication; medical discourse; documentary play; verbatim; communicative-speech activity; speech characteristic.*

Введение

Изучение специфики профессиональной коммуникации – достаточно новое направление научных исследований. Оно предполагает несколько векторов изучения, среди которых исследование субъектов производственных отношений на различных уровнях их профессионального и социально-личностного общения – один и наиболее актуальных [1; 2; 4; 11; 14; 15; 16].

В современной науке существует ряд определений понятия «профессиональная коммуникация», согласно которым она представляет собой разновидность общения, «которая характеризуется наличием надситуативных целей, общностью знаний и восприятия коммуникантов, стереотипностью ситуаций общения» [4, с. 33]. Основными функциями профессиональной коммуникации являются обеспечение «обмена информацией между представителями одной профессии в познавательной-трудовой и творческой деятельности, <...> профессиональное развитие, в ходе которого создаются профессиональные сообщества, характеризующиеся определенными нормами мышления, поведения и взаимодействия между членами сообщества» [Там же]. В работах современных исследователей подчеркивается многоуровневый и многофункциональный характер профессиональной коммуникации, требующий специальных

исследований, которые позволили бы формулировать практико-ориентированные выводы, нацеленные на оптимизацию данной сферы.

Сегодня выделяют несколько видов коммуникативных сфер: обиходно-бытовую, деловую, научную, профессиональную, художественно-творческую, характер коммуникации в которых, по мнению Ф.И. Шаркова, различается по двум основным параметрам: 1) «информационным полем дискурса», то есть содержанием; 2) «способами и средствами выражения информации, а именно: «функционально-стилистическими особенностями языковых элементов, используемых в конкретной коммуникативной системе» [12, с. 95]. Представляется перспективным добавить к ним еще один дифференцирующий параметр, отражающий такой сложнейший аспект профессиональной коммуникации, как психологическое взаимодействие индивидов, которое реализуется не только в речевой деятельности, но и поведенческих и эмоциональных реакциях акторов. Эмпирическим материалом для изучения всех названных уровней производственной коммуникации могут стать произведения художественных, художественно-публицистических, художественно-документальных жанров, поскольку в них в яркой индивидуализированной форме представлены профессиональные и социально-психологические стереотипы коммуникативного поведения субъектов, запечатленные в профессиональном дискурсе, фиксировать который иными средствами достаточно проблематично.

Цель нашего исследования – выявить своеобразие коммуникации в сфере профессиональной медицинской деятельности, рассмотреть содержательные, функциональные, структурные особенности коммуникативного процесса, вербально-семантический уровень языковой личности субъектов коммуникации.

Материалом исследования стал верbatim современного автора Е. Исаевой «Дос. Тор. Записки провинциального врача» (2005). Выбор материала исследования обусловлен тем, что верbatim-пьесы – это тексты, созданные в формате «нон-фикшн». В них авторы-режиссеры стремятся воспроизвести особенности речевого поведения представителей различных субкультур, социальных статусов, мак-

симально сохранить содержание общения, все нюансы (стили- стические, лексические, фонетические) речевого высказывания и индивидуальный стиль респондентов опрошенной социальной группы, «дословно» зафиксировать высказывания в аудиозаписях [10]. В коммуникативно-речевой деятельности героев верbatim сферы профессиональных, социальных, культурных, межличност- ных отношений оказываются тесно взаимосвязаны. В таких текстах ярко зафиксированы психологические и поведенческие стереотипы субъектов коммуникации, поэтому они могут быть репрезентатив- ным материалом для анализа специфики профессиональной ком- муникации, обладающим высокой степенью верифицированности.

Актуальность данного исследования определяется отсутствием специальных (лингвистических и/или литературоведческих) иссле- дований, анализирующих своеобразие профессиональной коммуни- кации на материале верbatim-текста; междисциплинарным подходом к проблеме исследования, использованием комплексного анализа со- держания, функционально-стилистических языковых элементов, пове- денческих и эмоциональных реакций участников профессиональной медицинской коммуникации на материале документальной пьесы.

Профессиональная медицинская коммуникация: интраперсональный и интерперсональный уровни

Основу верbatim «Дос.Тор. Записки провинциального врача» Елены Исаевой [6] составили записанные на диктофон и «смонти- рованные» автором текста воспоминания провинциального врача. Для нас важно, что герой представляет определенную профессио- нальную группу с ее специфическими проблемами и языковыми особенностями, зафиксированными в тексте, что позволяет рас- смотреть эмоционально-коммуникативный аспект общения в ме- дицинском сообществе в ситуации «реальности». В ходе развития действия участники верbatimа играют роли и медиков, и пациентов в зависимости от «события рассказывания».

При этом медицинская проблематика не исключает обращения к семейно-бытовой, социальной, философской темам, хотя на первый

взгляд кажется, что главный герой полностью погружен в мир своих сугубо врачебных забот. Так, хирург Андрей Георгиевич рассказывает о себе, своих профессиональных проблемах, и перед читателем раскрывается внутренний мир рефлексирующего страдающего героя, ищущего выход из сложных обстоятельств, стремящегося соответствовать высокому предназначению врача: *«Ну, у каждого врача есть своё кладбище. Бывшие пациенты. Единственное, что я могу сказать, возникает экранирование с опытом. То есть ты не умираешь с каждым своим больным и не воспринимаешь боль как свою собственную, потому что это мешает делу. Когда я делаю операцию, я абсолютно абстрагируюсь от человека, потому что если я всё время буду смотреть ему на лицо там за ширму к анестезиологу, ничего хорошего не будет. Я вижу только рану – субстрат, с которым работаю»*. Врач, находясь в ситуации аутокоммуникации, одновременно осуществляет рефлексию и саморегуляцию.

«Катастрофа» для Хирурга – это невозможность лечить из-за отсутствия медикаментов, инструментов, финансирования (*«Значит, а вот у меня бомж. У него нету родственника, который бы мог ему чего-то купить. Я могу ему назначить препарат, допустим, дорогостоящий антибиотик, но чтобы его назначить, мне нужно дать обоснование в истории болезни. То есть, я должен теоретически довести его до состояния, когда ему этот препарат понадобится, и уже тогда начать его лечить. Это ужасно. То есть, волосы на башке шевелятся»*). Внутренний конфликт обусловлен осознанием противоречия между этическим (аксиологическим) кодексом врача и реалиями, обстоятельствами медицинской практики.

Главный герой рассказывает «философскую историю» – историю о борьбе за жизнь пациента, о своих сомнениях: *«Я его выписал на десятые сутки, как после аппендицита. Действительно, все зажило, как на собаке, без всяких осложнений, без пареза кишечника, перитонита. И вот завершение ситуации. Прошел год. Он убил свою жену. И я сел и задумался. И вот здесь вот самый интересный философский момент: надо было мне его спасать, не надо было спасать...»*. Философские размышления о ежедневной борьбе со

смертью, своём предназначении представлены в контексте будней врачебной практики.

В пьесе на медицинскую тематику ярко представлен интраперсональный уровень коммуникации. Внутриличностная коммуникация, по мнению О.Л. Гнатюк, всегда связана с поисками смысла жизни, с самоанализом, самооценкой, с попытками самоактуализации личности [3]. Однако в силу особой ответственности, свойственной этой профессии, аутокоммуникация врача «отягощена» размышлениями, обусловленными профессиональной этикой, и потому наделена повышенным драматизмом.

Неравнодушие Андрея Григорьевича к судьбе пациента проявляется в попытке оперирования умирающего онкологического больного. Несмотря на все усилия врача, пациент умирает во время операции. Это вызывает внутренний конфликт, глубокое эмоциональное потрясение, от которого оправиться помогает врачу эмоциональная поддержка коллеги-анестезиолога: *«Я стою весь в этой чёрной крови. И хочется вдохнуть. То есть ну, полное ощущение, что ты перерезал человеку глотку – и он умер. Я не знаю, чего бы было со мной, если бы не анестезиолог, очень хороший человек. Опытный. И душевный мужик. Вот. И он налил мне стакан спирта. Я его хряпнул. / МУЖЧИНА-АНЕСТЕЗИОЛОГ. Андрей, ты пойми, мотивация у тебя основная была – спасти человека. Во-вторых, ты избавил его от страшной смерти от удушья. Тут мгновенно просто – кровь ушла из мозга – и мгновенная смерть. Вот. Успокойся. Они привезли его умирающим. Они ж понимали, что это только попытка облегчить его страдания. Не продлить агонию, а просто дать доступ воздуху».*

Данная ситуация является примером интерперсонального уровня коммуникации, примером неофициального коллегиального взаимодействия, позволяет определить ценностные ориентации персонажей-медиков: для обоих врачей важны жизнь и здоровье человека, оба способны на сострадание, милосердие, готовы выполнить свой долг, соблюдать врачебную этику, эффективно осуществлять коммуникацию и информационно, и регулятивно.

Мы видим и конфликтные ситуации, возникающие в процессе интерперсональной коммуникации. Они обусловлены некомпетентностью младшего медицинского персонала или равнодушием, профессиональной деформацией коллег. Так, например, Хирург вспоминает, как был вынужден вмешаться в процесс родовспоможения, увидев роженицу, которую акушерка заставила рожать стоя, так как, по её мнению, «закон тяготения ведь. Ну, все к земле должно притягиваться» [6]. Конфликт в ситуациях профессионального взаимодействия из-за разницы в квалификации между главным героем и младшим медицинским персоналом, казалось бы, неизбежен, но Хирург находит в себе силы сосредоточиться на главном – спасении жизни пациента.

ХИРУРГ** (В зал). Я помылся, иду в операционную, мне навстречу санитарка идет, и – за руки меня. Пошел заново мыться. Ну, помылся. Подхожу к столу. В этот момент операционная сестра чихнула и вытерла нос рукой. (Женщина это делает). Так, говорю: «Давно вы операционная сестра?»/ЖЕНЩИНА**. Да меня только начал учить хирург, который в отпуск ушел, а так я постовая. /***ХИРУРГ** (вздыхая). Иди опять мойся. (В зал). Ну, в степь бежать хочется, забыв об этом всем. Ладно. Начали операцию [6].* Автор пьесы акцентирует внимание на избегании необходимости вербально регулировать действия младшего персонала. Хирург не хочет тратить на это время, важнее для него – спасти пациента.

Будучи единственным врачом-хирургом провинциальной больницы, Хирург решает профессиональные задачи (постановка диагноза, определение стратегии лечения, хирургическое вмешательство) в экстремальных условиях, поэтому он почти не показан в процессе общения с пациентами. Ситуации профессионального и бытового коллегиального общения даны в восприятии главного героя, который избегает прямых оценок и конфликтов, так как старается все свое время посвятить лечению. Главный герой Е. Исаевой исключителен в верности своему предназначению. Его отличают компетентность, верность этике врача, совестливость, неконфликтность, оптимистичность, способность к рефлексии и милосердию.

Таким образом, содержание профессиональной медицинской коммуникации не ограничивается чисто профессиональными вопросами. Персонажи на интраперсональном и интерперсональном уровнях говорят не только о профессиональных проблемах, но и о бытовых, и даже о философско-мировоззренческих. Во многом это обусловлено спецификой самой медицинской отрасли, потому что медицина – это не только о лекарствах, болезнях и способах их лечения, о физических страданиях, но и о человеке вообще, о жизни в целом [2; 5; 9; 13; 16; 17]. В модели коммуникативного поведения врача сочетаются вплоть до синкретизма прагматические, профессионально-маркированные, личностные коммуникативные стратегии.

Языковая личность врача: вербально-семантический уровень

Каждый человек, «существующий в языковом пространстве: в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц» [7, с. 7] является носителем языкового сознания и представляет собой языковую личность, которая, по мнению Ю.Н. Караулова, понимается как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)» [8, с. 3]. При этом исследователь ставит вопрос о правомерности рассмотрения персонажа художественного произведения как языковой личности и предполагает, что тексты, порождаемые героем, помогут раскрыть «многосложный художественный образ», в основе которого лежит духовный мир этой личности. Одним из важных элементов изучения языковой личности персонажа является исследование лексикона героя, поскольку духовность «опредмечивается в речевых поступках, в языковом поведении и текстах» [8, с. 70].

При анализе профессионально осмысленной предметной сферы как одной из характеристик профессиональной коммуникации, получившей отражение в пьесе, как типологически значимое, нами отмечено использование непрофессиональных обозначений для ситу-

аций, применяемых в медицинской сфере: *ХИРУРГ. Пошел заново мыться. Ну, помылся. Подхожу к столу. В этот момент операционная сестра чихнула и вытерла нос рукой. (Женщина это делает). Так, говорю: «Давно вы операционная сестра?»*. Нейтральные профессиональные обозначения представлены в основном терминами, используемыми в медицине: *полис, препарат, антибиотик, эндоскоп, левингоскоп, гипервентиляция мозга* и т.д. Эмоционально-маркированные профессиональные обозначения, которыми пользуются медики-профессионалы при общении друг с другом, в пьесе представлены жаргонизмами: *Я, значит, пополоскал кишки антисептиками*; а также терминами с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *Переводим в реанимацию его на носилочках? Какой-то тромбик вылетел непонятно откуда, влетел в лёгочную артерию – мгновенная смерть*.

Важной характеристикой профессиональной речи является указание на профессиональную оценку качества работы. Оценку сотрудникам дает главный герой произведения, указывая как на профессионализм, так и на непрофессионализм своих коллег.

При анализе профессионального общения обращает на себя внимание использование профессионально-маркированных стратегий коммуникативного поведения, направленных на коммуникантов (коллег и пациентов). Частотным является использование вспомогательных коммуникативных стратегий, направленных на поиск оптимального способа достижения цели общения: *В общем, я говорю, Михалыч, делай чего хочешь, колдуй, как хочешь, трубу суй, я пока дырки зашиваю*. В одном контексте совмещаются обращения к специалистам (коллегам) и зрителям, не являющимся специалистами в сфере медицины.

В результате исследования лексических особенностей отмечено сопоставление в одном контексте разговорной лексики и профессионализмов: *Экономно вколол новокаин. На контроле давление – 70–80. Он калякает, в сознанке полной...*; В приведенных выше примерах видно, что разные пласты лексики (профессионализмы и разговорная лексика) употребляются в одном предложении, что характери-

зует героя как профессионала в сфере медицины, который стремясь адаптировать для профанной аудитории нюансы профессии, использует общеупотребительную и даже сниженную, но всем понятную лексику. Важно отметить также экспрессивный потенциал такой лексики, которая вполне адекватно передает эмоциональное состояние главного героя пьесы, выполняя компенсаторную в психологическом плане функцию. По нашим наблюдениям, более 80% от общего числа словоупотреблений в тексте составляет нейтральная лексика, 3–5% – разговорная и просторечная, 3–4% – профессионализмы.

Словообразовательные особенности речи героя пьесы также связаны с ее неизбежной экспрессивностью и оценочностью. Так, например, частотны суффиксы существительных с функциональной окраской разговорности: *больничка, развалюшка, девчонка, сознанка, кутузка, развлекауха, анестезистка* и т.д. Это неизбежно приводит к намеренной травестии: сложное, страшное обретает черты обыденного и привычного. Этой же цели служит частое употребление личных местоимений: *я, меня, он, его, мы*, и активизация разговорных частиц: *ну, вот*. Например: *Ну, давай вспоминать; Ну, чего? Ну, поехал туда*.

Глаголы в речи героя пьесы употребляются часто и разнообразно. По нашим наблюдениям, наиболее частотными являются личные формы глагола: *закончил, сослали, уехал, добрался, оказался, ждали, попробовал, спрашивал*. При этом для обозначения действия персонажа может использоваться 2-е лицо единственного числа с обобщенным значением: *А у меня: институт заканчиваешь – год интернатуры* [6].

При анализе синтаксического уровня речи Хирурга можно отметить преобладание синтаксических конструкций, характерных для языковой системы разговорно-обиходного стиля. Так, неподготовленность, ассоциативность и эмоциональность речи подчеркивается частотностью использования парцелляции: *Ну, ладно. Чего. Хирург, действительно. Пошел. Прихожу. Значит, такой зал – секционную напоминает. Бетонный пол. Стоит бабушка – акушерка* [6]. Парцелляция используется в наиболее экспрессивных фрагментах пьесы, она подчеркивает эмоциональное состояние героя.

В пьесе отмечается частотное употребление простых предложений; в сложных предложениях явно преобладает сочинение над подчинением, характерное для разговорной речи в целом. Это определяется, на наш взгляд, стремлением к экспрессивности и к экономии языковых средств.

Выделенные речевые особенности свидетельствуют о насущной потребности субъектной репрезентации профессионала. Кроме того, анализ языковой личности героя показал, что коммуникант ориентирован в большей степени на персональный тип дискурса, поскольку в его речи преобладают индивидуальные черты (стремление к разговорности, экспрессивности). Отнесенность к институциональному (медицинскому) дискурсу в речи героя реализуется в использовании профессиональных терминов, функционирование которых характерно для представителей сферы медицины. При этом герой представляет собой нестандартную языковую личность, так как его речь сочетает в себе «верхи» и «низы» языковой культуры.

Выводы

Проведенный в рамках исследования анализ позволяет выявить содержательные, функциональные и структурные особенности профессиональной коммуникации в медицинской сфере. Содержательно коммуникация в медицинской сфере не ограничивается вопросами профессиональной деятельности. Она также включает неформальный «общечеловеческий» компонент, имеет ярко выраженное личностное психолого-эмоциональное начало. Об этом свидетельствует анализ поведения и речи коммуникантов, которые отличаются повышенной экспрессивностью, лаконизмом, предельной персонификацией, постоянным переплетением профессионального и бытового дискурсов.

Структурно коммуникация реализуется на интраперсональном и интерперсональном уровнях: в формах внутреннего монолога героя (аутокоммуникация) и в диалогах как коллегиальное общение (интеркоммуникация).

Функциональные особенности профессиональной медицинской коммуникации реализуются в информационном аспекте, предпола-

гающем процесс общения и обмена профессионально значимой информацией с коллегами и младшим медицинским персоналом. При этом в речи Хирурга отмечается широкое использование профессиональной лексики, представленной терминами, и разговорной, эмоционально-экспрессивной лексики. Аксиологический аспект коммуникации, ориентированный на ценностное взаимодействие, проявляется в неукоснительном соблюдении профессиональной медицинской этики, состоящей в бескорыстном служении своему долгу, сострадании и гуманном отношении к пациентам. Регулятивная функция профессиональной медицинской коммуникации, заключающаяся в саморегуляции и воздействии на поведение других людей, представлена в общении Хирурга с пациентами и с коллегами.

Представляется, что задача организаторов и руководителей профессиональной коммуникации в медицинской сфере состоит в том, чтобы гармонизировать отношения всех субъектов коммуникации, используя диалогическую модель общения и опираясь на принципы профессиональной медицинской этики.

Список литературы

1. Барруэло Гонзалез Е.Ю. Профессиональная коммуникация: речевой аспект // Записки Горного института. 2010. Т.187. С. 308–311.
2. Бейлинсон Л.С. Профессиональный дискурс как предмет лингвистического изучения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия Языкознание. 2009. № 1 (9). С. 145–149.
3. Гнатюк О.Л. Основы теории коммуникации. 2-е изд., стер. М.: КНО-РУС, 2012. 256 с.
4. Голованова Е.И. Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: соотношение понятий // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 73. 2013. № 1 (292). С. 32–35.
5. Жура В.В. Коммуникативно-речевая культура врача // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2016. Т. 13, № 1. С. 10–15.
6. Исаева Е.В. Doc.Top. Записки провинциального врача // URL: <http://www.isaeva.ru/plays/doctor.html> (дата обращения 25.11.2019).

7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ. 2010. 264 с.
9. Маджаева С.И. К проблеме эмоциогенности медицинского термина // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. 2015. № 1. С. 94–104.
10. Театр.doc URL: <http://www.teatrdoc.ru/stat.php?page=verbatim> (дата обращения 15.10.2018).
11. Хохоева Л.В. Профессиональная коммуникация как средство специализации специалиста в профессиональной среде // Вестник Мордовского университета. Серия Психологические науки. 2011. № 2. С. 117–119.
12. Шарков Ф.И. Основы теории коммуникации. М.: Издательский Дом «Социальные отношения», издательство «Перспектива», 2004. 246 с.
13. Ferguson G. If you pop over there: a corpus-based study of conditionals in medical discourse // English for Specific Purposes. 2001. Volume 20(1), pp. 61-82, DOI: 10.1016/S0889-4906(99)00027-7.
14. Fisher S. A discourse of the social: medical talk/power talk/oppositional talk? // Discourse and Society. 1991. Volume 2, pp. 157–182; DOI:10.1177/0957926591002002002
15. Salager-Meyer F., Ariza M.A.A. Academic criticism in spanish medical discourse: a cross-generic approach // International Journal of Applied Linguistics. 2003. Volume 13, pp. 96-114; DOI:10.1111/1473-4192.00039.
16. Sparks Ja.A. Taking a stand: challenging medical discourse // Journal of Marital and Family Therapy. 2002. Volume 28(1): 27–38, DOI: 10.1111/j.1752-0606.2002.tb01169.x
17. Kiefer B. La crise du discours médical. 2019. Revue medicale suisse Volume 15(640), p. 516. DOI: 10.4000/ei.971.

References

1. Barruelo Gonzalez E.Yu. Professionalnaya kommunikatsiya: rechevoy aspekt [Professional communication: the speech aspect]. *Zapiski Gornogo instituta*. 2010. V. 187, pp. 308–311.

2. Beylinson L.S. Professionalnyy diskurs kak predmet lingvisticheskogo izucheniya [Professional discourse as a subject of linguistic study]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Yazykoznanie*. 2009, no 1 (9), pp. 145–149.
3. Gnatyuk O.L. *Osnovy teorii kommunikatsii* [The basics of communication theory]. 2nd ed. ster. M.: KNORUS. 2012. 256 p.
4. Golovanova E.I. Professionalnyy diskurs. subdiskurs. zhanr professionalnoy kommunikatsii: sootnosheniye ponyatiy [Professional discourse, sub-discourse, professional communication genre: correlation of concepts]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskustvovedeniye*. Issue 73. 2013, no 1 (292), pp. 32–35.
5. Zhura V.V. Kommunikativno-rechevaya kultura vracha [Communicative and speech culture of the doctor]. *Vestnik YuUrGU. Seriya «Lingvistika»*. 2016. V. 13, no 1, pp. 10–15.
6. Isayeva E.V. *Doc.Top. Zapiski provintsial'nogo vracha* [Doc.Top. The provincial doctor's notes]. URL: <http://www.isaeva.ru/plays/doctor.html>.
7. Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost. kontsepty. diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena. 2002. 477 p.
8. Karaulov Yu.N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* [The Russian language and language personality]. Izd. 7. M.: Izdatel'stvo LKI. 2010. 264 p.
9. Madzhayeva S.I. K probleme emotsiogenosti meditsinskogo termina [To the problem of emotionality of a medical term]. *Vestnik RUDN. Seriya Lingvistika*. 2015, no 1, pp. 94–104.
10. *Teatr.doc* [Theater.doc]. URL: <http://www.teatrdoc.ru/stat.php?page=verbatim>
11. Khokhoyeva L.V. Professionalnaya kommunikatsiya kak sredstvo spetsializatsii spetsialista v professionalnoy srede [Professional communication as a means of specialist specialization in a professional environment]. *Vestnik Mordovskogo universiteta. Seriya Psikhologicheskiye nauki*. 2011, no 2, pp. 117–119.
12. Sharkov F.I. *Osnovy teorii kommunikatsii*. [The basics of communication theory] M.: Izdatel'skiy Dom «Social'nye otnosheniya», izdatel'stvo «Perspektiva», 2004. 246 p.
13. Ferguson G. If you pop over there: a corpus-based study of conditionals in medical discourse. *English for Specific Purposes*. 2001. Volume 20(1), pp. 61-82, DOI: 10.1016/S0889-4906(99)00027-7.

14. Fisher S. A discourse of the social: medical talk/power talk/oppositional talk? *Discourse and Society*. 1991. Volume 2, pp. 157-182; DOI:10.1177/0957926591002002002
15. Salager-Meyer F., Ariza M.A.A. Academic criticism in spanish medical discourse: a cross-generic approach. *International Journal of Applied Linguistics*. 2003. Volume 13, pp. 96-114; DOI:10.1111/1473-4192.00039.
16. Sparks Ja.A. Taking a stand: challenging medical discourse. *Journal of Marital and Family Therapy*. 2002. Volume 28(1): 27-38, DOI: 10.1111/j.1752-0606.2002.tb01169.x
17. Kiefer B. La crise du discours médical. *Revue medicale suisse*. 2019. Volume 15(640), p. 516. DOI: 10.4000/ei.971.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Шильникова Ольга Геннадьевна, доцент кафедры русской филологии и журналистики, доктор филологических наук
ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»
просп. Университетский, 100, г. Волгоград, Волгоградская область, 400062, Российская Федерация
glossa2@rambler.ru

Васильева Светлана Сергеевна, доцент кафедры русской филологии и журналистики, кандидат филологических наук
ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»
просп. Университетский, 100, г. Волгоград, Волгоградская область, 400062, Российская Федерация
sseliger@mail.ru

Овечкина Елена Алексеевна, доцент кафедры русской филологии и журналистики, кандидат филологических наук
ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»
просп. Университетский, 100, г. Волгоград, Волгоградская область, 400062, Российская Федерация
elene0403@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Shilnikova Olga Gennadievna, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism

Volgograd State University

100, Universitetsky, Volgograd, Volgograd Region, 400062, Russian Federation

glossa2@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-7857-3648

Vasileva Svetlana Sergeevna, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology and Journalism

Volgograd State University

100, Universitetsky, Volgograd, Volgograd Region, 400062, Russian Federation

sseliger@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6047-8055

Ovechkina Elena Alekseevna, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology and Journalism

Volgograd State University

100, Universitetsky, Volgograd, Volgograd Region, 400062, Russian Federation

elene0403@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9316-4383

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-4-361-373

УДК 811.161.1

ИНВАРИАНТ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ТИПА КАК СРЕДСТВО СИСТЕМАТИЗАЦИИ ПРОИЗВОДНОЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ДИЗАЙНА

Шонтукова И.В.

Актуальность статьи заключается в поиске новых способов систематизации лексики. Целью является рассмотрение лингводидактической единицы Инвариант словообразовательного типа в качестве средства комплексной систематизации производной терминологической лексики на примере профессиональной лексики дизайна.

Методы или методология исследования. *В процессе исследования применяются такие методы, как анализ научных источников и моделирование производных слов. В частности, автор проводит анализ существующих научных трудов в области терминообразования и классификации лексики и приводит собственный опыт изучения профессиональной дизайнерской лексики. Основное содержание статьи посвящено описанию использования технологии построения словообразовательных моделей производной лексики в качестве средства систематизации дизайнерских терминов.*

Результаты исследования *заключаются в определении основных групп терминов, относящихся к сфере дизайна, выделении наиболее продуктивных типов производной дизайнерской лексики, схем и словообразовательных моделей производных терминов дизайна. Делается основной вывод о том, что Инвариант словообразовательного типа может быть использован в качестве средства систематизации терминологической лексики в силу ее специфических свойств.*

Область применения результатов. *Предложенный способ систематизации позволит проводить комплексный анализ родственных лингвистических явлений в образовании терминологической лексики.*

Ключевые слова: *инвариант словообразовательного типа; систематизация производной лексики; терминологическая лексика дизайна.*

WORD-FORMATION INVARIANT AS A MEANS OF SYSTEMATIZATION OF DERIVED TERMINOLOGICAL VOCABULARY

Shontukova I.V.

The relevance of the article is to find new ways to systematize the vocabulary. The purpose of the study is to consider the linguodidactic unit Invariant of the word-formation type as a means of complex systematization of derived terminological vocabulary on the example of professional vocabulary of design.

Methods or methodology of work. *The analysis of scientific sources and modeling of derived words are applied. In particular, the author analyzes existing scientific works in the field of term formation and classification of vocabulary and gives her own experience of studying professional design vocabulary. The main content of the article is devoted to the description of the use of technology for building word-formation models of derived vocabulary as a means of systematization of design terms.*

The result of the study *is defining the main terms related to the field of design, the most productive types of derived design vocabulary, word-formation schemas and models of the derived terms of design. The main conclusion is made that the word-formation type Invariant can be used as a means of systematization of terminological vocabulary due to its specific properties.*

Practical implications. *The proposed method of systematization will allow for a comprehensive analysis of related linguistic phenomena in the formation of terminological vocabulary.*

Keywords: *invariant of word formation type; systematization of derived vocabulary; terminological vocabulary of design.*

Введение

Проблема образования, классификации и систематизации терминологической лексики давно находит свое отражение в различных исследованиях. В части изучения сути и способов образования терминов можно отметить труды Г.О. Винокура [4], Б.Н. Головина

[6], Х. Бахарлу, Ш.М. Алияри, М. Шоджаи [1], А.Э. Буженинова [2], В.С. Воропаевой [5], В.М. Лейчик [9], Д.С.Лотте [11], С.В. Гринева-Гриневича [7]. Вопросы лингводидактики в изучении и систематизации терминологической лексики раскрывают О.А. Васильева [3], Г.А. Мкртчян [12]. При этом, многие обращают внимание на морфологический способ образования терминов (прежде всего путем словообразования) как самый продуктивный: О.А. Васильева [3], Г.А. Мкртчян [12], В.Н. Семичев [14].

Большое внимание уделяется и вопросам систематизации терминов. Так, Каргина отмечает, что «психологические исследования также свидетельствуют о том, что слова более эффективно запоминаются, если они соединены друг с другом некоторыми систематическими закономерностями и предъявляются обучающимся в виде определенной системы (определенной последовательности и сочетаемости)» [8]. При этом она в качестве основного использует способ объединения терминов в лексико-семантические группы, что является весьма популярным в научной литературе, посвященной изучению терминологии любой профессии.

В.И. Литовченко рассматривает различные подходы к классификации и систематизации терминов, приводит классификацию в изучении терминологии через построение иерархических систем классов и их подклассов на основе некоторых признаков, не являющихся собственными объектами или присущими им [10].

В целом, можно говорить о том, что современное языкознание предлагает различные способы и средства для систематизации лексики, которые находят отражение, прежде всего, в разных типах словарей. Большая часть словарей ориентирована на алфавитный принцип систематизации (орфографические, орфоэпические, толковые, энциклопедические и др.), что оправдано их целями и задачами. Однако встречаются словари и пособия, придерживающиеся иных принципов систематизации лексики: тематического, морфемно-словообразовательного, гнездового и др.

Целью данной статьи является рассмотрение возможностей использования Инварианта СТ в комплексной систематизации терми-

нологической и профессиональной лексики на примере лексики дизайна. Предлагаемый автором статьи подход является в достаточной степени новым именно с точки зрения применения его как метода лингвистической классификации производной лексики. В процессе работы автор ставил ряд задач:

- определить основные группы терминов, относящихся к сфере дизайна;
- определить наиболее продуктивные типы производной дизайнерской лексики;
- проиллюстрировать способ систематизации производной лексики посредством построения словообразовательных моделей.

Материалы и методы

Нам представляется, что выведенная М.Ш. Шекихачевой в 1978 г. лингводидактическая единица – инвариант словообразовательного типа – также может быть использована в качестве основы для систематизации лексики, причем не только по словообразовательным, но и по семантическим признакам, что вытекает из самого описания обобщенного инварианта СТ:

Обобщенный инвариант СТ [13]

- принадлежность производящего(-их) слова (слов) или основы (основ) производящего(-их) слова (слов) к одной и той же части речи
- участие в словообразовательном акте форманта конкретного а) по форме и б) по содержанию
- принадлежность производного слова к одной и той же части речи
- выводимость абстрагированного словообразовательного значения путем соотношений конкретных лексических единиц: производное слово – производящее слово

Как можно заметить, последняя часть обобщенного инварианта СТ отсылает нас к обобщенному значению производного слова, имеющему связь как с лексическим значением производящего слова, так и со словообразовательным значением форманта, принимающего участие в процессе деривации, что и может лечь в основу процесса систематизации производных терминов дизайна.

При этом необходимо сделать акцент именно на производных терминах, поскольку данный метод систематизации использует непроизводную лексику только в качестве производящего элемента. Непроизводная лексика может систематизироваться и классифицироваться любым из названных выше способов.

Инвариант СТ лег в основу разработанных схем и построенных на их базе словообразовательных моделей, описанных в книге «Модели и схемы словообразовательных типов русского языка» [13]. Там же приводится подробное описание процесса построения словообразовательных моделей, состоящего из четырех частей-операций.

Исходя из разработанной М.Ш. Шекихачевой технологии, автором статьи была проведена работа по отбору непроизводной терминологической и профессиональной дизайнерской лексики и ее классификации по лексико-семантическим группам, выявлению наиболее продуктивных типов производных терминов, а также построению словообразовательных моделей производных терминов дизайна по наиболее продуктивным схемам СТ.

Результаты и обсуждение

Автором в процессе изучения профессиональной дизайнерской лексики были выделены следующие лексико-семантические группы: общенаучные термины, общетехнические термины, общеэстетические термины, общедизайнерские термины, дизайнерские термины по специализациям (дизайн городской среды, дизайн одежды, графический дизайн, промышленный дизайн и др.) и представлены их списки [15, с. 36-39].

Анализ схем словообразовательных типов выявил следующие наиболее продуктивные типы, использующиеся в образовании производной дизайнерской лексики: суффиксальные и сложные существительные, суффиксальные прилагательные, суффиксальные глаголы.

Из суффиксальных существительных были наиболее часто представлены следующие схемы:

1)

§256-261 СТ 45 ВП	<ul style="list-style-type: none"> • от производящей основы глагола • при помощи суффикса <i>-ни(е)</i> или <i>-нь(е)</i>, <i>-ени(е)</i>, <i>-ень(е)</i>, <i>-ани(е)</i>, <i>-ань(е)</i>, <i>-ти(е)</i>, <i>-ть(е)</i>, <i>-и(е)</i>, <i>-ь(е)</i> • образуем существительное среднего рода • совмещающее в своем значении присущее производящему глаголу значение процессуального признака (действия, состояния) со значением отглагольного существительного как части речи
-------------------------	---

По данной схеме строятся модели:

I	II	III	IV
<i>моделі́ро- ва(ть) -</i>	<i>моделирова+ ни(е) =</i>	<i>моделі́рова- ние -</i>	“действие по знач. глагола <i>моделировать</i> ; процесс создания модели»
<i>проекті́ро- ва(ть) -</i>	<i>проектирова+ ни(е) =</i>	<i>проекті́ро- вание -</i>	“действие по знач. глагола <i>проектировать</i> ; процесс разработки, составления проекта»

2)

§335 СТ 134 II спец. терм., газ.-публ. речь	<ul style="list-style-type: none"> • от производящей основы существительного • при помощи суффикса <i>-изм</i> или <i>-онизм</i> • образуем существительное мужского рода • со значением «общественно-политическое (научное, искусства) направление (или система качества, склонность), связанное с тем, что названо производящим словом»
---	---

I	II	III	IV
<i>н' модерн(Ø) -</i>	<i>модерн + изм(Ø) =</i>	<i>модерні́зм -</i>	“то же, что и <i>модерн</i> ; 1. Направление в изобразительном и прикладном искусстве и архитектуре 19 – начале 20 вв., противопоставляющее себя искусству прошлого»
<i>д' аванга́рд(Ø) -</i>	<i>аван- гард+изм(Ø) =</i>	<i>авангарді́зм -</i>	«общее название некоторых направлений в искусстве 20 в., для которых характерны разрыв с реализмом, поиски новых средств выражения и формы произведения»

3)

<p>§263 СТ 47 ВП спец. и научно-тех. терм.</p>	<ul style="list-style-type: none"> • от производящей основы глагола несовершенного вида (преимущественно с иноязычной основой, на <i>-ировать</i>, <i>-изовать</i>, реже на <i>-овать</i>) • при помощи суффикса <i>-аци(я)</i> или <i>-ици(я)</i>, <i>енци(я)</i>, <i>-ци(я)</i>, <i>и(я)</i> • образуем существительное женского рода • совмещающее в своем значении присущее производящему глаголу значение процессуального признака (действия, состояния) со значением существительного как части речи
--	--

I	II	III	IV
<p>^к <i>абстрагИРО-</i> <i>ВА(ть) -</i></p>	<p><i>абстрак+</i> <i>ци(я) =</i></p>	<p><i>абстра́к-</i> <i>ция -</i></p>	<p>«мысленное отвлечение от тех или иных сторон, свойств или связей предмета с целью выделения существенных и закономерных признаков»</p>
<p>^з <i>автоматизИРО-</i> <i>ВА(ть)-</i></p>	<p><i>автома-</i> <i>тиз+аци(я)=</i></p>	<p><i>автомати-</i> <i>зация-</i></p>	<p>“действие по знач. глагола <i>автоматизировать</i>; применение, внедрение автоматических приборов, машин»</p>

4)

<p>§347 СТ 126 ОП</p>	<ul style="list-style-type: none"> • от производящей основы существительного • при помощи суффиксов <i>-ер</i> или <i>-онер</i>, <i>-ьер</i>, <i>-ир</i> • образуем существительное • со значением «лицо по отношению к предмету (или учреждению, группировке), по характерному занятию (действию), названному производящим словом
--	--

I	II	III	IV
<p>^{н'} <i>дизáйн(Ø) -</i></p>	<p><i>дизáйн + ер(Ø) =</i></p>	<p><i>дизáйнер -</i></p>	<p>«художник-конструктор, специалист по художественному проектированию предметов, производимых промышленностью, а также интерьеров промышленных объектов, общественных зданий»</p>
<p><i>модéль(Ø)</i> -</p>	<p><i>модéль + ер(Ø) =</i></p>	<p><i>модéльер -</i></p>	<p>“специалист по изготовлению <i>моделей</i>»</p>

Среди сложных существительных наиболее распространенной является схема:

§ 589	• от производящих основ знаменательных частей речи
СТ 428	• сочетанием начальной части слова (слов) с целым или
П	усеченным словом и иногда при помощи интерфикса <i>-o-</i> , <i>-e-</i> или нулевого \wedge
	• образуем существительное
	• совмещающее в своем значении значение производных слов

По данной схеме строятся модели:

	I	II	III	IV
<i>p</i>				
<i>футуристИЧЕ-СКИЙ дизайн(Ø)</i> -	<i>футур+o+ди-зайн(Ø)=</i>	<i>футуроди-зайн(Ø)</i> -	“проектирование объектов, связанных с <i>футурологией</i> , будущим»	
<i>экоЛОГИЧЕ-СКИЙ дизайн(Ø)</i> -	<i>эко+\wedge+ди-зайн(Ø) =</i>	<i>экодизайн(Ø)</i> -	“проектирование объектов, связанных с <i>экологией</i> , отвечающих ее требованиям»	
<i>эргоНОМИЧЕ-СКИЙ дизайн(Ø)</i> -	<i>эрго+\wedge+ди-зайн(Ø) =</i>	<i>эргодизайн(Ø)-</i>	“проектирование объектов, связанных с <i>эргономикой</i> , отвечающих ее требованиям»	

Наиболее продуктивной схемой построения производных суффиксальных прилагательных, относящихся именно к терминологической лексике, можно отнести следующую:

§ 617-622	• от производящей основы нарицательного существительного
СТ 434	• при помощи суффикса <i>-н-</i> или <i>-енн-</i> , <i>-очн-</i> , <i>-ичн-</i> , <i>-овн-</i> , <i>-евн-</i> , <i>-ебн-</i> , <i>-йн-</i> , <i>-ональн-</i> , <i>-тельн-</i> , <i>-ительн-</i> и др.
П	• образуем прилагательное
	• со значением «признак, относящийся к тому, кто назван (что названо) производящим словом»

По данной схеме строится большое количество словообразовательных моделей:

	I	II	III	IV
<i>функ-</i>				
<i>ци(я)</i> -	<i>функци+o-нальн(ый) =</i>	<i>функцио-нальный-</i>	“1. прилаг. к <i>функция</i> ; 2. связанный с проявлением жизнедеятельности организма, с отправлением функций»	
<i>ч</i>				
<i>блок(Ø)</i> -	<i>блок +н(ый) =</i>	<i>блоч-ный -</i>	“прилагательное к <i>блок</i> ; относящийся к блоку, состоящий из блоков»	
<i>век-</i>				
<i>тор(Ø)</i> -	<i>век-тор+н(ый) =</i>	<i>вектор-ный -</i>	“прилаг. к <i>вектор</i> ; расположенный по вектору, относящийся к нему»	

Не менее часто суффиксальные прилагательные строятся по схеме:

§ 630-	•	от производящей основы существительного
635	•	при помощи суффикса <i>-ск-</i> или <i>-еск-</i> , <i>-ическ-</i> , <i>-овск-</i> ,
СТ 441		<i>евск-</i> , <i>-ческ-</i> , <i>инск-</i> , <i>-енск-</i> , <i>-анск-</i> , <i>-ийск-</i> , <i>-йск-</i> , <i>-нск-</i> , <i>-вск-</i>
ВП	•	образуем прилагательное
	•	со значением «относящийся к тому (или свойственный тому), что названо (кто назван) производящим словом»

	I	II	III	IV
<i>м'</i> алгорит- м(θ)-		алгоритм+и- ческ(ий) =	алгоритмиче- ский -	“прилаг. к алгоритм; относящийся к алгорит- му, присущий ему»
<i>м'</i> логариф- м(θ)-		логарифм+и- ческ(ий)=	логарифмиче- ский -	“прилаг. к логарифм; от- носящийся к логарифму, содержащий его»

Суффиксальные глаголы, наиболее продуктивные в терминологической лексике, строятся по схеме:

§ 805	•	от производящей основы существительного
СТ 600	•	при помощи суффикса <i>-ова-</i> или <i>-ирова-</i> , <i>-изирова-</i> , <i>-ева-</i> , <i>-изова-</i>
П	•	образуем глагол
книжн. и спец. речь	•	со значением «действие, имеющее отношение к тому, что названо (кто назван) производящим словом»

	I	II	III	IV
<i>т'</i> автомат(θ) -		автомат+изиро- ва(ть) =	автомати- зировать -	“применить, внедрить автоматические при- боры, машины»
<i>т'</i> аппрет(θ)-		аппрет+иро- ва(ть) =	аппретиро- вать -	«пропитать ткань, три- котаж, специальным средством для прида- ния им особых свойств (водонепроницаемо- сти, несминаемости)»

Представленные выше модели и схемы производных терминов были выбраны, как уже было сказано, по принципу их продуктивности и частотности, но, конечно, не отражают все возможные варианты. Данные разработки нашли отражение в работах автора [15].

Методика, предлагаемая для систематизации производной терминологической лексики, обладает, как нам представляется, не только своей спецификой, но и рядом преимуществ, поскольку позволяет осу-

ществовать комплексный подход: систематизировать слова как по словообразовательному принципу, так и по сходству лексического значения, связанному с общим значением словообразовательного аффикса.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, можно сделать некоторые выводы:

1. Проблема систематизации и классификации терминологической лексики остается в настоящее время предметом научных исследований многих авторов.

2. Инвариант словообразовательного типа, являясь лингводидактической единицей, может быть использован в качестве средства систематизации терминологической лексики в силу ее специфических свойств.

3. В терминологической лексике дизайна могут быть выделены следующие лексико-семантические группы: общенаучные термины, общетехнические термины, общеэстетические термины, общедизайнерские термины, дизайнерские термины по специализациям.

4. Наиболее продуктивные схемы СТ производных дизайнерских терминов выделены среди суффиксальных и сложных имен существительных, суффиксальных имен прилагательных и суффиксальных глаголов.

Информация о конфликте интересов. Конфликт интересов не выявлен.

Информация о спонсорах. Статья печатается за счет средств автора.

Благодарности. Автор выражает благодарность рецензентам.

Список литературы

1. Бахарлу Х., Алияри Ш.М., Шоджаи М. Основные способы и средства терминообразования в русской технической авиационной терминологии // Молодой ученый. № 11 (115), 2016. С. 1654–1659.
2. Буженинов А.Э. Синтаксический способ терминообразования (на материале гомеопатической терминологии русского и французского языков) // Инновации в науке. 2016. № 12-2 (61). С. 92–97.
3. Васильева О.А. Обучение специальной лексике студентов-медиков на занятиях по русскому языку: Автореферат дис. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук (13.00.02.). М., 1980. 23 с.

4. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды МИФЛИ, т. 5. М., 1939. С. 3–55.
5. Воропаева В.С. Морфологический способ терминообразования в сфере аудита в итальянском и русском языках // Вестник ЧелГУ 2011. № 24. С. 64–66.
6. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высш. шк., 1987. 104 с.
7. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 304 с.
8. Каргина Е.М. Метод систематизации лексики по смысловым группам при исследовании профессиональных иноязычных терминов // Совр. научные исследования и инновации. 2014. № 11. Ч. 3. [Эл.ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2014/11/40943> (дата об-я: 02.02.2020).
9. Лейчик В.М. Терминоведение. Предмет. Методы. Структура. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.
10. Литовченко В.И. Классификация и систематизация терминов // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М.Ф. Решетнева. 2006. № 3 (10). С. 156–161.
11. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 158 с.
12. Мкртчян Г.А. Вопросы методики обучения специальной лексике на уроках русского языка в СПТУ. Ереван: Луйс, 1990. 197 с.
13. Модели и схемы словообразовательных типов русского языка / М.Ш. Шекихачева, Н.В. Бочоришвили, Р.Х. Варквасова и др; Под ред. М.Ш. Шекихачевой. М.: Высш. шк., 1993. 496 с.
14. Семичев В.Н. Вопросы терминологического словообразования (на материале терминологии литературоведения): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук (10.02.01). М., 1968. 20 с.
15. Шонтукова И.В. Изучение профессиональной лексики дизайнера на основе инварианта СТ. Saarbrücken, Deutschland / Германия: LAP Lambert Academic Publishing, 2013. 169 с. (источник на русском языке).

References

1. Baharlu H., Aliyari S.M., Shojai M. Osnovnye sposoby i sredstva terminoobrazovaniya v russkoy tehnicheckoy aviacionnoj terminologii [Main

- ways and means of term formation in Russian technical aviation terminology]. *Molodoy uchenyj*, no 11 (115), 2016, pp. 1654–1659.
2. Buzheninov A.E. Sintaksicheskij sposob terminoobrazovanija (na materiale gomeopaticheskoj terminologii russkogo i francuzskogo jazykov) [Syntactic method of term formation (based on the material of homeopathic terminology of Russian and French languages)]. *Innovacii v nauke*. 2016, no 12-2 (61), pp. 92–97.
 3. Vasileva O.A. *Obuchenie special'noj leksike studentov-medikov na zanjatijah po russkomu jazyku* [Teaching special vocabulary to medical students in the classroom in the Russian language]: Avtoreferat dis. na soisk. uchen. step. kand. ped. Nauk (13.00.02.). Moscow, 1980. 23 p.
 4. Vinokur G.O. O nekotoryh javlenijah slovoobrazovanija v russkoj tehnicheckoj terminologii [On some phenomena of word formation in Russian technical terminology]. *Trudy MIFLI*, vol. 5. Moscow, 1939, pp. 3–55.
 5. Voropaeva V.S. Morfologicheskij sposob terminoobrazovanija v sfere audita v ital'janskom i russkom jazykah [Morphological method of term formation in the field of audit in Italian and Russian languages] *Vestnik ChelGU*, 2011, no. 24, pp. 64–66.
 6. Golovin B.N., Kobrin R.Yu. *Lingvisticheskie osnovy uchenija o terminah* [Linguistic bases of the terms doctrine]. Moscow: Vyssh. shk., 1987. 104 p.
 7. Grinev-Grinevich S.V. *Terminovedenie* [Terminology studies]. Moscow: Izdatel'skij centr «Akademija», 2008. 304 p.
 8. Kargina E.M. Metod sistematizacii leksiki po smyslovym gruppam pri issledovanii professional'nyh inozazychnyh terminov [Method of systematization of vocabulary by semantic groups in the study of professional foreign language terms]. *Sovremennye nauchnye issledovanija i innovacii*. 2014, no. 11. part 3. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2014/11/40943>
 9. Leychik V.M. *Terminovedenie. Predmet. Metody. Struktura* [Terminovedenie. Subject. Methods. Structure]. Moscow: Izd-vo LKI, 2007. 256 p.
 10. Litovchenko V.I. Klassifikacija i sistematizacija terminov [Classification and systematization of terms]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo ajerokosmicheskogo universiteta im. akademika M.F. Reshetneva*. 2006. No. 3 (10), pp. 156–161.

11. Lotte D.S. *Osnovy postroenija nauchno-tehnicheskoy terminologii* [Bases of construction of scientific and technical terminology]. Moscow: Izdvo AN SSSR, 1961. 158 p.
12. Mkrtchyan G.A. *Voprosy metodiki obuchenija special'noj leksike na urokah russkogo jazyka v SPTU* [Methods of teaching special vocabulary at the Russian language lessons in SPTU]. Yerevan: Luys, 1990. 197 p.
13. *Modeli i shemy slovoobrazovatel'nyh tipov russkogo jazyka* [Models and schemes of word-forming types of the Russian language]. Moscow: Vyssh. shk, 1993. 496 p.
14. Semichev V.N. *Voprosy terminologicheskogo slovoobrazovaniya (na materiale terminologii literaturovedeniya)* [Questions of terminological word formation (on the material of terminology of literary studies)]: avtoref. dis. na soisk. uchen. step. kand. filol. nauk (10.02.01). Moscow, 1968. 20 p.
15. Shontukova I.V. *Izuchenie professional'noj leksiki dizajna na osnove invarianta ST* [Studying the professional vocabulary of design based on the invariant ST]. Saarbrücken, Deutschland / Germany: LAP Lambert Academic Publishing, 2013. 169 p. (in Russian).

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Шонтукова Ирина Васильевна, кандидат педагогических наук,
доцент
Центр непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников
Проспект Ленина, 8, г. Нальчик, 360000, Российская Федерация
shonirina@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Shontukova Irina Vasiljevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Center for Continuous Professional Development of Teachers
8, Lenin Ave., Nalchik, 360000, Russian Federation
shonirina@yandex.ru
SPIN-code: 8793-5324
ORCID: 0000-0002-7665-7215

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

- 1. Введение.**
- 2. Цель работы.**
- 3. Материалы и методы исследования.**
- 4. Результаты исследования и их обсуждение.**
- 5. Заключение.**
- 6. Информация о конфликте интересов.**
- 7. Информация о спонсорстве.**
- 8. Благодарности.**

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

**DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES**

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ «ГОРА» И «НЕБО» В КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ И ЕЕ ПЕРЕВОДАХ НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (НА ОСНОВЕ ПОЭЗИИ МАО ЦЗЭДУНА)	
Большакова В.Р.	14
ИНТЕГРАТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННОГО ПРОТЕСТА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЛОГОСФЕРЫ)	
Генералова Л.М.	27
ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО БИЗНЕС-ТВИТТЕРА	
Гончарова Е.А.	43
ГРАФОН КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ГЕРОЕВ	
Горбачёва И.А., Григорян М.В.	58
ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТОВ СОЗИДАНИЯ В РУССКОЙ, НЕМЕЦКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ	
Здановская Л.Б.	66
ОСНОВНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	
Зоркина (Кулакова) К.В.	76
ФЕЛИЦИТАРНЫЙ МЕТАСЮЖЕТ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА	
Ибатуллина Г.М., Мишина Г.В., Радь Э.А., Старицына Ю.А.	91
СЕМАНТИКА КОНСТРУКЦИЙ ГРАММАТИЧЕСКОГО ПАРАЛЛЕЛИЗМА В ДРЕВНЕРУССКОЙ ОРАТОРСКОЙ ПРОЗЕ	
Калинин К.А.	116
ОБРАЗНЫЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА «ОЛЕНЬ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ЭВЕНОВ	
Кузьмина Р.П.	128

ЭКСПРЕССИВНОСТЬ НЕМЕЦКОГО ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА НА СИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ	
Ловяникова В.В., Колиева И.Г., Демидович Е.С.	138
ПАРАМЕТР ПРЕДСТАВИМОСТИ СЛОВА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ПРОТОТИПОВ	
Натпит А.А.	155
О ПАРАДИГМАТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ГНЕЗДЕ С ВЕРШИНОЙ АЙ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ	
Нестерова Е.В.	166
УПРОЩЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ СОКРАЩЕНИЯ КОЛИЧЕСТВА ОШИБОК ПРИ ОБСЛУЖИВАНИИ СОВРЕМЕННЫХ ВОЗДУШНЫХ СУДОВ	
Осадчая С.В.	177
ПОНИМАНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАК ЭТАПЫ ПРОЦЕССА ПЕРЕВОДА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА	
Павленко А.И.	190
МИФ О ВЕЛИКОМ ГРЕШНИКЕ В РОМАНАХ Д.И. СТАХЕЕВА «СТУДЕНТЫ» И «НЕУГАСАЮЩИЙ СВЕТ»	
Рамазанова Л.М., Шарафутдинова Э.М., Садриева Ю.И., Божкова Г.Н.	205
ОНЛАЙН-ПЕТИЦИИ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРАКТИКА ПРОТЕСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ (В КОНТЕКСТЕ ПОСТУЛАТОВ ГАРВАРДСКОЙ ШКОЛЫ КОНФЛИКТОЛОГИИ)	
Ребрина Л.Н.	223
РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ОНЛАЙН-ПЕТИЦИИ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРАКТИКА ПРОТЕСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ: СИСТЕМНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ	
Ребрина Л.Н., Терентьева Е.В.	246
ДЕРИВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА)	
Саввинова С.Н.	265
ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ НАЗВАНИЙ ПРОФЕССИЙ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ	
Саввинова С.Н., Садовникова И.И.	274

РУССКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АНРИ ТРУАЙЯ «ИВАН ГРОЗНЫЙ» И «БОРИС ГОДУНОВ» Садивова Н.	284
СЕМАНТИКА СЛОВСОЧЕТАНИЙ С ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ «БОГАТЫЕ И БЕДНЫЕ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ Тарасова А.С.	301
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗНЫХ СРАВНЕНИЙ СМЕХА И ПЛАЧА Товкайло Ю.А.	323
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЕРБАТИМ «ДОС.ТОР. ЗАПИСКИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ВРАЧА» ЕЛЕНЫ ИСАЕВОЙ) Шильникова О.Г., Васильева С.С., Овечкина Е.А.	344
ИНВАРИАНТ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ТИПА КАК СРЕДСТВО СИСТЕМАТИЗАЦИИ ПРОИЗВОДНОЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ДИЗАЙНА Шонтукова И.В.	361
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	374

CONTENTS

LANGUAGE STUDIES

LEXICAL-SEMANTIC GROUPS ‘MOUNTAIN’ AND ‘SKY’ IN CHINESE POETRY AND THEIR ENGLISH AND RUSSIAN TRANSLATIONS (BASED ON MAO ZEDON’S POETRY)	14
Bolshakova V.R.	14
INTEGRATIVE CHARACTERISTICS OF CONTEMPORARY PROTEST (ON THE MATERIAL OF THE GERMAN-LANGUAGE POLITICAL BLOGOSPHERE)	27
Generalova L.M.	27
LANGUAGE MEANS OF EXPRESSIVENESS IN ENGLISH BUSINESS-TWITTER	43
Goncharova E.A.	43
GRAPHON AS A STYLISTIC MEANS OF CHARACTERS’ PATHOLOGICAL SPEECH REPRESENTATION	58
Gorbachyova I.A., Grigoryan M.V.	58
PECULIARITIES OF THE REPRESENTATION OF THE CONCEPTS OF THE CREATION IN THE RUSSIAN, GERMAN AND ENGLISH LINGUISTIC CULTURES	66
Zdanovskaya L.B.	66
BASIC COMMUNICATIVE TACTICS OF YOUTH SLANG USE ON THE GERMAN LANGUAGE MATERIAL	76
Zorkina (Kulakova) K.V.	76
FELICITARY META-PLOT IN THE XIX CENTURY RUSSIAN LITERATURE	91
Ibatullina G.M., Mishina G.V., Rad E.A., Staritsina Yu.A.	91
THE SEMANTICS OF GRAMMICAL PARALLELISM CONSTRUCTIONS IN THE OLD RUSSIAN ORATORICAL PROSE	116
Kalinin K.A.	116
FIGURATIVE FEATURES OF THE “DEER” CONCEPT IN THE EVEN LANGUAGE WORLDVIEW	128
Kuzmina R.P.	128

EXPRESSIVENESS OF THE GERMAN PUBLICISTIC TEXT AT THE SYNTACTIC LEVEL	
Lovyannikova V.V., Kolieva I.G., Demidovich E.S.	138
WORD IMAGEABILITY PARAMETER WITHIN THE PROTOTYPE THEORY	
Natpit A.A.	155
ON PARADIGMATIC LINKS IN THE FORMATIVE FAMILIES WITH THE TOP AI IN THE EVEN LANGUAGE	
Nesterova E.V.	166
SIMPLIFIED TECHNICAL ENGLISH AS A MEANS TO REDUCE AVIATION MAINTENANCE ERRORS	
Osadchaya S.V.	177
UNDERSTANDING AND INTERPRETATION AS STAGES OF POETIC TEXT TRANSLATION PROCESS	
Pavlenko A.I.	190
THE GREAT SINNER MYTH IN THE NOVELS STUDENTS AND INEXTINGUISHABLE LIGHT BY D.I. STAKHEYEV	
Ramazanova L.M., Sharafutdinova E.M., Sadrieva Yu.I., Bozhkova G.N.	205
ONLINE PETITIONS AS AN ACTUAL PROTEST COMMUNICATION PRACTICE (WITH REFERENCE TO POSTULATES OF HARVARD LAW SCHOOL OF CONFLICT MANAGEMENT)	
Rebrina L.N.	223
RUSSIAN-SPEAKING ONLINE PETITIONS AS ACTUAL PRACTICE OF PROTEST COMMUNICATION: SYSTEMIC-COMMUNICATIVE DIMENSIONS	
Rebrina L.N., Terent'eva E.V.	246
DERIVATIONAL POTENTIAL OF NOUNS (ON THE MATERIAL OF THE EVEN LANGUAGE)	
Savvinova S.N.	265
PECULIARITIES OF WORD-FORMATION OF PROFESSION NAMES IN THE EVEN LANGUAGE	
Savvinova S.N., Sadovnikova I.I.	274
RUSSIAN HISTORICAL CULTURE-SPECIFIC WORDS IN THE WORKS OF HENRI TROYAT IVAN THE TERRIBLE AND BORIS GODUNOV	
Sadivova N.	284

SEMANTICS OF COLLOCATIONS WITH THE GENERAL MEANING «THE RICH AND THE POOR» IN THE RUSSIAN LANGUAGE Tarasova A.S.	301
FUNCTIONAL AND SEMANTIC FEATURES OF LAUGHTER AND CRYING FIGURATIVE COMPARISONS Tovkaylo Yu.A.	323
REPRESENTATION OF PROFESSIONAL MEDICAL COMMUNICATION IN LITERARY TEXT (ON THE VERBATIM DOC.TOP. ZAPISKI PROVINTSIAL'NOGO VRACHA BY ELENA ISAEVA) Shilnikova O.G., Vasileva S.S., Ovechkina E.A.	344
WORD-FORMATION INVARIANT AS A MEANS OF SYSTEMATIZATION OF DERIVED TERMINOLOGICAL VOCABULARY Shontukova I.V.	361
RULES FOR AUTHORS	374

Подписано в печать 30.06.2020. Дата выхода в свет 20.07.2020. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 27,36. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP121/020. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.